

А. К. Нефёдкин

**ВОЕННОЕ
ДЕЛО
ЧУКЧЕЙ**

**СЕРЕДИНА XVII-
НАЧАЛО XX В.**

УДК 397(571.651)
ББК Т52(251.1-Чу)-518

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(проект № 02-01-16032д)*

*Рецензенты: канд. ист. наук В. И. Дьяченко, канд. ист. наук Е. А. Михайлова
(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого)*

Нефёдкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII—начало XX в.). —
СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2003. — 352 с. (Ethnographi-
ca Petropolitana, X).

Н58

Настоящее издание рассматривает различные стороны военного дела чукчей на всем протяжении известной нам по письменным и другим источникам эпохи начиная со второй половины XVII в., когда чукчи впервые столкнулись с сибирскими казаками, и вплоть до начала XX в., когда еще происходили столкновения на почве кровной мести. Привлекаются сведения о соседних народах, азиатских и американских эскимосах, коряках и русских, что позволяет лучше раскрыть особенности военного дела чукчей. Книга является первым в историографии трудом, посвященным военному делу чукчей. Она будет полезна не только специалистам-этнографам, но и самому широкому кругу читателей, интересующихся военным делом.

На первой странице обложки: Чукотский воин XVIII в. Реконструкция.
Рисунок А. В. Козленке.

Героическому чукотскому народу посвящается

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	8
Введение	10
Хронология событий	18
Природные условия, общественный уклад, военная организация	31
Вооружение, снаряжение, средства передвижения	50
Защитное вооружение	51
Наступательное оружие	78
Неспециализированное, или случайное, оружие	103
Огнестрельное оружие	109
Комплекс вооружения	111
Одевание	114
Средства передвижения на войне	118
Ведение войны	130
Война и мир	130
Стратегия	140
Бой	156
Судьбы врагов	174
Использование собак в военных целях	178
Осада и оборона	181
Оборона и осада у оленных чукчей	181
Осада и оборона у оседлых чукчей и азиатских эскимосов	189
Война на море	196
Культовая сторона войны	204
Заключение	215
Приложение I. Некоторые аспекты военного дела казаков Восточной Сибири в середине XVII—первой половине XVIII в.	220
Приложение II. Фольклорные материалы	251
Чукотские героические сказания	251
Корякское сказание	288
Эскимосские героические сказания	291
Список сокращений	315
Список использованной литературы	317
Summary	339

ОТ АВТОРА

Чукчи в нашем сознании ассоциируются с героями бытового фольклора, однако практически никто не знает, что этот мужественный народ почти полтора века отстаивал свою независимость и разбивал российские колониальные войска. Впрочем, в данной книге речь пойдет не о военной истории, основные вехи которой заинтересованный читатель найдет в хронологической таблице, а о военном деле. Признаюсь, что я не чукчевед и не северовед, и даже не этнограф, а военный историк или, точнее, полемолог. Я исследую войну во всей совокупности ее факторов, и это весьма помогало мне в работе. Данная монография — это, по существу, первая в историографии книга, специально посвященная военному делу чукчей. До сего времени, насколько мне известно, имелось лишь несколько статей о военном деле этносов северо-востока Сибири. Настоящая работа ни в коей мере не претендует на полноту охвата материала заявленной темы, акцент в ней делается на описании различных сторон военного дела, а не на анализе его. Книга должна послужить основой, базой для дальнейшего изучения военного дела как чукчей, так и других народов Северо-Восточной Сибири. В процессе дальнейшей работы различные аспекты военного дела значительно пополнятся фактологическим материалом, какие-то предположения подтвердятся, а какие-то отпадут.

В заключение мне хотелось бы поблагодарить канд. ист. наук А. С. Зуева (Новосибирский государственный университет) за ценные замечания, высказанные им по сюжетам, касающимся чукотско-русских отношений, д-ра филол. наук Н. Б. Бахтина (Институт лингвистических исследований РАН), канд. филол. наук Е. В. Головки (Европейский университет в Санкт-Петербурге) и А. Г. Курилова (Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена), по-

мотавших мне в разработке темы, моих рецензентов канд. ист. наук В. И. Дьяченко и канд. ист. наук Е. А. Михайлову (МАЭ), высказавших ряд замечаний, которые способствовали улучшению текста книги. Естественно, ответственность за содержание книги лежит на авторе.

ВВЕДЕНИЕ

С начала остановимся на характеристике основных источников по военному делу чукчей. Их можно разделить на две большие группы — источники материальные и нарративные. К первой группе относятся археологические находки, этнографические коллекции музеев, причем как сами реальные предметы, так и иконографический материал.

Археология крайнего северо-востока Азии еще сравнительно молода и имеет много различных проблем, среди них можно выделить сложности датировки (из-за особенностей залегания археологических слоев) и этнической атрибуции находок. Однако именно археология позволяет проследить в общих чертах генезис различных видов вооружения и фортификации, а также материалы, из которых изготовлялось оружие. Среди музейных коллекций, содержащих богатый чукотско-эскимосский материал, следует выделить Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) и Российский этнографический музей (РЭМ) в Санкт-Петербурге. Музейные собрания обладают значительным количеством наступательного и оборонительного вооружения и воинской одеждой, что дает нам реальное представление об облике и снаряжении чукотского воина в XVIII—XIX вв. Отдельно надо выделить иконографический материал, представленный как рисунками путешественников, так и собственно чукотско-эскимосскими изображениями, в основном резьбой по моржовому клыку. Данная форма искусства информирует нас не только о комплексе вооружения воинов, но и о некоторых тактических особенностях. К сожалению, насколько мне известно, европейцы не оставили изображений батальных сцен с участием чукчей, тогда как рисунки боев из самой Чукотки, выполненные в конце XIX—XX в., показывают нам лишь представления о войнах прошлого людей данного времени. Что-

бы в этом убедиться, достаточно посмотреть на изображения доспехов и сравнить их с сохранившимися экземплярами (см.: Антропова 1957: рис. 34—35; Широков 1968: рис. 7—9). Хотя, повторяюсь, определенную информацию об оружии, комплексе вооружения и о тактике мы все же можем тут почерпнуть.

К письменным источникам относятся записи фольклорного материала, различного рода официальные документы и записки путешественников. Естественно, основным источником для изучения выбранной темы является фольклор. Именно в устном народном творчестве мы можем найти такую информацию, которая или вообще не встречается, или недостаточно освещена в других видах источников, — это свидетельства о стратегии и тактике, о способах ведения боя, об использовании различных видов оружия, это боевой этос и т. д. В целом сказок, имеющих военные сюжеты, не так много в сравнении с общим количеством записанного материала¹. Героический эпос, у других народов содержащий наиболее полный набор сведений о военном деле, у чукчей лишь формировался, — это цикл сказок о русском военачальнике Якунине, о южночукотском герое Кунлелю и о богатыре Эленди и его сыновьях. Небезынтересны и сказания азиатских эскимосов о войнах как между собой («Как уназикские воевали с сивукакскими», «Нуагмитский кит» и т. д.), так и с соседними народами («Виютку-предводитель», «Сражение науканцев с иноплеменниками» и т. д.). Следует отметить, что в фольклорных сказаниях народов северо-востока Азии не слишком много чисто фантастических элементов — они реально отражают действительность или, по крайней мере, понимание ее людьми более позднего времени. Сказка обычно фиксирует свое внимание на главном герое и его окружении, часто наделяя их качествами богатырей, при этом подчас трудно определить, реальные это качества или гиперболизированные (Беликов 1956: 15). Естественно, на интерпретации сюжета сказывалось и мировоззрение рассказчика, который вольно или невольно мог вносить в него некие нюансы, сглаживающие неудобные, с его точки зрения, углы. Причем в сказаниях, записанных во второй четверти XX в., особенно чувствуется миропонимание рассказчика, некая «гуманизация» повествования, наделение героя положительными качествами, а врагов — сугубо отрицательными,

¹ Например, среди 216 текстов, собранных В. Г. Богоразом, лишь в 20 рассказывалось о войнах (Беликов 1956: 8, 14). В сборнике Е. С. Рубцовой (1954) из 45 эскимосских сказок лишь в одной (№ 16) рассказывается о набегах врагов и о военных действиях, в собрании же сиренинского фольклора Н. Б. Бахтина (2000) лишь четыре сказки из 77 имеют батальные сюжеты. Создается впечатление, что чукотский фольклор более «воинствен», чем эскимосский, а в последнем больше батальных сюжетов в сибирских сказках, чем в аляскинских.

тогда как в материалах начала XX в. это полярное понимание не так заметно, там и положительный персонаж мог быть убийцей и насильником, то есть обладать негативными, с нашей точки зрения, качествами. В целом, как отметил сибиревед И. С. Вдовин (1970: 23), «исторические предания, героические сказания народов Северо-Востока Сибири содержат весьма обширный исторический материал, в значительной своей части вполне надежный и точный» (ср.: Меновщиков 1964: 2; Беликов 1965: 168). Если судить по событиям, обычно псевдоисторическим, то основная масса информации в сказаниях относится к достаточно позднему периоду — к XVII—XVIII вв. Хотя сами события, о которых идет рассказ, могли происходить в иной исторический период, однако реалии сказки должны быть приближены ко времени рассказчика, чтобы его поняли слушатели.

Следующая группа письменных источников — исторические документы — датируется в основном второй половиной XVII—XVIII в. Это «сказки» (отчеты) и челобитные казаков, документы ясачного сбора, указы властей, наказы посылаемым в экспедицию, донесения и записки воевод (позднее — губернаторов), составленные на основании последних записки-справки и указы Сената и т. д. Сюда же входят и записки чиновников (датируемые главным образом второй половиной XVIII в.), в которых для вышестоящих инстанций кратко излагались быт и нравы местных народов. Особенно много документов хранится в Российском государственном архиве древних актов в так называемых «Портфелях Миллера» (ф. 199), среди них можно также выделить документы профессионального военного капитана Т. И. Шмалева, коменданта Гижиги в 1770-х гг., часть этих документов была уже опубликована (Голицын 1899: 35—40; Андреев 1965: 140—141). Естественно, в данной группе документов информация о военном деле мелькает лишь между прочим, хотя сами исторические события описываются неплохо. Конечно, тут присутствует и субъективизм описаний, особенно в информации о военных действиях. В частности, иногда явно завышена численность противников. Это происходило, с одной стороны, оттого, что врагов всегда кажется больше, чем есть, а с другой — вследствие стремления военных преувеличить значение своей победы или объяснить причину поражения. Так, например, в записках о гибели отряда майора Д. И. Павлуцкого (1747) численность врагов-чукчей указывается участниками боя то в 400, то в 500 (КПЦ. № 65-2: 170; № 65-3: 171), а то и в 600 воинов (КПЦ. № 66: 173). Разброс в числах, как видим, большой — 150 %.

Большое количество материала мы можем найти в описаниях путешественников, бывавших в этом регионе. В них в основном содержатся этнографические описания оружия и одежды

воинов, то есть того, что в первую очередь бросалось в глаза, намного меньше информации можно найти по другим областям военного дела. Среди работ этой группы следует выделить сочинение доктора и естествоиспытателя К. Г. Мерка, который в 1789—1792 гг., будучи участником экспедиции капитана И. Биллингса, собрал и описал с чисто немецкой скрупулезностью нравы и обычаи чукотского народа, в том числе и военные (Мерк 1978; см.: Иванов 1978: 42—43). В данной работе мы найдем не только сведения по одежде и вооружению, но даже очень краткие замечания по тактике. Ведь К. Мерк писал, так сказать, по свежим следам, когда период войн XVIII в. только что закончился и участники боевых действий могли компетентно информировать автора. В целом вся информация путешественников, а позднее — этнографов, относится к XVIII (главным образом ко второй половине столетия)—первой трети XX в.

Работы В. Г. Богораза (1901: 28—33; 1934: 164—184; 1991: 88—101), где вкратце затрагиваются вопросы военного дела чукчей, являются как бы переходными от чисто этнографического описания к исследованию. С одной стороны, автор, работавший среди чукчей в составе Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова (1895—1898), и в российско-американской Северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона (1900—1901), организованной антропологом Ф. Боасом, выступает в качестве первоисточника и информатора, а с другой стороны, его работы — это научные исследования, анализирующие данный материал (см.: Колесницкая 1971: 139—148, 153—159). В. Г. Богораз рассматривал военное дело как одну из тем, не выделяя ее особо и поэтому говоря о ней весьма кратко. Ведь военное дело для этнографа было, скорее, второстепенным сюжетом по сравнению с другими темами. Наиболее полное описание вооружения и иллюстрации мы найдем в его книге, посвященной материальной культуре чукчей (Богораз 1991: 88—101). Вместе с тем, В. Г. Богораз отразил часть своих наблюдений, не вошедших в его научные работы, в художественных произведениях на сюжеты из жизни народностей северо-востока Сибири (например: Тан-Богораз 1979; 1979а; см.: Беликов 1967: 84; Степанов 1967: 71—79).

В отечественной историографии имеется лишь одна опубликованная фундаментальная статья (точнее, монография в форме статьи) сибиреведа В. В. Антроповой (1957), специально посвященная военному делу народов северо-востока Сибири. Однако, как отмечает сама исследовательница, она могла «разобрать только некоторые вопросы данной обширной темы» (Антропова 1957: 226). В работе автор стремилась охватить всё, что известно о военном деле юкагиров, чукчей, эскимосов, коряков и ительменов (военная организация, анализ характера конфликтов, воо-

ружение, укрепления, способы ведения войны, тренинг). Таким образом, работа получилась сделанной по принципу: «всё обо всем». Военное дело В. В. Антропова, как истинный марксистский исследователь, рассматривает с точки зрения социальной организации, уделяя главное внимание этому сюжету. Естественно, никто не будет отрицать того громадного влияния, какое оказывает социальная организация на комплектование, систему командования и вооружение армии. Но при этом на развитие военного дела этноса сильно воздействуют и другие факторы: наличие технологической базы, способы ведения войны противником и т. д. На сегодня данная работа нуждается в серьезных дополнениях, ведь значительная часть фольклорного материала чукчей и эскимосов была опубликована уже после выхода ее в свет. Впрочем, это никоим образом не влияет на общую высокую оценку труда.

О военном деле можно найти некоторую информацию и в более общих трудах по истории и этнографии чукчей, в частности в работе И. С. Вдовина (1965). Однако сведения тут весьма краткие. Естественно, и в работах, посвященных оружию народов Восточной Сибири, есть информация о нашем сюжете (Ухтомский 1913; Мальцева 1968; Глинский 1986; 1987; 1989).

Зарубежная историография также весьма невелика. В 1903 г. Б. Ф. Адлер издал культурологическую концептуальную статью о луке и стрелах в Северной Азии, географически охватив регион от Китая и Японии до Чукотки и Аляски. Данная работа базировалась на немецкой диссертации автора и его статье.

Следует упомянуть и зарисовку Г. Финдайзена, рассказывающую о некоторых аспектах военного дела народов Северо-Восточной Азии (чукчей, ительменов, гиляков, сроков и айнов). Информация о чукчах взята автором из описаний М. Созра и В. Г. Богораза и не имеет самостоятельной научной ценности (Findeisen 1929/30).

Для сравнительного анализа военного дела сибирских и аляскинских эскимосов большое значение имеет исследование американского антрополога Э. С. Бёрча, который работал среди эскимосов инупик около залива Нортон (Западная Аляска) в 1969—1970 гг. и записал свидетельства детей и внуков людей, принимавших участие в боевых действиях ранее 1880 г. (Burch 1974). Здесь мы найдем подробнейшее описание всех стадий проведения боевых действий — набегов, характерных для обитателей Аляски, и других ситуаций, случавшихся на войне. Присутствуют также различные детали ведения кампании, не сохранившиеся в фольклоре Чукотки, где крупные по местным масштабам войны прекратились намного раньше².

² Как показали П. Швайццер и Е. В. Головки (2001), на побережье Аляски память о набегах азиатов более свежа благодаря привязке исторических событий к ландшафту местности (ср.: Burch 1998: 127—128, 221—230).

Несмотря на настороженное отношение специалистов к работам французского североведа Ж. Малори, следует упомянуть одну из его статей, которая с социологической точки зрения рассматривает положение воинов и рабов, способы проведения набегов, тактику, вооружение народов Чукотки и Аляски (Malaurie 1974). Автор приводит интересные сведения о различных аспектах военного дела эскимосов, полученные им от устных информаторов с Аляски в 1960—1970-х гг. Данные же о сибирских народах приводятся им в качестве сравнения. Сведения Ж. Малори удачно дополняют информацию Э. Бёрча, в результате чего создается полноценная и весьма компетентно описанная картина способа ведения войны аляскинскими эскимосами.

В западной историографии исследовалось и вооружение чукотских этносов. Так, статья американского антрополога Дж. Ванстоуна посвящена анализу доспешного комплекса азиатских эскимосов, хранящегося в Полевом музее естественной истории в Чикаго. В работе автор сопоставляет этот доспех с пятью другими сохранившимися бронями с крыльями, происходящими с Чукотки и с о. Св. Лаврентия, после чего переходит к использованию их в бою (VanStone 1983)³.

Итак, можно констатировать, что основными направлениями в изучении выбранной темы являются рассмотрение различных видов оружия (Д. Э. Ухтомский, Н. А. Мальцева, Дж. Ванстоун, Е. А. Глинский) и общие очерки военного дела чукчей в этнографических работах об этом этносе (В. Г. Богораз, И. С. Вдовин) и в статьях, посвященных характеристике военного дела народов региона (Г. Финдайзен, В. В. Антропова, Ж. Малори, У. Шеппард). Однако монографическому исследованию, способному осветить все или, по крайней мере, большинство аспектов военного дела чукчей, данная тема еще не подвергалась.

Основная задача настоящей работы состоит в сборе и начальном анализе сведений о военном деле чукчей и, следовательно, в более подробном воспроизведении общей картины способа ведения войны, а также во взгляде на военное дело чукчей с военной же точки зрения в общем контексте военно-исторического развития. Данная работа должна послужить определенным базисом для дальнейших исследований военного дела народов региона.

Поскольку большая часть чукчей являлась кочевниками-оленьеводами, то основной блок материала относится к ним. Вследствие того что оседлые чукчи имели идентичную с азиат-

³ К сожалению, более ранняя работа об американских доспехах осталась мне недоступной: Hough W. Primitive American Armor // Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for the Year Ending June 30, 1893. Washington, 1895. P. 625-651.

скими эскимосами материальную культуру и способы ведения войны, то и сведения об этих двух этносах нужно было разобирать вместе (ср.: Антропова 1957: 113—114). Естественно, данные свидетельства рассматриваются более кратко, поскольку я отмечал в основном различия в военном деле оседлого и кочевого населения. Кроме того, для этой работы необходимо было привлечь и материалы по эскимосам западного побережья Аляски, которые генетически связаны со своими азиатскими сородичами, что давало возможность сравнивать их военное дело и выявлять особенности военного развития первых. При подобном сравнении ясно видно взаимовлияние соседних этносов, главным образом чукчей на эскимосов и наоборот. Следует отметить, что в книге чукчами я называю именно чукчей, тогда как в цитированных документах XVII—XIX вв. под «сидячими» (приморскими) чукчами подразумевались как эскимосы, так и собственно оседлые чукчи (ср.: Вдовин 1944: 262). Если речь идет об эскимосах, то это обычно оговаривается.

Хронологические рамки данной работы ограничены серединой XVII в. и началом XX в. Верхняя граница работы обусловлена появлением первых письменных данных, ведь именно во второй половине XVII в. появились документальные свидетельства, в основном отписки казаков. Важнейшие же этнографические и фольклорные материалы рассказывают о событиях XVIII в. Основные войны чукчей с соседями (главным образом с коряками и русскими) прекратились в конце XVIII в., но еще в первой четверти XX в. иногда возникали индивидуальные и межсемейные ссоры и стычки, в которых, к примеру, стороны использовали навыки осады и обороны (ср.: Ресин 1888: 175; Козлов 1956: 64). Это обуславливает нижнюю границу работы. К сожалению, из-за недостатка информации мы не можем проследить развитие некоторых аспектов военного дела за описываемый период. Поэтому для составления полной картины более подходящим казался подход, основанный на доверии к фольклорным источникам, нежели критический⁴. Основными же ориентирами для датировки военного развития могут служить работы К. Мерка (конец XVIII в.) и В. Г. Богораза (рубеж XIX—XX вв.).

В работе использовано большое количество цитат. Я достаточно ясно осознаю, что их обилие может вызвать определенные нарекания со стороны читателей. Однако цитаты передают дух

⁴ Поскольку переводы чукотских и эскимосских текстов сделаны крупнейшими специалистами-сибироведами, хорошо ориентировавшимися в материале, а зачастую просившими рассказчика пояснить неясный пассаж, то данную работу я построил на принципе доверия к переводу, хотя отчетливо сознаю, что некоторые нюансы могли быть неверно истолкованы или поняты ими

эпохи и отношение рассказчика к их содержанию, поэтому я стремился не пересказывать уже существующие тексты, но выбрать наиболее яркие пассажи, иллюстрирующие те или иные сюжеты.

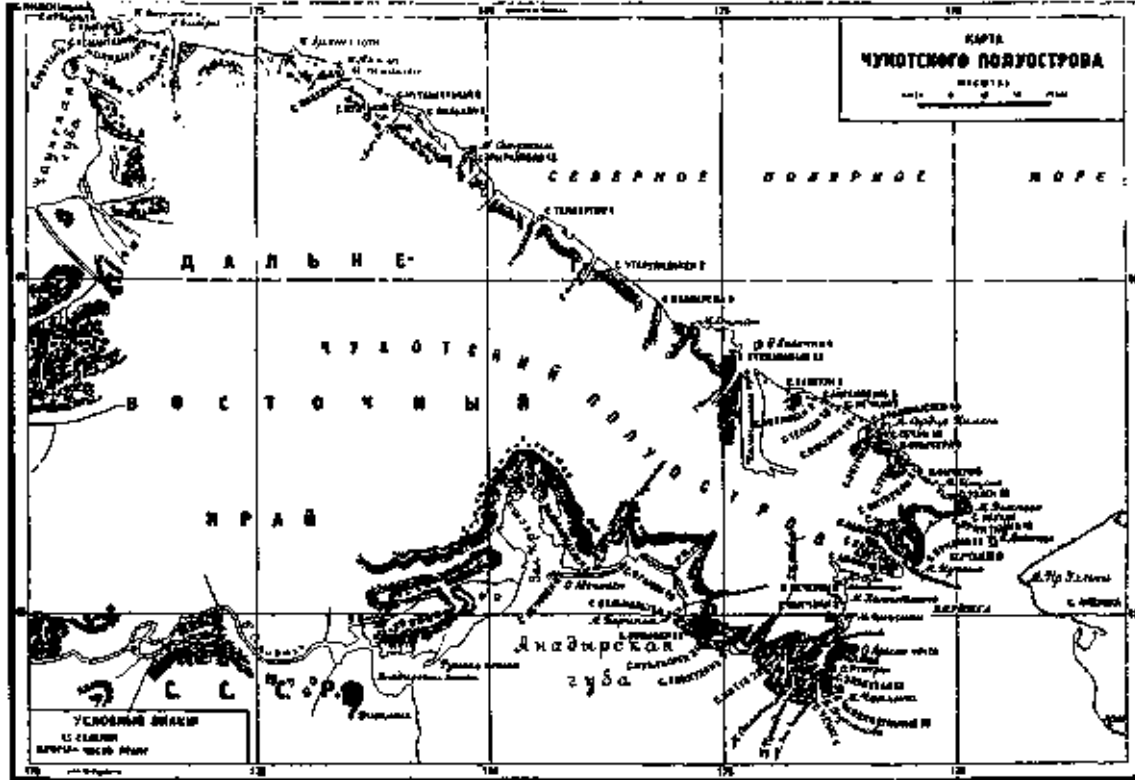
В качестве приложения казалось полезным добавить тексты некоторых сказаний (часть из них специально были переведены на русский язык), иллюстрирующих особенности военного дела как самих чукчей, так и их соседей эскимосов. Также показалось нужным добавить к работе описание важнейших элементов военного дела восточносибирских казаков (середина XVII—XVIII в.) — главных противников чукчей, наглядно показывающее эволюцию способов ведения войны обеими противоборствующими сторонами.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

Чукчи около полутора ста лет сражались за свою независимость с русскими землепроходцами, казаками и даже с солдатами, которым так и не удалось покорить их силой. Это объяснялось как объективными, так и субъективными причинами. Вот как в донесении в тобольскую канцелярию (1732) характеризовал этот народ его непримиримый противник капитан Д. И. Павлуцкий (он послужил прообразом негативного персонажа чукотского фольклора, чьим именем чукчанки пугали своих детей): «Чукчи — народ сильный, рослый, смелый, плечистый, крепкого сложения, рассудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана, мстительный, а во время войны, будучи в опасном положении, себя убивают. Стреляют из луков и бросают камни, но не очень искусно» (Сгибнев 1869: 30)¹. Как мы увидим, капитан (позднее — майор) очень верно отразил особенности физического сложения, этнической психологии и военного дела чукчей.

На северо-востоке Сибири, как и везде, наиболее воинственными были кочевники, а среди них своими боевыми качествами выделялись чукчи-оленоводы, которые разбивали не только ополчения местных народов, но и колониальные войска Российской империи. Участник «физической» экспедиции в Сибирь (1768—1774) И. Г. Георги дал чукчам такое описание: «Они наравне с странюю своею крайне дики, суровы, необузданны и жесточае всех сибирских народов... Двадцать чукчей прогонят верно пятьдесят человек коряков...» (Георги 1777: 81—82; ср.: Крашенинников 1949: 450; 728, примеч. 1; Хан 1863: 253). Действительно, кочевые чукчи были самым воинственным этносом

¹ Из новейших же статей, написанных в духе апологии, см например Бушнев 1995.

Карта Чукотского полуострова (1924—1925). Воспроизведено по Галкин 1929 вклейка в конце книги

в регионе, вторыми же по своим боевым качествам являлись оленные коряки.

Какие военные события происходили до прихода россиян в регион, можно лишь предполагать на основании свидетельств фольклора и археологических данных. В частности, в преданиях сохранилось свидетельство о большой войне чукчей с коряками, в которой последние были побеждены, а оставшиеся в живых спаслись в лесах, затем же оленные коряки опять размножились и вступили в новую конфронтацию с чукчами, в это время в регионе и появились русские (Мамышев 1809: 22; Нейман 1872. № 1: 34). Сначала казаки просто пытались наложить на чукчей ясак, который требовался от других сибирских народов, но чукчи не желали ничего платить, а тем более давать заложников непонятно за что невесть откуда взявшимся пришельцам. В следующем, XVIII столетии основным источником конфликтов в регионе была вражда оленных чукчей и кочевых коряков. За последних, как за своих подданных, вступаются русские власти, они направляют ряд карательных экспедиций против оленных и оседлых чукчей. Это была типичная колониальная война, которая велась небольшими отрядами россиян, привлекавших в свое войско и туземное население со своими оленями. Обычно экспедиционный отряд состоял из нескольких десятков русских, вооруженных огнестрельным оружием, и нескольких сотен туземцев, вооруженных луками. Всего, по подсчетам А. С. Зуева (2001a: 84), во второй половине XVII—первой четверти XVIII в. произошло, по крайней мере, 23 вооруженных столкновения русских с чукчами. Война велась с эксцессами с обеих сторон, упоминание о которых можно найти как в чукотском фольклоре, так и в российских документах. Естественно, ни о каком гуманизме в XVII—XVIII вв. речи не могло быть — такова была эпоха. Вспомним хотя бы, что в казаки — основную военную силу сибирских властей той эпохи — из-за нехватки людей рекрутировались ссыльные, беглые, а то и просто искатели приключений. Можно представить, как относились эти «господа» к инородцам!

Итак, чукчи и находящиеся восточнее их на побережье азиатские эскимосы так и не были покорены российскими властями силой и вошли в состав Российской империи лишь номинально в конце XVIII в., платя ясак по своему желанию. Почему? Очевидно, существовал целый комплекс причин, объясняющих данную ситуацию. Во-первых, это удаленность Чукотки от основных центров и сложность переброски сюда провианта, оружия и войск. Во-вторых, постоянная нехватка в Восточной Сибири средств, как людских, так и материальных (вспомним хотя бы упразднение Анадырского острога из-за его нерента-

бельности). В-третьих, суровые климатические условия: страшный холод зимой и тучи мошкеры летом. В-четвертых, отсутствие особых стимулов для проникновения русских на территорию Чукотки: соболя тут нет, полезные ископаемые не были разведаны, можно было добывать лишь ценные моржовые клыки да бивни мамонта. В-пятых, отчаянное сопротивление чукчей завоевателям. Будучи в подавляющем большинстве кочевниками, они, не желая сражаться, могли просто откочевывать при приближении врагов, становясь трудноуловимыми. Чукчи, как мы далее увидим, хорошо приспособились к тактике казаков и умели с ними воевать, то есть их военное искусство также сыграло свою роль в отстаивании свободы. В-шестых, сама социальная структура туземцев создавала сложность для их покорения: тут не было центральной власти, которая могла заключить мир или объявить войну, поэтому колонизаторам нельзя было, сосредоточив свои силы на главном направлении, захватить в плен великого вождя Монтесуму или сапа инку Атагуальпу и продиктовать ему кабальные условия мира. Здесь каждая семейная община действовала на свой страх и риск, координируя при необходимости свои действия с соседями и, шире, с соплеменниками. Это тем более значимо, что чукчи предпочитали не вступать в союзы с иноплеменниками, за исключением эскимосов. Так, например, во время корякского восстания (1745—1756) они отвергли предложение коряков объединиться и пойти походом на русских.

Из-за всех этих причин карательные экспедиции россиян не приводили к кардинальному изменению положения и постановке чукчей под высокую руку государя, поэтому сибирские власти уже с середины XVIII в. были вынуждены сменить «кнут» на «пряник» и договариваться с противником, стараясь не обращать внимания на их набеги. К последней четверти XVIII в. чукчи уже остро нуждались в российских товарах, посему и примирение было взаимовыгодным. Что не могли сделать ружья и пушки, сделали табак, водка и эпидемии: чукчи постепенно утратили былую воинственность. Однако сибирские власти воздерживались от вмешательства во внутренние дела чукчей, среди последних не было царской администрации, они жили по своим племенным обычаям, сохраняли традиционные верования. Впрочем, былая вражда все же давала о себе знать: некое отчуждение и боязнь чукчей существовали у русских, живших в Восточной Сибири, даже в третьей четверти XIX в. (Суворов 1867: 17—18; ср.: Кибер 1824: 116—117; Аргентов 1857а: 15—16; Нейман 1871. Т. I: 17), а именем чукчей пугали детей (Нейман 1877. № 3—4: 89). Лишь после Октябрьской революции, в конце 1920—начале 1930-х гг., на Чукотке произошли коренные социально-экономи-

ческие преобразования, которые привели к кардинальным изменениям в укладе жизни местного населения.

История войн с чукчами, длившихся с середины XVII до последней четверти XVIII в. еще ждет своего досконального исследователя, задача же настоящего хронологического обзора состоит лишь в показе общей канвы событий, по которой читатель может представить напряженность борьбы. Что было до середины XVII в., мы, как уже говорилось, можем лишь догадываться по глухим воспоминаниям, сохранившимся в фольклоре. Конкретные же исторические события можно восстановить лишь после появления информации о них в письменных источниках.

Для удобства восприятия информации о войнах чукчей с другими этносами сведения о них объединены в таблицу. При чтении таблицы следует иметь в виду численность населения и отрядов в Восточной Сибири. Самих чукчей насчитывалось приблизительно десять тысяч человек, а в якутском казачьем полку, контролировавшем Восточную Сибирь, было около 1500 служилых (1727). Этим объясняется и незначительное, по нашим меркам, количество казаков в экспедиционных отрядах. Для увеличения отрядов привлекались торговые и промышленные люди, а также воины ясачных туземцев. Поскольку в племенном обществе боеспособные мужчины составляли пятую или четвертую часть населения, то войско в 2000 человек соответствовало по численности гигантскому воинству Ксеркса в 480 г. до н. э. или армии Наполеона в 1812 г.

Военно-политическая история чукчей

Дата	Событие
1642	Казак Д. М. Зырян (Ярило) с 15 товарищами впервые встретил на р. Алазее, к западу от Колымы, чукчей из тундры, сопровождавших юкагиров. Требование казаков платить ясак чукчи и юкагиры отвергли (Оглоблин 1903: 54; Белов 1952: 58, примеч. 1; Иванов 1999: 102)
1644	Возведено Нижнеколымское зимовье — база для дальнейшего продвижения на Восток
1648, 20 сентября (по ст. ст.)	С. И. Дежнев во время своей экспедиции столкнулся на Чукотском Носу с «пешими чукчами»
1648, 26 ноября— 23 декабря (по ст. ст.)	Поход из Нижнеколымска И. Б. Пинеги с целью получения ясака от «князцов» немирных чукчей Ауну и Тыке. Покупка пяти моржовых бивней. При возвращении назад 30 чукчей подошли на полмили к зимовью, с запада от Колымы (Белов 1952. № 76: 217; Гурвич 1966: 48)

Дата	Событие
1649	Создание С. И. Дежневым на месте будущего Анадырского острога зимовья (заложен в 1659—1660 г.), служившего русским базой для продвижения на север, на Чукотку (Орлова 1951. № 159: 398-399; Вдовин 1959: 23-24)
1649	Три похода нижеколымских казаков на чукчей. Два первых похода были неудачны, до врагов не дошли; во время же весеннего похода 12 казаков нашли у моря в тундре «юрты», где и произошел бой, причем один служилый был смертельно ранен (ДАИ. 1848. Т. III, № 56: 212; 1851. Т. IV, № 4: 8; Гурвич 1966: 48; ср.: Вдовин 1965: 103)
1650	Поход на чукчей нижеколымских казаков во главе с М. Стадухиным (ДАИ. 1867. Т. IV, № 4: 8; Вдовин 1965: 103; Гурвич 1966: 48)
1653	Более 200 чукчей осадили Нижнеколымское зимовье, используя осадные щиты, но казаки их разбили (АИИ, ф. 160, № 383, ест. 75-76; Вдовин 1965: 104)
1653	Поход Ю. Селивестрова на чукчей, так как они в устье Алазеи «побили» русских торговых и промышленных людей (Вдовин 1944: 254; 1965: 104)
1656	Чукотский «князец» Мита был взят в плен и отдан заложником в Нижнеколымск, но затем отпущен в обмен на троих своих родственников, однако осенью он напал на ясачных юкагиров, несущих ясак на зимовье (КПМГЯ. № 25: 64; Вдовин 1965: 104)
1659	Чукчи напали на русских около Нижнеколымска во время рыбной ловли, убив двоих и ранив троих, после чего отряд, состоящий из 19 служилых и «охочьих» людей и около 150 юкагиров, отправился в поход на врагов (КПМГЯ. № 25: 64; Вдовин 1944: 258; 1965: 104)
1660, июнь-сентябрь	Приказчик из Анадырска К. А. Иванов с 22 служилыми и промышленными людьми направился на одном коче на промысел «моржового зуба» по реке Анадырь к Чукотскому Носу. Двухдневный бой с приплывшими на 10 байдарх чукчами, которые были разбиты и обращены в бегство. На южном берегу Чукотки (бухта Провидения?) еще один бой с оленными чукчами, затем поворот назад (Белов 1952. № 102: 269; 1956: 526)
1662	Чукчи осаждают Нижнеколымск, убивают на рыбных промыслах русских и юкагиров, чем был вызван поход на них М. Колесова (КПМГЯ. № 30: 69; Вдовин 1944: 254; 1965: 104)
1670-е гг.	Упоминание оседлых чукчей, плативших ясак Анадырскому острогу (Вдовин 1965: ПО)
1676	Недостаток служилых на Колыме для обороны от чукчей. Последние нападают на оставшихся без защиты юкагиров, убивая мужчин, уводя жен и детей, угоняя стада оленей; громят амбары и лабазы россиян (АИИ, ф. 160, № 665, ест. 36; КПМГЯ. № 190: 239; Вдовин 1944: 257)

Дата	Событие
1679	Служилые в Нижнеколымском зимовье (10 казаков) не могут выходить за дровами и на рыбную ловлю вследствие постоянной угрозы нападения со стороны чукчей (КГШГЯ № 192 241, Вдовин 1965 104, ср ДАИ 1862 Т VIII, № 3-4 9)
1682-1688	Набеги чукчей на юкагигов и русских в окрестностях Анадырска (ДАИ 1867 Т X, № 78-VI 351, ПСИ Кн 2, № 122 524, Гурвич, Кузаков 1960 43, Вдовин 1965 111)
1685	Чукчи хотели взять Нижнеколымское зимовье около которого убили 4 служилых и 18 ясачных юкагигов, служилые вследствие малочисленности не могут оборонять ясачных (АИИ, ф 160, №881, ест 40, ДАИ 1867 Т X, № 78-X 357, Вдовин 1944 254, 1965 104, Гурвич, Кузаков 1960 43)
1688, 6 декабря (по ст ст)	Нападение чукчей на спящий отряд анадырского приказчика (коменданта) пятидесятника В Ф Кузнецова, шедшего Олюторским морем на юг, россияне перебиты (Богораз 1934 44, Полевой 1976 132, Леонтьева 1997 60)
1692	Поход анадырцев во главе с приказчиком сыном боярским С Чернышевским к устью Анадыря на чукчей, «побито» 16 чукотских «юрт» (ПСИ Кн 2, № 102 433, Полевой 1976 132, Леонтьева 1997 59-60) ²
1702, апрель— июнь	Поход казаков во главе с А Чудиновым из Анадырска на чукчей в защиту ясачных юкагигов-ходынцев В нем участвовали 24 россиянина, 110 юкагигов и коряков Бой на Анадырском носу с 300 оседлыми чукчами, из которых более 200 было убито, а остальные бежали На следующий день бой в течение всего дня с отрядом, более чем 3000 оленных и оседлых чукчей, из которых многих «побили», потеряв ранеными 70 служилых и юкагигов Россияне, просидев в осаде пять дней, отступили в Анадырск (ПСИ Кн 2, № 122 525-526)
1708	Поход колымского приказчика И Енисейского за ясаком на «нсовых» чукчей, которые в очередной раз отказались платить дань, было «побито» 12 чукотских «юрт» (ПСИ Кн 2, № 102 435-436, Гурвич 1966 49, 1982 201)
1710	В январе к Нижнеколымску подошли чукчи, один из которых был взят в плен В этом же году «шалаги-чукчи» «побили» шестерых российских мореплавателей Д Бусурманова к востоку от Колымы (Богораз 1934 45, Вдовин 1972 102)
1711	Морской поход казаков во главе с П И Поповым из Анадырска на Чукотский полуостров за ясаком Очередной отказ чукчей платить дань, хотя некоторые оседлые жители ее все же дали (ПСИ Кн 2, № 108 456-459, КПЦ № 57 156-158)

² Возможно, осенью 1699 г состоялась направленная против чукчей экспедиция анадырцев к устью реки в защиту коряков и по их просьбе (Леонтьева 1997 109)

Дата	Событие
1725-1773	Около 50 набегов чукчей на кочевых коряков в основном с целью захвата оленей По данным канцелярии в Анадырске и позднее, в Гижиге в ходе этих набегов было захвачено 239 300 оленей, несколько сот женщин и детей Возможно, количество захваченных домашних оленей преувеличено потерпевшими ущерб коряками (Вдовин 1965 65 Гурвич 1982 204) ³
1727-1778	«Чукотская война» — серия военных действий российских отрядов, направленных центральной или местной властью Первый период войны (1727—1732) ознаменован походами А Ф Шестакова и Д И Павлуцкого Затем последовали постоянные набеги чукчей на коряков — подданных империи, вынудившие сибирские власти перейти в наступление, период 1742—1752 гг ознаменован активным наступлением россиян С 1755 г ввиду бесперспективности борьбы с чукчами начались активные переговоры, окончившиеся миром в 1778 г (Окунь 1935а 65-86, Зуев 1999а 134-138)
Август 1727-март 1730	«Партия» во главе с казачьим головой (полковником) А Ф Шестаковым должна была привести в подданство «немирных» коряков, а затем и чукчей Поход из Тауйского острога против «немирных» оседлых коряков Отряд состоял примерно из 150 человек, из которых 19 были русскими, а остальные — эвенками, эвенками, коряками и якутами (К.ПЦ № 60 160, Сбигнев 1869 12-15, Греков 1960 45-49, Зуев 1999, 2002 56-63) ⁴
1730, 14 марта (ст ст)	Отряд А Ф Шестакова, узнав о нападении чукчей на оленных ясачных коряков (около сотни из которых были убиты), двинулся на врагов Русские преследовали чукчей и столкнулись с ними у реки Егаче (позднее Шестаковка), впадающей в Пенжинскую губу Россияне потерпели поражение и потеряли самого А Ф Шестакова, дворянина Б Жертина, 10 казаков, 6 якутов, 11 ламутов и 1 коряка, чукчи захватили знамя, 12 фузей, 3 винтовки, 12 ручных гранат, 12 железных куяков и прочее (Зуев 2002 63, ср Сгибнев 1869 16)
1731, 12 марта—21 октября (ст ст)	Первый поход капитана Тобольского драгунского полка Д И Павлуцкого из Анадырска на Чукотку с большой по восточносибирским меркам армией (236 казаков, 280 коряков и юкагиров) с целью наказать немирных чукчей и отбить захваченных оленей ⁵ Захвачено 12 табунов, ружья, 12 железных куяков, вещи А Ф Шестакова, освобождено 42 коряка и 2 русских

³ И С Вдовин (1965 18, 65) считает, что было убито лишь около 45 000 животных

⁴ Л А Гольденберг (1985 43) на основании архивных данных отмечает, что из Тауйского острога вышло 107 человек 17 служилых, один писарь, 30 оленных эвенков, 30 охотских пеших эвенков, 10 якутов, 19 коряков (Зуев 2002 59) Г Майдель (1894 545) насчитывал в отряде А Ф Шестакова 23 казака, 48 эвенков, 20—30 коряков, 13 эвенков, 10 якутов

⁵ По сообщению Г Ф Миллера (1758 406), который собрал устные свидетельства об этом походе, в последнем принимали участие 215 россиян, 160 коряков и 60 юкагиров (об этом же числе говорит и А С Сгибнев (1869 28, ср Шукин 1852 6-10, 1854 421-426, Зуев 2001 20)

Дата	Событие
1731, 7 и 30 июня, 14 июля (ст. ст.)	Три фронтальных сражения капитана Д. И. Павлуцкого с чукчами: первое — на берегу Чукотского моря, при впадении в него какой-то реки; второе — где-то внутри Чукотского полуострова; третье — у горы Сердце-Камень. Во всех сражениях превосходящие силы чукчей были разбиты. Захвачено до 40 000 оленей, отбито 42 корякских и 2 русских пленных, взято в плен 150–160 чукчей, убито, по разным сведениям, от 802 до 1452 воинов противника; потеряно убитыми 3 россиянина, 5 коряков, 1 юкагир (КПЦ. № 59; Миллер 1758: 406–408; Берх 1819: 13–15; Сгибнев 1869: 30; Зуев 2001: 24–31)
1732, 27 мая—июнь (по ст. ст.)	Речной поход Д. И. Павлуцкого из острога по Анадырю к устью реки для действия против «немирных чюкоч», однако последних не нашли (Зуев 2001: 36–37)
1733	Чукчи угнали казенное стадо оленей из-под Анадырска, убили 12 казаков и некоторое количество коряков, жен и детей которых увели в плен (ЭБ: 129; Сгибнев 1869а. № 4: 130; Вдовин 1965: 119)
1737	Отряд чукчей подошел к Нижнекамчатскому острогу в центре Восточной Камчатки, убито 6 служилых и туземцев (Сгибнев 1869а. № 5: 57; Вдовин 1965: 119; Гурвич 1982: 203)
1738, март	Чукчи подошли к Анадырску, убили 8 служилых и 20 ясачных коряков (ЭБ: 129; Сгибнев 1869а. № 5: 57; Вдовин 1965: 119)
1740	Постановление сената о прекращении походов против чукчей из-за их бесперспективности вследствие отдаленности территории и неудобства пути (КПЦ. № 60: 161)
1742	В связи с непрекращающимися набегами чукчей на коряков сенат издал указ об истреблении и депортации «немирных» чукчей: «На оных немирных чюкоч военною оружейною рукою наступить и искоренить вовсе, точию которые из них пойдут в подданство Ее Императорского Величества, оных, также жен их и детей взять в плен и из их жилищ вывести и впредь для безопасности распределить в Якуцком ведомстве по разным острогам...» (КПЦ. № 61: 163; Зуев 2002а: 19)
1744, 4 февраля— 28 сентября (по ст. ст.)	На Чукотку отправилась огромная по восточносибирским меркам экспедиция майора Д. И. Павлуцкого — 400 человек, из них более 100 были русскими, 170 — коряками, 67 — юкагирами, а остальные — чуванцами и эвенками. Сухопутно-морской бой с отходящими чукчами на р. Анадырь. У урочища Сердце-Камень отряд нашел 10 яранг, перебил 88 чукчей, взял в плен малолетку — будущего сибирского дворянина Н. Дауркина. В целом обнаружено 4620 оленей, освобождены плененные коряки (КПЦ. № 64: 163–165; 63: 165–166; Стрелов 1916. № 62: 267; Майдель 1925: 23)
1746, 18 марта— июнь (по ст. ст.)	Очередная экспедиция Д. И. Павлуцкого с отрядом, насчитывавшим 141 солдата, казака, коряка и юкагира, из Анадырска к Чаунской губе на «Колымском море», разгром пяти встреченных «юрт», бой с 16 чукчами (14 апреля (по ст. ст.)) Отбито

Дата	Событие
	650 оленей, а также двое пленных коряков, захвачено в плен двое подростков и столько же женщин (КПЦ. № 64: 168—169) В целом поход малоудачен
1747, 12—14 марта (по ст. ст.)	Последний поход из Анадырска против чукчей майора Д. И. Павлуцкого с отрядом из 299 солдат и казаков, а также коряков. 12 марта чукчи угнали в устье р. Орловой семь табунов, принадлежавших корякам и служилым. Майор выступил за ними в погоню и утром 14 марта догнал на р. Орловой 400—500 чукчей, последние разгромили авангард майора, насчитывавший 97 россиян и 35 коряков. Д. И. Павлуцкий погиб, с ним погибли 32 россиянина и 11 коряков (КПЦ. № 65—66) Желание служилых отправиться в погоню за чукчами не осуществилось из-за нехватки гужевых оленей (Окунь 1935а: 79)
1749	Поход поручика С. Кекерова из Анадырска вниз по реке для добычи оленей и разгрома чукчей (Словцов 1886. Кн. 2: 79; Окунь 1935а: 80)
1750, 12 марта— 22 апреля (по ст. ст.)	Второй поход С. Кекерова против чукчей и захват у них 2500 оленей (Майдель 1894: 562—563; Окунь 1935а: 80; Гурвич 1966: 114; Сафронов 1988:43)
1751, 6 августа— 1 сентября (по ст. ст.)	Первый поход по Анадырю нового коменданта острога капитана В. Шатилова на чукчей, в котором участвовало 200 солдат, казаков на 10 судах. Отряд спустился по реке до Красного Яра. Неудачные попытки переговоров. Промысел оленей, переправлявшихся через реку. Бесплодная попытка чукчей тайно напасть на русских 14 августа. Бесплодный с военной точки зрения поход (КПЦ. № 67: 174–176; Окунь 1935а: 80)
1752, 9 августа— 2 сентября (по ст. ст.)	Вторая морская экспедиция В. Шатилова вниз по Анадырю на 11 судах, в которых находилось 180 человек. Чукчи, узнав о походе, отошли, капитан гнался за ними 80 верст (85 км) и взял в плен 2 ребят, 10 женщин и девочек, захватил 1 куяк, 15 байдар и 40 вето, а также меха. Затем промыслили оленей на реке. Пленных продали с молотка, а лодки распределили между служилыми (КПЦ. № 68: 176—179; Стигнев 1869а. № 5: 84; Окунь 1935а: 81)
1752	Чукчи напали и убили на Чукочьей реке, к западу от Колымы, партию из шести русских, пришедших из Нижнеколымска для рыбной ловли (Вдовин 1944: 254)
1754, март	500 чукчей в 35 верстах (37 км) от Анадырска напали на восемь «юрт» юкагиров, а также русских, возвращающихся с охоты в острог, взяли в плен казака Б. Кузнецкого (КПЦ. № 70; Гурвич 1957)
1755, июль	Изменение политики правительства, рекомендация действовать «лаской». Попытка секунд-майора И. С. Шмалева, командира Анадырска, договориться с чукчами об уплате ясака по шкуре лисы с человека, без взятия заложников-аманатов. Прощение от имени императрицы вины чукчам. Неожидан-

Дата	Событие
	ный уход с переговоров чукчей, испугавшихся подвоха (АИИ, ф 36, оп 1, №643, л 583 об, КПЦ №69 179, Федорова 1971 157)
1756	Поход 200 чукчей на живших в 15 верстах от Анадырска юкагиров, которых они разгромили, увели их семьи, угнали оленей и унесли имущество Возвращение без результата 200 солдат и казаков, посланных на собачьих нартах преследовать чукчей Переселение оставшихся 10 юкагирских женщин в Анадырск (АИИ, ф 36, оп 1, № 643, л 583 об , Алексеев 1961 20, Вдовин 1965 124)
1756	Брат «главного коряцкого князя Эйгели» Ивака Лехтелев заключил с чукчами мир и пригласил последних в свою землю Чукчи перешли Анадырь, заключили браки с коряками и поселились на р Хатырка однако уже через год коряки убили предводителей чукчей (Вдовин 1965 63, 69, 129, 1973 258)
1759	В апреле около 200 чукчей пришли к укинскому берегу (Северо-Восточная Камчатка), взяли в плен 15 казаков, отбили у коряков собак и оленей, убив 9 мужчин и пленив женщин и детей Затем, соединившись с другими чукчами, подошли под Анадырск, где была эпидемия и страшный голод, однако поручик С Кекеров прорвался через окружение на оленьи и рыбные промыслы, обеспечив тем самым россиян продовольствием (Сгибнев 1869а № 5 84, Богораз 1934 50, Гурвич 1966 106, ср АИИ, ф 36, оп 1, №643, л 584)
1764-1771	Ликвидация Анадырского острога с большим по сибирским меркам гарнизоном в 588 человек (303 солдата, 285 казаков) как нерентабельного и не смогшего выполнить свои функции по защите ясачных народов только за 1710—1764 гг содержание острога обошлось казне в I 381 007 руб , тогда как ясак, собранный этим острогом, составил 29 152 руб (КПЦ № 75 191, Шаховской 1822 287, 305, ср Мамышев 1809 25, Богораз 1934 52, Литке 1948 226) Указ сената об упразднении последовал в марте 1764 г и был подписан императрицей в феврале 1766 г (Вдовин 1960 47) Жители ушли в Нижнеколымск и Гижигу, пушки были зарыты, крепость и дома сожжены, церковь разобрана и пущена на воду (АИИ, ф 36, оп 1, № 643, л 584 об)
1769	80 коряков в походе на чукчей дошли до Чаунской губы, где на острове ночью напали на чукотскую ярангу, мужчин убили, женщин увели, два табуна угнали — один из редких примеров наступательной стратегии коряков (Вдовин 1950 SS, 1965 66)
1769	300 чукчей напали на оленных коряков у Гижиги, но были разбиты вступившими в бой русскими, которые отобрали у врага угнанных оленей (Вдовин 1965 135)
1775	Отряд из 130 оленных чукчей, угнавший сначала оленей у коряков, после встречи с Н Дауркиным, направится для переговоров с русскими у Гижиги, где возникли разногласия по поводу выдачи чукчами заложников Чукчи стали отходить от острога и ночью угнали у коряков 10 оленей Русские и коряки преследовали чукчей и затем атаковали их (9 марта (по ст

Дата	Событие
	ст)) Убито 54 чукчи, 40 женщин и детей взято в плен, у россиян двое убитых и 12 раненых (Шаховской 1822 306, Две записки 1873 360, 362, 365—366, Алексеев 1961 61, Вдовин 1965 66, 135)
<i>Mil</i>	Один из последних набегов чукчей на оленных коряков в районе р Апука (Вдовин 1965 136)
1778, 4 марта (по ст ст)	Договор о мире между комендантом Гижигинской крепости Т И Шмалевым и главным чукотским тойоном Амулятом Хергынтовым и тойоном Северного Ледовитого моря Аюеткином Чымкычыном с обязательством последних платить ясак
1779, 1 октября	Указ Екатерины 11 с объявлением о принятии чукчей в российское подданство и освобождении их от ясака на 10 лет в связи со случившимся у них мором В подходящих местах побережья велено развесить российские гербы в знак принадлежности этой территории России (Алексеев 1961 63, Зуев 1999а 137)
1781	Последний набег чукчей на коряков (Вдовин 1965 66) Договор российских властей с анадырскими чукчами о ненападении на коряков (Шаховской 1822 289, Вдовин 1965 69)
1788	По просьбам чукчей для торговли с ними организована ярмарка около Большого Анюя
1789	Зашиверский исправник И И Баннер, которому подчинялся Колымский округ, убедил часть чукчей (581 чел) присягнуть на верность государыне и платить ясак по одной красной лисце с лука в обмен на подарки (Архив Государственного Совета 1869 260)
1822	«Устав об управлении инородцев» чукчи живут по своим законам и судятся собственным судом, ясак — шкура лисицы с лука (с одного мужчины) — платится по желанию (Богораз 1901 XXVII)
1840	Морской набег чукчей на островных эскимосов (Аргентов 1857а 37, 1886 30–31, 1887 №2 21)
1848	Прибытие в Берингов пролив первых китобойных судов (из них большинство североамериканских) — начало активной американской торговли в регионе (Митчель 1865 329, Burch 1988 238)
1869–1870	Колымский исправник барон Г Л Майдель делит чукчей на «роды» и назначает тойонов для сбора ясака по рублю с мужчин в возрасте 15—55 лет, до 15 лет — 50 копеек (Майдель 1925 34) Упразднение ответных подарков, стоимость которых подчас превышала стоимость ясака
1885	«В сущности же весь крайний северо-восток не знает над собой никакой власти и управляется сам собой Каждый родоначальник есть полноправный властелин над своим родом» — мнение капитана А А Ресина (1888 175) чиновника, поданного Приморским губернатором с инспекцией

Дата	Событие
1930	Создание первого оленеводческого колхоза — коренная ломка традиционного уклада жизни чукчей
1930, 10 декабря	Создание Чукотского национального округа в составе РСФСР

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ УКЛАД, ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Чукотка представляет собой арктическую тундру с хребтами и нагорьями, прерываемыми болотами, реками и озерами. На юге, около реки Анадырь, росли береза, тополь, хвойная лиственница. Средняя температура июля — около +8...+9 °С, января — около -27 °С (данные 1960-х гг.; ср.: Овсянников 1930: 79). Соответственно, кочевники-оленьеводы имели свой цикл кочевания, от которого, в свою очередь, зависело и время военных действий против тех или иных врагов. Чукотская сказка так объясняет причины перекочевки: «Зимой, когда мох покрывался толстой коркой льда и олени не могли пробить ее... угоняли табун в глубь тундры. Весной, когда начинались обвалы в горах... угоняли оленей ближе к морю» (Бабошина 1958. № 93: 223). Ведь летом на побережье прохладно, меньше комаров и оводов; кроме того, тут можно заняться морским промыслом (май—сентябрь), а зимой в глубине материка стада лучше защищены от ветров. Перекочевки происходили на нартах, только по снегу, в конце апреля—начале мая по последнему снежному покрову и в конце сентября—начале октября по первому снегу (Олсуфьев 1896: 122; Друри 1936: 106-110; Тихомиров 1960).

С течением времени в хозяйстве чукчей все большее значение приобретала не охота на дикого оленя, а домашнее оленеводство. Так, в середине XVIII в. у богатых было по 1000 и более оленей, у бедных — по 10—20, в среднем же по несколько сотен животных (КПЦ. № 70: 184; ср.: Богораз 1991: 9, примеч. 5)¹. В

¹ Как отмечает И. С. Архинчеев (1957: 51), оптимальный размер табуна, удобного для выпаса, составлял 1500—1800 голов (ср.: Антропова 1957: 117), у коряков нормальный табун — около 2000 оленей (БеретTM 1929 47).

первой половине XIX в. в результате былых набегов на коряков количество оленей у чукчей значительно возросло. Так, середняки имели до 1000 животных, бедные — несколько сотен, а богатые — «часто даже не знают им числа» (Кибер 1824: 96; Вдовин 1965: 21; 1987: 50)². С ростом оленьего поголовья связаны и необходимость поиска новых пастбищ, и дальнейшее расселение и распыление чукчей (о средней площади для выпаса оленей см.: Васильев 1936: 94; Друри 1936: 110—111). Следовательно, чукчам уже сложнее было собрать большие отряды, впрочем, в XIX в. крупномасштабных боевых действий не отмечалось.

Социальная структура кочевых чукчей базировалась на семейных общинах, состоящих из близкородственных семей. Десяток таких стойбищ представляли собой «околоток», фактически «семейно-родственную соседскую общину» (Крупник 1989: 90). Кочевья, располагавшиеся около крупного географического объекта, например реки, носили общее локальное название. Племенных объединений, судя по всему, не существовало. Если описывать очень усредненное стойбище оленеводов первой половины XIX в., то его можно представить следующим образом. Оно чаще состояло из 2—7 яранг, в которых жила группа родственников и лиц, принятых в семейную общину. Причем подчас сами стойбища располагались на значительном удалении друг от друга (Меновщиков 1988. № 53: 109; № 121: 281; ср.: № 92: 207). Яранга представляла собой почти круглое в плане жилище в форме неправильной полусферы, состоящее из оленьих шкур, натянутых на каркас из связанных шестов. Высота яранги в центре была примерно 3,0—4,5 м, а диаметр — около 10—15 м, посередине купола было специальное дымовое окно. В яранге жила большая патриархальная семья. Отдельная семья из нескольких (например 4—6, но не более 15) человек жила в палатке-комнате — пологе. Яранга имела несколько (согласно количеству семей) пологов, стоящих по кругу. Пологи состояли из натянутых мехом внутрь оленьих шкур, верх такой «комнаты» крепился к верху яранги. В пологе имелся светильник-жирник, который обогревал помещение так, что люди тут сидели почти голыми. Яранги обычно располагались в ряд. Главное место в нем занимало большое жилище наиболее богатого и поэтому, по чукотским представлениям, наиболее влиятельного члена семейной общины. Олени этого «переднедомного» (*эттыорралын*) составляли основу стада всего стойбища, поскольку пасти стадо менее 200 голов было нецелесообразно (Беретти 1929: 47; Антропова 1957: 117).

² Действительно, как заметил И. С. Архинчеев (1957: 67, 80), чукчи умели считать только до 400. Однако всех своих оленей они звали даже не по клейму на ухе, а «в лицо» (ср.: Георги 1777: 79 (о коряках)).

Казак Б. Кузнецкий так рассказывал о положении «хозяина стойбища» (1756): «Лучших мужиков яко старшин признают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей, но и их вменяют ни во что, для того, ежели хотя за малое что осердятся, то и убить их до смерти готовы» (КПЦ. № 70: 181; Георги 1777: 82; Шашков 1864: 67; Антропова 1957: 120). Поэтому, как отмечал Г. А. Сарычев (1952: 186), «он (глава стойбища. — А. Я.) может только преподавать советы и воздерживать от дерзостей или худых поступков одними словами». Для решения значимых вопросов войны и мира «хозяин стойбища» проводил собрание мужчин стойбища, которое могло и не принять совет, рекомендуемый «переднедомным» (Майдель 1925: 32; ср.: Козлов 1956: 35). Вес на совещании имели старики, молодежь же, стоя сзади, слушала обсуждение (Богораз 1934: 178). Чукотское сказание сообщает: «Долго спорили воины и не послушали своего вождя...» (Бабошина 1958. № 101: 243; ср.: Лебедев, Симченко 1983: 129).

В патриархальной чукотской семье отец был полным хозяином. Его практически беспрекословно слушались родичи. А. В. Олсуфьев (1896: 108) отметил: «Несмотря на все своеволие и необузданность чукок, подчинение старшему в семье всех ее членов совершенно беспрекословное». Он мог даже убить членов своей семьи без всяких для него последствий (Беретти 1929: 19), люди могли лишь осудить его поступок, но не могли вмешаться (Тан-Богораз 1979а: 210). Царская администрация также никак не вмешивалась во внутренние дела чукчей, оставляя им право решать споры согласно местным обычаям.

Социальная и военная организация оседлых чукчей и азиатских эскимосов. В каждом селении было несколько жилищ, в среднем 2—3 или 6—7 (Григорьев 1876: 571). В сказках, например, отмечается, что в поселке было пять жилищ, в которых жили братья с семьями (Меновщиков 1988. № 32: 65; № 88: 196; ср.: № 89: 198). Возможно, у приморских жителей существовал и мужской дом (чукотское — *к'легран*), аналогичный *кажиму* аляскинских эскимосов, в котором проходила общественная жизнь, однако со временем он превратился в зимнее жилище нескольких родственных семей (Вдовин 1950: 97; 1965: 46—47; Леонтьев 1975: 83—86; 1973: 90—94; ср.: Богораз 1939: 84—85; Hughes 1984: 244; 1984а: 251). Древние зимние жилища — большие полуземлянки с каркасом из китовых костей — устраивались на косогоре, на склонах прибрежных сопок, обычно у галечной косы (Меновщиков 1987. № 24: 163; 1988. № 120: 280; ср.: Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 47) или возвышенности (Мерк 1978: 106). В зимней полуземлянке могло жить пять семей (Меновщиков 1988. № 120: 280), в среднем же в ней находилось от трех до де-

сяти семей (Иванов 1989: 72; ср.: Георги 1777: 82)³. Рядом с полуземлянкой устанавливались летние жилища, количество которых соответствовало числу семей в зимнем. Уже в первой половине XIX в. от полуземлянок отказались (Богораз 1909: 180; Леонтьев 1975: 87). Население стало жить в зимних ярангах с пологом, заимствованных у чукчей и модифицированных. Когда сходил снег, зимние жилища разбирали и обитатели переезжали в летние яранги в форме неправильной коробки, состоящие из каркаса, обтянутого кожей. Тут они оставались до первых морозов (Богораз 1991: 114; Меновщиков 1959: 37—41; 1977: 25 (о Сирениках)).

В XIX в. эскимосское население на материке делилось по языковому и территориальному признаку на пять племен, которые, в свою очередь, делились на роды (кланы) (Крупник, Членов 1979; Членов 1988: 65—69). Семьи, произошедшие от общего предка, объединялись в род, который имел свои праздники, территорию, кладбище и старейшину (*нуналихтак*), выполняющего представительские, судебские и культовые функции. Должность старейшины была наследственной и передавалась от отца к сыну (Файнберг 1964: 167—168; Арутюнов, Сергеев 1975: 109; Теин 1975: 88; Крупник 2000: 38, 71). В одном селении в зависимости от его величины жили несколько или даже один род. Оседлые же чукчи жили большими патрилокальными семьями (Burch 1998: 36). Основной хозяйственной ячейкой оседлого общества чукчей и эскимосов была промысловая артель, которая обычно состояла из восьми человек, — именно столько человек включал экипаж обычной промысловой байдары: на носу находился гарпунщик, на корме сидел с рулевым веслом хозяин байдары, а в середине — три пары гребцов. Обычно такую артель составляли родичи, но если один род не мог укомплектовать экипаж, тогда к нему присоединялись неродственники. Если же родичи были многочисленны, то они владели несколькими промысловыми байдарками (Тан-Богораз 1930: 70; Меновщиков 1962; Сергеев 1962).

В селении наибольшим влиянием пользовался старшина (*умилык*) — самый сильный мужчина, им мог стать и тот, кто победил своего предшественника силой (Олсуфьев 1896: 109). Старшина мог требовать у односельчан часть добычи, которую, боясь его, жители отдавали (Тан-Богораз 1930: 73; Козлов 1956: 145—146; Меновщиков 1980: 221; 1988. № 131: 313; Бахтин 2000: 343). Если требования старшины не исполняли, то он мог вызвать непокорного на поединок (Меновщиков 1974. № 30: 135) и на «законных основаниях» убить его. На войне же ополчением

³ В Сирениках в двух полуземлянках жили по 250—400 человек в каждой (Арутюнов, Сергеев 1975: 112; Hughes 1984a: 251).

мог руководить опытный старичок, а не самый сильный воин (Богораз 1934: 175; Меновщиков 1988. № 129: 308). Впрочем, военным предводителем и старшиной могло быть одно и то же лицо (Меновщиков 1985. № 127: 307—310; 1987. № 31: 214; Дьячков 1893: 53). Однако важные вопросы решали старики, совещавшиеся с предводителем (Богораз 1934: 175). Инициатива сбора совета для заключения мира могла принадлежать умильыку селения, который и вносил свое предложение о мире на собрании всех мужчин (Меновщиков 1985. № 127: 308; 1988. № 129: 308). Ратифицировал же мирный договор совет стариков (Меновщиков 1988. № 129: 309; ср.: Загоскин 1956: 84 (аляскинские эскимосы); Галкин 1929: 72; Богораз 1934: 175), тут же обсуждался план действий (Меновщиков 1974. № 19: 107; 1985. № 56: 127). Если войско состояло из ополчений нескольких поселений, то военный совет состоял из предводителей отрядов поселков (Сергеев 1962: 84—85).

Система командования. К. Мерк (1978: 120) так рассказывает об организации чукчами похода: «При предприятиях подобного рода чукчи выбирают себе предводителя, что в других случаях редко имеет место. Когда они приближаются к чужой земле, то оставляют позади женщин и юрты, а их предводитель советуется с более опытными стариками. Возраст при таких предприятиях имеет преимущество, а все остальные молчат» (ср.: Богораз 1900. № 130: 334; Антропова 1957: 160; Вдовин 1987: 105). По сведениям В. Г. Богораз, в походном совете участвовали и женщины, хотя в общем действовало общее правило, выраженное чукотской поговоркой: «Раз ты женщина, то молчи» (Тан-Богораз 1979: 81; ср.: Богораз 1934: 98; Леонтьев 1965: 260). Как видим, на советах особым влиянием пользовались старейшие и более опытные члены семьи. Общественное мнение выразил оленевод в чукотском героическом сказании: «Стариков всегда надо слушать, не спорить с ними. Они лучше всех все знают» (Лебедев, Симченко 1983: 132; ср.: Богораз 1900. № 130: 334). Именно состоятельные старики имели решающее влияние на решение народного собрания. Старики нескольких родственных стойбищ, участвующих в мероприятии, проводили общее совещание, где решали политические вопросы. В процессе такого собрания могли возникать различные мнения, которые не решались большинством голосов, а несогласная часть действовала по своему (Вдовин 1948: 69; 1987: 105).

Для похода чукчи избирали военного предводителя, эта должность обычно совпадала со статусом «хозяина стойбища» (Врангель 1948: 180; Дьячков 1893: 53; Бабошина 1958. № 103: 248—251), но это условие не было обязательным. Г. Майдель (1894: 466) отмечал, что чукчи меняли предводителей в каждом

походе. Часто это был наиболее умелый и сильный воин, который мог своей храбростью показать пример соплеменникам.

Внешняя опасность со стороны нового врага оказывает большое влияние на социум, заставляя его сплотиться, забыть старые обиды и даже наладить взаимоотношения со своими врагами, которые были хорошо известны и было ясно, чего от них можно ожидать. Чукчи здесь не были исключением. С начала XVIII в. российские власти стали направлять на них большие по восточносибирским масштабам экспедиционные отряды, и им приходилось объединяться для отпора врагу. Для войны требовалось единоначалие, в противном случае она обрекалась на неудачу. Поскольку плотность населения была невелика, то складываются несколько территориальных объединений, взаимодействующих между собой. Так, в 1740 г. на Анадырь для переговоров с русскими прибыло 12 тойонов (Вдовин 1948: 68; 1950: 91). По российским документам нам, в частности, известны «главный тойон Северо-Восточного моря» Наихйе — постоянный полководец чукчей в войнах этой эпохи; тойон «Чукотского Носа» Кею, «Восточного моря» Хыпае и другие (Вдовин 1948: 68; 1950: 91, 96; 1965: 86; 1970: 22). Они были главами территориальных объединений чукчей и эскимосов и в то же время предводителями своих семейных общин. Так, в 1741 г. для промысла оленьей к урочищу Чекаево (р. Красная) тойон Елтувье прибыл на 10 байдарах, а тойон Апавко с родственниками — на 20; в 1749 г. тот же Кею пошел в поход под Анадырск всего с тремя байдарками и несколькими «ветошниками» (Вдовин 1948: 68; 1950: 91; 1965: 85). Власть этих тойонов становилась наследственной, известны случаи передачи власти от дяди к племяннику, а не сыну (Крузенштерн 1950: 173; Любовь... 1811: 22; Вдовин 1965: 86). Вследствие распыленности населения создание единого племенного союза заняло бы много времени, однако прекращение крупных войн в последней четверти XVIII в., появление крупнотабунного оленеводства, требующего больших по площади пастбищ, и дальнейшее рассредоточение этноса способствовали закату системы тойоната, которая номинально оставалась в конце XIX в. у «носовых» чукчей (Олсуфьев 1896: 109; ср.: Гондатти 1897: 169).

В. Г. Богораз (1919: 56; 1934: XVIII-XIX; 168) отмечает наличие в чукотских сказаниях богатыря-предводителя с прозвищем Лявтылывалына ('Кивающий головой'), которое считается названием для военачальника (про: Гурвич 1966: 53; Диков 1993: 174). В. Г. Богораз объясняет это название тем, что Лявтылывалын отдавал приказы кивком головы. Однако это — реконструкция самого исследователя, тогда как чукчи объясняли данное прозвище привычкой героя кивать головой во время езды на оленях. Скорее всего, это такой же герой сказаний, как и Ат-

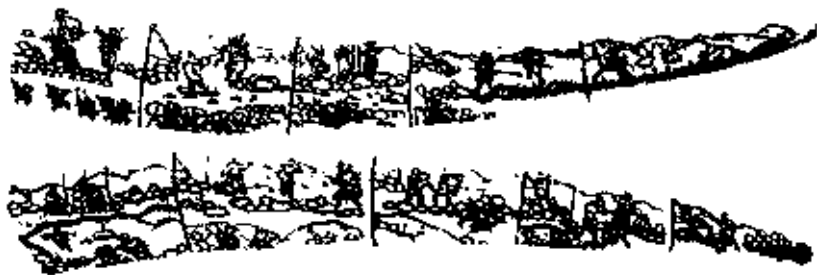
тымлу ('Костяное лицо'), а не какой-то особый титул военачальника, то есть он — просто определенный военный предводитель (Богораз 1900. № 130: 334; 1934: 169; Меновщиков 1974. № 88: 310–312). Тем более что и сам В. Г. Богораз (1934: XIX) отмечает: «Кивающий Головой все же описан не начальником, а сильным воином», а некоторые чукчи в конце XIX в. считали его своим предком (Богораз 1899: 350). Вместе с тем, у него был помощник — «птичка, находящаяся под мышками». Однако и это — не какой-то специальный адъютант, а воин, вызвавшийся помогать предводителю (Богораз 1901. № 132: 337). Функция его, по чукотскому фольклору, неясна, но, возможно, он исполнял обязанности оруженосца, подносившего, в частности, стрелы при осаде, а возможно, и прикрывавшего вождя. Следовательно, в эпоху постоянных войн второй половины XVII—XVIII в. стали складываться определенные военные структуры, которые, впрочем, не получили дальнейшего развития из-за прекращения крупномасштабных столкновений.

Сбор войск. Молва о предстоящем походе быстро распространялась по тундре, особенно когда война объявлялась заранее. Костяк собиравшегося отряда составлял *чин-йырын* — «группу участников кровной мести», в которую входили близкие родственники, обычно живущие в одном стойбище (Богораз 1934: 94; Архинчеев 1957: 72; ср.: Георги 1777: 82; Воскобойников, Меновщиков 1959: 436–437; Меновщиков 1974. № 83: 293; № 150: 475 (оседлые коряки)). Согласно чукотскому этосу, они обязаны были помогать друг другу во всем — типичная психология первобытного родственного коллектива, борющегося за свое выживание. Приходили к стойбищу, ведущему войну, родственники, друзья, просто добровольцы и даже беженцы (Меновщиков 1974. № 87: 308; 1985. № 127: 307)⁴. Так мог образоваться отряд из нескольких десятков или даже сотен человек. Естественно, приходили и воины из ближайших населенных пунктов поддерживать своих соседей (Богораз 1934: 175; Бабошина 1958. № 103: 250). Очевидно, что в набеги в первую очередь шла молодежь, стремившаяся отличиться и завоевать авторитет (Лебедев, Симченко 1983: 128–129). Во время нападений врагов предводитель направлял посланников в соседние стойбища и сговаривался о месте встречи и совместных действиях (Мерк 1978: 120; Антропова 1957: 160; ср.: Богораз 1900. № 132: 336; Меновщиков 1985. № 127: 309; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 19: 83. § 37; 87. § 65 (оседлые коряки)). Обычно это были родственные «товарищеские» стойбища, отпочковавшиеся от одной семейной

⁴ В чукотском сказании упоминается, что богатый корякский богатырь принуждал идти в поход бедных воинов (Воскобойников, Меновщиков 1959: 436; Беликов 1965: 166).

общины. Так образовывался отряд из нескольких сотен человек. Внутри отряда, составленного по родоплеменному принципу, система командования копировала социальную структуру (Burch 1974: 6).

Женщины обычно не принимают участия в боевых действиях, покорно ожидая своей участи в яранге или убежище и часто заканчивая свою жизнь суицидом при приближении врагов. Однако иногда, хотя и не очень часто, представительницы слабого пола все же могли сражаться, например в случае гибели мужей от рук врагов (Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 19: 83. § 27—29 (оседлые коряки)). Женщины, участвовавшие в походе вместе со своими мужчинами, естественно, могли помогать им в бою. В одной сказке упоминается, что жена оседлого чукчи вместе с ним рубила врагов топором (Богораз 1900. № 110: 287; ср.: Рубцова 1954. № 17: 250. § 233 (большим женским ножом)). Да и во время неожиданных вражеских нападений на стойбище, которыми так богата чукотская история, женщины могли втягиваться в бой. Так, женщина в отсутствие мужа могла вступить в поединок с неожиданно пришедшим к яранге вражеским воином (Антропова 1953: табл. IX; 1957: 235. Рис. 35). Одно русское колымское предание упоминает, что старуха-чуканка во время нападения на деревню стреляла во врага из лука, сидя на нартах (Богораз 1902: 161).

Гравировка на бивне, представляющая древнее сказание.

МАЭ, № 6010-43. Воспроизведено по: Антропова 1953: 42. табл. IX, 2

На одной стороне (вверху) показано начало предания: муж уходит на охоту, а жена остается с маленьким ребенком; приближаются враги; предводитель налетчиков требует от матери ребенка; решит дело поединок женщины и мужчины; противник в доспехах ждет; женщина, одетая в комбинезон, готовится к битве; ребенок сидит на шкуре, четверо врагов наблюдают за происходящим; поединок — фехтование на копьях; муж пасет оленей. Изображение на обороте бивня: женщина кормит ребенка; возвращается муж; поединок женщины с противником продолжается даже по возвращении мужа; женщина повергает врага, около жены стоит муж, держа ребенка на руках; побежденного врага добивают; муж теперь может обнять супругу; могила противника из камней

Деталь бояня, показывающая женщину, спаряжающуюся на бегу, и поединнок

Межплеменные конфликты, опасная охота уносили жизни мужчин, и семьи часто оставались без кормильцев. Поэтому и в чукотском фольклоре мотив сиротства постоянен (Меновщиков 1974а: 34; Беликов 1987: 254). В этих ситуациях все заботы о содержании семьи брали на себя женщины. В таких неполных семьях девочки не только учились женским обязанностям, но и тренировались вместе с мальчиками (Беликов 1987: 253; Богораз 1991: 26; ср.: Жукова 1980. № 10: 155—156 (паланские коряки); Бахтин 2000: 52). Они могли самостоятельно охотиться, стрелять из лука, бегать на длинные дистанции и даже фехтовать копьем. Именно такие натренированные девушки могли участвовать в набегах (Бабошина 1958. № 90: 217-218; Меновщиков 1988. № 121: 281; Меновщиков 1988б № 10: 58), производимых их родственниками, и даже сражаться в поединке с женщиной (Bogoras 1910. № 17: 97; Богораз 1934: XXVIII; Антропова 1953: 42, табл. IX, 2; Воскобойников, Меновщиков 1951: 546; Козлов 1956: 71; Меновщиков 1974. № 86: 306-307; № 95: 323; см.: Антропова 1953: Табл. IX, 2а—б). Сами девушки-воительницы не были правилом в чукотском обществе, хотя, с другой стороны, и редкостью они тоже не были. В целом сражаться с женщиной и ранить ее было постыдно (Богораз 1899: 352—353; Козлов 1956: 71). У эскимосов же молодые женщины использовались как рабочая сила — гребцы на байдарках (Онацевич 1877. № 7: 67; Крупник 2000: 438; ср.: Крашенинников 1949: 710 (камчадалы); 738 (айны); Тан-Богораз 1936: 241 (канадские эскимосы); Степанов 1959: 200 (дауры)).

Очевидно, в боевых действиях не участвовали мужчины-транссексуалы, полностью превратившиеся в женщину и считавшие себя таковыми, ведущие соответствующий образ жизни и даже говорящие женским говором (Каллиников 1912: 109; Богораз 1939: 131—133; Тан-Богораз 1979а: 230; Swenson 1951: 32). Однако, женщины-транссексуалы, исполнявшие все обязанности мужчин, скорее всего, принимали участие в войнах, хотя та-

ких женщин было меньше, чем мужчин, поменявших свой пол (Богораз 1939: 134)⁵.

Численность войск. Для первобытной эпохи вообще не характерны генеральные фронтальные сражения, поскольку не существовало больших армий, а ополчение племен насчитывало несколько десятков или сотен воинов. Все мужчины в чукотском социуме были воинами. Лишь для проведения крупных и значимых военных операций собиралось ополчение, насчитывающее несколько тысяч человек. Все это касается чукчей. Еще в середине XIX в. К. фон Дитмар (1856: 37) отмечал: «Каждый из чукчей считает особым предметом уважения искусство владеть оружием и всегда вооружен, а следовательно, всегда готов к сражению».

В одном стойбище могло быть в среднем 15—50 боеспособных мужчин. Г. Дьячков (1893: 41) упоминает, что на месть отправились 15 мужчин. 20 чукчей сидели в засаде, чтобы неожиданно напасть на русских (Богораз 1934: 48). В 1731 г. отряд Д. И. Павлуцкого встретил 30 оленных чукчей, которые, вероятно, были представителями одного стойбища (КПЦ. № 59: 159). Чукотские же предания упоминают отряды из 20 воинов (Тынэтэгын 1940: 101; Меновщиков 1974. № 92: 318). Отряд чукчи-толмача, состоявший из его родственников и напавший на юкагиrow в 1671 г., насчитывал 70 человек (Вдовин 1944: 257; ср.: Богораз 1899: 370 (нападение на стойбище 60 оленных коряков)).

В набеги обычно отправлялись мужчины не одного стойбища. В 1653 г. Нижнеколымское зимовье осадили более 200 чукчей (Вдовин 1965: 104). В 1731 г. против капитана Д. И. Павлуцкого чукчи собрали до 700 воинов, а затем, в последующих сражениях, до 1000⁶ и до 500⁷ бойцов (КПЦ. № 59: 158; Зуев 2001: 24, 26—27). Причем в это число вошло не только кочевое, но и значительное количество оседлого населения, как чукчи, так и эскимосы — и сибирские и островные (Полонский 1850: 399; Соколов 1851: 96). Около 400 чукчей появились южнее Анадыря в 1742 г. (Вдовин 1965: 92). В 1747 г. отряд из 400—500 воинов разбил авангард Д. И. Павлуцкого, убив самого майора (КПЦ. № 65: 170—171). Казак Б. Кузнецкий указывает на нападение на него в 1754 г. 500 чукчей, причем он не отмечает наличие семей

⁵ Как отметил В. Г. Богораз (18996: 31), среди 3000 приколымских чукчей он встретил лишь пять мужчин, поменявших свой пол.

⁶ В «сказке» оставных казаков, данной через 40 лет, в 1772 г., численность чукчей возросла уже до 3000 (Зуев 2001: 26). По предположению Дионео (1895: 116, примеч. 2), в это число входили и женщины, участвовавшие в походе.

⁷ Согласно В. Н. Верху (1819: 15), численность чукчей в последнем бою была 3000 воинов, что вряд ли соответствует действительности (Зуев 2001: 27, примеч. 71).

в этом набеге (КПЦ. № 70: 181; чукчи в таком же числе напали в чуванском сказании на стойбище героя (Bogoras 1918. № 23: 96)). В 1756 г. лишь 200 человек отправились в поход на юкагиров, живших вблизи Анадырска (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583 об.). Примерно столько же воинов напали на коряков в 1759 г. (Сгибнев 1869а. № 5: 84). В 1769 г. 300 чукчей атаковали коряков около Гижигинской крепости (Вдовин 1965: 135). В 1775 г. в набег на оленных коряков за добычей пошли до 130 чукчей (Алексеев 1961: 61). Отряд тойона Амулята, напавший в 1776 г. на коряков, насчитывал 180 человек (Антропова 1957: 159).

В 1702 г. в бой против 130 анадырцев и их союзников юкагиров и коряков вступили сначала 300, а на следующий день более 3000 оленных и оседлых «чукчей» (ПСИ. Кн. 2, № 122: 525—526). Поскольку поход казаков длился несколько месяцев, то очевидно, что чукчи успели стянуть свои силы. Тем более что в это время чукчи еще не перешли к крупнотабунному оленеводству и, соответственно, жили более компактно, чем позднее. П. А. Словцов (1886. Кн. 1: 250), согласно архивным материалам, отмечал, что в 1738 г. на олюторских коряков напали 2000 чукчей. В. Г. Богораз (1934: 44) предполагал, что данное количество чукотских воинов преувеличено. Капитан Г. А. Сарычев (1952: 265) считает, что последняя цифра отражает самое большое количество войск, выставленных чукчами против русских. А. С. Зуев (1999а: 134; ср.: 9) также полагает, что 2000 — это оптимальное число воинов, которое способны были выставить чукчи (сомнения на этот счет см.: Михайлова 1996: 178). В. В. Антропова (1957: 159) не без оснований полагает, что данная цифра учитывает и некомбатантов, поскольку существовал обычай отправляться в поход с семьей. Действительно, в военных документах количество войск и потерь противника обычно преувеличивается, а свои потери приуменьшаются. Однако еще в 1792 г. Г. А. Сарычев (1952: 265) отмечал, что, по словам чукчей, их численность сократилась (об этом же: Мерк 1978: 99), ведь в 1642 г. колымские чукчи говорили о своей численности, что «их много, сколько волос на голове» (Белов 1952. № 9: 57—58). Таким образом, число общечукотского ополчения в 3000 хотя и является преувеличенным, но отражает реальный порядок цифр. Так, согласно показаниям якутских служилых (1711), на Чукотском полуострове насчитывается более 2000 боеспособных мужчин-лучников и более 50 жили на Анадыре (ПСИ. Кн. 1, № 108: 459; КПЦ. № 57: 158; ср.: № 70: 184 (показания Б. Кузнецкого); Gerland 1883: 219), а по свидетельству оседлых чукчей (1718), во всем их народе насчитывалось 4000 воинов (Ефимов 1948: 224; Баккаревич 1810: 188, 354 (4000—5000 воинов)). Сенаторская справка (после 1748 г.) насчитывает немирных чукчей до 2000 человек, а

с подростками 4000—5000 (КПЦ. № 60: 160), общее же число чукчей оценивалось в 10 000 человек (1756 г.; КПЦ. № 69: 179; Дитмар 1856: 33; Олсуфьев 1896: 93; Сарычев 1952: 265). В 1789 г. Ф. Лангенс, член специальной комиссии по сбору информации о народах Сибири, определял количество чукотских мужчин в 7000 — число, которое И. С. Гурвич (1971: 11) считает завышенным⁸. Хотя численность населения и, тем более, войск — вопрос всегда дискуссионный, но, очевидно, природные условия Чукотки были способны прокормить определенное количество населения, максимум которого должен быть более или менее постоянным.

Таким образом, в столкновениях с русскими, которые угрожали свободе и даже самому существованию чукчей, последние могли собрать войско от нескольких сот до двух-трех тысяч человек — огромные в процентном отношении к количеству населения войска, ведь боеспособные мужчины обычно составляют четвертую или пятую часть населения, тогда как в грабительских набегах участвовали от нескольких десятков до нескольких сот человек (по И. С. Вдовину (1950: 95; 1965: 92) — 150—500 или 300—500)⁹.

Воспитание и тренировка. Чукотский социум был обществом, где выше всего ценились богатство и грубая физическая сила. Идеалом чукотского мужчины был богатырь с развитой мускулатурой. Для оленевода и охотника физическая сила и выносливость были важнейшим фактором: нужно было таскать тя-

⁸ Это количество, в общем, не противоречит другим свидетельствам. В своем донесении 1751 г. капитан В. Шатилов, комендант Анадырска, просто указывает, что ему не известно количество чукчей (Шашков 1864: 67). М. Соэр определяет число мужчин у оседлых чукчей в конце XVIII в. около 3000 (Saner 1802: 105). Согласно же М. М. Геденштруму (1830: 99), чукчей было 10 000 (Шаховской 1822: 291). По предположению Г. Майделя (1894: 215), всего чукчей в 1860—1870-х гг. было не более 5000 (Пежемский 1850: 158). А. Аргентов (1857а: 16; 1886: 13) же полагал, что в начале XIX в. число чукчей было значительно больше, чем 5000—7000, порядка 20 000 (Новейшие сведения 1852: 348; Семеновский 1852: 143). В 1911 г. было 9000—10 000 кочевых и 3000 оседлых чукчей, не считая эскимосов (Поддубный 1914: 95). Впрочем, среди исследователей существуют и другие мнения. Так, И. С. Гурвич (1966: 117) полагает, что в XVIII в. оленных и оседлых чукчей было примерно поровну, по 4000 человек. Б. О. Долгих (1960: 549—554, 576; 1967: 13), на основании показаний К. Мерка и переписи населения 1897 г., насчитывал в конце XVII в. эскимосов 4000, а чукчей 2000. Для сравнения отметим, что по переписи населения 1897 г. чукчей насчитывалось 11 795, из них 8869 были кочевыми, а 2841 оседлыми, причем лишь 783 числились христианами; эскимосов по этой переписи было 1099 человек (Серебренников 1914: 156, 166). Согласно переписи 1926/27 г. чукчей было 12 364 человека, из них 70 % — оленные, а 30 % — оседлые (Антропова, Кузнецова 1956: 897).

⁹ При непосредственной угрозе в 1852 г. жители поселка Нувук на м. Барроу выставили от примерно 300 человек населения 80 воинов — 27 % населения (Burch 1998: 89).

желые *грузы*, гоняться за оленями и зверьми, уметь быстро реагировать на различные жизненные ситуации. Именно физически сильные люди пользовались уважением, подчас они же были и предводителями в делах и их называли *эрмэчыт* 'силачи' (Лебедев, Симченко 1983: 27-314; Вдовин 1987: 104). Так, А. В. Олсуфьев (1896: 109), со слов колымского исправника, отмечал: «До сих пор на Чукотском Носу есть, говорят, эрем, выбранный также за физическую силу. Однако нередко бывали примеры, что новый претендент на это звание, не дожидаясь выборов, побеждает старого, убив которого, овладевал этим почетным положением». Итак, наибольшим уважением пользовался лидер по борьбе. Подтверждение этому мы находим в одном чукотском сказании: «Силач с Севера... говорит, что такие слабые люди заняли слишком много места, хорошей земли» (Лебедев, Симченко 1983: 28). По праву сильного силач мог забрать понравившиеся ему вещи, вызывая на единоборство хозяина, который в случае проигрыша должен был отдать требуемый предмет. Причем безразлично, происходило ли состязание с соплеменником или чужаком. Чукотская сказка так описывает подобную ситуацию: «Идет парень со своим стадом мимо стойбища. Увидали жители стойбища красивого парня и большое стадо. Один силач и большой глупец вышел и сказал:

— Это стадо наше!

— Кто первый прибежит сюда вон от тех гор, пусть забирает стадо, — сказал молодец». Вместе с тем, если борец не мог выиграть другой вид состязаний, то он мог и лишиться своего имущества и несколько подорвать свою репутацию. Так, уже упоминавшийся силач потерял своих упряжных оленей, не догнав юношу-похитителя. Дядя последнего говорит силачу об оленях: «Он взял их, а ты не мог отобрать их обратно... Сильнее тот, кому нельзя отомстить» (Бабошина 1958. № 62: 151—152; ср.: Лебедев, Симченко 1983: 31). Естественно, сильных людей боялись (Стебаков 1958: 99-100; Меновщиков 1988. № 126: 297).

Тренинг был рассчитан как на охотничью, так и на военную подготовку. Мальчика приучали переносить голод, мало спать, развивали его мускулатуру. Воспитание воина, по существу, начиналось с рождения ребенка, когда физически неполноценное дитя мать должна была убить в первый же день его жизни, поскольку уже в материнской утробе им завладел злой дух (Врангель 1948: 182; Александров 1872: 86; М-в 1877. № 47: 386; Народы России. 1880: 12; Ивановский 1890: 2; Иохельсон 1895: 159). Согласно же разъяснениям оседлых чукчей по этому вопросу, данным в 1927 г., отец убивал ребенка, у которого умерла мать, но только если не было родственницы, способной его вскормить, а сам малыш был настолько мал, что не имел зубов,

чтобы есть твердую пищу (Кавелин 1931: 100; ср.: Крупник 2000. 335)¹⁰. Чукчи воспитывали мальчика в определенном духе. Они, как спартанцы, поощряли способность ребенка защитить себя, не бросать родственника в трудную минуту, воспитывали стойкость в борьбе, неприязнь к подлым приемам боя (Лебедев, Симченко 1983: 104—106). Закалка мальчика могла начинаться с 5—6 лет, тогда же он начинал помогать отцу в уходе за стадом. Он должен был рано (подчас перед рассветом) вставать, бегать на «лапках»-снегоступах с прикрепленными к ним камнями, бегать, упражняясь с копьем, а став юношей, — бегать рядом с упряжкой оленей, прыгать с камнями на плечах (Vogoras 1910: 183; Стебаков 1958: 115-116; 1964: 9-10; Симченко, Лебедев 1983: 25—27). У эскимосов внимание, в первую очередь, уделялось ношению тяжестей, развивающему силу; они учились бегать, что позволяло быстро перемещаться и спастись от нападения; тренировались в прыжках, позволяющих на охоте перепрыгивать через льдины (Стебаков 1958: 115—116; Меновщиков 1959: 104—106). Кроме того, кочевники учились кидать аркан, а оседлые — метать камни из пращи (Леонтьев 1969: 131 — 132; Леонтьев, Тураев 1987:211).

Гравировка на бивне, представляющая древнее предание.

МАЭ, № 6010-42 Работа мастера Эмкуля из Уэленского промкомбината (1945—1949 гг) Воспроизведено по Антропова 1953 41 Табл IX, 1

Изображение читается слева направо: перед ярангой отец готовит лук для сына, отец обучает сына стрелять, сын уже стреляет сам, отец показывает мальчику фехтовальные приемы копьем, сын тренируется, нося камни, охота на птицу на зайца. На обороте бивня (не показан) представлено продолжение: пришли враги и воин в доспехах вызвал на поединок отца. Когда отец стал слабеть во время единоборства, мальчик выстрелил из лука и попал в ногу врага, который, признав себя побежденным, передал доспехи победителю и попросил убить его. Завершается сказание показом могилы и доспеха-трофея.

Обычно мальчика тренировал отец или воспитатель, показывая ему определенный прием, которым обучаемый должен был овладеть. У оседлых жителей практиковались и ежедневные упражнения детей в течение нескольких лет в горах около по-

¹⁰ Убийство детей (инфантицид) считается этнографами эскимосским, а не чукотским обычаем (Крупник 1989 46, 95, ср. 1988 76—82, Афанасьева 1999 178).

селка (Меновщиков 1974. № 35: 153; ср.: Воскобойников, Меновщиков 1959: 427). Дети кочевых чукчей также для проделывания упражнений уходили в тундру, где им никто не мешал (Воскобойников, Меновщиков 1959: 427—428, 433, 435). Упражнения производились утром и вечером. Чукотское сказание так описывает тренировку мальчика, который хочет стать богатырем: «Он целый день бегал по тундре, носил тяжести, приходил домой поздно ночью и спал стоя — опершись о полог» (Бабошина 1958. № 87: 213). Подчас тренинг носил жестокий, непосильный характер, возрастные особенности ребенка не учитывались. Мальчик стремился избавиться от двух негативных с чукотской точки зрения качеств: сонливости и потливости. Естественно, при тренинге соблюдались и некоторые диетические установки. Так, тренируемый не должен был много пить, поскольку от воды, по представлениям чукчей, человек тяжелеет (Леонтьев 1960: 128; 1969: 129; ср.: Fienup-Riordan 1990: 155; 1994: 328).

В XVIII в. самыми распространенными видами спортивных соревнований были бег и борьба, которые устраивались ежедневно, тогда как среди боевых видов спорта выделялись стрельба из лука и фехтование на копьях (КПЦ. № 70: 181). В следующем столетии излюбленными видами спорта следует признать бег и фехтование (Меновщиков 1974. № 82: 289; 1988. № 123: 288): если первый вид являлся общефизическим упражнением, то второй был чисто военным. Еще в начале XX в. старики-оленьеводы говаривали: «У чаучу самое главное — ноги. Если чаучу бегают дольше любого оленя, то он оленей сбережет. Если чаучу бегают быстрее и дольше других людей, то ему не страшны враги и он всегда разыщет пастбища, на которых его оленям никто не помешает» (Лебедев, Симченко 1983: 25). Действительно, бег был особенно важен для кочевников, которые не имели верховых животных, но благодаря своей способности к быстрому, но длительному бегу могли догнать убегающего оленя или преследовать зверя на охоте. Если мужчина мог бегать так быстро, что догонял диких оленей, это считалось высшей степенью мастерства, о чем нам рассказывает фольклор (Козлов 1956: 19; Стебницкий 1938. № 3: 140 (коряк); Жукова 1988. № 12: 48. § 104-105; Стебаков 1958: 116; Сергеева 1962: 98—99 (эскимос на бегу ловит руками песцов и зайцев); Леонтьев 1972: 86; Меновщиков 1974. № 148: 470 (коряк); Стебницкий 1994: 65 (коряк); Бахтин 2000: 128 (бежит быстрее волка)). На соревнованиях чукчи бежали 8,5 км за 28 мин. (Нейман 1871. Т. I: 15). Этот бег происходил с посохом, опора на который увеличивала длину шага. Пастух, чтобы не терять зря времени, мог тренироваться, бегая вокруг стада, упражняясь с копьем (Богораз 1899: 355). У береговых чукчей был распространен и бег с тяжестями — переноска тяжестей

важна как тренинг для того, чтобы охотник, убивший зверя, мог его доставить на место. Впрочем, у оленных коряков, например, воинская доблесть и сила ценились выше быстроты ног (Тан-Богораз 1979: 72).

Чукчи были неплохими борцами. В. Г. Богораз (1991: 199) отмечал: «Борьба — обычный способ разрешения ссор среди чукоч». Обычно обиженный вызывал обидчика на поединок. Борьба состояла в том, что поочередно один нападал, а другой оборонялся. К. Мерк (1978: 136) так описывал характерные приемы борьбы: «Они хватают друг друга со шлепками по рукам и плечам, прижимаясь друг к другу головами, а ударяя ногами, стремятся подставить друг другу ножку или свалить на землю, прыгают с криком друг на друга, садятся на землю, чтобы перекинуть через себя противника» (ср.: Дионео 1895: 162; Леонтьев 1965: 83; Богораз 1991: 198—199). Противника старались поднять и бросить на землю и удержать какое-то время на лопатках (Богораз 1899: 358; Тан-Богораз 1930: 73; 1979а: 253; Бабошина 1958. № 103: 249; Леонтьев 1960: 130; 1969: 139; Богораз 1991: 198). У эскимосов практиковались мощные удары ногой (Богораз 1899: 357—358; Тан-Богораз 1930: 74; ср.: Богораз 1901. № 127: 332). Как особо опасная расценивалась борьба на натертой жиром скользкой моржовой шкуре, края которой были утыканы остриями из кости (Богораз 1899: 363; 1991: 199). Выигравший мог забрать имущество побежденного (Богораз 1899: 358; 1991: 199). Было и смертельное единоборство на шкуре — противники вооружались копьями, то есть это был своеобразный синтез фехтования и борьбы (Козлов 1956: 60).

К боевым видам тренинга относилось умение владеть копьем, стрелять из лука и носить панцирь. Систему боевых упражнений описывает один документ XVIII в.: «Чукчи все мужественны на копьях и из луков стрелять проворны... обычай имеют... между собой друг с другом штурмуют копьями и надевши куяки бегают вокруг, например, час по три и более, а потом стреляют друг в друга из луков стрелами. Оне же ходят, когда приспеет кочевать, то за табуном всегда пешком в куяках идут» (Вдовин 1987: 105). Записка от 1770 г. сообщает аналогичную информацию: «...а для ловкости и разминажа пинают мячи и копейному сражению обучаются, також и друг друга из луков стреляют до ран» (Бриль 1792: 373; Окладников 1948: 36).

Итак, в комплексе соревнований сначала сражались на копьях. Как позднее отметил А. А. Ресин (1888: 172), «у них бывают примерные поединки, которые продолжаются до тех пор, пока один не сломает или не вышибет копья из рук другого», что и означало проигрыш в игре и в бою. Затем следовало состязание в беге по кругу на выносливость. Напомним, что еще в

XX в. в каждом береговом селении существовала спортивная площадка в форме круга диаметром более 30 м, по периметру которого шли три дорожки, а по краям находились камни для поднимания. Во внутреннем круге бежали дети, в среднем — пожилые, а во внешнем — молодые мужчины, состязавшиеся в выносливости на продолжительность пробега (Леонтьев 1960: 132—133; 1969: 139). Бегали по несколько часов сразу. Так мужчины могли тренироваться каждый вечер (Мерк 1978: 135).

В XVIII в., во время постоянных военных столкновений, бежали, как следует из документа, в доспехах. Поскольку доспех был неудобен, то для сражения в нем была необходима определенная сноровка, которая и вырабатывалась путем тренинга. Кроме того, доспех надевали при перекочевке — с теми же целями. К. Мерк (1978: 117) отмечал: «Молодые мужчины нередко упражняются в ношении панцирей, надевая их на целые дни, следуя за обозом нарт по боковым горным дорогам. Нередко им при этом приходится еще тащить на себе кое-какой груз» (ср.: Вдовин 1987: 106).

Потом следовала перестрелка из луков. Из документа неясно, были ли воины в доспехах или нет. Более вероятен второй вариант. Особо отмечается, что перестреливались до получения ранений". А нанести рану опытному бойцу было непросто, ведь уже мальчиков учили увертываться от стрел (Бабошина 1958. № 87: 213; Митлянский, Карахан 1987: 131; Бахтин 2000: 231; ср.: Козлов 1956: 133): «Идет юноша, вдруг крик — и в него летит тупая стрела — успеи увернуться» (Бабошина 1958. № 95: 231)¹². Воины, согласно преданиям, могли достичь даже такого мастерства в бою, что ловили стрелы и посылали их обратно во врага (Козлов 1956: 20; 62; Леонтьев 1969: 130; 1979: 3).

Упоминаемая в записке игра в мяч была просто спортивным соревнованием, напоминавшим регби, в котором можно бить мяч ногой. Мяч был сделан из оленьей шерсти, покрытой нерпичьей шкурой. Играли в него две команды, борющиеся за обладание мячом, который нужно было донести до положенного места (Леонтьев 1960: 133-134; 1969: 141; Богораз 1991: 202, 205)¹³.

Казак Б. Кузнецкий (1756) описывает упражнения оленых чукчей несколько по-иному: «Надев куяки и взяв луки со

¹¹ У коряков-олжоторцев мальчик сначала стрелял стрелами с деревянным наконечником, а только затем с острием из оленьего рога (Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 20: 91, § 3).

¹² Подобное увертывание от стрел было типичной тактикой сибирских народов (Воскобойников, Меновщиков 1951: 179 (эвенки); Козлова 1956: 252 (юкагиры); 297 (эвены)).

¹³ Относительно игры в мяч Н. Н. Беретти (1929: 28) упоминает, что у коряков и чукчей был своеобразный «хоккей с мячом», когда две команды гоняли палками травяной мяч, обмотанный шнуром.

стрелами, и делают друг против друга один только пример, натянувши лук, а стрелы из рук не выпускают, а потом берут копьа, такой же делают пример, как в сражении быть надобно, потому ж до устатку» (КПЦ. № 70: 181). Этот тренинг, с одной стороны, более условный, а с другой — более приближенный к боевым условиям. Основная разница со сражением заключается в том, что из лука не стреляли, а копьем не кололи. В данном случае отрабатывалась реакция воина на действие противника. Последовательность же упражнений чисто боевая. Воин в доспехе сначала действует луком, а затем, взяв копье, им сражается. Заметим, что панцирь при этом не снимается; копье, по-видимому, во время стрельбы воин не держал в руках — все это походило на боевую практику.

Кроме того, у приморского населения проводились соревнования по метанию камней из пращи, по дальности и меткости (Леонтьев 1969: 137—138). Существовали состязания и в метании дротиков (Богораз 1991: 199).

Весь образ жизни чукчей с постоянными тренировками был нацелен на суровую борьбу за существование, на готовность к перенесению голода и холода, к охоте на зверя, борьбе с врагами. Тренировка мальчиков велась индивидуально, поэтому они были превосходными воинами-индивидуалами в ущерб групповым действиям в бою. Традиции спортивной подготовки сохранялись еще и в первой половине XX в. Так, штабс-капитан Н. Ф. Каллиников (1912: 168) восхищенно заметил о физической подготовке: «Чукчи, особенно оленные, замечательные ходоки. Это прямо какие-то стальные люди в преодолении усталости, голода, бессонницы... особенно в молодые годы».

Военная специализация. В соответствии со своей подготовкой воины могли специализироваться на том или ином способе боя. Это, естественно, не исключает того, что при необходимости воин мог сражаться и по своей специализации, ведь еще не было ни различных родов войск, ни отдельных отрядов, специализировавшихся на каких-то военных занятиях. Юноши, согласно своим физическим данным, по тренингу могли быть борцами или бегунами, реже и теми и другими (Меновщиков 1985. № 127: 307). Первые и были, собственно, воинами в панцирях, способными разбить врага даже в рукопашной схватке. Впрочем молодежь в конце XVIII в. кичливо считала, что сражаться в доспехе недостойно (Сарычев 1952: 267). По-видимому, это был определенный максимализм юности, ведь сражались все же в панцирях. Бегуны предназначались для преследования спасающегося бегством врага уже на финальном этапе боя (Бабошина 1958. № 100: 242). В эскимосском сказании о Виютку выделяются три основные специализации, в соответствии с которыми бы-

ло поделено ополчение приморских жителей: борцы, бегуны и копьеметатели (Меновщиков 1985. № 127: 307—310). Если первая категория бойцов, вооруженная луками, копьями и пращами, участвовала только в самой битве, то бегуны и, в меньшей степени, копьеметатели должны были преследовать разбитого врага. Так же и в самой битве: воины в легком вооружении были подвижны в бою, а некоторая часть, очевидно в панцирях, сражалась в группах или даже парах (Козлов 1954: 143). Ведь в доспехе, особенно металлическом, напоминавшем узкое платье с разрезом справа, подвижность воина была ограничена. При налете на стойбище врага воины также различались по своим задачам: одни были арканщиками, опрокидывавшими ярангу, другие — копейщиками, прокалывающими покрытие яранги, третьи — угоняющими стада (Мерк 1978: 120). Естественно, существовали и более оригинальные «специализации». Так, упоминается и мастер по захвату языка (пленного) (Бабошина 1958. № 98: 238—239).

Естественно, каждый воин мог предпочитать то или иное оружие и в соответствии с этим сражаться. В. Г. Богораз, базируясь на своих данных, полагал, что воины у южных телькепских чукчей в доспехах были вооружены фехтовальными копьями, тогда как легковооруженные воины были палиценосцами, пращниками, дротикометателями или имели в качестве главного оружия «каменные кистени на крепком ремне» (Тан-Богораз 1979: 53—54). Судя по сохранившейся информации, у чукчей воины в доспехах сражались и луком, и копьем, у эскимосов же латники предпочитали лук и стрелы. Пращников и дротикометателей можно рассматривать как бойцов без доспехов. Воины с различным оружием, как уже отмечалось, не составляли отдельных отрядов, они располагались в строю в соответствии с их тактическими возможностями.

ВООРУЖЕНИЕ, СНАРЯЖЕНИЕ, СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Чукчи не имели ремесленников, производивших военное снаряжение. В конце XIX в. «кузнецы» оседлых чукчей и эскимосов умели изготавливать лишь простые изделия из полос железа методом холоднойковки (Богораз 1991: 76; Тан-Богораз 1934: 11). Согласно М. Соэру, оседлые жители производили луки, стрелы и копья (Sauer 1802: 105—106, 110; Воскобойников, Меновщиков 1951: 579; Козлов 1956: 186). Оленные чукчи сами не производили вооружение, исключение составляли, по-видимому, лишь стрелы — наиболее часто расходуемое оружие, довольно простое в производстве. Так, к примеру, в коллекции Н. П. Сокольского в РЭМе есть стрела с наконечником, сделанным из напильника (Ухтомский 1913: 115. Рис. 6g) или из старого лезвия ножа (Ухтомский 1913: 115. Рис. 4g). Очевидно, собственно чукотскими изделиями являются и стрелы, имеющие наконечник из котельной жести или листового железа (Ухтомский 1913: 111). Возможно, именно нуждами подобного производства и объясняются российские подарки — пластины доспеха — восточносибирским народам («полицы куяшные»; Орлова 1951. № 140: 364; Белов 1952. № 12: 60; № 19: 77; № 58: 172; № 66: 194; № 67: 196). Панцири обычно чукчи не производили сами. Хотя, с другой стороны, в конце XVIII в. чукчи просили у русских медные листы именно для производства панцирей (Вдовин 1965: 34, 39; ср.: Богораз 1899: 365; Сарычев 1952: 239). Оружие обычно обменивалось или захватывалось в ходе набегов. В XVIII в., когда шли войны, одним из основных источников получения оружия была военная добыча (Словцов 1856: 21). После же этого периода остался один источник — торговля (см.: Врангель 1835: 604—608). От юкагиров чукчи получали ко-

пья, пальмы, китайские ножи (Андреев 1940: 156); от аляскинских эскимосов — луки и стрелы (Мерк 1978: 116; Меновщиков 1959: 27); от коряков же и американских эскимосов — панцири (Мерк 1978: 116); от русских уже в 1788 г. — табак, котлы, копья, ружья и другие железные изделия (Лессепс 1801. Ч. II: 115). Доспех из Музея культур в Хельсинки, полученный от чукчей в Анадыре, был добыт от ительменов (Palsi 1983: 104).

Защитное вооружение

Доспех. Чукчи использовали два основных типа доспеха: кожаный ленточный-ламинарный и пластинчатый-ламеллярный, а позднее — железный¹. Кожаные и железные доспехи представляли собой латы, закрывающие воина с головы до колен или даже до середины голени, тогда как костяной ламеллярный панцирь был полукирасой или кирасой, защищавшей корпус воина, иногда в сочетании с крыльями. Как справедливо отметил И. С. Вдовин (1965: 36), наиболее распространенным был доспех из моржовой кожи, поскольку он, по видимому, был более дешевым. Ламеллярный доспех ценился дороже. Пластины такого доспеха делались из ребер оленя, моржового клыка, китового уса (Вдовин 1965: 36; Кашеваров 1846. № 228: 911—912), в XVIII в. их изготавливали из железа, сохранив при этом сам тип панциря. По сообщению У. Хага, основным материалом для доспехов были клыки моржа, реже кость, причем они не комбинировались в одном доспехе (Laufer 1914: 263, п. 3). Судя по всему, доспех был самым обычным видом оборонительного оружия у чукчей в XVIII в. Царское правительство запрещало продавать чукчам железо, и потому такие покупные латы считались наиболее ценными (Мерк 1978: 116—117; Григорьев 1876: 572; Вдовин 1965: 36). Во второй четверти XVIII в. железные доспехи стали постепенно теснить костяные. Так, в 1731 г. у чукчей были «куяки железные и лахточные» (Вдовин 1965: 37). Участник похода Д. И. Павлуцкого сообщал (1744), что чукчи имели «куяки железные, костяные, выделанные так же, как и железные» (Вдовин 1965: 35). Капрал Г. Г. Шейкин (1750-е гг.) отметил, что «чукчи ж место панцыря во время баталии надевают куюки однобоки, сделаны из железа и из китовых усов» (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; Вдовин 1965: 37). Записка от 1769 г. упоминает «куяки железные, костяные, тож и панцири» (Окладников 1948: 36).

Наиболее дешевым был ламинарный доспех из кожи лах-така — крупного тюленя, называемого морским зайцем (Phoca

¹ О типологизации конструкции доспехов' Худяков, Соловьев 1987. 138.

barbata). Участник экспедиции капитана И. И. Биллингса доктор Карл Мерк со свойственной ему немецкой скрупулезностью так описывает данный доспех (1978: 116; ср.: Вдовин 1965: 36): «Их панцирь — Murgau — состоит из заднего щита, который представляет собой деревянную доску четырехугольной формы в один дюйм [2,5 см] толщины, в полтора фута длины [45 см] и в один фут и три дюйма [37,5 см] ширины, которая снаружи и изнутри обтянута окрашенной в белый цвет тюленьей кожей и закрывает затылок и голову. Сверху, частично по краям, а также по середине щит окрашен в красный цвет, и с него свешиваются окрашенные кисти. К заднему щиту прикреплен с левой стороны передний щит, свободный и гибкий, состоящий из четырех тонких также обтянутых внутри и снаружи тюленьей кожей дощечек в четыре дюйма [10 см] ширины, которые заканчиваются спереди куском из двойной кожи лахтака в шесть с половиной дюймов [16 см] ширины. Эти дощечки соединены друг с другом узкими ремнями, а передние дощечки скошены наверху вдоль. Для удлинения панциря служат загнутые вокруг тела человека восемь ременных лент из кожи лахтака в два слоя. Первая лента шириной в пять дюймов [12,5 см], остальные — в четыре дюйма [10 см]². Задний щит прикреплен ремешками к самой верхней ленте, последующие ленты соединены друг с другом таким же образом. Снаружи недалеко от верхнего края прикреплены ровдужные ремешки, которыми нижняя часть панциря подвязывается к поясу, и это обеспечивает передвижение в нем. Спереди к самой верхней ременной ленте прикреплена нагрудная часть из кожи лахтака, взятой вдвойне, шириной десять дюймов [25 см] и длиной в семь дюймов [17,5 см], имеющая у шеи закругленный вырез, по бокам которого прикреплены закрепки из кости или китового уса, которые служат для притягивания панциря. Такие же кости просунуты в прорези ремня, пропущенного сзади внутри верхней ленты, как и через задний щит, лежащий на плечах. Через петлю переднего щита просовывают чукчи левую руку (а иногда и правую, если передний щит имеется у них и с правой стороны, что бывает реже), благодаря чему они могут отгибать щит вперед и назад. С правого бока нижняя часть панциря соединяется только наверху на груди при помощи петли, в которую входит крючок, а внизу она открыта». Именно такой тип доспеха приводит на своем рисунке художник экспедиции Лука Воронин (см.: Самойлов 1945: 112; Антропова 1957: 205. Рис. 22).

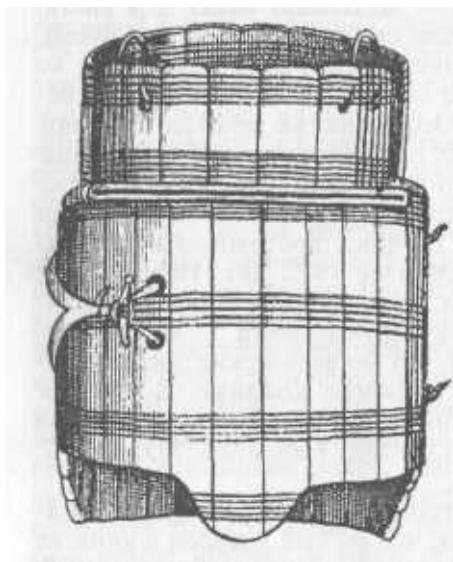
Итак, основным элементом данных лат являлись кожаные ленты, которые защищали низ груди и корпус воина до колен.

² В переводе З. Д. Титовой 10 дюймов — 25 см. Цифра, приводимая И. С. Вдовиным (4 дюйма), представляется, исходя из длины самого доспеха, более реальной.

Таких лент могло быть различное количество, судя по экспонатам музеев, где хранятся подобные доспехи, — 7—11, в зависимости от роста воина и ширины лент. Причем сами ленты могли быть не только двух-, но и четырехслойными: две ленты из тюленьей кожи обкладывались по бокам двумя моржовыми, что увеличивало толщину и, как следствие, непроницаемость доспеха (Malaurie 1974: 144). У доспехов из Национального музея естественной истории в Вашингтоне и Полевого музея естественной истории, происходящих с Чукотского побережья, верхний, шестой, обруч сделан из китового уса, обтянутого кожей лахтака (VanStone 1983: 6; Hughes 1984: 245. Fig. b). Ламинарный подол держался на войне посредством двух ремешков, идущих поверх плеч сзади от верхней ленты вперед к двум «пуговицам» сверху нагрудника, где они и скреплялись; другие два ремня, выходящие сзади из этой же ленты, крепились на паре «пуговиц» на затыльника, связывая таким образом верхнюю и нижнюю части доспеха (VanStone 1983: 6). На крыле ближе к краю располагались две веревки, одна большая, идущая от верхнего угла крыла до нижнего, и на самом конце — небольшая петля для кисти. Отпустив последнюю, можно было свободно действовать рукой, тогда как панцирь держался на лямке около подмышки. Если же не брать за крайнюю ручку, то можно было свободно действовать кистью в рамках лямки. Особенностью данного панциря являлось то, что он не закрывал полностью правый бок бойца. Вероятно, это связано с тем, что воин большую часть боя стрелял из лука, повернувшись к противнику защищенным левым боком. Именно для прикрытия от стрел противника и предназначался такой панцирь (ср.: Сарычев 1952: 261; Ноорег 1853: 162). Воин в таком доспехе был малоподвижен в бою, но панцирь защищал его от метательного оружия врага. Г. М. Панченко (1997: 242—243) даже считает, что металлические доспехи менее сковывали движение, чем подобные кожаные. Ловко мог увертываться от стрел чукотский воин, не имевший доспеха (Богораз 1900. № 132: 337; № 133: 338; Бабошина 1958. № 87: 213-214; № 90: 217).

В. Г. Богораз упоминает технологию изготовления кожного чукотского панциря, говоря, что он был выварен в кипятке и прошит шнурками из жил с оленьих ног (Тан-Богораз 1979: 98). Согласно экспериментам Дж. Коулза, после того как он на 30 секунд погрузил реплику кожного щита в горячую воду (+80 °C), кожа затвердела и стала водонепроницаема, но вместе с тем легко изгибалась (Малинова, Малина 1988: 79). Таким образом, кожу вываривали для того, чтобы она отталкивала воду и не портилась, сохраняя при этом эластичность. Естественно, кожа сушилась на солнце (Ноорег 1853: 162).

Следующий вид панциря — ламеллярный доспех оленных чукчей — описал в 1792 г. другой участник экспедиции И. И. Билингса — капитан Г. А. Сарычев: «Некоторые из чукчей, и то редкие, употребляют латы, надевая их на себя при нападении на неприятеля. Ими закрывает себе чукча голову и все тело по колению, кроме правой руки, в которой имеет копье, левую же рукою держит у лат откидное крыло, которым закрывает свое лицо от неприятельских стрел. Латы сии состоят из нескольких поперечных полос, одна над другой, составленных из тонких коротких деревянных дощечек, обшитых оленьей выделанной кожей. Полосы сии окружают поперек человека и привязаны одна к другой ремешками так, что можно их удобно поднимать кверху, дабы при случае ухода от неприятеля свободно было бежать. Чукчи признавались, что сии латы при нападении на неприятеля неудобны и мешают свободно действовать и только полезны могут быть убегающему от неприятельских стрел. А потому все храбрые чукчи почитают за стыд их иметь, как явный признак трусости». (Сарычев 1952: 267). В 1867 г. Г. Майдель (1925: 30)

Индийский деревянный панцирь
из залива Нутка (втор. пол. XVIII в.).
Британский музей. Воспроизведено по:
Ratzel 1887: Taf. II, fig. 8

отмечал подобный доспех из лахтачьей кожи как характерный для оленных чукчей Чукотского полуострова: «Только там еще найдутся старые чукотские латы, сделанные из лафтока с деревянными обручами» (ср.: Нейман 1871. Т. I: 18; Богораз 1900. № 127: 331)³.

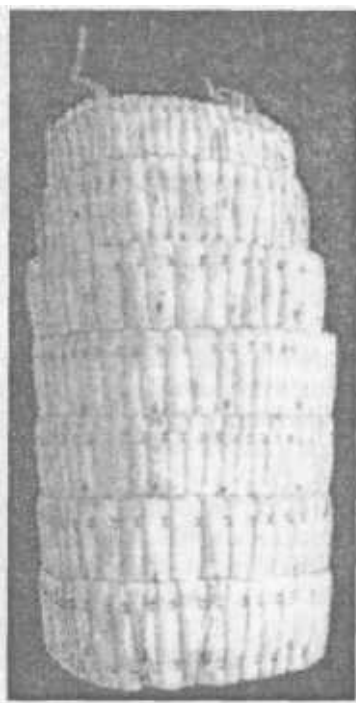
Таким образом, мы видим, что перед нами тот же, что и предыдущий, тип панциря, только ленты данного доспеха сделаны не из кожи, а из деревянных пластин, обтянутых кожей и связанных между собой. По-видимому, дерево вставлялось в панцирь для усиления броневых качеств, по образцу конструкции крыльев. Кожа же, в свою очередь, предохраняла дерево от сырости. Вероятно,

³ В примечании к «Сказанию об Эленди и его сыновьях» В. Г. Богораз (1899: 366, примеч. 7) мимоходом упоминает чукотско-корякский панцирь из дубовой коры, никак не поясняя свою информацию.

данный доспех появился позднее, по образцу кожного панциря, в подражание конструкции которого он и производился. Возможно, использование дерева для этого доспеха было восточным американским влиянием. Ведь индейцы Северо-Запада широко применяли панцири из дощечек и стволов, он существовал у алеутов, аляскинских эскимосов, тлинкитов (Чулков 1785. Кн. 2: 462, 464; Ratzel 1887: 185-192, 200; Burch 1988: 230. Fig. 306 (right); Шнирельман 1994: 118); айны Кунашира в XVIII в. также использовали ламеллярный доспех из деревянных пластинок (Берг 1949: 142). Однако вид доспеха тут был иной. Иеромонах Гедеон (1994: 61) так описывал панцирь эскимосов о. Кадьяк (1804): дощечки толщиной 2 см, шириной 4,4 см связывают между собой жильными нитками, длиной они 62 см сзади и 35 см спереди. Сверху грудь защищает еще плотно связанный ряд дощечек длиной 17 см. Следовательно, перед нами деревянная кираса, похожая на эскимосские панцири из кости или моржовых клыков. Доспехи сами чукчи, в основном, не производили, а получали их у коряков или американских эскимосов (Мерк 1978: 116; ср.: Вдовин 1965: 35). Собственно чукотско-эскимосской инновацией было покрытие пластин кожей, в подражание уже существовавшей конструкции кожного панциря.

Один вид ламеллярного неметаллического доспеха был переходным от кожного ламинарного к кирасе. Так, чукотские латы из РЭМа (№ 4859-14, 17) представляют собой длинный, до бедер, нагрудник из семи полос узких вертикальных пластин (12х3 см) из оленьего рога. Нагрудник был достаточно глубок и защищал бока воина вплоть до лопаток. Этот панцирь, согласно приобретенному комплекту, носился вместе с кожным левосторонним крылом, прикрывающим спину, но не голову (Thordeman 1939: 263. Fig. 252; Анторова 1957: 206. Рис. 23). Возможно, самого подола не было, и панцирь прикрывал лишь грудь воина.

Другой вид панциря являлся кирасой. Так, А. Е. Норденшельд

Чукотский нагрудник из семи рядов пластин рога оленя.
РЭМ, № 4859-14. Воспроизведено по: Анторова 1957: 206, рис. 23

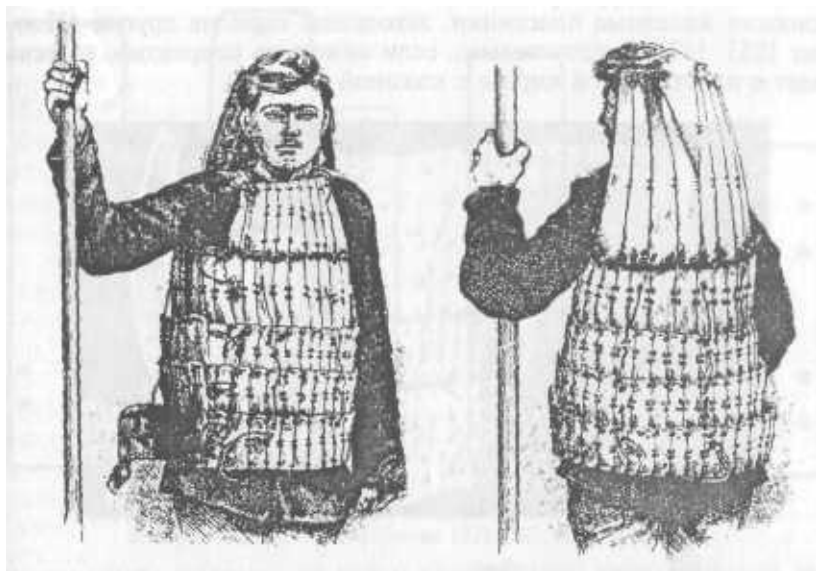

Эскимосский нагрудник из костяных пластин с о. Св. Лаврентия (нач. XIX в.).
Пластины связаны между собой ремнями.
МАЭ, № 571-99. Воспроизведено по:
Антропова 1957: 208, рис. 25

(1936: 321) в начале 1880-х гг. приобрел ламеллярный панцирь из трех рядов пластин из моржового клыка, видимо в виде длинной кирасы. Пластины имели размер 12х4 см, толщина их была значительной, около 1 см, они соединялись традиционно — через три пары отверстий. Неясно, были ли у этого панциря кожаные детали — автор об этом ничего не сообщает (ср.: Ratzel 1887: 196; Тан-Богораз 1979: 53). Впрочем, ничего невероятного в этом нет. Такой доспех был типичным для эскимосов. Аналогичный чукотский (?) доспех из семи рядов пластин размером 12,0х1,5 см,

сделанных из трубчатых костей и ребер, происходит из коллекций бывших российско-американских владений (рубеж XVIII—XIX вв. Волков, Руденко 1910: 190. Рис. 23). Подобный же вид имели и доспехи из китового уса, естественно, эскимосского происхождения (Антропова 1957: 210; ср.: Кашеваров 1846. № 228: 911—912; Александров 1872: 85; Вдовин 1987: 72; Новикова 1987: 101 (коряки)). Такой тип кирасы применялся и аляскинскими эскимосами. Так, с мыса Принца Уэльского происходит панцирь из трех рядов пластин 2,5 см шириной и 15,0 см длиной, общей высотой 1,1 м, хранящийся в Национальном музее в Вашингтоне (№ 153 419). Пластины крепились в ряд ремешками через шесть отверстий, по три с каждой стороны (Laufer 1914: 256. Pl. XXIX; ср.: Волков, Руденко 1910: 190. Рис. 23; Thorntop 1931: Pl between 24—25). Причем, судя по упоминанию у уназикского эскимоса Айвангу (1985: 53), панцирь из моржовых пластин носился под кухлянкой. Эта же традиция ношения панциря под одеждой была характерна для эскимосов Западной Аляски (Nelson 1899: 330; Burch 1974: 5; 1998: 72, 117; Malaurie 1974: 143).

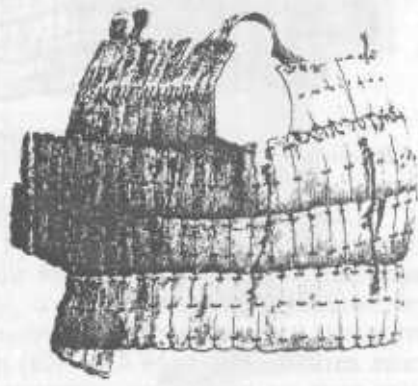
Эскимосские доспехи из клыков моржа имели одну систему перфорации: по три с каждой продольной стороны пластины. Иногда отверстия двойные, подчас добавлено третье отверстие в центре или сверху, или снизу (Laufer 1914: 264, п. 1). Подобная система креплений из трех пар отверстий является довольно древней на Чукотке. Такие пластины найдены в Пегтымельской

Эскимосский (с американских островов) панцирь из костяных пластинок, скрепленных ремнями, со своеобразным воротом сзади.
Панцирь напет на европейца. Хранился в Историко-этнографическом музее в Хельсинки. Воспроизведено по: Ratzel 1887: Taf. II, fig. 5—6

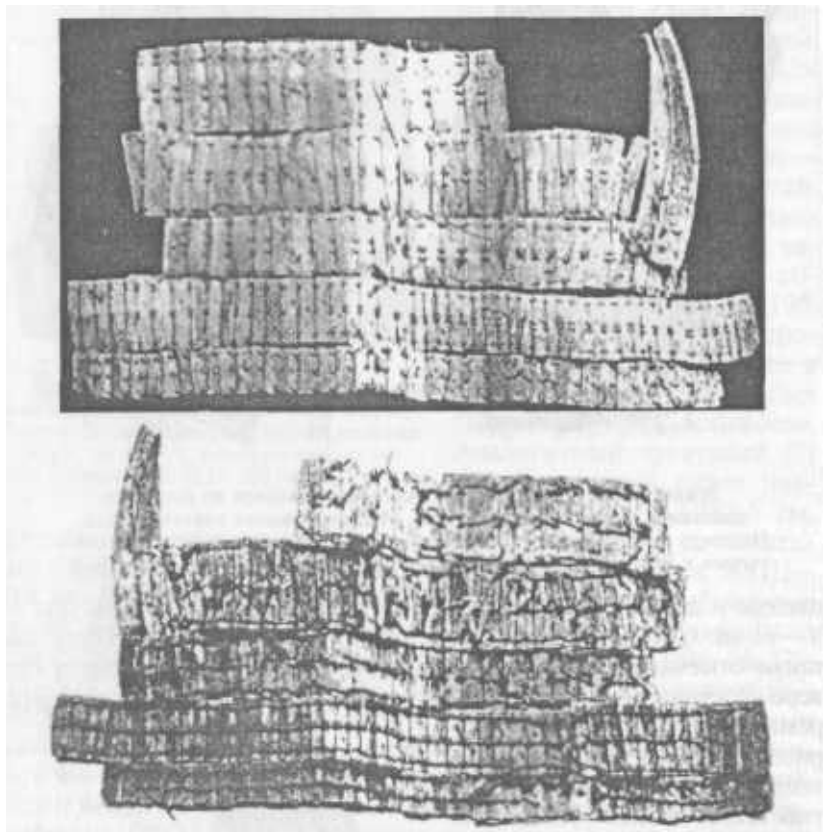
пещере и датируются периодом древнеберингоморской культуры - V—VI вв. (Диков 1971: 43). Специалист по доспеху Б. Тордеман также отмечал следующие особенности ламеллярного доспеха Северо-Восточной Сибири: пластины не перекрывают друг друга, ремешки креплений идут горизонтально; в целом же система отверстий напоминает тибетский доспех (Thordeman 1939: 255—256). Эта система отверстий затем была перенесена на металлический доспех (Laufer 1914: Pl. XXIX).

Еще один вид панциря, принадлежавшего богатому береговому чукче, описывает лейтенант У. Х. Хупер: это был доспех, состоящий из нагрудника и наспинника, сделанных из толстой моржовой кожи (до 6 мм), иногда двойной, на которую сверху были прикреплены

Эскимосская (американская островная) кираса из костяных пластинок, скрепленных ремнями.
Хранилась в Историко-этнографическом музее в Хельсинки. Воспроизведено по: Ratzel 1887: Taf. I, fig. 7

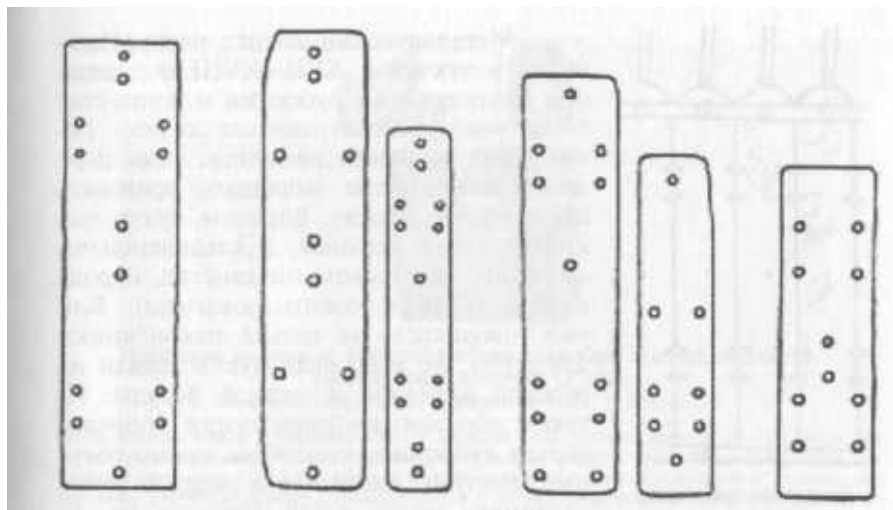
плоские железные пластинки, заходящие одна на другую (Hooper 1853: 162). Следовательно, если описание корректно, то речь идет о пластинчатой кирасе с кожаной основой.

Эскимосский (американский) панцирь из пластин.

Внешняя и внутренняя сторона. Воспроизведено по: Nelson 1899: Pl. XC11

Ламеллярный железный доспех повторял конструкцию косяного и деревянного. К. Мерк (1978: 116—117) об этом доспехе замечает: «Также есть у чукчей железные панцири, сделанные из соединенных ремнями друг с другом продолговатых четырехугольных кусков железа, которые они особенно ценят». Чукотские латы из МАЭ (№ 434—10а) представляют собой семь железных лент из пластинок, которые прикреплены к наспиннику с одним правым крылом, спереди имеется кожаный нагрудник. Подобные железные пластины имели длину 6—12 см, а ширину — 2—4 см (см.: Антропова 1957: 211-213. Рис. 27; Thordeman 1939: 262. Fig. 251; Богораз 1991: 101). Крылья и нагрудник для проч-

Формы перфорации на пластинах от ламеллярных панцирей с Чукотки.

Воспроизведено по: Thordeman 1939: 247, figs. 232, 45—50

ности обиты железом, на них и прикреплены металлические декоративные бляхи из того же материала (Волков, Руденко 1910: 191). В качестве украшения к каждой пластинке доспеха могли прикреплять нитку с несколькими бусинками. Так, на доспехе из российско-американской этнографической коллекции к каждой пластинке прикреплен веревочка с тремя крупными синими бусинками (Волков, Руденко 1910: 191. Табл. VIIId).

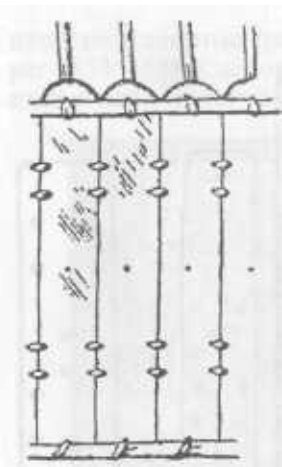
Железный доспех имел систему отверстий, отличную от брони из клыков. Тут базовыми были две пары отверстий с каждой стороны, через них пластины крепились в ряд. Отверстия сверху и снизу служили для закрепления ремня, соединяющего горизонтальный ряд, а через одно-два отверстия посередине пластины внешним косым ремешком соединяли сами ряды (см.: Богораз 1901: Табл. XII, 4; 1991: Рис. 86Б; Волков, Руденко 1910: 191. Табл. VIIId; cp.: Thordeman 1939: 256. Figs. 45-49).

Кожанный ламинарный панцирь с правым крылом из Чукотки.

Вид сзади. МАЭ, № 434-9.

Воспроизведено по: Антропова 1957: 202, рис. 20

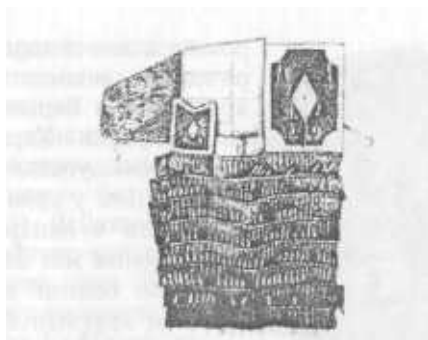
**Крепление чукотского
ламеллярного доспеха
(с внешней стороны).**
Воспроизведено по:
Богораз 1991: 98, рис. 86б

Металлический доспех распространился у чукчей в XVII—XVIII вв., когда они столкнулись с русскими и когда стало широко распространяться железо. Такие латы особенно ценились, ведь царское правительство запрещало продавать им железное оружие. Впрочем, чукчи покупали его у ясачных, а следовательно, состоящих в русском подданстве, народностей (коряки, эвены, юкагиры). Как уже говорилось, не только наконечники для стрел, но и доспехи чукчи делали из русской железной и медной посуды. И, таким образом, панцири могли производиться кустарным способом: прямоугольные пластины связывали в ряды, которые соединяли между собой. Позднее, на рубеже XIX—XX вв., чукчи считали, что железные доспехи ковали именно их предки (Богораз 1901: 30). Как видим, доспехи могли

быть из медных пластинок. Действительно, медные пластины обнаружены на о. Св. Лаврентия наряду с железными, а сам медный доспех из Восточной Сибири хранится в Британском музее (№ 1904, 10-28, 1; Thordeman 1939: 445, п. 197).

Характерной особенностью чукотских доспехов было наличие обтянутых кожей деревянных наспинников и крыльев. Обычно у доспеха было одно крыло, располагающееся слева. Левши имели правое крыло. Реже встречались у чукчей доспехи с двумя крыльями. Существовало два типа крыльев: цельное деревянное и составное, сделанное из нескольких (обычно шести) кусков дерева, обтянутых кожей и представляющих собой единое целое. Первый тип крыльев ясно видим на доспехе из МАЭ, № 434—Юа (Антропова 1957: 214. Рис. 31). Переходный вариант показывает панцирь из этнографической коллекции Русской Америки, переданный в РЭМ, он имеет три доски, обтянутые кожей: квадратный назатыльник (37x55 см), защиту левого плеча и прикрытие руки в форме неправильного, скошенного сверху четырехугольника (Волков, Руденко 1910: 191. Табл. VIHd). Составной тип крыльев хорошо показывает данная часть панциря, хранящаяся в Полевом музее естественной истории в Чикаго, которая была получена от азиатских эскимосов. Разворот крыльев имел длину 1,55 м, а высоту - 57,0 см (Laufer 1914: 183-184; Pl. XII).

Крылья часто окрашивались в белый цвет и разрисовывались узорами, носившими определенную смысловую нагрузку (Мерк 1978: 116; Palsi 1983: 104). Нередко эти щиты орнаменти

Чукотские доспехи из этнографической коллекции бывших российско-американских владений (РЭМ).

Воспроизведено по: Деревянко 1987: 113. рис. 23

Латы, видимо, можно датировать XVIII в. Верхняя часть доспехов состоит из трех досок, две из которых предназначены для действия левой рукой, а третья является наспинником. Последний (размером 37х53 см) обтянут желтой кожей, обит по краю железом и украшен посередине жестяным ромбом. Прямоугольный с полукруглым вырезом сверху нагрудник из обтянутого кожей дерева укреплен по краям жестью и прикреплен к подолу доспеха. состоящему из восьми рядов железных пластин размером 2х11 см. Доспех украшен многочисленными подвесками из синих, голубых и белых бус закрепленных на каждой пластине панциря. Общая длина панциря 1.23 м. ширина внизу — 86 см (Волков. Руденко 1910: 190)

Чукча в ламинарном доспехе с левым крылом. Гравюра конца XVIII в.

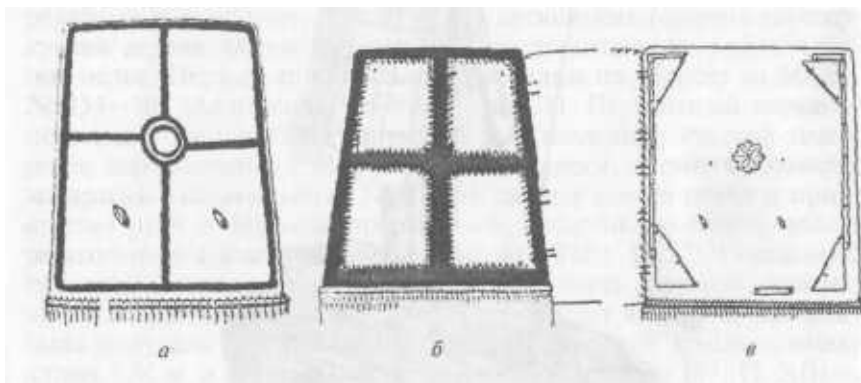
Воспроизведено по: Антропова 1957: 205, рис. 22

Правое крыло от чукотского панциря со схематичными узорами.
МАЭ, № 434-Юа. Воспроизведено по: Антропова 1957: 214, рис. 31

ровались линейным и/или геометрическим орнаментом с помощью красной (из охры) и черной (из сажи) краски. Характерным узором прямоугольной пластины были линии у края и перекрещивающиеся в центре, в месте их пересечения мог быть изображен круг или солнце или даже прикреплен круглый амулет с двумя хвостиками (Мерк 1978: 116; Тан-Богораз 1979: 57–58; Богораз 1991: 87a, b; Антропова 1957: Рис. 27, 30, 31; VanStone 1983: Fig. 5; ср.: Mа-laurie 1974: 144: звезда у эскимосов с о. Св. Лаврентия). Вероятно, данный узор наряду с чисто эстетической функцией имел определенный солярный характер.

Существовали и более сложные композиции. Так, на щите доспеха, хранящегося в МАЭ (№ 434—Юа), показаны геометрические фигуры, которые, по мнению В. В. Антроповой (1957: 214—215), изображают убитого врага. Действительно, чукча, убивший человека, наносил на плечи изображение души убитого, чтобы сделать ее своим помощником или даже частью своей души (Богораз 1939: 50; ср.: Иванов 1954: 505; Антропова 1957: 215). Возможно, данное изображение напоминает об этом.

Внешние узоры на назатыльниках от доспехов:

а, б — корякские, *в* — чукотский.

Воспроизведено по: Богораз 1991. 98, рис. 87

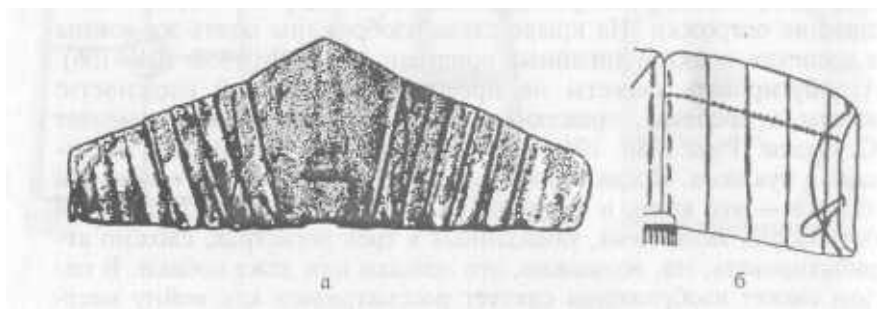
В. Г. Богораз в своем романе «Восемь племен» упоминает изображенный красной охрой на белом крыле доспеха поединок двух воинов, одного в панцире, а другого — без (Тан-Богораз 1979: 58). Действительно, броня из Музея культур в Хельсинки имеет еще более сложную картину на крыле, хотя информаторы С. Пялси утверждали, что доспех сделан не самими чукчами, а ительменами, от которых первые его получили (Palsi 1983: 104). Впрочем, несмотря на данное сообщение, этот доспех более похож на броню корякской работы, нежели ительменской. С. П. Крашенинников (1949: 404, 705) указывает, что у ительменов был ламинарный доспех с нагрудником и наспинным щитом из кожи, крыло при этом автор не упоминает. Итак, наспинный щит разделен на пять регистров: в верхнем показана борьба панцирных воинов между собой с помощью лука и копий, затем три ряда животных с длинными ногами и хвостами и, наконец, в самом широком, пятом, регистре представлены панцирные воины, осаждающие острожки. На крыле слева изображены опять же воины в доспехах, лодки и линейный орнамент (см.: Palsi 1983: 104—106). Атрибутировать сюжеты не представляет большой сложности: воины в доспехах, сражающиеся друг с другом, как отмечает С. Пялси (Palsi 1983: 104), — это коряки или ительмены, воюющие с чукчами. Когда в поединке представлены воин с мечом и латник — это казак и туземец. То же можно сказать и об осаде острожков. Животных, показанных в трех регистрах, сложно атрибутировать, но, возможно, это лошади или даже собаки. В целом сюжет изображения следует рассматривать как войну местных племен с казаками. Прав С. Пялси, полагая, что тут изображен целый рассказ, который надо читать, как комиксы (Palsi 1983: 104).

Железный ламеллярный доспех с крылом и назатыльником, украшенными сложными композиционными изображениями.

Музей культур в Хельсинки. Возможно, корякская работа, хотя С. Пялси считает его работой ительменов. Воспроизведено по: Palsi 1983: 105, kuva 59

Судя по всему, у азиатских эскимосов часто применялся панцирь со вторым видом крыльев, то есть с шестью деревянными пластинами, которые были обшиты кожей со складками между пластинами, чтобы крылья могли двигаться вперед-назад. Вероятно, у эскимосского панциря чаще было два таких крыла. Наспинная же часть этих крыльев в форме острого угла располагалась так высоко, что прикрывала сзади голову. А поскольку спереди лицо можно были прикрыть руками с панцирным крылом, то шлемы среди эскимосов не получили такого широкого распространения, как у чукчей (ср.: Меновщиков 1950: 17 (упоминается только панцирь)). Для такого панциря был характерен колоколообразный подол из кожаных лент, который защищал бока. Итак, возможно, такой тип доспеха более свойствен азиатским эскимосам. Ведь именно этого типа панцири с Азиатского побережья хранятся в МАЭ (№ 434-9; см.: Богораз 1901: Табл. XII, 1; Антропова 1957: Рис. 20), в Национальном музее в Вашингтоне (Богораз 1991: Рис. 88) и Полевом музее естественной истории в Чикаго (VanStone 1983: Figs. 2—5). Подобный же панцирь мы видим на статуэтке из моржового клыка середины XIX в. (Иванов 1954: 451. Рис. 29; Антропова 1957: Рис. 33); его же имеют три воина, изображенные на тюленьей шкуре, которая была приобретена американскими китобоями у оседлых чукчей в 1860—1870-х гг. (Иванов 1954: 451. Рис. 28, фиг. 63) и на экспонате п Полевого музея натуральной истории в Чикаго (№ 34,150), приводимом Б. Лауфером (Laufer 1914: Fig. XII), мы видим его же. Такой панцирь применяли эскимосы о. Св. Лаврентия (Антропова 1957: 208. Рис. 21). Последние же являются выходцами с Азиатского побережья, поэтому неудивительно, что и данный доспех типологически относится к азиатским эскимосам (Богораз 1909: 179; Антропова 1957: 203). К. Мерк (1978: 117) так описывал доспех эскимосов Берингова пролива: «Островитяне про-

Эскимосские крылья от доспехов:

а — общий вид; б — левое крыло с лямкой для продевания руки и петель для захвата кистью руки. Национальный музей США, Вашингтон.

Воспроизведено по: Богораз 1991: 99: рис. 88

лива носят панцири, которые защищают и затылок. Эти панцири похожи на камзол, имеют рукава до половины задней части рук из пластинок в шесть дюймов длины [15 см] и два дюйма [5 см] ширины, сделанных из клыков моржей или рогов диких оленей, соединенных друг с другом ремешками из ровдуги». Очевидно, имеется в виду панцирь с высоким стоячим воротом из костяных пластин из бывшего Историко-этнографического музея в Хельсинки, полученный как раз от островных эскимосов (Ratzel 1887: 199. Taf. II. Fig. 5—6). Поскольку панцирь похож на камзол, то, очевидно, это была просто длинная кираса. Сложнее атрибутировать «крылышки», сделанные из прямоугольных пластин.

У аляскинских же эскимосов наспинный щит на панцире отсутствовал вовсе. Следовательно, доспехи с крыльями представляют сибирскую традицию, которую эскимосы приспособили к своим нуждам. Главным оружием эскимосов тогда был лук, и следовательно, данный панцирь должен был защищать в первую очередь от стрел (по маловероятному предположению Дж. Стоуна — от прашных камней (Stone 1961: 56)), для рукопашной он был малоудобен. В связи с этим и были развиты крылья, поскольку щитов не применяли. Существование именно двух крыльев объясняется, по-видимому, тем, что наиболее выгодная для стрельбы позиция могла располагаться как справа, так и слева от врага. Поэтому и лук брали то в левую, то в правую руку. Вспомним замечание К. Мерка (1978: 114) о том, что чукчам «почти безразлично, стрелять ли правой рукой или левой». А уже в зависимости от стойки — левой или правой — и защитную функцию выполняло, соответственно, левое или правое крыло.

У чукчей панцирь с двумя крыльями был редок (Мерк 1978: 116; ср.: Сарычев 1952: 267), обычно было одно левое крыло. В. Г. Богораз, основываясь на своих наблюдениях, считал, что в отряде южных чукчей из Телькепской тундры доспехи имела большая часть воинов, но только у некоторых из них были крылья для правой руки (Тан-Богораз 1979: 53). В целом чукчи должны были следовать образцам доспехов соседних народов. Однако могли быть и некие синтетические образцы. Так, они использовали доспехи корякского типа (не защищающие один бок воина), с более длинным, по образцу эскимосского, крылом.

Для коряков был традиционен костяной ламеллярный панцирь, который носили состоятельные воины (Линденау 1983: 126). Вспомним, что С. П. Крашенинников (1949: 383; 404; 705; 729) отличает корякские костяные и кожаные доспехи от защитного вооружения из циновки у ительменов. У бедных коряков доспехи были из нерпичьих кож (Крашенинников 1949: 729; ср.: Брилль 1792: 390). Костяные же доспехи богатых коряков в первой половине XVIII в. постепенно вытеснялись железными. Это

были ламеллярные латы из нескольких рядов железных пластин, к которым крепился деревянный щит чаще с одним крылом из нескольких дощечек. Крыло, видимо, было короче эскимосского. В. И. Иохельсон (1997: 101—102), на том основании, что корякские панцири были то с правым крылом, то с левым, полагал, что в подобных экземплярах одно крыло просто отсутствовало и, соответственно, все корякские доспехи имели по два крыла. Причем сами коряки в конце XIX в. расходились в объяснениях данного феномена: некоторые считали, что доспехи принадлежали левшам, другие же утверждали, что все доспехи имели два крыла. Вероятно, существовали различные типы доспешных щитов. Впрочем, нельзя исключать и то, что доспехи с двумя крыльями могли быть более распространены у коряков, чем у чукчей. Исходя из иллюстраций, приведенных В. И. Иохельсоном (1997: 101. Рис. 53—54), можно думать, что корякские доспехи не имели широкого разреза с левого бока, однако в сказании упоминается именно костяной доспех, оставлявший воина открытым с одной стороны (Лебедев, Симченко 1983: 131). Следовательно, это тот же тип панциря, что и кожаный ламинарный, известный у ительменов (Крашенинников 1949: 404). Что касается конструкции костяных лат коряков, то неясно, были ли они кирасой, как у эскимосов, или напоминали по покрою железные ламеллярные доспехи; возможно существование обоих вариантов.

Ясно, что крылья развились из высокого стоячего воротника, закрывающего затылок. Подобный прототип ламинарного доспеха из лахтачьей кожи, еще не имеющего крыльев, но уже обладающего назатыльным щитом, описывает С. П. Крашенинников (1949: 404; ср.: 705) в вооружении ительменов первой трети XVIII в. Поскольку щит не был распространен в регионе, но в бою, естественно, существовала необходимость защищаться от стрел противника, то и возникла такая гибридная форма щита, как подвижное крыло, соединенное с назатыльником, которым можно было пользоваться в бою как щитом. Возможно, до совершенной формы доспех с крыльями довели коряки, которые снабжали своими изделиями чукчей, ведь у ительменов подобные панцири имели только стоячий ворот, но не крылья. У эвенков же, как указывал Г. Ф. Миллер, крыло было еще достаточно коротким, защищавшим лишь плечо (Антропова 1957: 219).

Весьма сложная проблема связана с генезисом кожаных доспехов. Сложнее всего определить происхождение кожаных доспехов, которые археологически не засвидетельствованы. И. С. Вдовин (1965: 36) считает, что кожаный панцирь имеет эскимосское происхождение, а В. В. Антропова (1957: 218) связывает появление его на северо-востоке Сибири с предками коряков и чукчей.

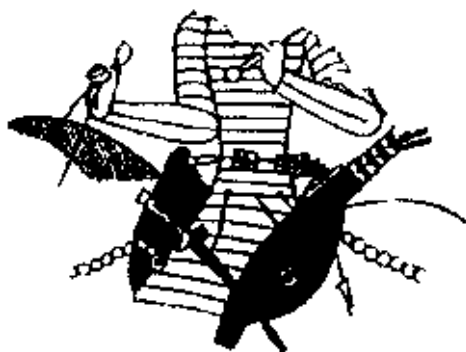
Совершенно очевидно, что доспех из такого подручного материала, как кожа, был достаточно древним, но из-за отсутствия данных нельзя с уверенностью говорить о его генезисе.

Крыло, прикрепленное к доспеху сзади, являлось характерной чертой восточносибирских доспехов (эвенки, коряки, чукчи, азиатские и островные эскимосы)⁴. Исходя из того, что занятия ремеслами более свойственны оседлым, чем кочевникам (ср.: Иванов 1954: 406), происхождение панциря следует, видимо, искать у оседлых этносов. Так, еще в XVIII в. чукчи получали свои доспехи у аляскинских эскимосов и коряков (Мерк 1978: 116). Доспех с подобным крылом неудобен для рукопашного боя, особенно для фехтования копьем (при фехтовании чукчи держали копье в обеих руках). Особенно это касается панцирей с двумя крыльями, которые весьма удобны для малоподвижного боя: они лучше защищают воина. Очевидно, чукчи не были изобретателями этого типа доспехов.

Сами крылья, прикрепленные сзади к доспеху, находят некоторые аналогии в чешуйчатом панцире всадника-скифа, изображенного на гребне из кургана Солоха (начало IV в. до н. э.). Этот воин имеет овальный щит, горизонтально закрепленный за плечами в качестве наспинника (Горелик 1993. Табл. LII, 2). Такой же чешуйчатый щит, по-видимому, имеется и в погребении скифа у села Красный Подол, первая половина IV в. до н. э. (Горелик 1984: 119-121; 1993. Табл. LVII, 25, 256). Однако, исходя из современных данных, было бы очень смело проводить какую-то генетическую связь между северо-востоком Сибири и причерноморскими скифами. Впрочем, ираноязычные скифы пришли в Европу из Азии, предки же чукчей пришли на Чукотку, по-видимому, из Южной Сибири через Енисей (Диков 1979: 159). Была ли какая-либо связь в генезисе конструкции панциря, остается только гадать. Вместе с тем отметим, что наличие наспинного щита, в отличие от стоячего ворота, — деталь, не распространенная в конструкции доспехов.

Кожаный ламинарный панцирь эскимосов имел другую конструкцию подола, расширяющегося книзу, как показывает экспонат из МАЭ (№ 593-74; Антропова 1957: рис. 21). Панцири из органических материалов с высоким стоячим воротником и подолом, состоящим из нескольких горизонтальных лент, известны в Средней Азии еще в V—III вв. до н. э. (Горелик 1982. Табл. Зв, г; 1987: 114-120. Рис. 2, 2; 3, б\ 1993. Табл. LIII, 18; LVI, 21). Несколько позднее, во II—I вв. до н. э., подобные панцири с небольшим стоячим воротником бытовали и у дянцев в

⁴ Ф. Ратцель отмечает, что панцирь тлинкитов также прикрывал левую руку, оставляя правую свободной (Ratzel 1887: 198). Впрочем, по-видимому, речь идет о защите верхней части руки.

**Кожаный ламинарный доспех
на согдийском всаднике.**

Фрагмент кожаной обкладки деревянного
щита с горы Муг (перв. четв. VIII в.).
Государственный Эрмитаж.

Воспроизведено по: Robinson 1967: 26, fig. 13

213–214; pro: Palsi 1983: 106; Thornton 1931: Pl. between p. 24 and 25; Malaurie 1974: 144; Панченко 1997: 243). Действительно, связь данного региона с Японией проходила через Курильские острова и Камчатку (Шренк 1899. Т. 2: 257; ср.: Чулков 1785. Кн. 2: 579; Тан-Богораз 1979: 27; Диков 1979: 266). Купцы Страны восходящего солнца, видимо, еще в XVI в. прибывали на Камчатку и выменивали у ительменов меха за железные и медные изделия (Миллер 1728: 6; Стеллер 1927: 22; 35–36; Крашенинников 1949: 514, примеч.; ср.: Георги 1777: 66). У ительменов использовались наконечники стрел японской работы (Стеллер 1929: 22). С другой стороны, японские власти, придерживаясь политики самоизоляции, явно не благоприятствовали развитию торговых связей. Впрочем, японские судна могли забрасываться в эти области бурями и, соответственно, доспехи могли попасть этим путем к туземцам (Крашенинников 1949: 491–492). Так, от чукчей в тундре Окмылина получен японский доспех со шлемом (Богораз 1991: Рис. 85; Иохельсон 1997: 132, примеч. 8; Антропова 1957: 214)⁶. Хотя в целом японцы весьма смутно представляли себе даже Камчатку (Иванов 1989: 24; ср.: Laufer 1914: 271). Впрочем, судя по всему, самурайский доспех не был непосредственным предком пластинчатых лат народов северо-востока Сибири. Б. Лауфер предполагал, что сушени (древние обитатели Маньчжурии)

Южном Китае, в Юньнани (Горелик 1987: Рис. 3, 9). Применялись панцирные ламинарные кафтаны и в Центральной Азии — в VI–VIII вв.⁵ Таким образом, если посчитать, что ламинарный панцирь был не автохтонного происхождения, то он мог иметь только юго-западные корни (ср.: Азбелев 1992: 212, 214).

Ф. Ратцель связывал происхождение чукотских ламеллярных доспехов со шнурованными японскими латами (Ratzel 1887:

⁵ Фреска из Шикшина, см.: Дьяконова 1995: Табл. XXIV; из Кучи: Grunwedel 1920: Taf. XLVI–XLVII; изображение на щите с горы Муг: Robinson 1967: Fig. 13; терракотовый всадник эпохи Северной Вэй: Robinson 1967: Fig. 65A.

⁶ Б. Лауфер, однако, считал, что происхождение этого доспеха требует дальнейшего исследования, но он не японский (Laufer 1914: 270, п. 4).

были первыми, кто использовал костяной ламеллярный доспех, и следовательно, на северо-восток Сибири пластинчатый доспех пришел не из Японии, а из Китая (Laufer 1914: 260—273). Б. Тордeman и, вслед за ним, Р. Робинсон более абстрактно считают, что из Центральной Азии через Монголию ламеллярный доспех распространился среди коряков и чукчей, у которых конструкция железных лат напоминала тибетские (Thordeman 1939: 259-260, 270; Robinson 1967: 10). П. Паульзен также считает, что ламеллярный неметаллический доспех возник в Центральной Азии, откуда он через Тибет, Китай и Японию достиг арктических народов (Paulsen 1967: 132, 138). Действительно, связи с

южными регионами прослеживаются на северо-востоке Сибири достаточно отчетливо. Как отмечается в акте о служивых в Якутске (1676), коряки и тунгусы торгуют с даурами и гиляками (ДАЙ. 1857. Т. VI, № 136: 404; ср.: Линденау 1983: 86), позднее же эвенки разделили территории коряков и нивхов (Вдовин 1973: 236). Согласно Л. Шренку (1899. Т. 2: 257, 259), сами гиляки (нивхи) узнали железо из Японии, а доспехи из того же металла — из Маньчжурии, однако уже в первой четверти XVII в. они превосходно обрабатывали железо (Strahlenberg 1730: 386). Ламеллярный, видимо, кожаный доспех айнов хотя и был таким же длинным, как сибирский, до шиколоток, но, видимо, не имел крыльев и надежно защищал оба бока воина (Васильевский 1981: 155. Рис. 45; ср.: Laufer 1914: 260, п. 2). Следовательно, в целом он был типологически ближе к японскому, отличаясь от него деталями, нежели к корякскому. Кроме того, сами айны использовали трофейные японские доспехи, мечи и копья (Laufer 1914: 260, п. 2). Таким образом, влияние японских доспехов налицо.

Костяные доспехи имеют очень древнюю археологическую историю. Так, в могильнике у села Ростовка близ Омска (сей-

Западносибирский воин (I в.).

Реконструкция А. Зыкова по археологическим материалам городища Усть-Полуй (устье реки Обь). Воспроизведено по: Зыков, Кокшаров 2000: 42

минско-турбинская культура (первая четверть II тыс. до н. э.)), в могилах 3, 6 и 33 найдены многочисленные обломки доспеха из длинных костяных пластин (Матюшенко, Синицына 1988: 8—9, 88—89). Подобные же панцирные пластины найдены в Каменном амбаре-5 у села Варшавка (Челябинская область; см.: Костюков, Епимахов, Нелин 1995: 158, 199. Рис. 23, 11—12). Костяные же панцири из длинных узких пластин найдены в Усть-Илге на Лене, рубеж III—II тыс. до н. э. (Горелик 1993. Табл. XLVIII, 17). Доспехи из прямоугольных костяных пластин были и в неолитическом Китае (провинции Ганьсу, Шаньдун, Хунань, III—первая половина II тыс. до н. э. Горелик 1993. Табл. XLVIII, 18; LVI, 13—14). В середине I тыс. до н. э. вытянутые прямоугольные пластины существовали в Корее и в Приамурье и в Китае (Горелик 1993: 128. Табл. LVI, 24; 25). На самой Чукотке длинные пластины от ламеллярного доспеха из оленьего рога с 2—3 парами отверстий для крепления, найденные в Пегтымельской пещере, датируются периодом древнеберингоморской культуры, V—VI вв. (Диков 1971: 43). Более сложную систему отверстий для крепления мы находим на прямоугольных пластинах из моржового клыка времени пунукской культуры, IX—XV вв. (Руденко 1947: 96. Табл. 6. Рис. 17; табл. 15. Рис. 19; табл. 18. Рис. 22; Диков 1979: 187, 222. Рис. 90). Таким образом, уже предки эскимосов, которые жили на этой территории, использовали данный вид панциря (Антропова 1957: 218). Да и позднее, в XVIII—XIX вв., костяной панцирь был характерен именно для эскимосов (Этнографические материалы. 1978: 53; Ratzel 1887: 199; Taf. II. Fig. 5-7).

Итак, мы видим, что в течение XVIII в., в период наиболее интенсивных военных столкновений, железные латы лишь потеснили, но отнюдь не вытеснили кожаные и костяные доспехи — сказывались сила традиции и нехватка железа. Очевидно, железные и костяные доспехи ценились дороже и были более редкими, чем кожаные. Так, С. П. Крашенинников (1949: 729), говоря о коряках, отмечает: «Лучшие мужики имеют у себя костяные кюяки и железные, а скудные из нерпичьих кож шитые». У нивхов Сахалина латы из железа имели начальники (Шренк 1899. Т. 2: 258). Следовательно, наиболее обычным был именно кожаный доспех. И в чукотских сказаниях герой в лахтачьем доспехе противопоставляется русскому в железе (Богораз 1900. № 127: 331; Антропова 1957: 220). Подобный доспех был именно боевым, на охоте он не использовался, хотя позднее его могли применять в религиозных церемониях, как это делали коряки (Иохельсон 1997: 102). Основным назначением доспеха была защита воина от стрел и вражеских снарядов. Крыло же прикрывало лицо во время стрельбы из лука. Как отмечал в середине

XVIII в. капрал Г. Г. Шейкин, «а на голову от куяку открьлок, доска деревянная, побита кожей морской, лаптакон называется, из-за которой доски, выглядывая, стреляет из деревянного лука стрелою» (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; ср.: Вдовин 1965: 37; Сарычев 1952: 267).

Вероятно, железные доспехи появились или, по крайней мере, распространились у чукчей в середине XVII—XVIII в., когда в регионе появились русские, которые ввели железо в обиход, хотя само железо известно в Берингоморье уже в начале I тыс. н. э. (Арутюнов, Глинский, Сергеев 1977: 101—102). Вспомним, что во второй половине XVII в. пластины от куяков дарили или выплачивали ими ясак (Белов 1952. № 12: 60; 19: 77; № 58: 172; № 66: 194). Вместе с тем защитное вооружение из железа у соседних народов было известно и ранее. В начале новой эры у дуньху (предков эвенков) существовали железные пластинчатые доспехи (Thorndeman 1939: 256—257). В. И. Иохельсон (1997: 102) даже полагает, что железные латы коряки заимствовали от эвенков.

Появился ли (или распространился) металлический доспех у чукчей как ответ на использование их противниками огнестрельного оружия? Ведь сами чукчи считали, что их панцири (очевидно железные) защищают от пуль (Аргентов 1857: 93; Народы России. 1874. № 3: 42), коряки же полагали, что доспех из толстых моржовых кож защищал лишь от стрел (Стебницкий 1938. № 4: 142). Мнение же их противников о защитных свойствах традиционных чукотских доспехов из китового уса или моржового клыка было невысоким: «Русская галанка или солдатская фузея преимущественно пробивает все их куяки и панцири усывы; и рыбы кости не помогают» (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585). Естественно, в разных случаях бывало по-разному: все зависело от мощности ружья, угла выстрела и траектории полета пули. Так, в 1763 г. пули россиян, пущенные из «мелкого ружья», не пробивали щитов эскимосов о. Кадык, сделанных из дерева и китового уса (Паллас 1781: 84). Впрочем, нельзя забывать и психологический фактор: одетый в доспех воин был преисполнен уверенности в своей неуязвимости и поэтому, не боясь опасности, храбро шел на врага (ср.: Нолан 1871: 59, примеч. 1). По-видимому, распространение железных доспехов у чукчей обусловлено рядом причин: 1) распространение железа в регионе; 2) возможность приобретения этого материала у соседних этносов; 3) возможно, большая простота железных доспехов в изготовлении и ремонте; 4) возможно, более высокие защитные свойства доспеха из железа.

В целом костяной панцирь лучше защищает от стрел, нежели кожаный, но последний из-за своей вязкости более пригоден для отражения рубящих ударов (ср.: Панченко 1997: 242—

243). Впрочем, стрела — основное наступательное оружие региона даже в XVIII в., — вся сила которой сходится в маленьком острие, будучи выпущена из сильного лука, не должна была увязнуть в коже. Ламеллярный же панцирь при попадании в него стрелы распределяет силу удара наконечника по всей пластине, поэтому его пробить намного сложнее. Это подтверждают чукотские сказания, где стрелы действительно отскакивают от коряжских костяных панцирей (Лебедев, Симченко 1983: 129—130). Тем более что толщина пластин была значительной: 0,6—1,0 см (Норденшельд 1936: 321; Ratzel 1887: 196, 198). И. И. Биллингс также отмечает, что у эскимосов о. Кадьяк панцирь из пластин, изготовленных из оленьих рогов, «довольно крепости имеет, чтобы не пропустить в него [в тело] стрелу» (Этнографические материалы. 1978: 53). Если же человек не был защищен панцирем, то стрела могла пробить его насквозь (Лебедев, Симченко 1983: 130).

Для действий в бою доспехи, по словам самих чукчей, были неудобны (Сарычев 1952: 267; Ноорег 1853: 162)⁷, хотя, естественно, сама конструкция панциря подгонялась под владельца (ср.: Иохильсон 1997: 102). Очевидно, если позволяло время, можно было специальными шнурками стянуть подол вверх, чтобы он не мешал бегать. Для того же, чтобы сражаться в панцире, как мы видели, чукчи проходили специальный тренинг. Вместе с тем, самонадеянная молодежь предпочитала идти в бой без доспеха, полагаясь на свою боевую сноровку: в перестрелке от стрел можно увернуться, а в бою, в котором воин полагался уже на свое мастерство, он просто не давал врагу поразить себя. О распространении доспеха в регионе свидетельствует тот факт, что в 1755 г. стойбище оленного коряка Яллаха состояло всего из 88 человек и тут же находилось 5 железных доспехов, 4 костяных и 1 лахтаций (Вдовин 1973: 228), то есть латы были примерно у половины воинов. Другую статистическую информацию мы можем почерпнуть из росписи трофеев, взятых казаками у сотни эвенков, разбитых у зимовья на р. Мотыхлее (1649): «40 луков, 4 рогатины, 24 откаса [ножа], 10 куяков костяных, 17 шишаков костяных» (ДАИ. 1848. Т. III, № 87: 324). Следовательно, доспехи были более чем у 10 % воинов, а шлемы — более чем у 17 % бойцов. Поскольку луков было захвачено 40, а ими должна была быть вооружена вся масса воинов и именно их должны были бросить в первую очередь, то и процентное соотношение воинов в доспехах нужно удвоить.

В XIX в. мы наблюдаем употребление своеобразного вида облегченного доспеха, который, по-видимому, стал альтернати-

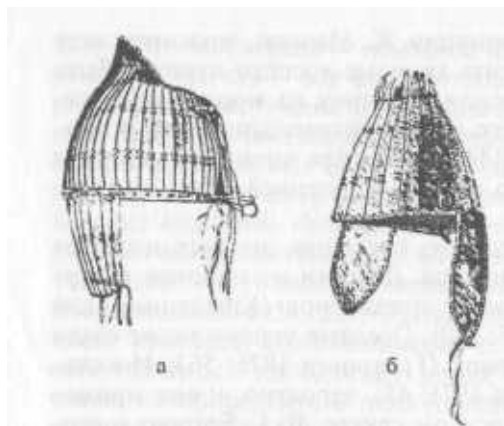
⁷ В. Г. Богораз упоминает пудовые (16 кг) кожаные панцири (Тан-Богораз 1958:91).

вой тяжелым латам. По информации Ж. Малори, эскимосы островов Диомиды, не желая носить тяжелые доспехи и чтобы быть подвижными в сражении, носили кухлянку из моржовой кожи, на которую клеим из тюленьего жира прикрепляли песок и мелкие камешки (Malaunie 1974: 144). Чукчи для защиты от копий и стрел также носили широкую одежду из оленьей кожи, усиленную песком (Bush 1872: 428).

Следует указать, что чукчам, очевидно, не был известен доспех из растительных материалов. Доспехи из циновки в первой трети XVIII в. встречались у ительменов (Крашенинников 1949: 404; ср.: Антропова 1957: 210). Оседлые коряки также были мастерами по плетению циновки (Григорьев 1876: 563; Иохельсон 1997: 140—144; Антропова 1971: 45), вероятно, и они применяли подобный панцирь. Во всяком случае, В. Г. Богораз в своем романе «Восемь племен» упоминает панцирь из прочных травяных циновки у паланцев (Тан-Богораз 1979: 32, 43). Нивхи также использовали панцирь в виде распахнутой безрукавки из веревок, сделанных из крапивной пряжи, с опушкой из собачьего меха, застегивающийся на пуговицу. Последний носили поверх «шубы» (Шренк 1899. Т. 2: 260. Табл. XLIV, фиг. 1). Тут мы видим явное китайское влияние, однако исполнен панцирь из подручных материалов. Доспех из растительных волокон, имеющий южное происхождение (Ratzel 1887: 202), употреблялся на Камчатке. У чукчей подобного панциря не было, поскольку не было подручного материала и навыков плетения.

Кольчуги. В качестве трофеев, взятых от русских или союзных им народностей, чукчи могли носить кольчуги. В 1754 г. чукчи захватили кольчуги у юкагиров (Гурвич 1966: 71). Записка А. Бриля (1792: 372) от 1770 г. упоминает у чукчей и коряков «куяки железные, костяные, також и панцири» (ср.: Окладников 1948: 36). Вместе с тем доспех, напоминавший о славном подвиге, мог служить своеобразным памятником обладающему им. Кольчуга, снятая с Д. И. Павлуцкого, по-видимому, не использовалась для военных целей, а служила в качестве почетного трофея (Майдель 1894: 264). Подобные трофеи хранились вместе со священными предметами семьи внутри яранги, и чукчи особо гордились ими (Гурвич 1979: 99).

Шлемы. Видимо, чукчи носили шлемы не особенно часто. Обычно защита головы сочеталась с доспехом (см.: Богораз 1991: 84а; Антропова 1957: Рис. 27; ср.: Иохельсон 1997: Рис. 53—54). Однако иногда и воины в латах не имели шлема, обходясь защитным крылом (см.: Антропова 1957: 22; Богораз 1991: Табл. IX, 2). Чукотские шлемы были предназначены, в первую очередь, не для противодействия рубящему или дробящему удару, но для защиты головы от стрел и копий.

Пластинчатые шлемы:

а — корякский с пластинчатыми наушниками; б — чукотский с кожаными наушниками. Воспроизведено по: Богораз 1991: 99, рис. 89 а, с

меллярные наушники (см.: Богораз 1991: Табл. XII, 2; Рис. 89, 90б; Антропова 1957: Рис. 28). На сохранившихся экземплярах нет никакого налобника, поэтому неясно, что имел в виду К. Мерк, говоря о части шлема, защищающей лоб. Может быть, подразумевается, что шлем надевался глубоко на голову, прикрывая лоб. Экземпляр ламеллярного железного шлема из РЭМа имеет на затылочной части не пластины — тут вставлен кусок кожи, поскольку затылок прикрывался деревянным назатыльником (Антропова 1957: 213).

Достаточно сложно определить генезис данного защитного оголовья. Наборные шлемы из длинных узких пластин известны в сиро-палестинском регионе уже в середине II тыс. до н. э. (Горелик 1993: 159). Значительно позже, в I—III вв. н. э., ламеллярные шлемы встречаются в Евразии (Горелик 1982: 103). Еще позднее они известны в раннем Средневековье аламанам (Paulsen 1967: 133). В XVII—XIX вв. их употребляли японцы (Paulsen 1967: 135) и айны (Берг 1949: 142). В принципе,

Обычным видом боевого оголовья был сужающийся кверху ламеллярный шлем. Он состоял из длинных узких железных пластин, скрепленных в трех местах ремешками. Вверху пластины плотно не сходились. К. Мерк (1978: 117) лишь *ad hoc* упоминает о конструктивных особенностях защиты головы чукчей, говоря, что это был «шлем с опускающимися на лоб и уши частями». Действительно, сохранившиеся экземпляры шлемов имели большие кожаные или ла-

Чукотский пластинчатый шлем с ламеллярными наушниками.

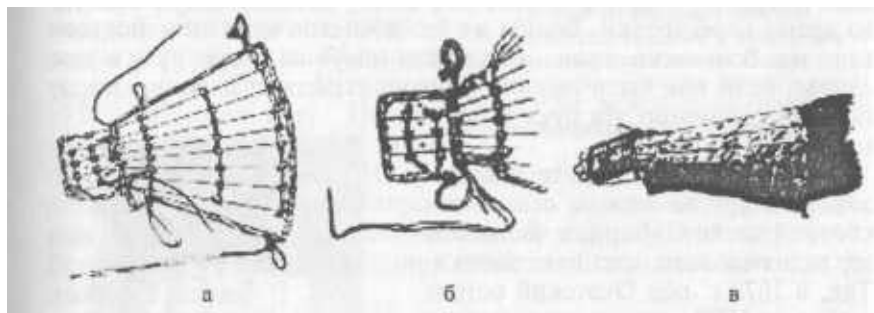
Сзади шлема пластины отсутствуют, поскольку воин имел панцирь с назатыльником. МАЭ, № 434-10с.

Воспроизведено по: Антропова 1957: 212, рис. 28

наборные шлемы могли иметь то же происхождение, что и ламеллярные панцири, технология изготовления обоих аналогична.

Вероятно, как и металлические доспехи, металлические шлемы произошли от костяных прототипов, где железо просто заменило кость. Вспомним, что 17 костяных шлемов и 10 панцирей из того же материала казаки взяли у эвенков в 1651 г., когда еще железо не было у них распространено (ДАИ. 1848. Т. III, № 87: 324; №92: 833; Антропова 1957: 219; Степанов 1959: 211, 221). Шлемы из кости имелись и у юкагиров в XVII в. (Гурвич 1966: 15).

Наручи. Как отмечает В. Г. Богораз (1991: 101), поножи и наручи чукчей делались из кожи и железа и приближались к японским аналогам. Действительно, наруч, приводимый В. Г. Богоразом (1901: 91 а, Б, с), имеет определенное сходство с японским. Он состоит из девяти пластин, соединенных через парные отверстия в трех местах — сверху, снизу и по центру. Снизу к наручу прикреплено прикрытие кисти руки, состоящее из пяти пластин. К руке доспех крепился с помощью петель и шнурков. В целом наруч прикрывал руку по периметру от локтя до кончиков пальцев.

Железный наруч с лопастью для защиты верха кисти руки:

а — вид изнутри; б — подробный вид крепления лопасти к наручу изнутри;
в — наруч, надетый на руку воина.

Воспроизведено по: Богораз 1991: 100, рис. 91а, Б, с

Другой тип наруча, хранящийся в МАЭ (№ 434-ЮБ), состоит из четырех рядов железных пластинок, скрепленных через отверстия ремешками. По краям наруч, как и предыдущий экземпляр, обшит тесьмой, проходящей через систему отверстий. Он не имел защиты для кисти и прикрывал только нижнюю часть предплечья (Богораз 1901: 30. Табл. XII, 3; Антропова 1957: 212. Рис. 29). Этот наруч мог прикрывать как правое, так и левое предплечье, поскольку он входил в комплект доспеха, имевшего одно небольшое деревянное крыло. Хотя более вероятно, что он служил как бы недостающим элементом защиты той руки, верхняя часть которой прикрывалась щитом панциря.

Железный пластинчатый наруч.
МАЭ, № 434-1 Об. Воспроизведено по:
Антропова 1957: 212, рис. 29

Вероятно, не случайно два последних наруча входили в один комплект с доспехами, они употреблялись именно с полным доспехом с целью обеспечить воину максимальную защиту во время перестрелки. Воины же без доспехов вряд ли использовали их. Возможно, правши надевали наруч на левую руку в том случае, если она была недостаточно прикрыта крылом панциря, поскольку именно эта рука выполняла роль щита.

Естественно, наручи использовали и другие народы северо-восточной части Сибири, в частности их использовали оленные эвенки. Так, в 1678 г. под Охотский острог подошли 1000 тунгусов «и в кюяхах, и в шишаках, и в наручах, с щитами» (ДАИ. 1862. Т. VIII, № 44-5: 158; Якутия... 1953: 311). Таким образом, и эвенки использовали защиту рук вместе с полным доспехом. Входили наручи и в паноплию юкагиров. Так, в 1650 г. они принесли ясак — «десять кюяков якутских до четверы нарушны, шапку железную», 287 пластин для кюяков, две большие пальмы (Белов 1952. № 66: 194). Таким образом, защита предплечья была самым обычным видом доспеха в Восточной Сибири в XVII—XVIII вв.

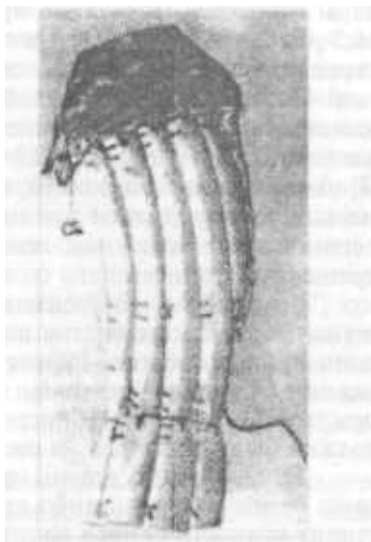
Третий тип наручей изготовлен из шести длинных (36,5 см) пластин из оленьего рога, связанных через три ряда двойных отверстий — сверху, снизу и в центре пластины. Сверху и снизу главной части прикреплены клапаны для защиты локтя и верха кисти. Была прикрыта только нижняя часть предплечья (РЭМ. №4859-15; Антропова 1957: 206-207. Рис. 246; ср.: Thorde-man 1939: Fig. 252). Наруч входил в доспешный комплект, в котором имелись еще панцирь и поножа.

Чукотский наруч из костяных пластин с кожаным усилением.
РЭМ, № 4859-15. Воспроизведено по: Антропова 1957: 207, рис. 246

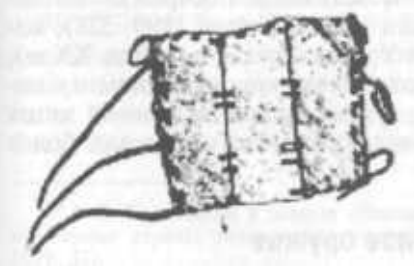
Поножи. Естественно, носили поножи при доспехе, не достигавшем колен. Так, поножа входит в один комплекс с уже упоминавшимся костяным панцирем с кожаным наспинником (РЭМ. № 4859-14) и наручем (РЭМ. № 4859-15). Эта поножа состоит из шести пластин из оленьего рога (№ 4859-16). Пластины связаны между собой ремешками, проходящими через парные отверстия сверху, в центре и снизу каждой пластины. Кроме того, сверху к основной части крепился кожаный наколенник, а снизу настопник, состоящий из четырех пластин. Система крепления была та же, что и у наручей: справа петли, слева - ремни, которые завязывались через петлю (см.: Антропова 1957: 207. Рис. 24а). Носили такую поножу на одной левой голени (Богораз 1991: 101; Антропова 1957: 207), поскольку стойка в бою была левосторонней (т. е. воин был обращен левым боком к врагу), с выставленной вперед левой же ногой. Вспомним, что разрез панциря находился справа, а щит-крыло, наоборот, слева.

Известен и другой тип ламеллярного наголенника, сделанного из трех (вероятно железных) пластин и имеющего три петли и три завязки (Богораз 1991: 100. Рис. 91d). Эта поножа шириной около 20 и высотой

Чукотская поножа для левой голени.

Состоит из костяных пластин, скрепленных ремнями и усиленных кожаным наколенником. Основные части поножи — защита голени и верха стопы. РЭМ, № 4859-16 Воспроизведено по: Антропова 1957: 207, рис. 24а

Кожаный наколенник.

Воспроизведено по:
Богораз 1991: 100, рис. 91d

около 17 см прикрывала часть голени спереди и с боков. Возможно, ее также носили на левой голени, ближе к колену. Ламеллярных железных поножей у воина могла быть и пара, как это показывает доспешный комплект из РЭМа (Антропова 1957: 213). У азиатских эскимосов также зафиксировано использование

пары поножей. Последние представлены рядом пластин длиной 16,5 см из бивней мастодонта (? mastodon ivory). Пластинки скреплялись друг с другом сверху и снизу (Field Museum of Natural History. № 34, 153; Laufer 1914: 264, n. 1). Другая пара поножей была сделана из одинарных пластин из мамонтовой кости длиной 27 см (VanStone 1983: 12. Fig. 6; Hughes 1984: 245. Fig. c). Применение пары поножей, видимо, обусловлено тем, что эскимосы с их двукрылым панцирем менее мобильны в бою и при переменной право- или левосторонней стойке им требовалась лучшая защита ног.

Технология изготовления поножи и наруча одинакова с технологией производства панциря, таким образом, они имеют одно происхождение. Вероятно, данные детали защитного снаряжения были рассчитаны, прежде всего, на защиту от стрел при метательном бое, поскольку во время рукопашной воин должен был полагаться на свое индивидуальное умение.

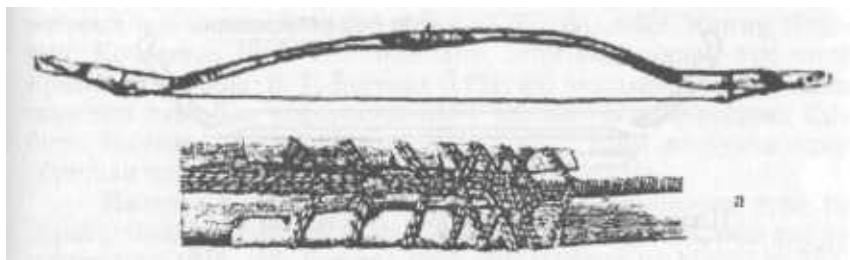
Щит, судя по всему, не использовался чукчами и эскимосами — его заменяли либо крылья панциря, либо, при их отсутствии, ловкость самого воина, увертывавшегося от стрел. Впрочем, в одном предании, рассказывающем о поединке корякского богатыря с чукчей, у обоих противников упоминается щит (у коряка — круглый деревянный, обшитый кожей лахтака (Богораз 1900. № 150: 393; Меновщиков 1959: 63). Поскольку данный материал записывался со слов переводчика и В. Г. Богораз (1900: 388, примеч. 1) не мог контролировать качество перевода, тут могли вкратце ошибки. Впрочем, В. Г. Богораз (1901: 30) упоминает наличие у оленных чукчей кожаных и деревянных щитов (*катат* — 'заслон'), однако в другом месте он же заявляет, что «ни одно племя в этой стране не знало употребления щитов» (Богораз 1939: 50). Вероятно, последняя сентенция ближе к истине, а упоминаемые щиты, скорее всего, относятся к деталям панциря (ср.: Богораз 1949. № 4: 139). Также некорректным, излишне обобщенным следует признать и мнение Ж. Малори о том, что «тут и там эскимосы и чукчи использовали щит» (Mallaurie 1974: 144). Напомним, что и эскимосы побережья Западной Аляски также не использовали щиты (Nelson 1899: 328), хотя, по воспоминаниям эскимосов Уэльса (третья четверть XX в.), у них существовали тяжелые, около 10 кг, круглые щиты из китовой кости (Mallaurie 1974: 144), а приморские эскимосы южн. Юго-Западной Аляски использовали кожаные щиты для боя с каяка (Fienup-Riordan 1994: 329).

Наступательное оружие

В качестве материала для наступательного оружия использовались камень и кость, а с XVII—XVIII вв. ка-

мень был потеснен костью, которую не смогло вытеснить даже железо, распространившееся у чукчей в XVIII в. (ср.: Орехов 1987: 125). Вместе с тем железо попадало на Чукотку, по крайней мере, с начала I тыс. н. э., но распространилось оно лишь с приходом русских (Вдовин, Кочешков 1985: 95). В качестве костного материала применялись китовые ребра и челюсти, оленьи ребра, а также китовый ус, моржовые клыки, олений рог⁸. Из камней же использовались обсидиан, кремнь, песчаник, шифер (Вдовин 1965: 34; 1987: 71). Железное оружие чукчи покупали у русских или коряков, которые, в свою очередь, приобретали железные заготовки на казенных заводах (Слюнин 1900: 657; ср.: Известие из Гижиги. 1865: 59). Даже на рубеже XIX—XX вв. работы с железом не получили у чукчей достаточного развития. Все они в основном сводились к починке приобретенных железных предметов. Этим занимались приморские жители (Богораз 1991: 149).

Луки. Главным оружием чукотского бойца для дальнего боя был лук, который воин, по словам К. Мерка (1978: 114), всегда имел при себе. Т. И. Шмалев, со слов очевидца похода 1744 г., упоминает и лук, сделанный из ели (Вдовин 1965: 35). Вероятно,

Чукотский сложносоставной лук.

Длина — 1,6 м. А — деталь внутренней оплетки сухожилиями этого лука.

Воспроизведено по: Богораз 1991: 89, рис. 69; 92, рис. 70а

это было импортное из Аляски изделие (КПЦ. № 71: 186; Мерк 1978: 116; ср.: Parry 1824: 510). Боевой лук был сложносоставной, сделанный из нескольких кусков дерева с накладками, и сложный, состоящий из нескольких деревянных частей. Оба типа были близки по форме⁹. Первый тип имел слабоизогнутую кибить, состоящую из основы из лиственничного (а в XVIII в. —

⁸ У В. Г. Богораз в романе «Восемь племен» встречается упоминание о наконечнике стрелы тельпекских чукчей, сделанном из раковины (Тан-Богораз 1979: 53).

⁹ Дж. Мердоч предлагает делить луки эскимосов на три типа, базируясь на географическом принципе («Южный», «Западный», «Арктический») и в меньшей степени — на конструкции, что не представляется удачным (Murdoch 1884).

елового) креня — наружного слоя древесины с винтообразными слоями, — к которому сверху рыбьим клеем приклеивалась тонкая березовая планка. Далее лук оклеивался одним-двумя слоями сухожилий оленя, оплетался шнурком из этого же материала заливался клеем, а сверху часто обматывался берестой, очевидно для того, чтобы кибить не отсырела и не утратила гибкость (ср. • Линденау 1983: 114—115; Миддендорф. Отд. 5. 1869: 598; Шренк 1899: 245; Глинский 1987: 126; МАЭ. № 704-1). Снаружи на ^{лук} накладывался китовый ус (Глинский 1989: 125). Часто рога лука делались из отдельных кусков дерева. В разрезе лук представлял собой треугольник. Этот тип был слабоизогнутым, с отогнутыми вперед краями рогов. Общая длина лука была весьма значительной и составляла 150—170 см (ср.: Адлер 1903: 183, 192). Тетива была сделана из плетеных сухожилий (у эскимосов — оленьих или китовых) или ремня. Она была съемной и крепилась к луку по краям за петли. Последние были сделаны отдельно, что повышало устойчивость тетивы к перетиранию (Богораз 1991: 89; Меновщиков 1959: 61; Глинский 1986: 11; ср.: у оседлых коряков — из тюленьего ремня (Линденау 1983: 115)).

Детали восточносибирского (корякского) лука с мыса Тайгонос.
Воспроизведено по: Глинский 1987: Рис. 3

Сложный тип имел три вида. Первый, наиболее распространенный, вид лука представлен кибитью, оплетенной сухожилиями и оклеенной берестой или оплетенной ремешками (Тан-Богораз 1979: 53; Богораз 1991: 88-89; МАЭ. №611-103-104; 752-10, 21). Этот вид лука делался из подручного материала: обычно из лиственницы, иногда из березы или сосны. По форме и размерам он был аналогичен сложносоставному типу. Этот тип Е. А. Глинский (1986: 8) рассматривает как аляскинско-эскимосское оружие, импортировавшееся на Чукотку.

Второй вид сложного лука отличался по форме — он не имел отогнутых концов. В конце XIX в. этот лук встречался у

оленных колымских чукчей (Богораз 1991: 89). Ю. Б. Симченко (1976: 133) логично предполагает, что чукотские луки развивались от простого к сложному. Однако, возможно, прав Б. Адлер (1903: 188), считавший, что данный упрощенный вид лука не являлся более древним, чем сложносоставной, а наоборот, представлял собой поздний дегенеративный тип, производимый для охоты (ср.: Норденшельд 1936: 321). Действительно, сложный (вероятно сложносоставной) лук, имеющий вставные наконечники, встречается уже в древнеберингоморской культуре в начале I тыс. н. э. (Глинский 1986: 7; 1989: 125).

В сказаниях и документах говорится, что лук, как и стрелы, делался из китового уса, однако до этнографической современности он не сохранился (Богораз 1900. № 127: 332; 1991: 89—90; Антропова 1957: 191). Он известен лишь как детская игрушка, состоявшая из нескольких частей китового уса (Богораз 1991: 89—90. Рис. 72). Подобный вид лука был распространен в XVIII в. у народов северо-востока Сибири (Богораз 1991: 88). Впрочем, возможно, лук не был изготовлен целиком из этого материала, он лишь укреплялся накладками из китового уса (ср.: Ollivier 1877: 591; Шренк 1899: 245. Табл. XLIV, 4-5).

Сам лук не был специфически боевым оружием, он же применялся и в индивидуальной охоте на оленей, лосей и птиц (Вдовин, Кочешков 1985: 97). Очевидно, сложносоставной лук чаще применяли в бою. В. Г. Богораз (1991: 88) указывает, что именно этот тип лука был распространен у народов северо-востока Сибири (якутов, эвенов, юкагиров, коряков), сами же чукчи приобретали его у соседей (Симченко 1976: 107—135).

Налучье. Существовало и налучье для хранения лука из обработанной тюленьей кожи (Мерк 1978: 129; Этнографические материалы. 1978: 165; Богораз 1991: 90). Налучье из МАЭ (№ 752-9) представляло собой ровдужный чехол длиной 1,74 м и максимальной шириной 20 см, украшенный снизу бахромой. Сбоку был разрез для вложения лука, завязываемый тремя парами завязок. Судя по всему, во время боевых действий лук носили в руках или клали на нарту. Тетиву снимали с лука и хранили в отдельном мешке (Богораз 1899: 369).

Стрелы чукчей имели длину около 60—85 см. Уже в XVIII в. участник похода Д. И. Павлуцкого (1744) указывал на аналогичный размер древков стрел (один аршин), изготавливаемых из разных пород дерева (Вдовин 1965: 35); у чукчей из ивы диаметром 1 см (Руденко 1947: 82); у коряков — из березы (Линденау (1983: 115)). Сами древки делались из плавуна или покупались. Как отметил Д. Э. Ухтомский (1913: 117), большинство чукотских стрел обладали равновесием древка и наконечника. Стрелы чукчей, как видим, имели среднюю длину. Длина же стрелы, как

известно, зависит от мощности натяжения лука: она должна покрывать расстояние от кибити до центра натянутой тетивы. На пятке древка обязательно был вырез для тетивы. Иногда эта пятка была костяной или просто обматывалась сухожилиями для предохранения от расщепления (Богораз 1991: 90; Вдовин 1965: 35).

До XVIII в. основным материалом для наконечника служили моржовые клыки, кость, камень, а с этого столетия — также и железо. Однако еще в XVIII в. наконечники из моржовой кости и клыков были наиболее распространенными, ведь стрелы производили оседлые жители (Мерк 1978: 114, 116). Даже у коряков, тесно связанных с русскими, в середине XVIII в. железных стрел было в два раза меньше, чем костяных, как следует из описи имущества оленного коряка Яллаха (Вдовин 1973: 228). В чукотском фольклоре упоминаются стрелы с наконечником из рога (Богораз 1900. № 146: 390), известные археологически (Руденко 1947: 82). Согласно одной чукотской сказке, стрелы с железными наконечниками появились у чукчей от русских во время столкновения с Митреем, под именем которого скрывался казачий голова А. Ф. Шестаков, то есть, по исторической хронологии, в 1730 г. (Богораз 1900. № 146: 389). В XIX в. железные наконечники полностью вытеснили каменные, но не острия из моржовых клыков и кости. При этом, как справедливо отметил Е. А. Глинский (1986: 12; 1989: 10), железные наконечники не дали в классификацию каких-нибудь новых форм. Описывая материал наконечников 1860-х гг., французский офицер А. Оливье упоминает кость, кремль, стекло, железо и медь (Ollivier 1877: 593).

Было два основных способа крепления наконечника на древко: черенок наконечника вставлялся в щель древка и приклеивался (Мерк 1978: 116), а иногда для прочности оплетался ремешком (МАЭ. № 752-21—25); был и вильчатый насад острия на древко, когда древко устанавливалось на наконечник, а затем место соединения укреплялось бандажем. Эти системы крепления наконечника были известны в регионе еще в I тыс. и не зависели от его вида (Арутюнов, Сергеев 1969: 128).

Каким образом крепилось каменное острие к стреле, показывают более поздние аналоги, где камень просто был вытеснен железом. На древке крепились две склепанные костяные пластины длиной 9,5—17,0 см, а в них, в свою очередь, вставлялся плоский треугольный наконечник из листового или котельного железа длиной 4—10 см (Богораз 1901: Табл. IX, 3; 8; Ухтомский 1913: 110—111. Рис. 3). У корякских стрел железное острие удерживала в роговом наконечнике заклепка (Вдовин 1971: 290). В более раннее время вместо железа употреблялся камень. Кремневый наконечник мог вставляться и непосредственно в разрез древка, как мы это видим у лавровидного острия

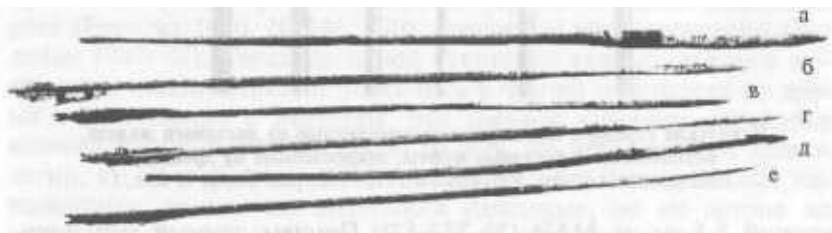
Чукотские стрелы с железными наконечниками из листового железа, вставленные в костяные муфты, закрепленные на древках.
Воспроизведено по: Ухтомский 1913: НО, рис. За, Б, с, d, e, f

длиной 8,5 см из МАЭ (№ 752-52). Причем данный тип наконечника с черенковым насадом преобладал на побережье Восточной Чукотки еще в I тыс. (Арутюнов, Сергеев 1969: 130; ср.: Руденко 1947: 82—83; Орехов 1977). Подобный каменный наконечник имел при стрельбе меньшую пробивную силу, был рассчитан на расслоение своего материала «из темного, в горах находящегося хрусталу» (КПЦ. № 70: 183)¹⁰, что приводило к заражению крови (ср.: Соколов 1852: 103 (о. Уналашка)). А для усиления этого действия в середине XVIII в. острия смазывали ядом из сока корня травы лютика, от которого «человек, получа стрелою язву, в скором времени опухнет и умрет» (КПЦ. № 70: 183); это свидетельство казака Б. Кузнецкого (1756) почти дословно повторяется в сообщении чукчи Хехгитита (1763) (КПЦ. № 71: 186; Сергеева 1962: 85; Malaurie 1974: 143)". Сок аконита как яд использовали с аналогичной целью ительмены, а также алеуты и айны (Крашенинников 1949: 404; Стеллер 1927: 22; Мидлендорф 1869. Отд. 5: 601).

¹⁰ У аляскинских эскимосов залива Нортон также имелись наконечники копий из хрустала (Pallas 1781: 248; Nelson 1899: 149; Берг 1949: 112).

" В. Г. Богораз отмечает, что стрела, смазанная ядовитым соком лютика, убивает даже крупную дичь за несколько минут (Тан-Богораз 1979: 53). Нельзя исключить, что устный информатор исследователя несколько преувеличил срок действия яда, ведь в конце XIX в. подобные стрелы не употреблялись. Согласно информации Н. Дауркина, переданной Ф. Х. Плениснером, яд действовал в течение суток (Pallas 1781: 248).

Костяные наконечники стрел чукчи, судя по всему, изготавливали сами, ведь производство стрел — наиболее расходного вида оружия — было одной из обязанностей мужчин (Мерк 1978: 116; ср.: Бахтин 2000: 229). Это же касается комбинированных железокостяных наконечников, которые чукчи делали из котельного металла (Ухтомский 1913: 116; Богораз-Тан 1934: 13—14). Железные наконечники хорошего качества, иногда, как указывает В. Г. Богораз (1991: 91), с растительными насечками из меди и латуни на втулке, приобретали у русских на Колыме или Анадыре, а также у коряков. Они высоко ценились: на них часто надевали меховые колпачки (шкурой внутрь) для защиты от сырости и ржавчины. Эти чехлы часто делались из снятой с ног теленка оленя шкуры (Богораз 1991: 144. Рис. 74к, 1)¹².

Чукотские стрелы с костяными наконечниками:

а — кинжаловидный; б — листовидный; в, г, е — игольчатые;

д — наконечник с асимметричными шипами.

Воспроизведено по: Богораз 1901: Табл. VIII, 2—7

Участник похода Д. И. Павлуцкого отмечал, что типичными стрелами у чукчей являются снабженные двух- или трехгранными наконечниками из моржовых клыков (Вдовин 1965: 35; ср.: Dall 1870: 379 (трехгранные наконечники характерны для азиатских эскимосов)). Количество граней могло достигать пяти (МАЭ. № 752-77). Очевидно, эти наконечники были как боевыми, так и охотничьими, предназначенными для охоты на крупную дичь (Ухтомский 1913: 111; Волков, Руденко 1910: 178). Такие наконечники, характерные для эскимосов, были длиной около 20 см и насаживались на древко 50—69 см (Ухтомский 1913: 106—107. Рис. 1; ср.: Nelson 1899: Pl. LXIa, 1). Подобные костяные наконечники известны еще в пунукское время (VI—XVI вв.) на западном побережье Чукотки и имеют, очевидно, эскимосское происхождение (Диков 1979: Рис. 89, 14; ср.: Орехов 1977: 112. Рис. 18-4; 18-8).

¹² В регионе для защиты наконечников использовали также чехлы из бересты или деревянные коробочки (Nelson 1899: 162—163. Pl. LXII; Волков, Руденко 1910: 178).

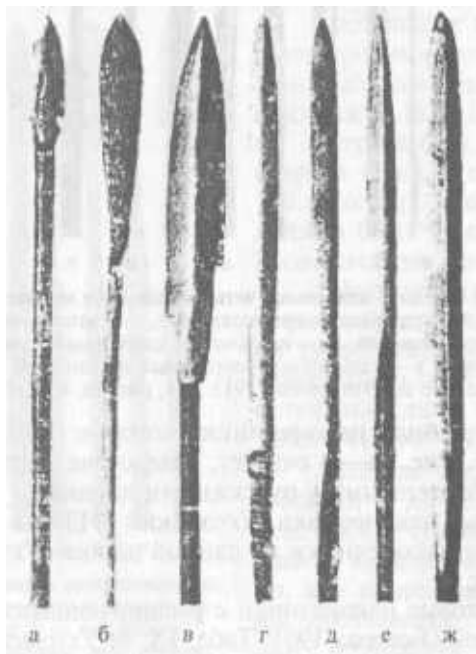
Многие наконечники мы не можем точно определить, являются ли они охотничьими или боевыми. Наконечники, которые могли применяться на войне, различались по форме и материалу, из которого их производили (ср. с классификацией коряжских стрел: Вдовин 1971: 283—291).

Отметим и другие типы костяных наконечников, хранившиеся в собраниях РЭМа:

Листовидный наконечник длиной 15 см с вильчатой пяткой (Ухтомский 1913: 108).

Четырехгранный наконечник асимметрично-ромбической формы длиной 12 см при длине стрелы 71 см. Он вставлялся черенком в древко и для прочности обматывался лентой (Ухтомский 1913: 108. Рис. 1б).

Тяжелые двулопастные наконечники, оканчивающиеся шипами, иногда асимметричными (Ухтомский 1913: 108—109. Рис. 1с). Такое острие было сравнительно небольшое (у экспоната в МАЭ длина 7 см), оно наносило большую рану, приводящую к обильной потере крови. Как отмечал капрал Г. Г. Шейкин (1750-е гг.), подобные небольшие наконечники прикрепляли к древку очень слабо, видимо клеем, чтобы они оставались в теле,

Чукотские костяные наконечники стрел:

а, в — с асимметричными шипами, б — асимметрично-ромбический;
г—ж — игольчатые.

Воспроизведено по: Ухтомский 1913: 106, рис. 1а, б, с, д, е, ф, г

когда стрелу будут вынимать (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; ср.: Вдовин 1965: 37; Мерк 1978: 116). Вероятно, стрелы с таким наконечником были наиболее распространенными (ср.: Мерк 1978: 116). Отметим, что, судя по эскимосским параллелям, стрелы с подобными, но более крупными наконечниками предназначались для охоты на крупного зверя и, очевидно, для войны (ср.: Jacobsen 1884: 8-9; Burch 1998: 69—70).

Другим классом чукотских наконечников, известных по этнографическим коллекциям, являются железные:

Чукотские стрелы с железными четырехгранными наконечниками:

а, б, в — удлиненно-треугольные; г, д — игольчатые;
е — удлиненно-ромбический; ж — игольчатый, сделанный из отшлифованного
напильника; з — удлиненно-треугольный на длинной шейке.
Воспроизведено по: Ухтомский 1913: 114, рис. 6а, б, в, г, д, е, ж, з

четырёхгранные наконечники, которые Э. Д. Ухтомский (1913: 114—115. Рис. 6а—д) считает, вследствие тщательности обработки, приобретенными у русских или коряков;

игольчатые наконечники (Ухтомский 1913: 111. Рис. 6д, е, г);

железные наконечники на длинной шейке (Ухтомский 1913: 111. Рис. 6ф, h);

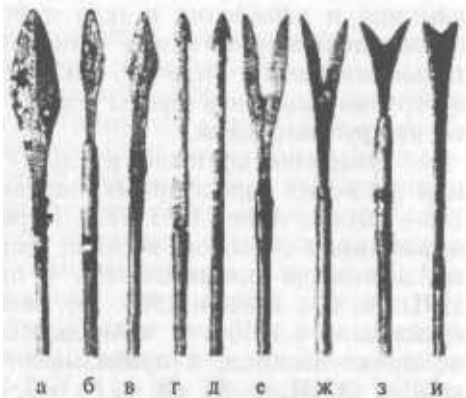
боеголовковые наконечники с расширяющимся сверху утолщением-острием (Богораз 1901: Табл. IX, 6; Ухтомский 1913: 111. Рис. 4е, ф);

обоюдоострые наконечники длиной 12—24 см, копировавшие форму игольчатых костяных, с древком длиной 75—81 см

(Ухтомский 1913: 114-115 Рис. 4а—d). Подобные наконечники применялись эскимосами для охоты на морского зверя (см.: Jacobser 1884: Fig. 21);

плоские вильчатые наконечники длиной 7—15 см (при длине стрелы 66—84 см) применялись для охоты на водяную птицу и мелкую дичь (Ухтомский 1913: 113-114. Рис. 5а-d)

На войне могли использоваться в экстренных случаях; листовидные или ромбовидные наконечники длиной 9—15 см, общая длина стрел была 67—85 см (Богораз 1901: Табл. IX, 11—12; Ухтомский 1913: 111. Рис. 5г, h, i; ср.: МАЭ. № 611-114);

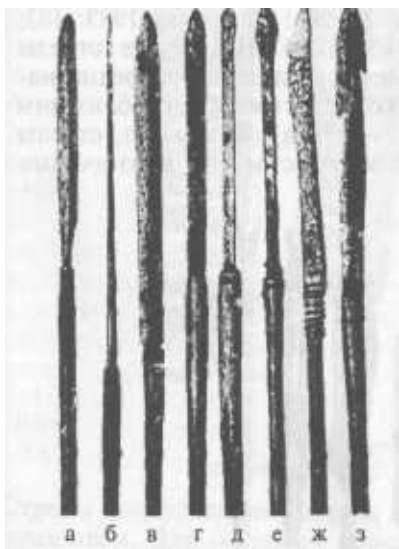
Стрелы с железными наконечниками:
а, в — ромбовидные; б — листовидный;
г, д — шипастые с длинной шейкой;
е—и — вильчатые. Воспроизведено по:
Ухтомский 1913: 113, рис. 5а, б, с, д, е, f, g, h, i

небольшие наконечники с симметричными или асимметричными шипами и длинной шейкой (Ухтомский 1913: 113. Рис. 5е, 0;

стрела-нож, сделанная из старого ножа (Ухтомский 1913: 115. Рис. 4г). Подобная стрела должна была наносить большие кровоточащие раны.

Наконечники с тупым деревянным острием (томары) были чисто охотничьими, предназначенными для сшибания и оглушения дичи (Богораз 1901: Табл. VIII, 10-11; IX, 10).

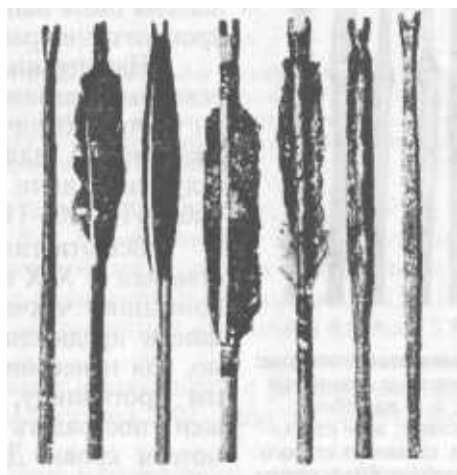
Все эти типы стрел существовали в XIX в. В целом наконечники чукчей очень большие и предназначены, очевидно, для нанесения глубокой раны противнику, который должен пострадать от обильной потери крови. Длинные граненые наконечники могли предназначаться для пробивания

Стрелы с железными наконечниками:
а, в, г — обоюдоострые лезвийные наконечники; б — вид сбоку;
д, е — боеголовковые; ж — стрела-нож; наконечник сделан из старого ножа; з — с асимметричными шипами. Воспроизведено по: Ухтомский 1913: 112, рис. 4а, б, с, d, е, f, g, h

панциря и вхождения в тело противника. Большие железные острия достаточно тяжелы и неуравновешенны, что уменьшает дальность полета. Впрочем, как уже отмечалось, часто достаточно трудно различить стрелы боевые и предназначенные для охоты на крупного зверя.

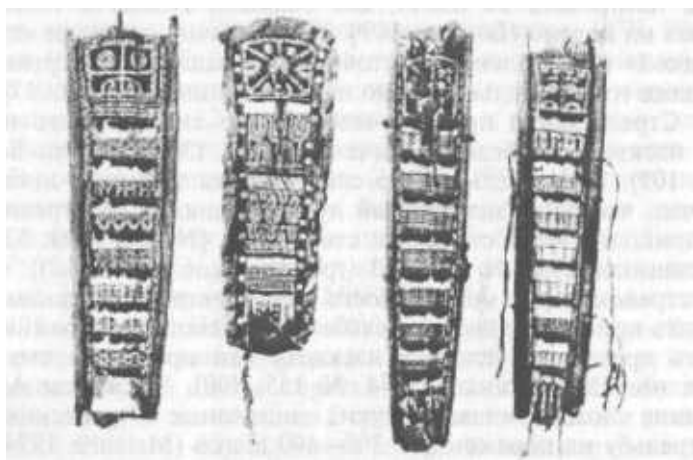
Оперение состояло из двух целых примотанных перьев или двух-трех приклеенных половинок пера (Ухтомский 1913: 118—120; ср.: Адлер 1903: 187). Перья могли крепиться и комбинированным способом: верхняя часть вставлялась в паз на древке, а нижняя приматывалась у пядки сухожилиями (Богораз 1991: 90; ср.: Вдовин 1965: 35), поэтому капрал Г. Г. Шейкин, служивший в 1750-х гг. в Анадырске, указывал на то, что перья не приклеиваются, а привязываются к древку жилами около концов (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; ср.: Вдовин 1965: 37). Приморские чукчи могли крепить в прорезях и верх и низ основания пера, а затем все закреплять обмоткой из сухожилий (МАЭ. № 611-114). Два пера крепились, соответственно, с двух сторон древка, а три половинки — с трех сторон (см.: Богораз 1991: Рис 75). Стрелы с одним пером, вследствие баллистических свойств, видимо, нужно признать сохранившимися неполностью. Оперение делалось из маховых перьев гусей, ворон, чак и сов (Вдовин 1965: 35, примеч. 83; ср.: Линденау 1983: 103; ср.: орлиные перья (Линденау 1983: 115)). Некоторые стрелы вместо оперения имели четырехгранное утолщение и предназначались, по мнению Э. Д. Ухтомского, для стрельбы по ближним целям (Ухтомский 1913: 118, 120. Рис. 7f, g). Возможно, стрелы без перьев действительно были преимущественно охотничьими (Норденшельд 1936: 322).

Виды оперения стрел.

Воспроизведено по: Ухтомский 1913: 117, рис. 7а, б, с, d, е, f, g

Колчан. Стрелы носили в колчане, представляющем собой суживающийся книзу кожаный мешок длиной 76—87 см и шириной несколько более 20 см, в края которого для придания ему формы были вшиты два прута. Типичный колчан был сшит из куска ровдуги, на тыльной стороне его был разрез для стрел (иногда с парой завязок), а на лицевой стороне — 8—9 чередующихся коричневых и белых ровдужных полос. Лицевая сторона, кроме того, украшалась геометрической вышивкой, сделанной цветными жильными нитками и белым оленьим волосом. Часто в верхней части располагался солнцеобразный узор, в центре которого была закреплена кисть. Низ колчана также был украшен несколькими кисточками из окрашенной в оранжево-красный цвет нерпичьей шкуры (МАЭ. № 752-1—7, 11—18). Уже в конце XIX в. чукчи не могли объяснить значение узоров на колчане, однако, вероятно, эти узоры имели космогонический характер (Богораз 1991: 162). Е. А. Глинский (1986: 14) различает эскимосский колчан, в который стрелы вставлялись через разрез и утопали в нем полностью, и чукотский, стрелы из которого торчали кверху.

Вышитые колчаны.

Воспроизведено по: Богораз 1991: Табл. XXII

Стрелы выступали из колчана на 1—3 см и прикрывались сверху отворотом. Для ношения колчана к деревянным планкам были прикреплены две двойные лямки с костяным крючком справа и одна — слева. Колчан носили за спиной, он висел наискосок, выступая за правым плечом, при таком его положении из него было удобно доставать стрелы (Ухтомский 1913: 121—122. Рис. 8с; Богораз 1991: Табл. XXII). Для защиты от дождя колчан вставляли в чехол, также украшенный вышивкой (Богораз 1991: 90). Несколько колчанов хранились в мешке из нерпичьей кожи, кото-

рая защищала их от сырости (Ухтомский 1913: 122. Рис. 8а, б). По предположению Е. А. Глинского (1986: 14), в колчане чукчи было в среднем 15 стрел, тогда как в одном колчане эскимоса с побережья Аляски было 30 стрел — стандартное число для лучника (Кашеваров 1845. № 193: 873; ср.: Burch 1998: 68 (около 20)).

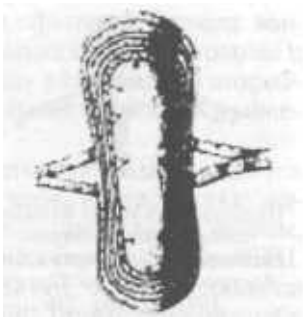
Стрельба из лука. Лук был упругим и мощным. В. Г. Богораз (1991: 89) отмечает, что натянуть тетиву чукотского лука можно было лишь с помощью ноги, уперев его в землю (ср.: Ollivier 1877: 593; Богораз 1899: 367; Бахтин 2000: 125). Подобный способ натягивания тетивы он приписывает кочевым корякам (Тан-Богораз 1979: 98). Однако сами чукчи натягивали тетиву указательным и средним пальцем, между которыми держали стрелу (Богораз 1991: 89; ср.: Богораз 1899: 368; Панченко 1997: 239; см.: Широков 1968: Рис. 7, 9). Согласно классификации, принятой Д. Н. Анучиным (1887: 370), натягивание тетивы указательным и средним пальцами при помощи безымянного — это «присредиземный» способ; стрела при этом находилась слева от лука, удерживаемого в вертикальном положении. Тетиву лука чукчи натягивали до плеча, для большей точности попадания вставая на колено (Богораз 1899: 368). Обычно стреляли «прямой наводкой» на недалекое расстояние, направляя лук вертикально или даже горизонтально прямо на цель (Глинский 1986: 17).

Стрела могла пробить человека, не защищенного панцирем, насквозь (Лебедев, Симченко 1983: 130; ср.: Тан-Богораз 1979: 109). Э. У. Нельсон, со слов старика эскимоса-икогмюта, отмечал, что один знаменитый лучник однажды выстрелил так, что приколол врага стрелой к стене дома (Nelson 1899: 329; ср.: Меновщиков 1988. № 256: 463 (гренландские эскимосы)). Опытный стрелок-коряк мог из своего аналогичного чукотскому лука пробить при прицельной стрельбе с недалекого расстояния, если верить преданию, человека насквозь или проколоть ему икры обеих ног (Меновщиков 1974. № 155: 490). Эскимосы Аляски, имевшие сложносоставные луки, однотипные с чукотскими, вели стрельбу на поражение с 300—400 шагов (Malaurie 1974: 141). По свидетельству морского поручика А. Ф. Кашеварова (1846. № 228: 911), 12 лет жившего в Русской Америке, эскимосы на расстоянии 20 шагов поражали оленя, а сама стрела пролетала лишь 80 сажен (168 м)¹. Опытный стрелок-эскимос с Аляски хвастался, что он мог с 10—20 шагов прострелить оленя насквозь (Кашеваров 1845. № 193: 873). В отписке сына боярского Курбата Иванова якутскому воеводе (1661) говорится о том, что стрелы чукчей пробивали деревянные щиты (Белов 1952. № 102:

¹ Ср.: 30 канадских эскимосов с Мелвилла все попадали на расстоянии 18 м в цель, состоящую из двух вертикально воткнутых копий, отстоящих одно от другого на 9 см (Parrty 1824: 511).

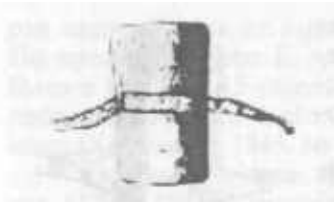
269). Впрочем, естественно, все зависело от дальности попадания и силы натяжения тетивы. Как уже отмечалось, согласно чукотскому сказанию, стрела не пробивала костяной доспех.

Чукчи и эскимосы, как и многие другие народы, прикрывали пульс левой руки от ударов тетивы. К. Мерк указывает: «Для лучшего натяжения тетивы носят чукчи подобно американцам на правом или левом предплечье по пластине из моржовой кости... так как им почти безразлично, стрелять ли правой рукой или левой» (Мерк 1978: 114; Вдовин 1965: 38–39; Nelson 1899: Pl. LXIb, № 4; 19). Как видим, автор сопоставляет данную защиту руки с существовавшей у американских эскимосов, которую он описывает как «выпуклую костяную пластину», привязанную ремнем к внутренней стороне правого предплечья (Этнографические материалы. 1978: 90; Кашеваров 1846. № 228: 912). Подобная овальная пластина из моржового клыка, украшенная геометрическим узором, шириной 4 см и длиной около 12 см, привязываемая к руке двумя ремешками, была приобретена у чаплинских эскимосов (Богораз 1991: Рис. 73а). С. П. Крашенинников (1949: 729) упоминает подобную защиту руки и у коряков: «...на левой руке наручи для того, чтоб, когда лук натянут, тетивую по руке не било» (см.: Антропова 1957: 191. Рис. 86). Чукотский кожаный же щиток (но прямоугольной формы) хранится в МАЭ (№ 434-Па; см.: Антропова 1957: 191. Рис. 8а). Напульсники были подпрямоугольной формы с четырьмя типами перфорации и закреплялись на руке двумя ремешками: на одном коротком была закреплена бусинка-пуговица, которая вставлялась в отверстие на длинном ремешке (Глинский 1986: 19–20). Кожаные овальные предохранители известны и у эвенов (Богораз 1991: Рис. 73б). Русские землепроходцы в XVII в. также применяли медные щитки с той же целью. В частности, предохранитель с о. Фаддея имел овальную форму размером 11,2х5,3 см, толщиной 1 мм; с внутренней стороны он был подбит сукном (Руденко, Станкевич 1951: 102). Таким образом, данная защита была распространена на северо-востоке Сибири и у эскимосов Аляски с древнейших времен, и делалась она из моржового клыка, кости, китового уса, а у эскимосов с о. Св. Лаврентия — из кожи лапы белого медведя (Руденко, Станкевич 1951: 102 — в Арктике с первой половины I тыс. до н. э.; ср.: Мачинский 1941: 85. Рис. 12, 3; 88; Руденко 1947:

Предохранитель запястья, сделанный из моржового клыка.

Эскимосы с мыса Чаплина.
Воспроизведено по:
Богораз 1991: 93, рис. 73а

Предохранитель для большого пальца руки от тетивы, сделанный из моржового клыка.
Воспроизведено по: Богораз 1991: 92, рис. 71б

82 — на Чукотке с пунукского времени; Wardwell 1986: 105. Figs. 132-134; 107. Fig. 138; Krupnik, Krutak 2002: 233). Она была предназначена для защиты нижней части внутренней стороны предплечья от ударов тетивой.

Капитан Г. С. Шишмарев (1852: 183) упоминает другой вид приспособления, говоря, что «тетивы натягивают особыми пластинками, костяными или железными». Можно было

бы посчитать, что капитан просто спутал функции предохранителя внутренней стороны предплечья с кольцом, которым натягивают тетиву, это означало бы, что у чукчей существовал еще один способ стрельбы, «монгольский», когда тетиву натягивали большим пальцем (Анучин 1887: 371). Однако А. Миддендорф (1869. Ч. 5: 599) указывает, что в Сибири существовали оба вида пластины «против тетивы»: предохранитель «около пульса» и костяной наперсток для большого пальца. Пластинку из моржового клыка, шириной около 2,8 см, длиной около 5,0 см, приводит и В. Г. Богораз (1991: Рис. 71б). Она крепилась на большом пальце с помощью ремешка, продетого через две прорези в пластинке, и была предназначена для предохранения от удара, а не для натяжения тетивы. Д. Э. Ухтомский (1913: 120), на основании способа стрельбы из лука, полагал, что это были пластины из кости или кожи, защищающие нижнюю фалангу большого пальца правой руки от порезов оперением стрелы (ср.: Арутюнов, Сергеев 1969: 131 (для большого пальца левой руки)). Возможно, первый вид пластины-защиты пульса был более распространен у чукчей, чем второй.

Е. А. Глинский (1986: 18) отмечает, что для натягивания тетивы чукчи использовали свою перчатку с тремя пальцами для большого, указательного и трех остальных пальцев правой руки (ср.: Богораз 1991: 175). Однако такая перчатка была неудобна для стрельбы, и если ее и применяли для защиты правой кисти, то редко.

К. Мерк (1978: 114) замечает о чукчах, что «им почти безразлично, стрелять ли правой рукой или левой». Поскольку чукчи носили предохранители, защищающие от ударов тетивы, то на правой, то на левой руке, можно предположить, что многие чукчи были левшами и стреляли с левой руки или же что чукчи, как и другие народы с традиционной культурой, могли одинаково ловко действовать оружием и правой, и левой рукой.

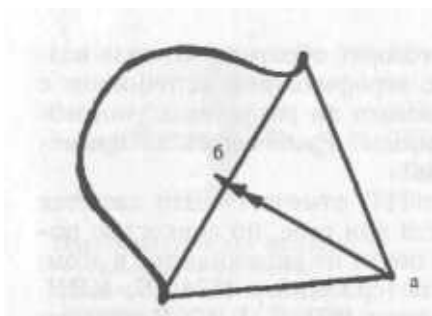
В источниках по поводу меткости стрельбы существует противоречие: часть авторов считают, что чукчи плохо стреляли

из лука, тогда как другие тексты говорят обратное. Отсюда возникает ряд вопросов, связанных с верификацией источников: с кем проводят сравнение? Существовало ли различие в употреблении этого оружия в разные периоды? Различалось ли применение лука у оседлых и кочевников?

Так, доктор К. Мерк (1978: 114) отмечает: «Что касается стрел и лука, то они у чукчей всегда при себе, но ловкостью попадания они не обладают, так как почти не упражняются в этом, а довольствуются тем, как выйдет» (ср.: Кибер 1824: 97; КПЦ. № 60: 162; Сарычев 1952: 259; Нейман 1871. Т. I: 15; Иохельсон 1895: 153; Меновщиков 1974. № 155: 489). Таким образом, лук оленные чукчи всегда носили при себе и он был их основным оружием, но, с другой стороны, соревнования по стрельбе из лука, по-видимому, устраивались реже, нежели по другим видам спорта: бегу, борьбе, фехтованию на копьях. Ф. П. Врангель (1948: 313) также пишет: «Чукчи вооружаются луком и стрелами, но не очень ловко ими владеют. Обыкновенные оружия их — копья и особенно батас [тесак]». Это свидетельство вставлено в рассказ об оседлых чукчах. А. Е. Норденшельд (1936: 257, 321) говорит о чукчах, видимо об оседлых: «Надо заметить, что большинство чукчей весьма посредственные стрелки», хотя «некоторые туземцы еще и теперь [1879 г.] стреляют из лука с поразительной меткостью» (ср.: Хан 1863: 259).

В других документах XVIII в., наоборот, сказано, что чукчи «из луков стрелять проворны» (Вдовин 1987: 105). К. фон Дитмар (1856: 37) отмечал, что чукчи «стреляют отлично как из лука, так и из ружья» (ср.: Народы России. 1874. № 2: 27; Миллер 1895: 292). И действительно, герои чукотских сказок попадают стрелой врагу в глаз (Богораз 1900. № 146: 390). А на соревнованиях, согласно преданиям, нужно было расщепить стрелой прутик, воткнутый в землю (Богораз 1901: 28; Антропова 1957: 241). У оленных чукчей и тренировки с луком проводились не так редко (КПЦ. № 70: 181). Таким образом, можно полагать, что оленные чукчи действовали луком несколько лучше, нежели их оседлые соплеменники. И, соответственно, основной блок информации о хорошем владении луком можно отнести к кочевникам, а о плохом — к оседлым. Хотя и среди последних встречались замечательные лучники, лук которых оленеводы не могли даже натянуть (Богораз 1899: 367; ср.: Bogoras 1918. № 23: 96 (чукчи не могли натянуть лук чуванского героя)).

Лук с двойной натяжкой (*нуйок*). Науканский эскимос-сказитель Ытаин описал Г. А. Меновщикову (1959: 62; рис. 13—II) конструкцию двойного лука. Лук наряду с тетивой имел еще и ремень, натянутый между его концами. Оружие при стрельбе, очевидно, держали горизонтально, левая рука сжимала лук за

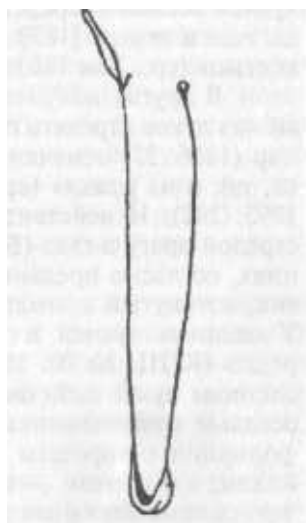
Эскимосский двойной лук, использовавшийся, судя по фольклору, только при обороне:

а — место наложения стрелы на тетиву;
б — место наложения стрелы на ремень.
Известен только у науканцев.

Воспроизведено по:
Меновщиков 1959: 61, рис. 13-П

ложе, а правая удерживала стрелу на ремне. Лук приводили в боевое положение, отводя кибить левой рукой, тогда как правая держала наконечник стрелы и ремень, а тетиву зажимали в зубах. Чтобы выпустить стрелу, нужно было нажать на ремень указательным пальцем правой руки и выпустить тетиву из зубов. Подобный лук известен лишь у науканцев и применялся при обороне для стрельбы сверху вниз, поскольку в полевых условиях стрельба из него слишком медленна².

Праща. Как заметил еще в 1675 г. Н. Спафарий (1882: 134), северо-восток Сибири был единственным ее регионом, где в военном деле использовали пращу. У нас есть обширный блок данных о том, что чукчи применяли на войне это оружие. На карте А. Ф. Шестакова (1727) было написано: «В Носу [на Чукотском полуострове] чукчи немирные, бой имеют камнем из шибалок» (Миллер 1758: 195). Рекруты из Анадыря в 1741 г. сообщали о вооружении чукчей (КПЦ. № 60: 162): «Луки костяные и копыя и каменья мечут из ремней и то у них наилутчей бой копыями и каменьями (а из луков хотя и стреляют, токмо не весьма искусно, да и стрелы плохи)». В документе 1727 г. читаем: «В Анадырском носу народ чукчи, кои подход к Анадырскому острогу войною и бьются из луков, а больше камнем из пращей» (Вдовин 1965: 37—38). Итак, в первой половине XVIII в. чукчи умело использовали пращу, но не очень хорошо стреляли из лука. Вспомним, что набеги производили как оленные, так и оседлые чукчи. Как

Праща азиатских эскимосов (втор. четв. XX в.).

Воспроизведено по: Рубцова 1954: 536, рис. 34

Отметим, что более распространенным (в Сиаме, древней Японии, Африке) был лук с двумя тетивами, между которыми посредине было прикреплено ложе для камня (Анучин 1887: 357—358).

представляется, хорошо стреляли из лука кочевники, для которых это оружие было традиционно, тогда как пращей умело владели их оседлые соплеменники (ср.: Баккаревич 1810: 187; Кашеваров 1846. № 228: 911; Dall 1870: 379). Так, в сказке о пращнике герой из оседлых чукчей камнем из пращи пробил покров яранги (Богораз 1900. № 110: 287). Судя по упоминаемым в сказке собачьим упряжкам, речь опять идет об оседлых чукчах. Говоря, вероятно, о кочевниках, акт от 1675 г. (ДАИ. Т. VII, № 136: 407) противопоставляет чукчей с луком и коряков с пращей: «...а у чухоч лучной бой, а у коряк из ремня камнем бросают». Напомним, что мальчики приморских чукчей учились обращаться с пращей и болой, тогда как дети оленных чукчей — с арканом (Леонтьев 1969: 131-132, 138; 1979: 23; Леонтьев, Тураев 1987: 211; ср.: Бриль 1792: 387, 395 (праща у оседлых, а не кочевых коряков)). Соревнование по дальности и точности стрельбы из пращи также устраивали жители приморских поселков (Леонтьев 1960: 131; 1969: 138).

Праща представляла собой два узких ремня из нерпичьей кожи общей длиной около 170 см, имеющих прикрепленную посередине лахтачью закладку. Как справедливо отметил В. В. Леонтьев (1969: 137): «Длина пращи — от вытянутой левой руки до согнутой в локте правой и определялась ростом и сложением человека». Утолщение в середине пращи было разрезано для удобства вложения камня. На одном конце пращи находилась петля для среднего пальца правой руки³, а на другом — кисточка (у Ю. Рытхэу (1980: 311) — «листочек») из нерпичьей шкуры для удобства держания (Антропова 1957: 197; Леонтьев 1969: 137; Меновщиков 1959: 66). Технику метания хорошо описал по собственным наблюдениям В. В. Леонтьев (1969: 138): «В закладку из лахтачьей кожи вкладывается камень размером с куриное яйцо и прижимается большим пальцем левой руки. Остальные два конца находятся в правой руке — кольцо на среднем пальце, а кисточка зажата в ладони. Левой рукой камень наводится на цель и резким взмахом правой руки над головой метается в цель. Раздается сильный хлопок, и камень с невидимой быстротой летит в нужном направлении». Следовательно, метание производилось с одного взмаха правой руки над головой, то есть способом 2а по Д. А. Скобелеву (2000: 55—56), когда метальщик поднимал и растягивал пращу у головы и затем, выпустив тягу пращи с кисточкой, посылал снаряд силой всей руки. Дальность полета подобного снаряда, согласно В. В. Леонтьеву (1969: 138; 1979: 23), 200—300 м. О прицельной дальности упоминает Ф. П. Литке (1948: 224), говоря, что эскимосы метко бросают камни из пращи ша-

³ Вариант: петля пращи надевалась на указательный палец (Воскобойников, Меновщиков 1959: 615).

гов на сто (примерно 70 м; ср.: Идее, Бранд 1967: 293). По-видимому, в первом случае речь идет о максимальной дальности полета, а во втором — об обычном прицельном бросании. Если верить отписке анадырского приказчика Курбата Иванова якутскому воеводе (1661), то стрелы и камни, выпущенные из пращи «чукчами», пробивали даже дощатые щиты (Белов 1952. № 102: 269; Никитин 1987: 55), а по замечанию Ю. Рытхэу (1980: 311), из пращи можно было поразить тюленя средней величины.

Как указывает сказка о прашнике, метательными снарядами служили специально подобранные на побережье круглые черные камни (Богораз 1900. № ПО: 287; ср.: Кашеваров 1846. № 228: 911; Леонтьев 1960: 131; 1969: 138; 1979: 23 (галька размером с куриное яйцо, отшлифованная волнами); Такакава 1974: 40; Рытхэу 1980: 311 (круглая галька); Krupnik, Krutak 2002: 133). Видимо, камни специально не обрабатывались. Неясно, существовала ли специальная сумка для камней. Впрочем, В. Г. Богораз в своем романе замечает, что мелкие круглые камешки для пращи носили в сумке, висящей на плечевом ремне (Тан-Богораз 1979: 54)⁴. В упомянутой сказке о прашнике говорится, что камни носили за пазухой (но так могли переносить лишь незначительное количество камней), а также в напуске кухлянки у пояса, служившем карманом для всякой мелочи. Перед употреблением же камни следовало сбросить на землю, ведь было бы трудно вытаскивать каждый раз камень из нераспашной кухлянки, имеющей лишь вырез для головы. Естественно, снаряды легче было найти на побережье, а не в тундре. Саму же прашу носили у пояса (Леонтьев 1969: 138; 1979: 23; ср.: Тан-Богораз 1979: 53-54).

Прашу применяли для стрельбы по осажденным, которые, в свою очередь, отстреливались ею же, о чем напоминают эскимосские, корякские и ительменские параллели (ср.: Меновщиков 1985. № 132: 322). В эскимосском сказании «Виютку-предводитель» говорится и об использовании прашников для подготовки атаки на противника (Меновщиков 1950: 22; 1985. № 127: 310), для чего, вероятно, прашники, как и на соревнованиях, строились в редкую шеренгу (ср.: Леонтьев 1969: 138).

Г. Ф. Миллер (1758: 199), на основании сообщений казаков, указывает: «Чукчи бьют камнем из шибалок, и в том весьма искусны, однако на войне употребляют по большей части луки да стрелы». Из этого свидетельства можно сделать вывод, что праша была, в первую очередь, охотничьим оружием, которое, впрочем, могли активно использовать и на войне. Так, в эскимосской сказке «Умилгу Нунач'ым» рассказывается, что когда на эскимоса, занимавшегося обычной работой, неожиданно напали

⁴ Роман «Восемь племен» построен на обширном этнографическом материале, собранном автором (Муравьев 1979: 14—15).

враги, он применил против них пращу, которая была при нем, а в качестве снарядов использовал камни. Однако когда этот же герой приготовился к встрече врагов, он вел бой луком (Козлов 1956: 181–182: ср.: Бахтин 2000: 120—126). Вероятно, в середине XVIII—первой половине XIX в. лук, а позднее и огнестрельное оружие под влиянием оленных чукчей вытеснили пращу из военной области в охотничью, где ее применяли для охоты на птиц. Кроме того, следует учитывать и то, что сами войны прекратились. Впрочем, еще в 1876 г. береговые чукчи ловко били пращей чаек на лету (Онацевич 1877. № 7: 66; ср.: Калачов 1871: 45 (оседлые коряки); Такакава 1974: 40). Даже в 1937—1940 гг., как отмечает В. В. Леонтьев (1960: 131), каждый оседлый чукча носил на поясе пращу, используемую для охоты на птицу, а также на мелкого зверя (Меновщиков 1959: 66). Конечно, этому могло способствовать ограничение на употребление огнестрельного оружия при советской власти.

Копья. А. Ф. Кибер (1824: 97—98) отметил: «Главное же их [чукчей] оружие есть копье, которое бывает различных видов и величин». Действительно, основным оружием ближнего боя было копье, которым оленные чукчи зачастую действовали лучше, чем луком (Такакава 1974: 104). Копья, как следует из сообщения А. Ф. Кибера, были различных типов.

Наконечник копья (длина 2,5 м), украшенный насечкой.

А — предохранитель острия копья из бараньего рога.

Воспроизведено по: Богораз 1991: 96, рис. 82

Наконечники копья делались в I тыс. из кремнистых пород камня, позднее — в основном из кости, а также из камня (обсидиан, кремнь, песчаник), а с XVIII в. распространилось железо (Вдовин 1965: 34; ср.: Руденко 1947: 80—81; Арутюнов, Сергеев 1969: 132). В эскимосских сказаниях специально противопоставляются свои наконечники копий из камня или моржового бивня железным наконечникам врагов (Крупник 2000: 348). В XIX в. русские заводы в Сибири и коряки (паренцы) производили специально для чукчей железные наконечники копий с медными или латунными насечками в виде растительного орнамента на втулке и надписями, которые чукчи особенно ценили. Кроме того, наконеч-

Втулка наконечника копья, украшенная насечкой.

Воспроизведено по: Богораз 1991: 96, рис. 81

ники приобретались у эвенов (Из Тигиля... 1866. № 14: 4; Замечания о чукчах. 1835: 360; Маргаритов 1899: 108; Богораз 1991: 91). Острие наконечника копья остро натачивалось: им можно было перерезать постромок упряжи (Лебедев, Симченко 1983: 29). Возможно, именно таким острием чукотские герои в сказаниях отрубали голову противнику (Бабошина 1958. № 102: 246), ведь палма не была характерным оружием для кочевых чукчей. Железные наконечники смазывали жиром и носили в специальных кожаных футлярах для предохранения от ржавчины и притупления (Замечания о чукчах. 1835: 360; Литке 1948: 221; Богораз 1901: 30; 1991: 91; ср.: Меновщиков 1974. № 14: 81). У эскимосов чехол для копья был из камуса (Меновщиков 1974. № 14: 81). Кроме того, в качестве предохранителя от возможных травм на перо могли надевать колечко из рога (Богораз 1991: 96. Рис. 82а). В сказании об Эленди упоминается, что около низа копья могли прикрепляться кольца, которые звенели при движении (Богораз 1899: 362; ср.: Рубцова 1954. № 17: 245. § 28 (колокольчик у рукоятки копья — эскимосы)).

Чукотские предания рисуют у копий большой наконечник длиной в локоть (около 40 см: Богораз 1900. № 127: 331; Bogoras 1910: 183). Возможно, в эту длину входило не только острие, но и втулка. Сам наконечник был широким и большим, не случайно же он сравнивается с эспантоном, обер-офицерским копьем длиной 2,1 м, существовавшим в русской армии с перерывами с 1731 г. до 1807 г. (Замечания о чукчах: 360; Lowe 1843: 452). Железные наконечники из коллекции МАЭ по форме удлинненно-ромбические, втульчатые. Один из них имел длину 29 см, на острие приходилось 20 см (Богораз 1901: Табл. IX, 14). Копье, приведенное в книге В. Г. Богораза (1991: 96. Рис. 82), имело длину 2,5 м. Аналогичная величина копья показана и у чукотского воина в доспехах в издании В. Г. Богораза (1991: 97. Рис. 84а).

Чукотское копье с железным наконечником.

МАЭ, № 668-20. Воспроизведено по: Антропова 1957: 195, рис. 12а

Такую же, примерно, длину имеют и однотипные копья эскимосов побережья Западной Аляски — 7—8 футов (2,1—2,4 м; Sauer 1802: 87), тогда как, по наблюдениям В. Г. Богораза, копье коряков было короче и толще (Тан-Богораз 1979: 58). Особенно ценилось древко из березы, которое в середине XIX в. покупалось у русских купцов (Нейман 1871. Т. I: 15; 1872. № 1: 37). Оно должно было быть гибким (Богораз 1899: 369). Для удобства его об-

матывали ремешками (Дионео 1895: 153; Богораз 1991: 96. Рис. 82).

Типичное копьё из МАЭ (№ 668-20) длиной 2,16 м имело ланцетовидный наконечник с втулкой длиной 36,5 и максимальной шириной 5,3 см. Втулка была инкрустирована медью, изображающей волнистые линии и завитки. Она была вставлена в костяной переходник, заостренный конец которого входил в паз древка и закреплялся шипами. Места соединения оплетены ремешком, обматывающим затем все древко диаметром около 3 см.

О креплении наконечников сообщает В. Г. Богораз, рассказывая, что роговой наконечник копья, вываренный в тюленьем жиру, вставлялся в гнездо, вырезанное в древке, и поверх обматывался оленьими сухожилиями (Тан-Богораз 1979: 59 (оленьи коряки); ср.: Антропова 1971: 45). Наконечники копий дополнительно крепились к древку железной проволокой, которой иногда обматывалось и древко для прочности (Богораз 1991: 91). Каменные (в частности кремневые) острия копий крепились, как и у стрел, посредством костяного наконечника (Гильсен 1849. № 12: 229; Чукотская земля... 1873: 63).

Капитан Г. С. Шишмарев (1852: 183) так описывает копьё чукчей, увиденные в 1821 г.: «...пики более деревянные, с насаженными на обоих концах костями — один конец для зверей, другой для человека — но имеют и железные, получаемые с Колымы». Итак, копьё имело наконечник и вток, назначение которых чукчи, по-видимому, объяснили капитану. Если капитан правильно передает информацию, то первый служил для боя, а второй для охоты. Однако на какого зверя? Вряд ли с этим копьём охотились на моржей, где нужно было особое, мощное и длинное, копьё. Не предназначалось оно и для охоты на оленей с байдары, поскольку там использовалось длинное копьё с небольшим наконечником (*поколюг*). Копьё применяли и для охоты на белого медведя, но вряд ли при этом использовали вток (Богораз 1991: 91). Вероятно, речь у Г. С. Шишмарева шла о добывании животного.

Мужчина всегда носил с собой копьё — он в любой момент готов был дать отпор противнику (КПЦ. № 70: 181; Богораз 1901: 30). Очевидно, копьё, по крайней мере некоторые, имели петлю и могли забрасываться за плечо, когда воин действовал луком и стрелами (Бриль 1792: 372; Окладников 1948: 36; ср.: Кук 1971: 360 (аляскинские эскимосы)). При поездках на нартах копьё прикреплялось справа, для чего около втока была предусмотрена ременная петля (Богораз 1991: 91), а на нартах справа имелось костяное кольцо для крепления.

Пальма. Пальма — нож длиной около 50 см, шириной примерно 9 см, насаженный на древко длиной 1,4—2,1 м (Паль-

ма 1897: 649; ср.: Орлова 1951. № 140: 364). Это оружие использовалось якутами, эвенками и русскими и как орудие труда вместо топора, и как охотничья рогатина, и как боевое копье. В записке А. Бриля (1792: 372) пальмы даже отнесены к типично чукотскому оружию (1770 г.) Хан 1863: 259). Юкагиры применяли пальмы уже в середине XVII в. (ДАИ. 1862. Т. VIII, № 44-23: 181; Белов 1952. № 66: 194), использовали их и оленные коряки (Крашенинников 1949: 735). Но, вероятно, коряки сами заимствовали это оружие от своих соседей (ср.: Жуков 1974: 62). Чукчи приобретали пальмы у соседних народов путем обмена и посредством войн. Юкагиры в этом торговом процессе служили посредниками между чукчами и русскими (Андреев 1940: 156; Линденау 1983: 163; Вдовин 1987: 50). К примеру, в 1754 г. чукчи на реке Налуче захватили у юкагиров-чуваниев, наряду с прочим добром, пальмы (Гурвич 1957: 250—262; 1966: 71). От приморских чукчей и эскимосов пальмы поступали жителям Аляски (Этнографические материалы. 1978: 164; Загоскин 1956: 125, 253). Одна из таких пальм имела древко длиной 1,25 см, обмотанное берестой, с лезвием длиной 40 см (Волков, Руденко 1910: 163. Рис. 22а).

Ножи. Как отмечает А. Аргентов (1857: 93), «даже в мирное время нож не покидает чукча». Обычно носили один-два ножа (Гильсен 1849. № 12: 229; Шишмарев 1852: 183; Народы России. 1874. № 3: 42). По аналогии с коряками, у чукчей можно выделить три основных типа ножей, которые могли употребляться в бою: «большой», «бедренный», обычный «поясной», прибавив еще один тип — небольшой ножичек, его обычно прятали в одежде (Иохельсон 1997: 135—136; Антропова 1971: 45).

Основным рубяще-режущим лезвийным оружием был «большой» нож длиной около 60 см, висящий в кожаных ножнах у пояса или на плечевой портупее-веревке слева (Коцебу 1948: 99; Литке 1948: 221; Богораз 1901: 31; 1991: 91; ср.: Мерк 1978: 111; Коцебу 1948: 84, 96). Данный тесак, в отличие от корякского, неполностью входил в ножны, сделанные из кожи и укорашенные каймой и опушкой (Мерк 1978: 111; Богораз 1991: 91).

Тесак в кожаных ножнах.

Воспроизведено по: Богораз 1991: 96, рис. 83Б

Ножны туманских чукчей из коллекции Н. Л. Гондатти (1898) имели длину 45 см и максимальную ширину 9,5 см. Они были

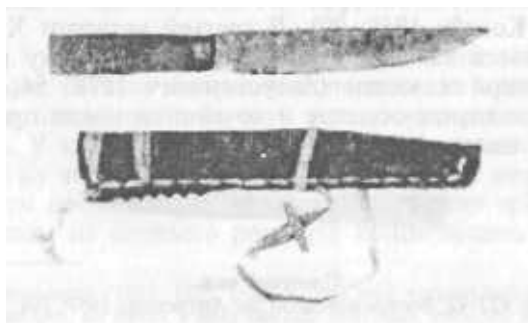
сделаны из дерева, оклеенного снаружи кожей (МАЭ. № 422-21). Очевидно, именно таким тесаком рубили противника (Меновщиков 1974. № 85: 305; № 90: 314), в частности по голове (Богораз 1900. № 110: 287), или же кололи, а также добивали раненого (Меновщиков 1987. № 18: 144). Как отмечает Ф. П. фон Врангель (1948: 313), такой нож применяют «и против медведей, и против неприятелей». Этим ножом, как солдаты своим тесаком, могли рубить ветки, мороженое мясо и т. д. (Иохельсон 1997: 136; Антропова 1971: 45). Данное оружие чукча обычно носил при себе. К. Г. Мерк (1978: 111) указывал, что в его время (1791) подобные железные тесаки были характерны для оседлых чукчей и эскимосов, тогда как оленные носили более короткие ножи. В 1816 г. О. Е. Коцебу (1948: 96; ср.: 84) также отмечал длинные ножи в качестве характерного оружия оседлых «чукчей».

Тесак.

МАЭ, № 434-12 Воспроизведено по: Антропова 1957: 196, рис. 14г

Видимо, к этому же типу принадлежал нож, который в XIX в. оседлые жители носили под верхней кухлянкой вверх рукояткой, на дюйм выступавшей позади, над левым плечом, видимо, чтобы удобно было вынимать нож (Коцебу 1948: 99; Гильсен 1849. № 12: 229; Чукотская земля... 1873: 63; Августинович 1878: 54; 1880: 726; Колымский округ. 1879. № 6: 46; но ср.: Литке 1948: 221; Lowe 1843: 451). По сообщению О. Е. Коцебу, этот нож был немного короче тесака, длина которого равнялась примерно аршину (70 см). Видимо, висел он на плечевой портупее.

Нож с ножнами.

МАЭ, № 444-8/1, 2. Воспроизведено по: Антропова 1957: 196, рис. 146, в

Вероятно, речь в сообщении К. Мерка о ноже оленных чукчей шла о «бедренном» ноже, оружии второго типа. Это оружие носили на поясе справа спереди⁵, иногда одновременно с «большим» ножом, висевшим на бедре (Аргентов 1857: 93; Олсуфьев 1896: 103). В XIX в. также вместо тесака на поясе носили в ножнах этот более короткий нож. Его можно было использовать в различных ситуациях, в частности для свежевания туш. Ножны могли быть сделаны и из бересты (Богораз 1900. № 156: 400). Видимо, ножны именно этого ножа крепились и к поясу, и к бедру, чтобы при резких движениях оружие не выпало из них (Кисель 2000: 92; ср.: Thornton 1931: 39 (эскимосы Уэльса)). Вероятно, похожим ножом из китового уса, упоминаемым в преданиях, добивали врагов (Богораз 1901: 31; Антропова 1957: 197; ср.: Богораз 1900. № 127: 332; № 146: 389: костяной ножик).

Поясной нож в меховых ножнах.

Воспроизведено по: Богораз 1991: 96, рис. 83а

К третьему типу принадлежал более короткий «поясной» нож, который у чукчей, как и у их соседей коряков, являлся самым обычным орудием и использовался ими, например, для еды, бритья, потрошения рыбы и т. д. Нож имел деревянную или костяную рукоятку, закрепленную штырем, носили его на поясе (Богораз 1991: 148; ср.: Иохельсон 1997: 135; Антропова 1971: 45).

Нож длиной примерно 15 см, предназначенный для повседневных нужд, носили в рукаве или в кармане (Шишмарев 1852: 183; Колымский округ. 1879. № 6: 46 (даже два ножа в рукавах); ср.: Коцебу 1948: 99). В третьей четверти XIX в. чукча, идя на месть, в каждый рукав прятал по одному небольшому ножу рукояткой к кисти (Августинович 1878: 54; 1880: 726). Впрочем, при случае оседлые и кочевники могли применять его и в военных целях.

Плечевой нож.

МАЭ, № 422-92. Воспроизведено по: Антропова 1957: 196, рис. 14а

⁵ Возможно, именно его носили за поясом приморские жители, виденные в 1876 г. М. Онацевичем (1877. № 7: 61).

Рукоятки ножей были из дерева, часто обмотанного сухожилиями, или из оленьего рога, а ножны — из кожи, прошитой нитками и иногда вышитой (Шишмарев 1852: 183; МАЭ. № 422-104). В конце XIX в. ножны длиной 15 см также делались из двух деревянных пластин с вогнутыми краями, которые соединялись полосками железа. Чехол крепился к поясу через сквозное отверстие в его верхней части (МАЭ. № 422-5). В XVIII—XIX вв. лезвия делались из железа, ранее — длинные ножи производились из кости, а короткие — из кремня и китового уса (Тан 1898. № 118: 2; Богораз 1900. № 146: 389; ср.: Иохельсон 1997: 135; Вдовин 1971: 291). Сами железные ножи чукчи покупали у якутов, юкагиров или русских (Богораз 1991: 148).

К. фон Дитмар (1856: 37), со слов купца Трифонова, отмечает: «Их сражение на ножах и копьях представляет совершенно особенное зрелище, и трудно превзойти их в храбрости, ловкости и искусстве в этом деле» (ср.: Александров 1872: 85; Завадский-Краснопольский 1873: 34; Миллер 1895: 292). Таким образом, возникает впечатление, что были некоторые приемы владения ножом как оружием. Действительно, в чукотской сказке «Кэйнывилу-Медвежье ухо» описывается поединок на ножах, по-видимому на длинных тесаках. От взмахов ножей противники сначала просто увертывались, а затем один из поединщиков подставил под удар свой нож и тем самым сломал оружие противника (Козлов 1956: 55). В. Г. Богораз также отмечает, что чукчи имели «огромные ножи, которыми северные жители владеют так же легко и непринужденно, как волки зубами: ковыряют ими мозг из маленьких косточек и брюхо распорют медведю» (Тан-Богораз 1958: 91). Впрочем, ножи все же не были оружием первостепенной важности⁶.

Неспециализированное, или случайное, оружие

Из оружия данного вида наиболее часто оленеводы в ходе боевых действий использовали аркан, который пастух всегда носил при себе, и не только на пастбище.

Аркан. У каждого оленевода был аркан длиной 15—20 м, сплетенный из четырех ремешков, сделанных из моржовой или, за неимением последней, оленьей кожи⁷. Петля аркана затягивалась кольцом из оленьего рога. На конце аркана была петля

⁶ Г. С. Шишмарев (1852: 183), считающий нож «главнейшим оружием» (= орудием?), очевидно, не имеет в виду боевые действия, которые в его время уже активно не велись.

⁷ В. Г. Богораз упоминает и аркан, сделанный из жил (Тан-Богораз 1979: 55). П. Н. Орловский (1928: 66) указывает, что длина аркана была 6—10 м.

для кисти руки, чтобы удобно было держать его. Аркан пастухи всегда носили с собой в свернутом виде на шее или через плечо. Главное назначение аркана было поймать оленя в табуне. Поскольку тренироваться в бросании аркана начинали с детства, то меткость была очень высокая. Так, опытный оленевод мог поймать в табуне оленя за правую заднюю ногу (Леонтьев 1969: 131). Применялся он и на охоте, когда нужно было заарканить животное, например барана, взобравшегося на возвышенность (Богораз 1901: 33; 1991: 23). С этой функцией тесно связано и применение аркана на войне. Сопротивляющегося врага могли заарканить и повалить на землю (Майдель 1925: 24; Антропова 1957: 199). Языки также ловили арканом (Бабошина 1958. № 98: 239). Аркан был символом оленеводов, именно на него рассчитывали чукчи, угрожая переловить немногочисленный отряд Д. И. Павлуцкого, не используя для боя даже луки (1731 г.; Зуев 2001: 23—24), то есть это — своеобразное «шапкозакидательство», но арканами (ср.: Куликов 1957: 46).

Копьеметалка. Деревянная копьеметалка в форме тупого угла, длиной около 50 см, с отверстием для указательного пальца в корпусе справа, применялась чукчами на Колыме, а также на Анадыре для охоты на водоплавающих птиц (Богораз 1901: 31; 1991: 80–83; Гиршфельд 1953: 110–113, 112, 117; Мальцева 1968: 72–82; ср.: Гондатти 1897а: 142; Иохельсон 1997: 99). Н. А. Мальцева (1968: 80) определяет дальность полета дротика с дощечки в 20–30 м. Однако, вероятно, это не максимальная длина полета копья. Так, согласно сообщению штурмана Зайкова (1775), алеуты метали свои отравленные стрелы с помощью копьеметалки сажень на 20, то есть около 40 м (Собрание сочинений... 160; Брилль 1792: 393; ср.: Паллас 1781: 127 (35 м); Чулков 1785. Кн. 2: 538 (35 м)). Данное древнее оружие известно уже в первой половине I тыс. (Мачинский 1941: 87 (костяная); Диков 1979: 190). Еще в XIX в. оно было широко распространено для охоты на птиц и морских животных у русских на Колыме, юкагиров, чукчей, эскимосов, коряков, нивхов Сахалина и алеутов. Однако употребление копьеметалки в боевых целях зафиксировано лишь у алеутов, которые метали стрелы, имеющие каменные и костяные наконечники, смазанные ядом (Сарычев 1952: 213; Соколов 1852: 103; Паллас 1781: 42, 44; Мальцева 1968: 80). Именно последнее обстоятельство делало возможным применять эти охотничьи стрелы в боевых целях.

Копьеметалка с отверстием для указательного пальца (кон. XIX в.).

Воспроизведено по: Богораз 1901: Табл. X, 9

В. Г. Богораз в своем художественно-этнографическом произведении «Восемь племен» упоминает, что южные чукчи применяли копьеметалку в боевых целях, при этом нося связку дровиков на плече (Тан-Богораз 1979: 54). Действительно, подобное применение нельзя исключить, особенно в каких-то экстраординарных боевых ситуациях. Дротик для копьеметалки был длиной около 2,1—2,4 м, он утолщался к переднему концу, а утончался — к заднему. Это смещение центра тяжести диктовалось необходимостью придания устойчивости в поле. У него, наряду с центральным наконечником, чуть ниже были примотаны еще три зазубренных острия (Богораз 1901: 31; 1991: 80. Рис. 58). Подобный дротик заставляет вспомнить непонятное оружие ительменов, описанное С. П. Крашенинниковым (1949: 382): «...их так называемые костяные троерогие чекуши⁸, которые насаживают они на долгие ратовища, и в военное время употребляют». Впрочем, Г. В. Стеллер не упоминает это оружие у ительменов (Стеллер 1927: 22). Вероятно, оно все же было редким.

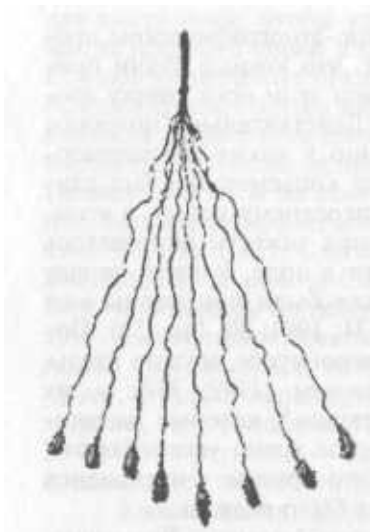
Дротики не были распространенным оружием. Возможно, в некоторых ситуациях в роли метательного снаряда выступало копье, которое в принципе не предназначено для броска. В эскимосских сказаниях упоминается, что копья метаются (Меновщиков 1974. № 63: 180; 1975: 370. § 109-117: 1985. № 127: 307; 1988. № 104: 246). В поединке это делает и чукотский воин (Богораз 1900. № 150: 393; Бабошина 1958. № 56: 142), как в атональном бою-соревновании (Бабошина 1958. № 86: 212).

Чукчи чаунской тундры охотились на уток и гусей, бросая легкие дротики рукой (Богораз 1901: 31; 1991: 82; ср.: Волков, Руденко 1910: 165). С подобным оружием охотились именно на птиц, поскольку для охоты на крупных животных, а тем более для действия против людей они были слишком легки. Видимо, копьеметалки и дротики были главным образом оружием оседлого населения (Тан-Богораз 1979: 67). И соответственно, они были, скорее, эскимосского происхождения.

Гарпун. В качестве случайного оружия оседлые жители использовали гарпун, предназначенный для морской охоты (Dall: 1870: 381; Меновщиков 1987. № 18: 142—145; о гарпунах см.: Волков, Руденко 1910: 167—172).

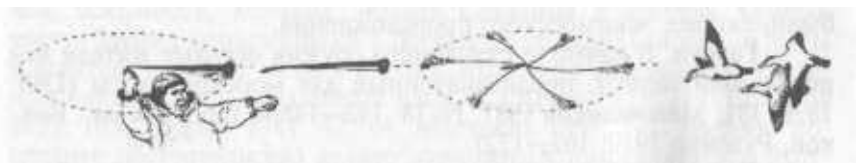
Бола чукчей и азиатских эскимосов состояли из 10—12 веревок из плетеных оленьих, белужьих или китовых жил длиной 70—90 см, нижние концы которых были связаны, а к верхним были прикреплены костяные (из оленьего рога или моржо-

⁸ В другом пассаже С. П. Крашенинников (1949: 404) говорит о четырех наконечниках: «чекуши по их укареель называются, у них костяные рогульки о четырех рожках». В. Даль (1994. Т. 4: 1297, s. v.) так объясняет значение слова: «чекал [= чекуша] большая деревянная колотушка или долбня».

Чукотская бола (нач. XIX в.).
Воспроизведено по: Антропова
1957: 198, рис. 16

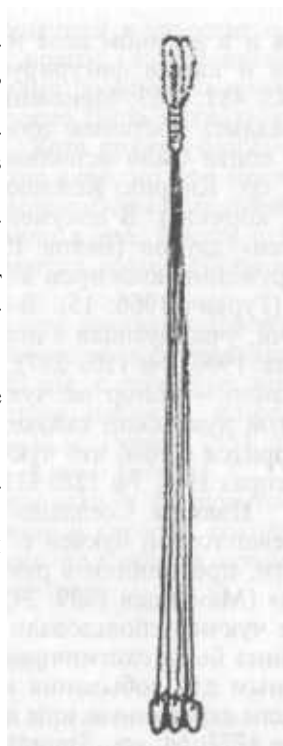
и весь снаряд становится похожим на парашют без полотна». Высота полета болы достигала 80—100 м (Леонтьев 1969: 136). В историческое время бола использовалась исключительно как оружие для охоты на птиц. Однако одно из чукотских сказаний упоминает и боевое применение этого оружия эскимосами, которые тут ассоциируются с кэле (Богораз 1934: 173). У последних вместо шариков к ремням были прикреплены костяные крючки. Данное оружие бросали в противника, и крючки впивались в тело (Богораз 1900. № 167: 416; 1901: 31).

Способ использования болы при охоте на птиц.
Воспроизведено по: Hughes 1984b: 272, fig. 15

⁹ Описание болы см.: Кибер 1824: 98; Кашеваров 1846. № 228: 911 (алюминиевые эскимосы); Аргентов 1861: 9, примеч. 2; Норденшельд 1936: 323; Гондатти 1898: VI (5—6 хвостов); Богораз 1901: 31; Акифьев 1904: 64 (5 хвостов); Антропова 1957: 198; Меновщиков 1959: 66; МАЭ. № 611-132-136; 668-10 (5-8 хвостов).

Очевидно, бола была оружием эскимосов и оседлых чукчей, а не кочевых, которые для этой цели использовали лук (ср.: Онацевич 1877. № 7: 66; Леонтьев 1969: 131—132; Леонтьев, Тураев 1987: 211). Как отмечает А. Е. Норденшельд (1936: 323), все мужское население поселка приморских жителей носило при себе болы, обкрутив их вокруг головы, чтобы при случае тут же воспользоваться этим оружием. В. В. Леонтьев (1969: 136; 1979: 20) наблюдал еще в 1930—1940-е гг. в береговом поселке Уэлен, что все мужское население, кроме немощных стариков и младенцев, носило на лбу своеобразное «украшение» — 4—5 шариков из моржовой кости величиной с куриное яйцо. Это был вид болы, обвязанной вокруг головы, чтобы тут же метнуть это оружие в низколетящую стаю птиц (Гондатти 1898: VI). Очевидно, это было оружие эскимосского происхождения, употреблявшееся еще в первой половине I тыс. (Диков 1979: 190); оно известно и на Северо-Западной Аляске (Jacobsen 1884: 251. Fig. 17), да и само чукотское название болы заимствовано из эскимосского языка (Тан-Богораз 1935: 356; Вдовин 1961: 44).

**Бола азиатских эскимосов
для охоты на птиц
(втор. четв. XX в.).**

Воспроизведено по: Рубцова
1954: 536, рис. 35

Топоры. В одной чукотской сказке наряду с костяными ножами в качестве типичного оружия чукчей упоминаются «топорики из оленьего рога» (Богораз 1900. № 146: 389). Речь идет о войне с Якуниным, то есть о событиях первой половины XVIII в. Неясно, что понимал рассказчик или переводчик под данным видом оружия. Возможно, имеется в виду хозяйственное оружие, ведь даже на рубеже XIX—XX вв., даже сделанный из железа, топор был орудием, которым оленные чукчи владели плохо (Богораз 1991: 76). В XVIII в. чукчи использовали каменные топоры *гаттэ* (Вдовин 1987: 71; ср.: у коряков — это тесло с поперечным лезвием: Линденау 1983: ПО). Эвены также из-за недостатка железа применяли хозяйственные топоры из камня и кости (1646 г.; Белов 1952. № 7: 52). Такие же топоры использовали оседлые коряки для рубки леса (Бриль 1792: 387), а ительмены имели топоры из оленьих и китовых костей (Крашенинников 1949: 380; ср.: Георги 1777: 66). Вместе с тем, топоры употребля-

лись и в военном деле народов региона. Как оружие топор, дубина и камни фигурируют в сказке эскимосов (Рубцова 1954. № 45: 481. § 63; Меновщиков 1988. № 159: 367). Оседлые коряки сражались костяным топором, которым действовали после того, как копье было использовано (Меновщиков 1974. № 148: 468—469; ср.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 18: 79. § И (оседлые коряки)). В документе от 1646 г. упоминаются боевые «топорки» дауров (Белов 1952. № 7: 51; Степанов 1959: 200). На вооружении юкагиров в XVII в. также имелись каменные топоры (Гурвич 1966: 15). В одной чукотской сказке жена оседлого чукчи, участвующая в походе, била врага топором по голове (Богораз 1900. № ПО: 287). Но это, скорее, исключение, нежели правило — топор не чукотское оружие в XVII—XIX вв. Ведь в другой чукотской сказке, описывавшей гибель Якунина, прямо говорится о том, что чукчи не имеют топоров в качестве оружия (Богораз 1900. № 128: 333).

Палицы. Согласно информации сына коменданта Гижиги, видевшего бой чукчей с коряками в 1770-х гг. под стенами крепости, противники в рукопашной сражались «палицами и копьями» (Мамышев 1809: 24). В. Г. Богораз также полагает, что южные чукчи использовали в бою палицы (Тан-Богораз 1979: 53). Дубина была охотничьим оружием оседлых этносов, предназначенным для добывания и оглушения зверя. Ительмены использовали деревянную или костяную дубинку (Стеллер 1927: 22; Георги 1777: 64; ср.: Тюшов 1906: 272), была она и у оседлых коряков (Георги 1777: 78; Bogoras 1917. № 2: 29; Тан-Богораз 1979: 53). Естественно, палицу спорадически могли применять и в ходе боевых действий, но для оленных чукчей это орудие не характерно. Палица использовалась оседлыми жителями при отсутствии под руками другого оружия.

Молоток. Женщины в качестве случайного оружия использовали каменный молоток на короткой деревянной рукоятке, основное предназначение которого состояло в дроблении костей (Норденшельд 1936: 328—329; Богораз 1991: 119. Рис. 105б). Такой молоток был характерен для оленных чукчей. Эскимосы же оглушали зверя специальным молотом весом 2—3 кг (*тукигугун*) (Бабошина 1958. № 68: 168; Меновщиков 1959: 64; 1974. № 17: 99; № 30: 135).

Кистени. В. Г. Богораз, в соответствии со своими данными, писал, что у южных чукчей были воины, главным оружием которых были «каменные кистени на крепком ремне» (Тан-Богораз 1979: 53—54). Последнее оружие сложно атрибутировать, однако в описи оружия, захваченного чукчами у юкагиров в 1754 г., кистени упоминаются (Гурвич 1966: 71). В эвенкийском фольклоре также упоминается подобное оружие, называемое «молотами на цепочке» (Василевич 1966: 254, 351, примеч. 8; 1972: 150).

Камни. В сказке «Эрмэчын» упоминаются в качестве оружия камни, которые герой бросает во врагов, людей-писцов, бегущих по льду (Козлов 1956: 24). Очевидно, камень как оружие мог применяться спорадически, когда нужно было сражаться, а под рукой не было оружия дальнего боя. Хотя оружие ближнего боя (нож, копье) чукчи обычно носили при себе, но при неожиданном нападении врага, когда нужно было отбиться от превосходящих сил противника, камни также шли в ход. Вместе с тем применение в сказке камней именно против врагов-оборотней могло носить и ритуальный характер.

Посох. Нельзя исключить и того, что пастухи-оленьеводы могли использовать в качестве случайного оружия бумерангообразный посох (*танвычгын*) длиной 82—83 см, с помощью которого останавливали выбившегося из стада оленя и который иногда метали в птицу на расстояние 20—30 м (Гурвич 1953: 47—48; 1979: 97—98; ср.: Аргентов 1857: 101). Кроме того, И. С. Гурвич (1979: 98) предполагает, что существовали и бумерангообразные метательные палицы, воспоминание о которых сохранилось в искривленных дощечках, метаемых при обряде приближения оленей во время ритуала забоя животных.

Огнестрельное оружие

Огнестрельное оружие в регионе появилось с приходом русских в середине XVII в. Последние, естественно, не продавали и не дарили это грозное оружие врагам. Старикоряки так описывали первое знакомство чукчей с огнестрельным оружием: «Главной причиной их поражения была паника, наведенная на них огнестрельным оружием. ...Чукчи приняли выстрелы из ружей за гром небесный и раны от пуль за ранения от молнии» (Беретти 1929: 7; pro: Аргентов 1886: 11; contra: Дионео 1895: 146). При первом столкновении страх внушал и сам вид противника: русских с блестящим железным вооружением (Богораз 1900. № 130: 334; ср.: Bush 1872: 428). Однако подобный эффект мог иметь свое действие лишь при первых столкновениях, позднее противники «привыкают» к огнестрельному оружию. А, например, аляскинские эскимосы не боялись ружей, поскольку за них в бою было удобно хвататься, а затем поражать противника (Загоскин 1956: 117). Сначала ружья появились у туземных союзников русских, но уже в XVIII в. распространились у коряков¹⁰. К чукчам же оружие попадало в качестве трофея

¹⁰ Комически-трагическую сказку о первом знакомстве оленных коряков с ружьем, когда поставили мишенью женщину и предложили ей поймать подолом пулю, чтобы не потерять добро (!), что, естественно, привело к ее гибели, см.: Стебницкий 1938а: 133-134.

или путем обмена с соседями. Естественно, речь идет о ружьях, пистолеты — нечастое оружие даже у казаков — не использовали, как и захваченные пушки, поскольку не умели из них стрелять.

Уже в 1689 г. чукчи, захватив русские ружья, стреляли из них (Вдовин 1965: 111; Зуев 2002б: 225; ср.: Михайлова 1996: 190—191). Однако это было, скорее, исключение из общего правила, ведь еще в 1741 г. сенатская справка отмечает (КПЦ. № 60: 162), что у чукчей нет огнестрельного оружия. Однако в 1752 г. чукчи используют ружье для передачи сигналов тревоги (КПЦ. № 68: 176), возможно, позаимствовав этот обычай от казаков (Никитин 1996: 77). И. Б. Б. де Лессепс (1801. Ч. II: 115) отмечал, что чукчи покупали ружья (1788). В первой четверти XIX в. запрет на продажу чукчам огнестрельного оружия еще существовал (Шишмарев 1852: 183—184; Литке 1948: 221; Миддендорф 1869. Отд. 5: 597, примеч. 2), но его особо не соблюдали. Кроме того, уже в начале 1820-х гг. американцы продавали чукчам ружья (Гильсен 1849. № 12: 229; Шишмарев 1852: 183-184; Берх 1823а: 17). В 1837 г., согласно договору русского комиссара и чукотского тойона Ятаргына, чукчи получили разрешение на покупку ружей и свинца, тогда как порохом их должны были снабжать казенные заводы (Окунь 1935а: 114—115). В 1844г., по замечанию А. Аргентова (1886: 24), чукчам на Анюйской ярмарке продавали ружья. Именно во второй половине XIX в. у чукчей распространяется огнестрельное оружие. Впрочем, ружье использовали нечасто, предпочитали охотиться с традиционным оружием, поскольку порох и свинец стоили дорого, а достать их не всегда было возможно. Да и при государственной монополии на производство вооружения государственные магазины отпускали порох и свинец по норме (Дитмар 1856: 25, 35; Норденшельд 1936: 322). Особенно долго луки использовались на севере полуострова (Народы России. 1874. № 2: 27). Лишь к началу XX в. у каждого жителя побережья было от одного до трех ружей, главным образом винчестеров, полученных от американцев, которые продавали их дешевле, чем в русских магазинах (Акифьев 1904: 64; Толмачев 1911: 103; ср.: Гранстрем 1886: 136; Плавание... 1890. № 43: 3; Онаевич 1877: 61; Свердруп 1930: 255), тогда как их западные сородичи использовали кремневые ружья на сошках (Богораз 1901: 29; 1991: 91. Рис. 79). Причем колымские чукчи иногда устраивали соревнования по стрельбе (Дионео 1895: 26). Приморские чукчи в начале XX в., по мнению русских, были отличными стрелками, они с берега попадали в голову тюленя с нескольких десятков саженей (Акифьев 1904: 64; ср.: Горовский 1914: 8), хотя еще в начале XX в. могли охотиться с луком вследствие его дешевизны и бесшумности.

Комплекс вооружения

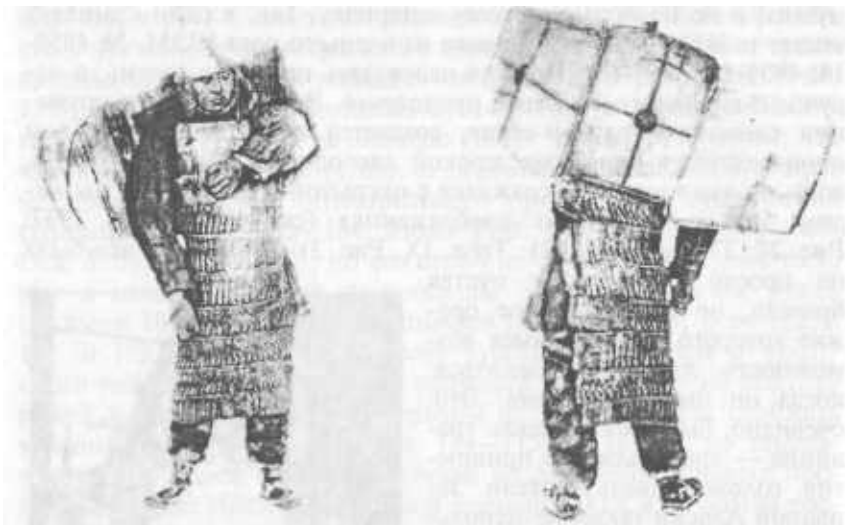
Комплекс вооружения менялся с течением времени, но из-за недостатка сведений данный сюжет известен нам лишь поверхностно. Судить о комплексе тяжелого вооружения воинов мы можем по комплектам оружия, хранящимся в музеях, и по изобразительному материалу. Так, в один комплект входят панцирь, наруч и поножа из оленьего рога (РЭМ. № 4859-14; 4859-15; 4859-16). Поножа надевались на левую голень, а наруч, по-видимому, на левое предплечье. Все предметы вооружения сделаны в одном стиле, создается впечатление, что они произведены в одной мастерской для одного воина. Вероятно, воин не имел шлема и сражался с открытой головой, как мы видим это на некоторых изображениях (см.: Антропова 1957: Рис. 22; 33; Богораз 1991: Табл. IX. Рис. 2). Возможно, это была не просто традиция и пустая бравада, но воин, главное оружие которого был лук, имел возможность лучше прицелиться, когда он был без шлема. Это, очевидно, была эскимосская традиция — сражаться без прикрытия головы, цведь жители Западной Аляски также не использовали шлемы (Burch 1998: 73; ср.: Fienup-Riordan 1994: 329 (деревянное защитное кольцо)). Подобный доспех, по-видимому, предназначался не столько для рукопашной, сколько для прикрытия во время перестрелки.

В другой комплект вооружения, хранящийся в МАЭ, также входит доспех, шлем и наруч (№ 434-Юа, Ь, с; см.: Богораз 1901: Табл. XII, 2—4). Доспех состоит из ламеллярного подола из семи рядов железных пластин, прикрывающих воина до середины голени, трехчастного кожаного нагрудника и одного наспинного правого крыла. Поскольку доспех запахивается налево, то очевидно, что он принадлежал левше, именно поэто-

**Чукотский воин, одетый
в ламеллярный нагрудник
с крыльями, наруч и поножу.**
Манекен. Воспроизведено по:
Thordeman 1939: 263, fig. 252

му у него одно правое крыло". Ведь левша стоял в бою правым боком к врагу. Именно так объясняли В. И. Иохельсону (1997: 101) наличие у доспеха правого крыла коряки. В подобном доспехе воин мог быть как лучником, так и копейщиком (ср.: Антропова 1957: Рис. 34—35; Широков 1968: Рис. 7; Иохельсон 1997: Рис. 53—54).

Комплект, состоящий из железного ламеллярного доспеха с нагрудником, назатыльника с правым крылом (левое добавлено музейными работниками) и железного шлема.

МАЭ, № 434-10а, Б, с. Воспроизведено по: Антропова 1957: 211, рис. 27

Характерным для азиатских эскимосов следует признать ламинарный доспех с парой крыльев, типичные экземпляры которого мы встречаем в коллекциях МАЭ в Санкт-Петербурге (№ 593-74) и Полевого музея естественной истории в Чикаго (№ 34150—34153). Такие латы состояли из ламинарного подола, нижние ленты которого для удобства движения не скреплялись спереди. Впереди к подолу стационарно крепился нагрудник, а сзади — крылья, создававшие острый угол поверх головы — характерная особенность этого типа доспехов. Кроме того, комплект из Чикаго имеет еще и пару поножей из бивня мамонта. Шлем при этом отсутствует (Антропова 1957: 204. Рис. 21; Van-Stone 1983: 6—16). Видимо, таково было типичное защитное снаряжение тяжеловооруженного лучника азиатских эскимосов, главное назначение которого состояло в прикрытии от метательного оружия противника.

¹ Посему музейная реконструкция этого доспеха, согласно которой ему прикрепили второе, левое, крыло, неверна (Антропова 1957: 213. Рис. 27).

Гравировальные рисунки на кости и клыках, созданные в основном в 1930—1940-х гг., добавляют некоторые черты к пониманию комплекса вооружения. Доспехи тут представлены достаточно схематично в виде одежды длинной в клеточку или короткой, до колен, в полоску, наспинный щит показан без крыльев. Эти воины вооружены или луком, или копьем. Причем у копьеносца за правым плечом почти горизонтально висит колчан с луком и стрелами. Подобные воины действуют в одиночку, а не в массе, поскольку они представляют собой героев сказаний (см.: Антропова 1953: 41—43. Табл. IX, 1-2а, б; 1957: Рис. 34-35; Широков 1968: Рис. 7).

Эскимос с о. Св. Лаврентия
в ламинарном панцире с кожаным
прямоугольным нагрудником,
с двумя крыльями (нач. XIX в.).
Манекен из МАЭ (№ 593-74). Воспроиз-
ведено по: Антропова 1957: 204, рис. 21

Существовало и определенное различие в вооружении и, возможно, в способах боя между чукчами, проживавшими в различных географических регионах. Так, записка от 1770 г., описывающая народы Якутского «ведомства», рассказывает о вооружении чукчей (Бриль 1792: 372): «Ружья [= оружие] у них костяные из китовых усов и костей, також и деревянные луки со стрелами, палмы, и во время неприятелей носят при себе на темляках копия, а на себе куюки железные, костяные, також; и панцыри» (ср.: Окладников 1948: 36). Вероятно, речь идет о западных чукчах, которые подверглись влиянию соседей. Типично чукотским является материал для изготовления оружия (кость и китовый ус), а также костяные и железные ламеллярные доспехи, однако нож-пальма, насаженный на длинное древко, — это якутско-эвенкийский элемент вооружения. К чисто русской части панοπлии относится «панцырь» — кольчатая броня, которая могла различными способами поступать к чукчам. Эти же чукчи «скотоводствуют оленьими и на оных ездят зимою на санках, а в летныя времена верхом на седелках об одной подпруге без стремян» (Окладников 1948: 34). Верховая езда на оленях для чукчей необычна, и совершенно ясно, что такой способ передвижения был заимствован западными чукчами от эвенов. Насколько час-

то он применялся, неясно. Ведь оленные чукчи и коряки считали «грехом» езду верхом на оленях (Беретти 1929: 72; ср.: Кибер 1824: 97; 1827: 197; Гурвич 1983: 101). Таким образом, можно говорить, что описываемые в записке чукчи подверглись сильному влиянию соседей. Аналогичное влияние мы наблюдаем в последней четверти XIX в. на перешедших Колыму чукчей, когда они заимствовали верховую езду на оленях от ламутов (Иохельсон 1900а: 190).

Естественно, в процессе исторического развития изменялось и вооружение чукчей, переходя из боевой области в охотничью. В XVIII в. чукотский воин оставался бронированным копьеносцем, использовавшим для дальнего боя лук и стрелы. Уже в конце этого столетия, когда военные действия в Сибири закончились, молодежь с презрением относилась к ношению доспехов, хотя их продолжали надевать во время войн в Берингоморье. В 1870-х гг., идя на кровавое дело, чукча брал три ножа (большой за спиной и два маленьких — в рукавах) и копье (Августиневич 1878: 54; 1880: 726). К XX в. чукотский воин продолжал носить копье и ножи, но луки были значительно потеснены ружьями, однако лук продолжали использовать из-за дешевизны его эксплуатации и бесшумности стрельбы.

Одевание

Одежда для боя. На наличие специальных типов боевой одежды источники прямо не указывают. Вероятно, у чукчей еще не было четкой специализации мирной и военной одежды. Вообще же, на взгляд европейцев, чукчи одевались легко для их сурового климата. Мужчина обычно ходил без головного убора, в кухлянке и штанах. Одежда фактически состояла из двух комплектов: нижние рубашку и штаны носили мехом внутрь, а верхние — мехом наружу. Причем жители летом носили поношенную зимнюю одежду и выглядели весьма неприглядно. В качестве обуви носили торбаса с завязками, зимой — из меха, летом — из дымлины, продыmlенной кожи¹².

Когда выходили на бой, естественно, надевали легкую уже по чукотским понятиям одежду (Воскобойников, Меновщиков 1959: 427; Меновщиков 1950: 17; 1985. № 127: 307; ср.: Козлов 1956: 147 (эскимосы)). Ведь для боя, в котором нужно было де-

¹² Подробные описания одежды чукчей можно найти в большом количестве работ, например, см.: Мерк 1978: 109-112, 125-129; Кибер 1824: 104-109; Аргентов 1857: 91; Заметки о чукчах. 1877: 4; Норденшельд 1936: 312-315; Дмитриев 1892. № 47: 8; Олсуфьев 1896: 101-105; Богораз 1901: 9-16; Каллиников 1912: 67-70; Прыткова 1961: 232; 1976: 7-30; Вдовин 1987: 80-84.

**Чукчи в летней одежде перед ярангой,
около которой вертикально стоят нарты (вторая половина 1770-х гг.).**

Гравюра последней четверти XVIII в.

Воспроизведено по: Антропова 1957: 193, рис. 10

монстрировать свою силу и ловкость, нужна была именно легкая одежда, очевидно, это была одежда летняя (см.: Кибер 1824: 108; Леонтьев 1960: 134; Меновщиков 1985. № 127: 307), обычно — кухлянка (Лебедев, Симченко 1983: 130; ср.: Бабошина 1958. № 101: 245). В XIX в., идя на опасное предприятие, чукчи надевали новую одежду, верхнюю и нижнюю кухлянки, отороченные мехом волка, вооружались копьем и тремя ножами (Августинович 1878: 54, 55; 1880: 726, 727; Колымский округ. 1879. № 6: 46; № 7: 53). Обычно надевали и одежду, которая вся — кухлянка, штаны, торбаса, рукавицы — состояла из волчьего меха (Козлов 1956: 60). Поэтому мех волка особо ценился чукчами (Кибер 1824: 106; 1827: 198). У эскимосов в сражение надевали нижнюю кухлянку, торбаса, рукавицы и, естественно, штаны (Богораз 1949. № 12: 174; Рубцова 1954. № 17: 245. § 25, 27). Чукотская сказка «Сирота» описывает приготовление к схватке: «Перевязал ремнями рукава у кистей и штаны ниже колен, будто собирался бегать или драться» (Воскобойников, Меновщиков 1959: 422). Таким образом, чтобы одежда не мешала, рукава перевязывали у кисти, а штаны, вероятно также для прочности, подвязывали под коленями.

Эскимосы во время похода на байдаре носили кухлянки из шкур чайки-маевки или нерпы (Меновщиков 1988. № 99: 233). Одежда из птичьих шкурок — это древнее типично эскимосское, а не чукотское одеяние.

Головные уборы. Шапки чукотские мужчины обычно не носили, исключая сильные морозы (Мерк 1978: 110; Норденшельд 1936: 314; Прыткова 1976: 25). Как можно судить, существовали головные уборы, которые надевались во время военных действий. Так, А. Аргентов (1857: 91) замечает: «Из волчьей головы шьют особого покроя шапки, надеваемые во время войны и кровавых умыслов» (ср.: Вальская 1961: 178—179). Об этом же сообщают и другие авторы (Мушкин 1853. № 82: 843; Народы России. 1874. № 2: 27; Августинович 1878: 54; 1880: 726; Колымский округ. 1879. № 6: 46; № 7: 53). Подобная шкура имела пустые глазницы, стоячие уши и могла украшаться ленточками и бусами. Ведь ленточки из красной материи чукчи считали помощниками в делах (Богораз 1939: 54). Для защиты от ветра к шапке сзади пришивали полосу оленьего меха (Мерк 1978: ПО; Кибер 1824: 106—107; Прыткова 1976: 27)¹³. Ношение такого головного убора, вероятно, имело определенный ритуальный смысл. Волк, по представлению чукчей, был *кэле*, злым духом, могущим, к примеру, вызвать метель (Тан-Богораз 1933: 235; Богораз 1934: 27; Меновщиков 1988. № 91: 206). Поэтому его старались не убивать, особенно оружием, опасаясь его мести. Можно полагать, что чукча как бы приобретал качества волка, злого духа, идя на рискованное дело. Ведь чукчи не отделяли себя в качестве

Чепец с вырезом на макушке оленных чукчей (рубеж XIX—XX вв.).

Воспроизведено по:

Богораз 1991: 184, рис. 183а

ве вида от животного мира, который наделяли человеческими качествами (Богораз-Тан 1936: 34—36; Богораз 1939: 184; Меновщиков 1988. № 92: 208; № 99: 233; ср.: Тан-Богораз 1979: 129; Меновщиков 1988а: 17). Соответственно, поскольку дух убитого неприятеля мог быть опасным мстителем, эта месть должна была перейти на волка, а не на человека, совершившего убийство. Ведь именно для того, чтобы скрыться от мести духа, чукчи использовали переодевания (Богораз 1939: 142; Вдовин 1987: 96; ср.: Антропова 1957: 215; Hughes, 1984a: 256).

¹³ А. Ф. Кибер (1824: 106) отмечает, что подобный головной убор из скальпа волка или рыси, опушенный бровным мехом, носили богатые чукчи (ср.: Поддубный 1914: 98). Такой же головной убор из волчьего скальпа, с ушами, украшенными корольками, носили и оленные коряки (Тан-Богораз 1979: 48). Летний башлык из шкуры головы волка носили эскимосы на побережье северо-запада Аляски (Nelson 1899: 34. Fig. 5; ср.: Загоскин 1956: 218).

В качестве подшлемника надевали чепец без верха (Антропова 1957: 213), который имел наушники из выкрашенной в красный цвет тюленьей или бело-желтой собачьей шкуры. Сверху для украшения чепец мог обшиваться кружочками и звездочками из оленьего меха (Мерк 1978: ПО; Олсуфьев 1896: Вдовин 1987: 82). Н. Ф. Прыткова (1976: 30; рис. 25, /, 2) указывает, что у приморских чукчей это был спортивный головной убор. Коряки же носили в качестве подшлемника меховую повязку, защищавшую лоб воина (Иохельсон 1997: 102).

Наиболее приметным и для своих воинов, и для противника был, естественно, головной убор. Именно поэтому на голову прежде всего надевали различные «знаки различия». Именитый оседлый житель имел походный костюм с шапкой, украшенной бисером, пряжками, а сверху была прикреплена голова ворона, которая, по объяснению чукчей, должна была принести удачу в пути (Врангель 1948: 306). По представлениям чукчей, она была связана с потусторонним миром, с предками (Гурвич 1979: 105; ср.: Богораз 1939: 59—60; Вдовин 1977: 145—146; Мелетинский 2979: 21—32; 1981: 184). Ведь когда человек умирает, его жизненная сила превращается в ворона и улетает. Посему ворона нельзя убивать, а в случае нечаянной гибели птицы от руки человека ее голову привешивали к амулетам (Вдовин 1977: 148). У эскимосов северо-запада Аляски перед боем в головную повязку вставляли два пера (КПЦ. № 72: 187; Burch 1974: 6; 1998: 68; Malaurie 1974: 141).

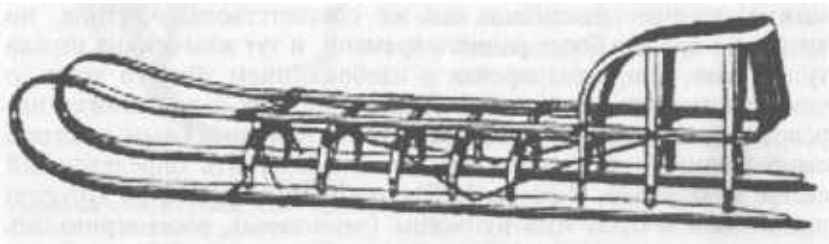
А. Е. Норденшельд (1936: 314) отмечает, что мужчины береговых чукчей носили на голове повязку с «жемчужинами» (так в переводе), количество которых указывало на число убитых врагов. И хотя сам автор считал такое объяснение пустым бахвальством, поскольку в его время (1879) войны уже не велись, возможно, данное объяснение все же соответствовало истине, по крайней мере для более раннего времени, и тут жемчужина играла ту же роль, что и татуировка с изображением убитого врага, о чем речь пойдет чуть ниже¹⁴. Для чукчей, как и для многих народов с традиционной культурой, было немаловажным показать свою военную доблесть и тем самым получить определенный статус в обществе. В конце XIX в. головная повязка, на которую пришивались бусы или пуговицы (*чеугыгъчев*), рассматривалась как амулет, отпугивающий с помощью дополнительных глаз-пуговиц/бус злых духов (Богораз 1901: 16; Шундик 1950: 102; Вдовин 1977: 137).

14 А. В. Олсуфьев (1896: 105, примеч. 1) рассматривал подобный головной Ремешок с несколькими красными бусинками как знак принадлежности к той-онскому роду.

Средства передвижения на войне

Нарты. Неясно, использовались ли в походах XVII—XVIII вв. какие-то специальные боевые нарты. Однако поскольку нарты не предназначались для непосредственного использования в бою, то, вероятно, специальных боевых нарт у чукчей не было, а если даже они и существовали, то не слишком отличались от обычных ездовых нарт, которые использовались в походе (Антропова 1957: 200). Существовало несколько видов нарт (мужские, женские нарты-кибитки, различные грузовые), наиболее легкими из них были спортивные беговые.

Мужская ездовая оленья нарта везла одного человека. Она имела загнутые вверх полозья, 6—7 копыльев — полуовальных стоек, на которых крепилось сиденье из дерева с невысокой задней стенкой. Рейки были достаточно тонкими, не толще большого пальца человека (Лебедев, Симченко 1983: 49). Все скреплялось без гвоздей, с помощью ремней, что придавало конструкции определенную эластичность (Богораз 1901: 38; Василевич, Левин 1951: 65—70). Как отмечает К. Мерк (1978: 115), нарты делались из березы, копылья — из рогов диких оленей, а ремешки-связки — из замши (ср.: Вдовин 1965: 40; Обручев 1974: 105 (ездовые нарты из ивы или березы)). Судя по сообщению И. И. Биллингса, размеры нарты были следующие: длина 1,5—1,8 м, ширина — 45 см, высота 30 см (Сарычев 1952: 265)¹⁵. На сиденье для мягкости набрасывали оленью шкуру. Чукча сидел на нарте верхом ближе к переду, ногами опираясь в полозья, чтобы амортизировать неровности почвы (Сарычев 1952: 266; Богораз 1901: 38; 1991: 29). Кроме того, на уровне второго-третьего копыла на правом полозе был прикреплен тормоз из оленьего рога, на который при

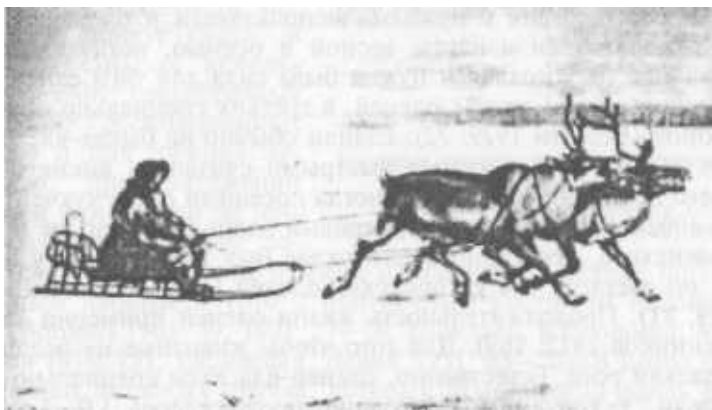

Ездовые оленные восьмикопыльные нарты.

Воспроизведено по: Левин 1946: 93, рис. 17

В. Г. Богораз (1991: 29) так определяет размеры ездовой нарты конца XIX в.: длина 1,8—2,0 м, ширина между полозьями 30—35 см, высота 24 см. В общем справедливо замечает И. С. Вдовин (1965: 40), что нарты чукчей не претерпели изменений с конца XVIII в.

необходимости нажимали ногой (Богораз 1991: 29—30; ср.: Беретти 1929: 71; Гурвич 1983: 107). Особым щегольством считалось прикрепление к спинке нарты медного колокольчика (Богораз 1899: 366, примеч. 5). Такие сани были достаточно легки: человек мог поднять их одной рукой и нести за спиной (Богораз 1991: 29).

Чукча, едущий на оленьей упряжке на ездовых нартах.
Воспроизведено по: Богораз 1991: Табл. V

На ездовых оленьих нартах не возили тяжелого груза. Для уменьшения трения полозья подбивали костями из челюсти кита (Майдель 1871: 61), смазывали китовым жиром (Кибер 1824: 97). Копье, когда не было непосредственной угрозы со стороны врагов, специальными ремешками горизонтально крепили к нарте (Богораз 1901: 30) или же держали в правой руке (Сарычев 1952: 266). Лук, колчан могли класть при езде в нарты за спину ездока (Сарычев 1952: 267), туда же клали аркан и добычу (Богораз 1900. № 135: 362; № 156: 400), теплую одежду на случай непогоды и мешок с провизией, обычно мясо с салом (Богораз 1991: 30). Оседлые жители в поход обычно брали сушеное мясо, вяленую рыбу (юколу), китовую кожу, срезанную вместе с жиром (мантак) (Меновщиков 1988: 497), весной — запасную обувь (Меновщиков 1985. № 127: 308). Водой не запасались — вместо этого ели снег (Богораз 1991: 133; ср.: Митчель 1865: 325). В обычных поездках едой не запасались, надеясь на традиционное северное гостеприимство (Богораз 1991: 30). Обычной едой были павшие олени (КПЦ. № 70: 181).

Гоночные олени нарты представляли собой максимально облегченный тип саней. Г. Майдель (1894: 145—146) описывает эти нарты как сани высотой и шириной в 25 см, в месте сиденья ширина была 45 см, длина, не считая выступов полозьев впере-

ди, — 1,2 м. Весили такие сани всего 3—4 кг (по К. К. Нейману (1871. Т. I: 15) — до 15 фунтов (6 кг); ср.: Тюшов 1906: 358 (корякские гоночные нарты — 4—6 кг)). Этот тип нарты делали из березы, с изящной спинкой, с копыльями из оленьих рогов и полозьями, подбитыми китовым усом. Всю конструкцию связывали белыми ремешками.

В соответствии с нуждами использовали и оленей. Более сильных запрягали в нарты весной и осенью, когда снежный покров еще не устоялся и нужна была сила для тяги саней; зимой использовали других оленей, а третьих специально обучали для гонок (БеретTM 1929: 72). Ездили обычно на быках-кастратах (Мерк 1978: ИЗ)¹⁶. Самыми быстрыми считались дикие олени третьего поколения, которые иногда посещали стада чукчей (Богораз 1902а: 82). Чукотский тундровый олень был меньше и слабее эвенского, лесогорного, его окрас был темнее, чем у эвенских, но светлее, чем у корякских оленей (Несчастливцев 1930: 78—79, 81). Продолжительность жизни оленей примерно 15 лет (Каллиников 1912: 169). Для того чтобы животные не бодались, им удаляли рога. Естественно, оленей для езды специально тренировали. У коряков это обучение продолжалось 1,0—1,5 года (Орлова 1929: 104). Они могли быть так приучены, что для запряжки их можно было подзывать простым свистом (Меновщиков 1974. № 42: 186; ср.: Тан-Богораз 1979: 28 (эвены)). При хорошем снеге в марте оленья упряжка может проходить 400 км за 10 дней (Орловский 1928: 65; ср.: Сарычев 1952: 266; Кибер 1824а: 23 (20—30 верст в день)). Однако при очень глубоком снеге скорость оленей с грузом падала до 10 верст (10,5 км) в день (Свербеев 1857: 15).

В ездовую нарту запрягали пару оленей¹⁷. Казак Б. Кузнецкий наряду с такими «стандартными» санями упоминает еще и нарты, запряженные тремя оленями (КПЦ. № 70: 181 (1756); Бахтин 2000: 234; ср.: Дмитриев 1892. № 51: 8). В грузовую нарту впрягали одного оленя, на ней, впрочем, могли ездить бедняки (Тан-Богораз 1979: 29). В упряжке-биге правое животное, привязанное ремнем к центру нарт, бежало на голову впереди и было ведущим. Система тяги была представлена лямкой — нагрудным ремнем, к которому справа крепился на пуговице подтяг (постромок), непосредственно тянущий сани. Система контроля со-

¹⁶ Оленей кастрировали бескровным способом путем раздавливания канальцев яичек зубами (Василевич, Левин 1951: 75). П. Н. Орловский (1928: 66) указывает и на несколько иной способ холошения оленей: одно яйцо просто отгрызалось и тут же сырым отдавалось на съедение какому-нибудь уважаемому старику или почетному гостю.

¹⁷ У камчатских коряков в беговые сани запрягали быка и важенку (Орлова 1929: 104).

стояла из недоуздка с двумя вожжами, из которых одна была связана с недоуздом соседнего оленя, а другую, правую, с петлей на конце, держал в руках ездок, для прочности обмотав ее вокруг кисти. В качестве стимула использовали пару своеобразных гребенок, расположенных на лбу и под нижней челюстью, при натяжении вожжей они давили на животное и тем самым заставляли его двигаться в нужном направлении. Оленей погоняли длинным ивовым прутком с поперечным костяным наконечником (Богораз 1901: 39; 1991: 27—28; Васильев, Кирюшина, Меньшиков 1935: 151; Василевич, Левин 1951: 65—70). В поход брали несколько запасных прутков, которые привязывали вдоль саней (Лессепс 1801. Ч. II: 196).

Костяные «расчески» для управления оленьей упряжкой:

а — длина 13 см; б — высота 5 см.

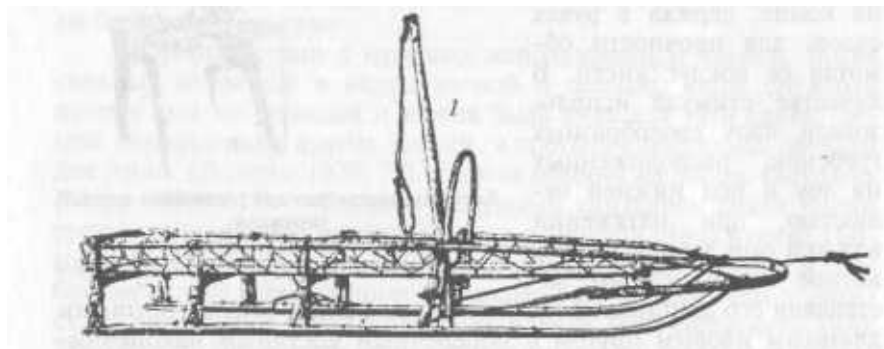
Воспроизведено по: Богораз 1991: 25, рис. 14а, с

Нарты широко применялись на охоте, когда нужно было догнать зверя: оленя, барана, росомуху (Мерк 1978: 114, 119; Этнографические материалы... 1978: 156—157). С этой функцией связано и использование их на войне. В 1731 г. чукчи дважды неожиданно нападали на нарты на походный караван Д. И. Павлуцкого (КПЦ. № 59: 159). Цель такого нападения, вероятно, состояла в том, чтобы сначала обстрелять врага с нарты на ходу, а затем уже спешиться для боя (Бабошина 1958. № 103: 251). При этом сани оставляли в тылу, чтобы при необходимости тут же можно было ретироваться. Ездовые сани могли использовать и для захвата языка: воин, неожиданно подъезжая, бросал аркан и, подхватив врага, сажал его на сани (Богораз 1958. № 98: 239).

Для быстрых набегов использовали гоночные нарты (Тан-Богораз 1979: 98; Лебедев, Симченко 1983: 129), которые развивали скорость на гонках 35 км/ч (Нейман 1871. Т. I: 15). С нарты могли стрелять из лука и бросать копье (Bogoras 1918. № 2: 29; Бабошина 1958. № 101: 245; Меновщиков 1974. № 42: 182). Если при скачке одного из двух оленей убивали, то постромок просто перерезали, и нарты продолжал тянуть другой олень (Бабошина 1958. № 101: 244).

Оседлые чукчи и эскимосы использовали для передвижения нарты, запряженные собаками, обычно кастрированными кобелями. Достаточно полное описание этих саней мы находим у К. Мерк (1978: 119—120): длина нарты составляла 5,5 футов

(1,8 м), ширина — более 1 фута 4 дюймов (43 см), высота — 8—10 дюймов (21—27 см); сиденье в виде четырехугольной рамы с поперечными планками и бортиком сзади размещалось на 7—8 копыльях; 3—7 собак впрягали по фронту отдельным потягом⁸. К концу XIX в. этот способ запряжки вышел из употребления.

Нарта для собачьей упряжки (рубеж XIX–XX вв.).

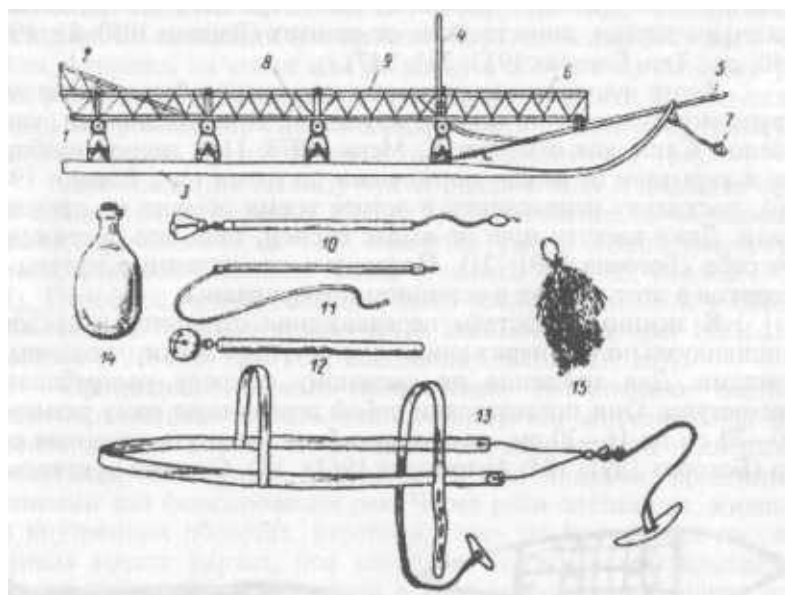
Воспроизведено по: Богораз 1991: 43, рис. 21а

На четырех парах копий лежат поперечные планки, на которых устроен настил из двух досок; борта созданы перевитым ремнем. Посередине нарты имеется дуга для управления, за нее можно держаться, около дуги находится палка-остол (/). Нарта обычно изготавливалась из березы и скреплялась ремнями. Длина полозьев — 3,5 м, высота стоящей дуги — 1,2 м, высота нарты — 1 м.

В последней четверти XIX в. применяли более крупные нарты с длиной полозьев 3,0—3,5 м и общей высотой 1,0 м с 3—4 копыльями с каждой стороны. Эти нарты делались из березы и скреплялись ремнями. Каюр (ездок) сидел на шкуре белого медведя посередине нарты и держался левой рукой за специальную дугу, предназначенную для балансировки, собаками он управлял правой рукой с помощью палки-остола, имеющей на верхнем конце металлические кольца, позвякивая которыми, он направлял собак в нужную сторону. Остол служил и тормозом: им упирались в землю, а при недовольстве ездока собаками эту палку даже запускали в нерадивое животное. Для уменьшения трения полозья поливали водой, которую носили в специальной фляге, при этом на полозьях образовывался ледяной покров. 10—12 собак впрягали в такую нарту цугом попарно. Собачья упряжь состояла из горизонтальной петли-лямки с наспинным и подбрюшным ремнями. Постромки пристегивались к центральному ремню-подтя-

⁸ По замечанию доктора А. Ф. Кибера (1824: 125), собаки запрягались в 4—6 рядов. В середине XIX в. количество собак в нартах приморских жителей колебалось от двух до десяти (Ноорег 1853: 42; ср.: Норденшельд 1936: 185 (4—12 собак)), а в 1920 г. в грузовой нарте было более 15 собак с несколькими вожаками (Амундсен 1929: 263).

гу. Никакой узды не было (Норденшельд 1936: 308—309; Богораз 1991: 46—47; Каллиников 1912: 163—165; Левин 1946: 90—91; Меновщиков 1959: 55—57).

Детали эскимосских нарт, запрягаемых собаками (втор. четв. XX в.):

- 1 — копыл; 2 — задняя дуга; 3 — полоз; 4 — средняя дуга для держания;
5 — передняя дуга; 6 — ременная вязка; 7 — петля для прикрепления тягового
ремня; 8 — доска-сидение; 9 — «нахлестка»; 10 — кнут с погремушками;
11 — оштол; 12 — погремущка; 13 — упряжь, надеваемая на собаку;
14 — фляга для воды, чтобы смачивать полозья; 15 — кусочек шкуры белого
медведя, которым смачивают полозья.

Воспроизведено по: Рубцова 1954: 540, рис. 39

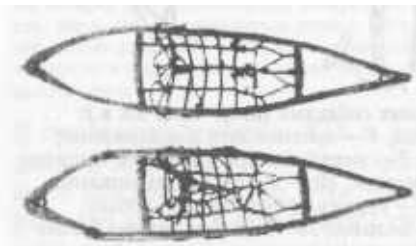
На коротких дистанциях собачьи упряжки медленнее оленьих, а на длинных — быстрее вследствие большей выносливости собак (ср.: Орлова 1929: 105). Причем даже три собаки могли спокойно везти на нартах двух людей (Хаугаард 1880: 88). Однако при глубоком рыхлом снеге езда была трудна для собак, для создания пути впереди шел лыжник. В среднем собачья упряжка проходила 4—5 км/ч, а за день — более 30—40 км, при легком грузе и хороших собаках в сутки можно было проехать 100—200 км (Кенан 1871: 107; Майдель 1894: 477 (60—70 верст в день); Олсуфьев 1896: 147—148; Слюнин 1900: 507; Беретти 1929: 62—65; Норденшельд 1936: 105, 308—309; Богораз 1991: 43—52).

Костяной блок от собачьих нарт найден на юго-востоке Чукотки в материалах пунукской культуры (VI—XVI вв.) (Диков 1979: 222; ср.: Орехов 1987: 156 (упряжные собаки с первой по-

ловины I тыс. н. э.)). Соответственно, собачьи нарты считаются более древними, предшествующими оленьим (Василевич, Левин 1951: 78; Гурвич 1983: 108). У чукчей же собачьи нарты появились позднее оленьих, поскольку сами термины, относящиеся к собачьим нартам, заимствованы от оленьих (Вдовин 1950: 81; 1976: 240; ср.: Тан-Богораз 1933: 241, 247).

Летом чукчи на саних не ездили — нарты были достаточно хрупкими, а олени не такими крупными и выносливыми, как у эвенов. Сани, как отмечает К. Мерк (1978: 115), весной разбирали и укрывали от дождя моржовыми шкурами (ср.: Вдовин 1965: 40), поскольку перекочевки в летнее время обычно не производили. Даже пастухи шли на выпас оленей, таща все снаряжение на себе (Богораз 1991: 21). Поэтому и неожиданные налеты на коряков в этот период в основном прекращались.

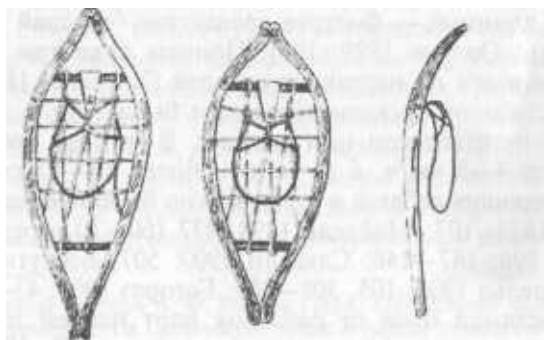
К зимним средствам передвижения относятся и средства индивидуального снаряжения: снегоступы, лыжи, подковы с шипами. Для хождения по снежному покрову употреблялись **снегоступы**. Они представляли собой деревянную раму размером 60—70 см на 16—20 см, на которую была натянута ременная сетка (Богораз 1991: 194; Антропова 1961а: 81). Судя по чукотскому

Чукотские снегоступы (кон. XIX в.).
МАЭ, № 407-44а, б. Воспроизведено
по: Антропова 1957: 201, рис. 18

Лыжи (кон. XIX в.).
Воспроизведено по: Богораз 1901:
Табл. XI, 4, 5

Снегоступы азиатских эскимосов (втор. четв. XX в.).
Воспроизведено по: Рубцова 1954: 539, рис. 37

названию, снегоступы были заимствованы от эскимосов (Вдовин 1961: 44). Применялись и собственно **лыжи** из березовых досок, обтянутых камусами и имеющих небольшой загиб спереди. Длина таких лыж была несколько более 1 м (Беретти 1929: 72), причем и на лыжах не скользили (по крайней мере, до конца XIX в.), а ходили, опираясь на копые или на палку с обручем из китового уса или ремней, не дающих палке проваливаться в снег. Для спуска с горки не требовалось никакого снаряжения: подогнув одну ногу и вытянув другую, чукча съезжал с горки (Галкин 1929: 174).

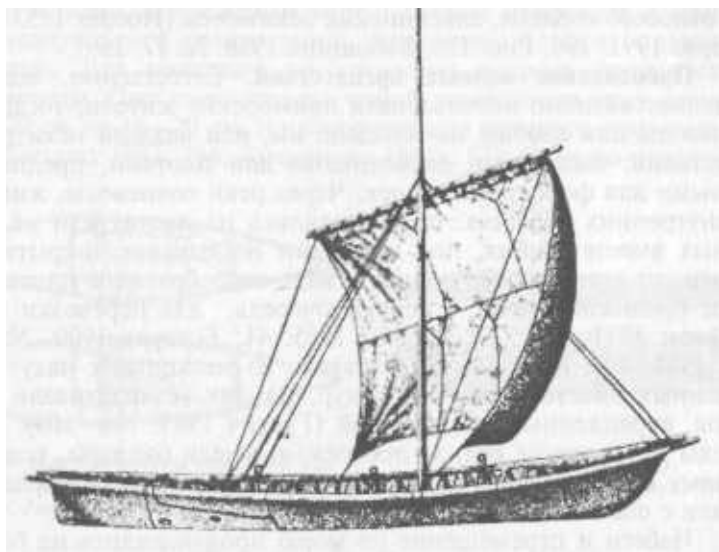
Для хождения по льду чукчи подвешивали к подошве обуви специальные подковы с шипами, сделанные из моржового клыка, археологически они известны уже в позднепунукскую эпоху, в первой половине II тыс. (Руденко 1947: 95; Козлов 1956: 24). Подобное приспособление было распространено и у соседних этносов: коряков, аляскинских эскимосов (Hooper 1853: 185; Богораз 1991: 196. Рис. 195; Бабошина 1958. № 77: 159).

Преодоление водных препятствий. Естественно, водный транспорт активно использовали приморские жители, тогда как оленеводы или вообще не обладали им, или владели нехитрыми средствами: байдарками, долбленками или плотами, предназначенными для форсирования рек. Через реки оленеводы, жившие во внутренних областях, переплывались на плотках или на связанных вместе нартах, под которыми натягивали покрытие от яранги, то есть на сооружении в виде своеобразного плота, которое предназначалось, в первую очередь, для перевозки груза (Нейман 1871. Т. I: 22; Вдовин 1965: 41; Богораз 1900. № 131: 336; 1991: 70). Плот могли составить из нескольких надутых и связанных вместе нерпичьих шкур, на них устанавливали 1—2 нарты, скрепленные между собой (Гурвич 1983: 108—109). Оленеводы же, жившие вблизи побережья, имели байдары, которые на зиму они оставляли у оседлых сородичей или, разобрав, забирали с собой на зимовье (Дмитриев 1892. № 51: 8).

Набеги и перемещение по морю производились на байдарках — лодках из нескольких моржовых кож, натянутых на деревянный (еловый или сосновый) каркас. Длина охотничьей байдары, в которой обычно размещалось восемь человек, была 6—10 м, ширина — 2—3 м, а грузоподъемность — 4 т. Обтяжку, состоящую из 2—3 шкур, меняли каждый год, а при бережном использовании — через 2—3 года, поскольку она становилась хрупкой. Вообще же байдару было легко разобрать и даже уменьшить при необходимости ее размер (Рубцова 1954: 395, примеч. 3). Вес такой байдары был 130—160 кг. Видимо, такие байдары были типичны в XVIII—начале XX в.¹⁹ Функции экипажа были сле-

¹⁹ Федорова 1984: 84; Навбот 1971: 174; КПЦ. № 63: 165; Миллер 1757: 474 (8—10 человек на охотничьей китобойной байдаре); Чулков 1785. Ч. 2: 625, 650,

дующими: впереди сидел человек, отталкивающий багром льдины, позади — рулевой-владелец байдары, руководитель, в центре размещались на скамьях по 2—3 гребца²⁰ с короткими однолопастными веслами, крепящимися в кожаных петлях (Мерк 1978: 119; Беретти 1929: 57—59; Вдовин 1965: 40—41). Как отметил Н. Н. Беретти (1929: 59), дисциплина в байдаре была строгая: гребли синхронно, отдыхая 5—10 минут в час (Свердруп 1930: 250). Байдара, кроме экипажа, могла вмещать и воинов, которые сидели на полу и помогали грести, дергая за веревку на конце весла. Уже в конце XVIII в. байдара имела еще и замшевый квадратный парус (Мерк 1978: 119; Литке 1948: 222), однако основной ход был все же на веслах. Байдары данного типа (по-эскимосски *ан'яник*) предназначались в первую очередь для охоты на крупного морского зверя (Меновщиков 1959: 53).

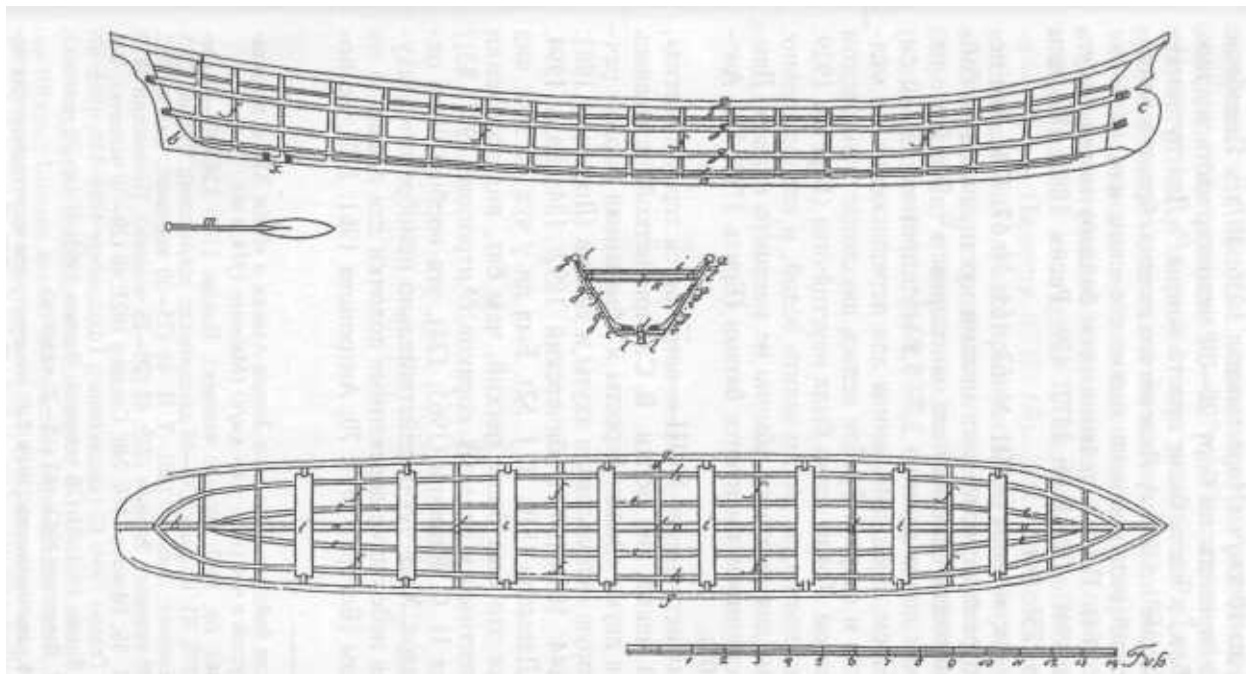
Байдара (кон. XIX в.).

Длина 11,85 см. Воспроизведено по: Богораз 1991: 65, рис. 44а

Для дальних морских поездок и походов существовал специальный тип байдары. В конце XIX в. байдары этого типа также имели прямоугольный парус из ровдуги. Для сравнения отметим, что большие байдары у североаляскинских эскимосов имели парус уже в 1830-х гг. (Кашеваров 1840: 138). Такая лодка

Черненко 1957: 132; Saner 1802: 247; Коцебу 1948: 78, 81, 82, 88, 91 (11 человек); Шамиссо 1986: 98, ср.: 91; Шишмарев 1852: 186; Толмачев 1911: ПО; Самарин 1935: 92; Леонтьев 1969: 140; Меновщиков 1988. № 99: 232; 512.

²⁰ По словам А. Аргентова (1887. № 3: 45), гребцы стояли в байдаре.

Остов эскимосской байдары с северо-восточного побережья полуострова Аляски на Юго-Западе Аляски (нач. XIX в.).

Байдара сделана без гвоздей, ее части соединены рыбьей костью или сухожилиями. Длина — 32 фута (10,4 м), ширина — 4 фута

1 дюйм (1,3 м), высота в середине — 2 фута 3 дюйма (73 см). Детали: a — киль; b — задняя часть, соединенная с килем;

c — доска спереди килея; d — поперечная доска, лежащая на киле; e — стойки, лежащие на концах поперечной доски;

f — доски ребра, на которых натянута обтяжка, закрепленная снизу на поперечной доске d; g — обшивочные рейки, закрепленные на растяжках (на натянутой коже); h — боковые рейки-держатели скамеек; i — скамейки; k — переплетенные ремни, закрепленные под скамейками в 3—4 местах для прочности байдары; l — покрытие из тюленьей шкуры;

m — гребное весло. Воспроизведено по: Langsdorff 1812: Kupfer XII

имела в длину примерно 15 м и по-эскимосски именовалась *ан'ях'льяк* (Меновщиков 1959: 54). Скорость такой большой байдары была до 10 км/ч (Норденшельд 1936: 307)²¹. Подобные байдары могли принять на борт 20—30 человек, часть из них, очевидно, гребли, а часть были просто воины²². Для путешествия чукчи, жившие по берегу Ледовитого океана, брали в байдару огонь, который разводили на ящике с песком или на дерне (Богораз 1939: 164). Против течения реки байдару могли тянуть собаки (Литке 1948: 222; Bush 1872: 429; Ресин 1888: 186) или олени (Дитмар 1856: 34).

Судя по документам (КПЦ. № 63: 165; № 67: 174), для передвижения по рекам с военными целями чукчи, наряду с байдарками, использовали одноместные однодеревки²³. Это была типично охотничья лодка длиной 3,7—5,8 м, шириной 53—70 см, высотой 53—62 см, предназначенная для передвижения по мелководным рекам и озерам. Гребля велась двухлопастным веслом или просто шестом. Такая лодка была неустойчива (Беретти 1929: 61), когда были волны, ее могло залить водой, и следовательно, она была опасна для охотника, обычно не умевшего плавать. Данные лодки в источниках именуются батами (Бриль 1792: 372; Антропова 1961: 107).

В русских источниках XVIII в. встречается термин «ветка», обозначающий некий вид лодки. В Сибири веткой называлась легкая обшитая двумя слоями бересты и обмазанная смолой речная лодка, которую использовали якуты и эвенки (Линденау 1983: 61; Шукин 1844: 103-104; Собичевский 1892: 134; Даль 1994. Т. I: 460; см.: Давыдов 1810. Ч. I: 52). Был ли у чукчей этот вид лодки? Или же это был более легкий, чем бат, вид долбленки (стружок), известный у оседлых коряков (Антропова 1971: 83)? По мнению же И. С. Вдовина (1965: 124), это вообще была однолучная байдара. Хотя чукчи действительно приобретали у якутов и юкагиров небольшие деревянные лодочки для плавания по озерам и речкам (Богораз 1991: 70; Антропова 1961: ПО), но по-

²¹ Ср.: большие байдары эскимосов Запада Аляски в конце XIX в. развивали скорость 6—8 узлов в час (10,8-14,4 км/ч) (Malaunie 1974: 140).

²² Вдовин 1948: 64; 1987: 100 (40 человек); Паллас 1781: 124 (30-40 алеутов); Гондatti 1898: XI, примеч. (30—40 аляскинских эскимосов); Чулков 1785. Кн. 2: 608 (30 человек); Лессепс 1801. Т. II: 88 (25-30 коряков); Белов 1952. № 102: 269 (20—30 человек); Вдовин 1959: 42 (20-25 человек); Полонский 1850: 399; Соколов 1851: 96; Ефимов 1948: 240; Стеллер 1927: 40 (20-30 человек); Федорова 1984: 168; Гедеон 1994: 63 (кадьковцы); Гольденберг 1984: 128; 1985: 67; Коцебу 1948: 98; Дивин 1971: 81 (20 человек); Вдовин 1965: 41 (до 20 человек); Андреев 1940: 157; Линденау 1983: 163 (15—20 человек).

²³ Ср.: С. П. Крашенинников (1949: 710) отмечает, что на ительменских однодеревках-батах находилось два человека (ср.: Тюшов 1906: 7), а на батах эвенов, по замечанию Я. И. Линденау (1983: 61) — 3—4 человека.

сколько данный термин встречается наряду с байдарками (КПЦ. № 63: 165; № 67: 175), то, судя по всему, это были все те же од-
нодеревки или простые лодочки из трех скрепленных между со-
бой досок (Антропова 1961: 107)²⁴. Последняя на Анадыре была
длиной 4,5 м, а шириной, как указывает Р. Дж. Буш, 30 см и
предназначалась для охоты на оленей (Bush 1872: 384).

Приморские жители использовали во время военных дей-
ствий и каяки — однолучные байдарки для одного человека. Их
длина была 1,8 м, ширина 70 см, высота до центрального обру-
ча — 20 см (Беретти 1929: 60). Эта типично охотничья лодка
могла лишь по случаю применяться в военное время. Поскольку
в ней гребец держал двухлопастное весло двумя руками, то с нее
было неудобно сражаться и для боя воин стремился спешиться
(Меновщиков 1985. № 56: 127).

²⁴ Согласно наблюдениям доктора А. Ф. Кибера (1823: 131—132) в 1821 г.,
на Нижней Колыме веткой именовалась одноместная лодка, сделанная из трех
досок, одна из которых служила дном, а две — боками. А. П. Сильникий
(1897: 26, примеч.) также называет «веткой» лодку, сделанную из досок, в кото-
рой помещался один человек.

ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ

Война и мир

Причины войны чукчей с различными этносами были разными, наиболее ранними из них были социальные: споры, похищение женщин, ссоры с летальным исходом и следовавшая за этим кровная месть. Также в раннюю эпоху военные действия могли начаться и со споров об охотничьих угодьях, что особенно часто встречалось у приморских жителей во время их промысла на байдарках. Экипаж байдары обычно в сложных климатических условиях заплывал на чужую территорию и тут захватывался, подчас его убивали, из-за чего приморские жители враждовали между собой (Бабошина 1958. № 67: 164-167; Сергеева 1962: 82-85; 103-104; Меновщиков 1985. № 56: 125-127; 1987. № 1: 25-27; ср.: Крупник 2000: 437). Поводом для начала враждебных действий могло послужить и грубое нарушение установленных обычаем норм поведения, таких как, например, убийство посланника (Бабошина 1958. № 100: 242). Все эти и подобные конфликты выливались затем в кровную месть, которая и была обычной причиной для последующей войны (Воскобойников, Меновщиков 1959: 437; 1974. № 19: 106-107; № 30: 135-136; № 83: 293; 1988. № 99; 100; 130).

Во второй половине XVII—начале XVIII в. чукчи вели крупные войны против нижеколымских и анадырских казаков, упорно пытавшихся наложить на них ясак и призвать в российское подданство, то есть война приобрела политический характер. Взаимоотношения русских и чукчей в последней трети XVII в. ясно рисует пятидесятник М. Колесов из Нижнеколымского острога (1679): «А к нижнему ясачному зимовью немирные люди чюхчи прикочевали и живут от зимовья во днище, а караулят русских людей и ясачных, и как кого схватывают, и тех людей всякими разными муками мучат, а в достале смертью позорную кончают» (ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 3—4: 9). Чукчи были не лучшего мнения о служилых. Вот как в одной чукотской сказке описывается их

поведение во время сбора ясака: «Плохое время это было. На берегу лимана стойбище большое стояло. Часто приходили туда танги со страшными лицами. Громко кричали они. Требовали, чтобы люди стойбища на них работали и всю добычу от охоты им отдавали» (Козлов 1956: 27).

В XVIII в. причины войны изменяются — процесс эволюции идет дальше — появляются еще корыстные (экономические) мотивы. С кочевыми коряками в XVIII в. шла перманентная война из-за оленьих стад. Как доказывает И. С. Вдовин (1944: 261), вплоть до начала этого столетия чукчи соприкасались с коряками только в устье Анадыря (вдоль же по течению самой реки их разделяли обитавшие тут юагиры), лишь активное участие коряков в русских экспедициях, начиная с 1702 г., привело к началу коряко-чукотских войн. Однако тут же следует оговориться, что редкое юагирское население на данной реке вряд ли могло служить каким-то барьером для походов чукчей на коряков¹, ведь в сказаниях последних еще в конце XVIII—начале XIX в. имелась информация об истреблении чукчами коряков, за исключением нескольких семей задолго до прихода в край русских (Мамышев 1809: 22; ср.: Беретти 1929: 5—6). Еще в середине XVIII в. купец Н. Шалауров конкретно возложил ответственность за набеги на корыстных предводителей анадырских чукчей (Белов 1954: 179). Причем набеги велись на кочевых коряков, тогда как с оседлыми ко взаимной выгоде предпочитали торговать. И. С. Вдовин (1950: 83) полагает, что первый набег чукчей на оленных коряков произошел в 1720 г. (см.: Nul... 1866. № 17: 4; contra: Гурвич 1982: 202). Впрочем, А. С. Зуев (20026: 248) приводит показания оленных коряков от 5 апреля 1711 г., согласно которым, чукчи напали на пенжинских коряков и угнали у них оленей. Поскольку оленные коряки были к этому времени ясачными, то за них, как за своих подданных, вступились русские, осуществившие ряд экспедиций с целью приведения к покорности и обьясачивания чукчей (ср.: Из Иркутска... 1814: 3). Вот как охарактеризовал положение капитан Т. И. Шмалев в своей записке (1778): «Чукчи с верноподданными Ее Императорского Величества коряками с давних пор имели несогласия: друг на друга ходили походами и чинили смертные убийства и грабежи, чем российским воинским людям, обязанным защищать коряков, наводили беспокойство» (Шаховской 1866: 307). Однако анадырская команда все же не могла успешно противостоять набегам чукчей из-за больших площадей, которые служилые должны были контролировать. Обычно они несли караул, препятствовали

¹ Б. О. Долгих (1960: 554) насчитывает юагиров на территории от Лены до устья Анадыря менее 5000 человек.

переходу чукчей через Анадырь или, наоборот, догоняли налетчиков (Шашков 1864: 77; ср.: Линденау 1983: 103; Белов 1954: 180—181). Вражда чукчей и коряков зашла так глубоко, что процепировалась и на загробный мир: коряки в 1777 г. объясняли красные пятна на небе во время северного сияния тем, что это кровь их предков, которые на небе сражаются на копьях с чукчами (Алексеев 1958: 56). Так продолжалось до 1771 г., когда анадырский острог был окончательно упразднен, и чукчи в поисках новых пастбищ стали переходить Анадырь и селиться на южных территориях, где жили коряки (Вдовин 1962: 154—155). Хотя сами чукчи утверждали, что они ходили в походы на коряков ради добычи оленей, но, согласно русским документам XVIII в., они это делали ради пастбищ (Вдовин 1965: 67; ср.: Вдовин 1970: 22—23 (песнь Наихйе); Иохельсон 1997: 223). Видимо, тут последствия приведены вместо причины: в результате отхода коряков чукчи занимали пастбища к югу от Анадыря. После 1771 г. северо-восточная часть кочевых коряков осталась один на один с врагом, тогда как другие на зиму (самое опасное время) прикочевывали к Гижигиской крепости, надеясь, что в случае нападения чукчей русские придут им на помощь (Косвен 1962: 282—283; 287; ср.: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585). Впрочем в 1770-х гг. отряды служилых рассылались из острога для охраны коряков от чукчей (Гурвич 1966: НО). Лишь в 1781 г. гижигинские власти договорились с анадырскими чукчами о прекращении нападения последних на коряков, которые после заключения мира отважились откочевать от крепости к Анадырю и на Камчатку лишь в 1800 г. (Шаховской 1822: 288). Однако если крупные набеги прекратились, то вражда не забылась. В 1808 г. камчатский комендант генерал-майор И. Г. Петровский утверждал, что чукчи «беспрестанно почти дерутся со своими соседями, оленными коряками, по древней, какой-то непримиримой вражде» (Семивский 1817: 77, примеч. (вторая пагинация); ср.: Лессепс 1801. Ч. II: 155). Позднее, в 1867 г., Г. Майдель (1925: 25) отмечал: «Кровавые стычки давно уже не случаются, но всякого рода грабежи и воровство в ходу в таких местах, в которых лагеря чукотские расположены вблизи корякских стойбищ и поэтому они стараются жить подальше друг от друга». Таким образом, еще в середине XIX в. в приграничной территории случались небольшие грабительские налеты на соседних коряков, поэтому оба народа предпочитали иметь между собой нейтральную полосу земли.

Согласно преданиям, в более древние времена лишь юагиры-алаи воевали с чукчами, а омоки и колымцы не сталкивались с ними (Иохельсон 1900а: 186; 1900. № 96: 210—211; Гурвич 1966: 53). Столкновения чукчей с ясачными юагирами и чуванцами также происходили из-за того, что последние поставляли

вспомогательные контингенты в казацкие отряды (вторая половина XVII—середина XVIII в.), хотя ранее между ними преобладали мирные отношения. Чукчи нападали на юкагиров с целью грабежа, увода в плен женщин и детей, угона оленей (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583–583 об.; Мерк 1978: 120; Дьячков 1893: 37–38, 133; Bogoras 1918. № 23: 95–97). Вот как описывает эту войну чуванская традиция: «Чукчи, зная удалство чуванцев, все приноравливались, как бы убить их хитростью, напав врасплох или в ночное время или когда замечали их в небольших партиях...» Напав и вырезав всех, чукчи скрывались еще до прихода на помощь русских (Дьячков 1893: 37). Война с юкагирами приводила к постепенному их истреблению, и в 1763 г. подполковник Ф. Х. Плениснер отмечал, что юкагиры по Анадырю и Яблоновой реке все перебиты чукчами, а их жены уведены в плен (Вдовин 1965: 76). По свидетельству капрала Г. Г. Шейкина, 80 последних юкагиров, живших в 15 верстах (16 км) от Анадырска, были уничтожены чукчами в 1756 г., а оставшиеся 10 женщин были переселены в острог (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583 об.; ср.: Дьячков 1893: 66).

С эвенками чукчи сталкивались редко, также угоняя у них оленей. В эвенском сказании эти столкновения описаны так: «Чукчи и эвенки враждовали, охотились друг за другом, стреляли друг в друга и беспощадно рубились мечами» (Новикова 1987: 107). Однако, естественно, это эпическое воспоминание о прошлом, тогда как в самих сказках речь идет о небольших стычках (Bogoras 1918. № 2: 28–29; Новикова 1987: 107–108). Также стычки могли происходить и из-за охоты на оленей, ведь ламуты подчас охотились на их домашних оленей как на дичь (Майдель 1894: 67–68; Антропова 1957: 182–183), хотя уже во второй половине XIX в. чукчи смотрели на эту «охоту» сквозь пальцы, поскольку понимали, что их стада вытесняют диких оленей — основную добычу ламутов (Тан-Богораз 1933: 242–243).

С обитателями побережья Аляски и островов Берингова пролива вражда была перманентной. Причиной войны становились простые споры из-за охотничьих угодий (Sauer 1802: 103; Галкин 1929: 72; Богораз 1934: 174–175; Rasmussen 1952: 145; Меновщиков 1980а: 215. § 107–141; 1985. № 133: 324–327). Жители Чукотки, как правило, вели наступательные войны, а аляскинцы — оборонительные, хотя нападения с их стороны также случались (Rasmussen 1952: 145; Швайцер, Головкин 2001: 31; Sheppard 2002: 3). В конце XVIII в. азиаты практически ежегодно совершали свои набеги (Словцов 1856: 20). Эти постоянные враждебные отношения прерывались периодами торговли. Еще в 1840 г. был произведен набег на эскимосов (Аргентов 1857а: 37; 1886: 30–31;

1887. №2: 21; Антропова 1957: 178)². Это, по существу, была одна из последних войн, в полном смысле этого слова, которую вели приморские жители.

Впрочем, поскольку чукчи все же нуждались в товарах американцев, особенно в мехах и деревянных изделиях, то с последними велась торговля. Приморские чукчи и эскимосы плавали для торговли на острова Берингова пролива и на Аляску. Эта торговля в XVIII в. еще не выделилась в отдельную отрасль, а была своеобразным торгом-набегом, причем чаще набегом, чем торгом (Записка... 1858: 103), ведь торг мог тут же перерасти в столкновение вследствие как ссор, так и желания одной из сторон пограбить, воспользовавшись благоприятным моментом³. Поэтому, не доверяя другой стороне, чукчи отправлялись на торг в большом числе и с оружием (Врангель 1948: 180). Сотник И. Кобелев описывает, как эскимосы встречали байдары приморских чукчей на о. Кинг (Укивок) в Беринговом проливе (1791): «Те укипанцы, усмотрев нас еще в море, что наши байдары остановились, оделись в куяки, в руках копыя, луки и стрелы на тетивах... у тех укипанцев всегда обращение таковое...» (Этнографические материалы... 1978: 163). К. Мерк (1978: 122) подобным же образом описывал эту торговлю: «Жители о. Окипен встречаются, по своему обычаю, чукчей в доспехах, с луком, стрелами и ножами, так же провожают они их при отъезде» (Богораз 1934: 79). У азиатских эскимосов и приморских чукчей была застарелая вражда с жителями островов и Аляски. Еще в 1816 г. один из жителей приморской деревни, увидев изображение эскимоса с лабретками в нижней губе, воскликнул: «Где бы я ни встретил такого человека с двумя костями, то я пронзил бы его!» (Коцебу 1948: 103; ср.: Nelson 1899: 330).

И. С. Вдовин (1965: 54—55, 63) указывает на мирные отношения оленных чукчей с азиатскими эскимосами в XVII—XVIII вв., поскольку он не нашел данных об их вражде. Однако в более раннее время войны, естественно, велись, о чем сохранилась информация в фольклоре (Тан-Богораз 1930: 69; Богораз 1934: 174, XXIII (около XII—XIII вв.); Золотарев 1938: 78–80; Гурвич 1982: 200; Reuse 1994: 296 (XII–XVI вв.); ср.: Кавелин 1931: 99). Вот как, к примеру, эскимосская сказка описывает тор-

² Согласно мнению приморских чукчей (1924), войны в Берингоморье между азиатами и американцами закончились 100 лет назад (Галкин 1929: 72). И. С. Вдовин (1987: 43) утверждал, что тут мир установился к началу XIX в. Американские исследователи более осторожно датируют последний набег азиатов на аляскинцев первой половиной XIX в. (Sheppard 2002: 5, 14, п. 3; ср.: Fienup-Riordan 1990: 155; 1994: 328).

³ Нападение ради наживы на европейскую торговую шхуну, произведенное азиатскими эскимосами в середине XIX в., нельзя считать типичным явлением (Dall 1870: 381).

говлю западных оленных чукчей с восточными оленеводами и оседлыми жителями: «Встретились с людьми западной стороны, радушно их приветствовали. Друг с другом едой обменивались, разные вещи дарили, новости рассказывали. Отдохнули, открыли обмен.

Береговые и тундровые люди северной стороны привезли для обмена шкуры зверей, ремни, подошвы и топленый жир.

Люди западной стороны привезли для обмена железо, ножи, котлы, табак, чай, оленью рухлядь. Перед обменом, по обычаю противников, двух оленей друг против друга поставили, затем приготовились колоть. Чей олень головой в сторону противников упадет, тот первым должен начать войну в случае ссоры. Вот двое людей вонзили копья в оленей. Олень нашей стороны упал на месте, повернув голову в сторону. Олень противников упал головой в сторону наших людей.

После этого начали друг с другом обмениваться. Вот во время обмена завязался спор из-за малой цены. ...Так и не пришли к согласию в споре.

По обычаю, утром должны начать войну. За ночь должны к бою подготовиться, а женщин и детей и стариков отослать домой с оленьими стадами. Если противники, на которых должны напасть, не желают принимать бой, то, по обычаю, до рассвета они могут уехать со своими караванами. Но другая сторона может догонять» (Меновщиков 1985. № 128: 310—311). Следовательно, на Чукотке сложился целый ритуал обмена. При этом западные чукчи привезли на торг русские товары, а также оленьи шкуры, тогда как восточные кочевники, к которым присоединились оседлые, имели товары приморские (ср.: Меновщиков 1974. № 42: 180-182; 19886. № 6: 39-42; Крупник 2000: 224-230). Едущие торговать, как и в военные экспедиции, брали с собой женщин, детей и стада (ср.: Лессепс 1801. Ч. II: 109—110; Шуккин 1852: 14). Сначала обе стороны встречались и запросто общались друг с другом. Торговля — кульминационный момент, цель всей поездки. Она обставлена особым ритуалом, который открывается жертвоприношением-гаданием, показывающим, кто первым начнет боевые действия в случае ссоры. Следовательно, ссоры, перераставшие в конфликт, были самым обычным делом в подобном обмене. Гадали традиционно, по падению жертвенного оленя. Далее ход событий шел по военному руслу, по «цивилизованному» способу ведения войны: нападение производилось только на следующий день, противники имели целую ночь для подготовки к бою, каждая из сторон вольна была принять бой или бежать, если не чувствовала в себе силы противостоять нападающему.

Внутренние войны между чукчами отражены в источниках слабо, во-первых, из-за недостатка у русских информации об этом,

а во-вторых, из-за того, что этническое самосознание чукчей в историческое время препятствовало разгоранию междоусобных конфликтов. Согласно К. Мерку (1978: 99), междоусобицы были у чукчей в древние времена, то есть намного ранее конца XVIII в., об этом же упоминает чукотский фольклор (Богораз 1900. № 145: 388–389; 1934: 175; Козлов 1956: 19–22). В 1741 г. о разбойничьих набегах упоминает Д. Я. Лаптев: «Лучшее их [чукчей] содержание и пропитание в разбое между собой или что достанут у коряков» (Вдовин 1950: 93). Очевидно, речь идет об угоне друг у друга оленей, что было у чукчей своеобразным видом экстремального спорта. Еще в начале XX в. случались, хотя и редко, внутренние столкновения из-за различных социальных и экономических причин. Так, В. Г. Богораз (1899б: 18–19; 1902а: 84) за три года своих наблюдений в самом конце XIX в. насчитал у колымских чукчей примерно 10 убийств, в том числе одно убийство отца и два — братьев, причем эти убийства чаще встречаются у приморских и зачаунских чукчей, чем у колымских и оленных. У чукчей в начале XX в. не было центральной власти и писаных законов, которые могли бы воспрепятствовать стычкам и призывать преступника к ответственности, существовало лишь традиционное право, согласно которому за преступление, главным образом убийство, следовала кровная месть, служившая определенным барьером совершающему проступок. Как видим, с прекращением внешних войн причины столкновений, да и способы их проведения, вернулись к своему первоначальному состоянию, впрочем, их нельзя уже считать собственно войнами — это были именно конфликты.

Начало войны. Обычно войну объявляли заранее. Это была норма «международных отношений в регионе» (Меновщиков 1985. № 127: 309). «Я приду к тебе, как только выпадет первый снег, и убью тебя» — говорит предводитель танитов чукотскому герою Кунлелю в одном предании (Бабошина 1959. № 103: 250; ср.: Сенатский архив. 1889: 35, 36, 535; Богораз 1949. № 4: 139; Стебницкий 1994а: 104, 167). Если враг не подготовился к бою, то ему могли дать на подготовку три дня (Богораз 1901. № 132: 337; ср.: Jochelson 1905. № 6: 138). Открытый вызов на бой и предоставление противнику времени для подготовки к сражению имели свою рациональную основу: решить в «генеральном сражении» судьбу войны и не затягивать ее вплоть до истощения ресурсов. Если одна сторона потерпела поражение, то ответный набег мог происходить не только на следующий год, но и через несколько лет, например, через четыре года (Богораз 1935: 175).

Поскольку в чукотском и эскимосском обществе, как говорилось, доминировал культ физической силы, то, демонстрируя свое умение и желание сражаться, можно было заставить вра-

га отступить без боя, как мы видим это в эскимосской сказке «Разгаданная тайна», где герой из Сиреник, убив собаку во вражеском стане и пригрозив перебить вражеских вождей, заставил последних увести войска (Сергеева 1962: 85). В качестве предупреждения противнику чукчи могли оставить на земле свою стельку, изготовленную из травы (Богораз 1902. № 5: 162), или воткнуть в землю стрелу с тупым наконечником, предупреждая, чтобы другой не пас тут оленей (Богораз 1934: 176). Другим сигналом врагу о том, что его появление обнаружено и готовится сопротивление, был выстрел в сторону врагов тремя стрелами подряд (Лебедев, Симченко 1983: 129).

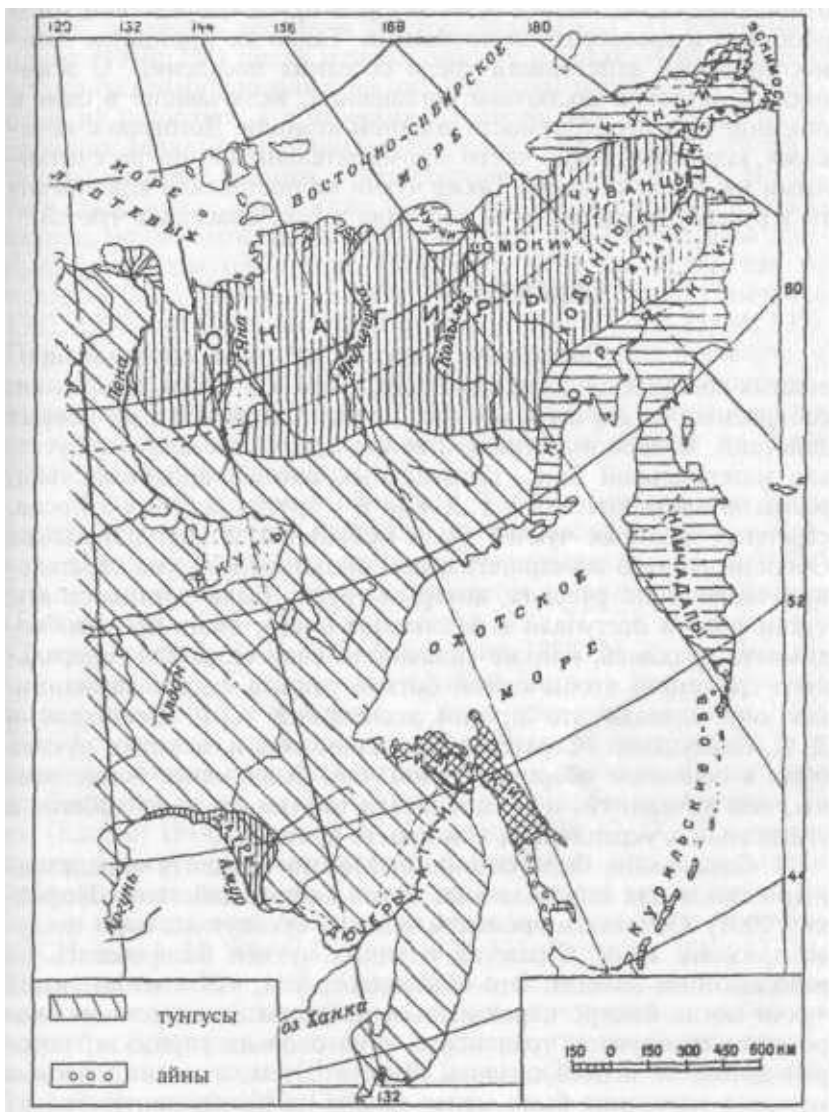
Мир мог быть заключен, когда стороны, понеся значительные потери, понимали бесперспективность дальнейшей борьбы, грозившей полным истощением (Богораз 1900. № 167: 415; Воскобойников, Меновщиков 1951: 450; Бабошина 1958. № 98: 239; Меновщиков 1988. № 129: 308). В качестве послов отправлялись старики, приходившие к стану врага и предлагавшие замирииться (Кавелин 1931: 99). У приморских жителей стороной-посредником могли выступать жители соседнего поселка, соблюдавшие в конфликте нейтралитет (Бабошина 1958. № 67: 167). Нормализация отношений между соседями происходила путем переговоров между представителями двух противоборствующих партий (Богораз 1934: 178). Мир мог заключаться не только между отдельными этническими группами, но даже между отдельными стойбищами коряков и чукчей, тогда как между другими поселениями вражда продолжалась (Бабошина 1958. № 101: 243). В корякских сказаниях мир с чукчами часто заключается посредством женитьбы сына старейшины чукчей на дочери коряка-оленевода (Стебницкий 1994: 57—58; ср.: Вдовин 1962: 154). Примирившиеся стороны затем брачались между собой (Козлов 1956: 22). При замирении обменивались подарками (Богораз 1934: 175), в знак соблюдения мира даже предводитель носил свой нож с обломанным концом (Крузенштерн 1950: 173; Любовь... 1811: 22-23).

Обычно для заключения мира старшины приходили со значительным эскортом, поскольку, с одной стороны, они не доверяли своим недавним врагам, а с другой — угрозой применения силы удерживали их от нападения и делали более сговорчивыми. Так, в 1740 г. на переговоры с русскими на Анадырь явилось 12 тойонов в сопровождении 200 воинов (Вдовин 1948: 68), в 1756 г. для этой же цели прибыло более 300 оседлых чукчей-воинов (Вдовин 1950: 96; Алексеев 1961: 19), а в 1763 г. на переговоры с командиром Анадырска Ф. Х. Плениснером прибыло 60 байдар по 20—25 человек в каждой (1200—1500 человек) (Алексеев 1958: 25; Вдовин 1959: 42). Даже в начале XIX в. «вер-

ховный глава всего чукоцкого народа» Чечро-Тума прибыл на переговоры с губернатором в сопровождении 12 тойонов и множества чукчей (Любовь... 1811: 18). Если противоборствующие стороны заключали мир, то затем его нарушение расценивалось как негативное явление (Бабошина 1958. № 101: 243; ср.: Стебницкий 1994: 79 (коряки верят в соблюдение мира чукчами и спокойно спят)).

Союзы. В XVIII в. — веке войн — мы наблюдаем и определенные элементы внешней политики, направленные на создание благоприятных условий для ведения войн. Так, приморские жители специально не связывали россиян с обитателями Аляски, боясь их союза, который мог быть направлен против обитателей Чукотки (Белов 1954: 182; ср.: Ефимов 1948: 230; 1971: 196; Греков 1960: 54). В историческое время постоянными союзниками чукчей были азиатские эскимосы, с которыми кочевников связывали крепкие торговые связи. А в случае большой опасности, которую для чукчей представляли русские, приморские жители могли принимать помощь даже своих давних противников — жителей островов, которые были известны лучше и не угрожали независимости чукчей. Так, во время первого похода Д. И. Павлуцкого (1731) чукчам помогали эскимосы с островов Берингова пролива, о чем островитяне сами заявили М. С. Гвоздеву в следующем году (Полонский 1850: 399, 400; Соколов 1851: 94, 96; Ефимов 1948: 240—241; Гольденберг 1984: 129; Крашенинников 1949: 178). Даже среди убитых чукчей после третьего сражения служилые обнаружили одного или двух эскимосов, которые были узнаны по лабреткам в губе (Ефимов 1948: 225; Зуев 2001: 28). Действительно, о подобном взаимодействии говорит и союз жителей островов Диомиды (Гвоздева) с азиатскими эскимосами, воевавшими с обитателями о. Кинг (Укивок), которым помогали их американские сородичи с полуострова Сьюард (Nelson 1899: 330; Швайццер, Головкин 2001: 31, 35, примеч. 9; ср.: Вдовин 1965: 56 (1763)). Да и сами жители Малого о. Диомиды (Крузенштерна) были какое-то время во вражде с обитателями Большого острова (Ратманова) и в союзе с эскимосами мыса Принца Уэльского, но были побеждены (Nelson 1899: 330; Sheppard 2002: 2; ср.: КПЦ. № 71: 186 (1763)). По предположению же русских властей, чукчам против капитана помогали эскимосы не только островов Берингова пролива, но и Аляски (Белов 1956: 324, 330). Чукчи не желали соединиться со своими давними врагами-коряками против русских даже во время корякского восстания (1755), надеясь на мирные переговоры с россиянами, а своими набегами на коряков они, по существу, помогали русским (КПЦ. № 70: 183; Алексеев 1961: 19), хотя, по предположению восставших ительменов, чукчи, замирившись с коряками, должны прийти на

помощь камчадалам (1746) (КПЦ. № 36: 97; но ср.: № 38: 102—103, 108—109). В 1715 г. восставшие юагиры звали чукчей на помощь против Анадырска, но помощи, по-видимому, не получили, поскольку в это время не было активной борьбы чукчей с русскими (ПСИ. Кн. 2, № 29: 88-89, 93).

Расселение народов Восточной Сибири в кон. XVII в.

Воспроизведено по: ИЭАС. С. 7 (сост. Б. О. Долгих) с уточнениями по изданиям: Вдовин 1972; Леонтьев, Новикова 1989: 22

В общем, в историческое время, зафиксированное в источниках, постоянными союзниками оленных чукчей выступают оседлые эскимосы, жившие зачастую попеременно с ними. Последние были, так сказать, естественными союзниками, с которыми не заключались особые договора, а сами дружественные отношения складывались естественным путем посредством товарообмена и своеобразной проксении. Такие же принципы взаимоотношений действовали среди соседних поселений. С эскимосами островов заключали соглашения, включавшие в себя и оказание при необходимости военной помощи. Договора с кочевыми коряками были чисто примирительными, не рассчитанными на взаимопомощь. Также чукчи не поставляли контингенты в русские экспедиции — россияне все же опасались чукчей.

Стратегия

Поскольку у чукчей не было специализированных военных дружин, кормящихся войной, то их ополчения, собираемые от случая к случаю, не вели перманентных боевых действий. Широкомасштабной войне препятствовало и отсутствие материальной базы, специальных запасов продовольствия, распыленность кочевий и т. д. Как и у других кочевых этносов, стратегия оленных чукчей была мобильной и наступательной. Оборонительную же стратегию они применяли против карательных экспедиций русских, которым трудно было противостоять: чукчи просто отступали в безопасное место, лишь при необходимости сражаясь, или же сплачивали свои силы для генерального сражения, чтобы одной битвой решить судьбу кампании, как они сделали это против экспедиций А. Ф. Шестакова и Д. И. Павлуцкого. Стратегия же эскимосов и оседлых чукчей была в основном оборонительной: они были менее воинственны, чем кочевники, и предпочитали отсиживаться от набегов в специальных укреплениях или просто прятаться.

Сама война была сезонной. Можно выделить определенные сезоны для определенных видов боевых действий (Нефёдкин 2001). Основным временем ведения сухопутных войн следует признать зиму. Стратегия оленных чукчей базировалась на неожиданных налетах. Это объяснялось тем, что именно зимой чукчи могли быстро передвигаться на своем единственном скоростном сухопутном транспорте — на оленьих упряжках, которые летом не использовались. Вместе с тем, в зимний период мужское население было менее занято на пастбище, поскольку стада оленей были спокойны, и их могла пасти даже пара подростков (Богораз 1991: 72; ср.: Орловский 1928: 69—70; Беретти

,929- 16; ДРУРИ 1936: 110, 117; Меновщиков 1974. № 100: 330; однако ср.: Караев 1926. № 4: 140; В. А. 1935: 62). В течение большей части XVIII в. в зимний период чукчи производили на-
^{таа}ения на коряков с целью захвата оленей. В остальное время года коряки не опасались чукотских набегов (КПЦ. № 65: 170). Задача такого набега состояла в том, чтобы неожиданно появиться, захватить добычу и быстро отступить. С. П. Крашенинников (1949: 734) писал о таких зимних набегах: «Оные [чукчи] по всякую зиму партиями на них [коряков] набегают и попрежнему их разоряют, а с чукчами поневоле, ибо те находя на их урочища великие им чинили разорения, полоня их и убивая и табуны оленные отгоняя, в чем состоит все богатство их. Но хотя в такой нужде они против чюкочь на бой выходить и отваживались, но однакож всегда разбиты и бегством спасать себя принуждены были» (ср.: Мерк 1978: 120). Нападать могли как по первому снегу (Бабошина 1959. № 103: 250; Лебедев, Симченко 1983: 129), так и уже весной (Сенатский архив. 1889: 35, 36, 535). Причем одни и те же чукчи могли совершать набег и в марте, и в ноябре (Шаховской 1822: 306). Но все же наиболее благоприятным для набегов был конец зимнего сезона, с конца февраля до конца мая, когда сила ветров спадала, а морозы не были столь сильными (Иохельсон 1997: 214).

В зимнее же время обитатели Чукотки (именно они были агрессивной стороной) нападали на эскимосов побережья Аляски. Оленные чукчи на упряжках переправлялись по льду Берингова пролива, как это рассказывается в сказании об Эленди (Богораз 1899: 356-358; Тан-Богораз 1930: 71—77; Вдовин 1987: 42; ср.: Врангель 1835: 607-608; Ск-ий 1888. № 26: 2). Последний направился в поход, взяв с собой одну из жен и грузовые сани с провизией и фуражом, — всего трое нарт (Богораз 1899: 356). Естественно, приморские жители Чукотки проделывали этот путь на собачьих упряжках, отправляясь, к примеру, из наиболее удобного для этого места — Уэлена, от которого до Америки 89 км (Вдовин 1944: 262; 1965: 57; Гондатти 1898: 17, IX). В качестве пункта отдыха могли использовать о. Ратманова, откуда до Аляски Добирались за день пути. До самого же острова могли дойти по льду и пешком, если было много торосов и ехать было неудобно (ПСИ. Кн. 1, № 108: 458; Мерк 1978: 121; Гондатти 1898: 17, XI; Медушевская 1954: 118). Американцы, если узнавали о нападении заранее с наблюдательных холмов, предпочитали в бой не вступать, прятались от азиатов в пещеры, где хранились провизия, одежда и оружие (Швайтцер, Головкин 2001: 26, 30; Sheppard, 2002: 9; Черненко 1957: 132).

В летний период на Анадыре и других пограничных реках казаки, которые не могли существовать на жалованье, а землю

не могли обрабатывать из-за климатических условий, ловили рыбу и промыслили оленей, переправлявшихся в среднем течении Анадыря в одних и тех же местах (в конце XVIII в. — в 160 верстах (170 км) от устья в мае—июне на север, на летние пастбища, а в августе—сентябре назад, на зимовку (Соколов 1852а: 165; Мерк 1978: 144; Сильницкий 1897: 25). Чукчи, приходящие на Анадырь для промысла оленей на байдарках, сталкивались тут с охотящимися русскими и юкагирами (ср.: Линденау 1983: 163). В этот период казачьи партии особенно часто подвергались неожиданным нападениям чукчей, ведь олени переправлялись на летние пастбища далеко от острога (Вдовин 1944: 254, 259; 1965: 115; Алексеев 1961: 11). По-военному кратко и ясно описывает эти нападения комендант Анадырска капитан В. Шатилов (1751): «Русских людей изождав в какой-либо малой неосторожности по рыбным промыслам, и паки побивают же смертно, берут себе в плен жен и детей, медные и железные котлы, топоры, ножи и прочее, понеже оного в их землице не имеется» (Шашков 1864: 67). Поскольку в первой половине XVIII в. сами чукчи не доверяли русским и боялись их, они, по сообщению Я. И. Линденау (1983: 163), приходили на промыслы в очень большом количестве, по 150 байдар с экипажем в 15—20 человек в каждой, то есть примерно по 2250—3000 человек, естественно, включая семьи (ср.: Вдовин 1950: 83). Еще в начале XIX в. чукчи нападали на русских рыболовов на реке Майн, южном притоке Анадыря (Дьячков 1893: 41, 56).

Летом же во второй половине XVII в. чукки часто нападали на немногочисленных русских, ловивших рыбу на Колыме и в окрестностях (ДАИ. 1862. Т. VIII, № 3-4: 9; КПМГЯ. № 25: 64 (1659); № 30: 69 (1662); № 192: 241 (1679); Вдовин 1965: 104 (1659); Белов 1954: 181 (середина XVIII в.); Чулков 1785. Кн. 1: 485—486; Кн. 2: 389—390, примеч. 2; Геденштром 1830: 99). Некоторые русские селения на Колыме чукки просто разгромили, в частности Погромное (заимка рыболовов в трех верстах ниже Нижнеколымска) и Дуванное⁴. И. Шкловский (1892: 97) пола-

⁴ Олыксандрович 1884. № И: 296; Шкловский 1892: 97, 99; Дионео 1895: 116; Богораз 1902. № 5-6: 161-164; 1902а: 71; 1934: 47-48; ср.: Полунин 1773: 448-449; Чулков 1785. Кн. 1: 486; Кн. 2: 389-390, примеч. 2; Богораз 1902. № 5: 161—162 (нападение на Чукочью деревню на одноименной реке, при впадении ее в Колыму в 50 верстах (53 км) от океана). Даты этих нападений неясны. По информации Олыксандровича (1884. № 11: 295), это было до походов Д. И. Павлуцкого, тогда как В. Г. Богораз, наоборот, полагает, что разгром произошел после этих походов (Богораз-Тан 1934: 6—7), нападение же на Чукочью деревню он датирует первыми десятилетиями XVIII в. (Богораз 1934: 47). Действительно, нападение на Чукочью деревню уже к 1770-м гг. расценивалось как давнишнее событие (Полунин 1773: 448—449). Согласно сведениям Дионео (1895: 116), чукки разгромили Погромное сто лет назад, то есть в 1790-х гг. По воспоминаниям 92-летней старухи (1891), чукчи напали на Нижнеколымск в последний раз 85 лет назад, то есть в 1806 г. (Шкловский 1892: 99).

гал, что о столкновениях с чукчами свидетельствовали названия как рек (Убиенная, Кровавая, Разбойничья), так и поселков (Погромное, Томилино, где, по преданиям, томила девица, раненная стрелой, Дуванное, где чукчи делили добычу). В первой половине XVIII в. количество чукчей на Нижней Колыме сократилось из-за эпидемий, и они уже не представляли большой угрозы русскому и юкагирскому населению (Вдовин 1965: 105; ср.: Гурвич 1966: 49 (ушли из-за эпидемий, оспы или вымерли от нее в 1690-х гг.)). Однако еще в 1752 г. шесть человек, отправленных из Нижнеколымска для рыбной ловли на «Чукоцкую реку», были убиты чукчами (Вдовин 1944: 254; Гурвич 1966: 49).

Летний период был сезоном морских войн, когда приморские жители, чукчи и эскимосы, отправлялись походом на острова Берингоморья и на Аляску. Летом же происходили и налеты в тундре небольших пеших шаек. Вообще же кочевые чукчи, владевшие многочисленными стадами оленей, редко ходили пешком, поэтому и длительные набеги по суше летом ими не велись, что было для них малоудобно и непривычно.

Разведка. Естественно, для удачного проведения кампании очень важно было добыть сведения о враге, учитывая сложные природные условия и незначительные, по нашим меркам, силы, которые подготовившийся к бою противник мог разбить. Существовала разведка — стратегическая и тактическая. К первой принадлежали различные виды добывания информации: лазутчика выслали далеко вперед, даже за полмесяца пути до подхода основного каравана. Разведчик путем расспросов и осмотра добывал нужную информацию (Меновщиков 1985. № 127: 308). Он мог под видом гостя прибыть в поселение будущего неприятеля, стараясь выведать имена союзников, количество воинов, дату похода. Подобной информацией у эскимосов владел глава поселения, не посвящая в эти тайны других, и разведчик стремился выведать у него эти данные (Сергеева 1962: 103—104). Сведения можно было получить и от беглого раба, вернувшегося домой (Богораз 1934: 174—175; Malaurie 1974: 140, 154; Меновщиков 1985. № 133: 324—327). Подобные же сведения о враге предоставляли и беженцы из разрушенных поселений или зоны потенциальной опасности (Козлов 1956: 30; Меновщиков 1985. № 127: 307—308; № 132: 321). С другой стороны, ожидая прихода врагов, дозорного, обычно хорошего бегуна, выслали далеко вперед, навстречу врагу, на удобную возвышенность, однако он не находился тут долго и к заходу солнца возвращался домой (Меновщиков 1985. № 127: 307; ср.: Бахтин 2000: 124). К стратегическому же типу разведки можно отнести и долговременное отслеживание врага в ожидании удобного случая для нападения на него. Согласно эвенскому сказанию, чукча отслеживал эвена целый год (Новикова 1987: 108).

Существовала и тактическая разведка: лазутчики разведывали местность непосредственно перед прибытием основной массы войска (Воскобойников, Меновщиков 1959: 435; Меновщиков 1974. № 85: 301; 1985. № 132: 323–324). И наконец, прямо из походного стана также посылали разведчика посмотреть, что впереди (Меновщиков 1974. № 91: 317; 1985. № 127: 309; ср.: Богораз 1899: 353). Лазутчиков посылали и во вражеский лагерь с целью вызнать, что враги намереваются делать, сколько у них войск и кто ими руководит (Воскобойников, Меновщиков 1959: 437; Сергеева 1962: 84). Это было несложно, поскольку обычно охрану лагеря не выставляли.

Поход. Идя в поход, чукчи определяли его цель, задачи и маршрут. Чукотский тойон Наихье описывал предстоящий поход и его цель следующим образом (1740): сначала он соберет войска и до реки Анадырь дойдет по суше, затем переседет на байдары, войдет в Анадырск, переломает русским головы и шеи, дома сожжет и будет тут пасти табуны оленей (Вдовин 1970: 22–23)⁵. Существовали и определенные маршруты набегов: через Анадырь проходили либо ниже по течению от острога, либо на 300 верст (318 км) выше (Белов 1954: 180). Отметим, что река весной вскрывалась ото льда в конце апреля—начале мая, в зимний же период ее просто переходили по льду (Дьячков 1893: 5; ср.: Соколов 1852a: 165).

Капитан Т. И. Шмалев в своих записках, которые он вел в Гижиге, кратко описал маршрут одного из последних набегов чукчей на коряков, который является характерным примером предприятий подобного рода (Шаховской 1822: 306–307): «В марте 1776-го чукотский тоён Амулян с 180 чукчами приходил для поиска над коряками к рекам Апуке и Пахаче, и сначала у коряка Нушехлы 28 оленей отогнали, а захваченного тут мальчика отдали 19-го марта на выкуп; потом пришел к Апутскому острожку, обошлись с апутскими коряками дружелюбно и произвели торг, при котором однакож коряки убили из ружья одного чукчу. За сим отправились к Пахачинскому острожку, где кроме разговоров ничего не происходило. А когда пошли вверх по реке Пахаче, то нашед юрту пеших коряков, экипаж разграбили и с собой увели двух девок. 25-го марта оленного коряка Алалыка в осьми человеках убили, четырех женщин в плен взяли, в добычу получили оленей Алалыковых табун, тож другого коряка Тынаптия табун, всего два табуна, и возвратились в землю свою».

Как видим, перед нами краткий отчет о набеге, длившемся меньше месяца и проведенном в конце зимнего сезона. Он был

⁵ Ср.: корякский предводитель (он же старейшина) сам составлял план сражения и отдавал приказы (Стебницкий 1994: 85).

чисто грабительским, направленным на области, которые не прикрывались Гижигинской крепостью. Силы нападавших были не особенно велики и, очевидно, не были рассчитаны на столкновения с русскими. У оленных коряков угнали табуны, мужчин убили, а женщин увели в плен, однако мальчика-пастуха отпустили за выкуп. Острожки оседлых коряков не штурмовали, предпочитая торговать, хотя и здесь возникали ссоры, приведшие к гибели одного чукчи. Впрочем, найдя одиночную полуземлянку, разграбили и ее, а женщин увели в плен. Захватив два крупных табуна, чукчи вернулись домой. Данный набег, неожиданный для врага, без больших битв и многих потерь, но с хорошей добычей — типичный пример идеально проведенного налета.

Сам набег мог происходить на большое расстояние. Плотность же населения Чукотки тогда была очень незначительной. Вспомним, что в 1760-х гг. полковник Ф. Х. Плениснер утверждал, что из Анадырска надо месяц ехать на оленях до чукотских жилищ (Вдовин 1959: 42). В одной чукотской сказке упоминается, что воины возвращались из похода с добытыми оленями и грузовыми нартами домой в течение десяти дней (Меновщиков 1974. № 86: 307, № 91: 315; ср.: Тан-Богораз 1958: 82), то есть они проехали порядка 150—200 км, в другой сказке до стойбища ехали 18 дней (Беликов 1965: 158).

При необходимости на сборы в поход отводилось краткое время: в одном эскимосском сказании говорится о выступлении на следующий день (Меновщиков 1985. № 127: 308). Отправляясь в поход, чукчи брали с собой стадо запасных оленей на случай, если ездовые животные погибнут от переутомления или голода. Так, в 1754 г. караван 500 чукчей насчитывал 2000 оленей (КПЦ. № 70: 181). Поскольку в нарту чаще запрягали двух оленей, то почти каждая нарта имела одного животного запасным. Кроме того, из этого же стада брали животных на убой. В экспедицию брали и запасные нарты, на которые садились, когда ездовые сани ломались. Возможно, на них же, как и на трофейных санях, при возвращении везли добычу и на них же, как и у коряков, сидели пленные женщины и дети (Иохельсон 1900. № 53: 130). Оседлые чукчи, соблазнившиеся добычей и участвовавшие в зимнем походе кочевников, ехали на санях, запряженных оленями своих кочевых соплеменников, но отношение к ним со стороны кочевых оставалось пренебрежительным (Богораз 1900. № 110: 286—287). Ехали цепочкой, один за другим, по наезженной колее, чтобы олени меньше уставали (Богораз 1899: 370). Когда же небольшая группа воинов отправлялась в поход пешком, то, скорее всего, как и на охоте, они также шли в ряд (Меновщиков 1988. № 99: 235; ср.: № 156: 364; Fieup-Riordan 1994: 330; Bruch 1998: 89; (аляскинские эскимосы)). В буран, если продолжали

путь, нарты привязывали одни к другим, чтобы не потеряться (Рубцова 1954. № 27: 325. § 14—17); оленей также привязывали за рога (Меновщиков 19886. № 28: 130).

Во время коротких остановок и перед битвой вожжи оленей привязывали к нартам (Вдовин 1965: 97; Богораз 1899: 370, примеч. 3). Казак Б. Кузнецкий так описывает бивуак возвращающихся из похода чукчей (1754): «...а как едут так и становятся не все вдруг, но порознь, кто куда едет или где ночевать место изберет, только друг друга в виду, и вместо юрт становятся шитые из оленьих теплых кож полога, в коих спят по десяти человек и более» (КГЩ. № 70: 181) (1756). Следовательно, расположение лагеря было достаточно свободное, возможно, ориентировались на место в караване. Естественно, родичи старались держаться вместе (Врангель 1948: 175; ср.: Тан-Богораз 1979: 28 (оленные коряки)). И. Б. Б. де Лессепс (1801. Ч. II: 109) отмечает другое расположение пологов в стане приехавших торговать чукчей: по образцу расположения яранг их ставили в ряд. Как видим, в экспедицию брали с собой лишь пологи, в которых могли разместиться более десяти человек (ср.: Вдовин 1965: 50). Грунт под пологом покрывался оленьей шкурой, наброшенной на хворост. На ночь перед входом в полог втыкали копыя и связки стрел. И. Б. Б. де Лессепс (1801. Ч. II: ПО) объясняет, что это делалось против коряков, однако совершенно ясно, что подобное ограждение не уберезет от нападения врага, — его делали против злых духов кэле⁶. Сам полог закрепляли по сторонам четырьмя колышками (Лессепс 1801. Ч. II: 109) или же просто привязывали между нартами (Галкин 1929: 170). Если полога не было, то спали прямо на санях (Галкин 1929: 178; Рубцова 1954. № 1: 29—30. § 159, 207; Айвангу 1985: 59; ср.: Колтун 1904: 28). При благоприятных погодных условиях чукчи могли спать и просто в лесу. Если это была тундра, то могли спать и на снегу, бросив на него шкуру оленя (Галкин 1929: 162; ср.: Колтун 1904: 28).

Привалы делали на местах, где был мох, корм для оленей. Оленей посылали пастись с одним-двумя пастухами, основной задачей которых было защитить стадо от волков (Беретти 1929: 48). Ездовых животных могли на ночь и просто привязывать (Гурвич 1983: 101). Если существовало опасение, что олени вер-

⁶ Меновщиков 1974. № 68: 255—256; 1988. № 96: 221; ср.: Загоскин 1956: 88 (аляскинские эскимосы); см.: Зеленин 1931: 725—731. Подобное культовое втыкание стрел характерно и для коряков: Jochelson 1905: 43 (стрелы, воткнутые около очага, пожертвованные после убийства волка); Вдовин 1976: 259—260 (жертвоприношение собаки с воткнутыми в землю стрелами). Отметим, что у чукчей копыя могли втыкаться в землю перед дверью яранги (Вдовин 1976: 236). На рисунке И. Булычева (1856а: [Рис. 6]), изображающем стойбище оленных коряков, перед входом в ярангу видим копыя, воткнутые вверх наконечниками: три слева и два коротких справа.

нутя к стаду, то их на ночь не распрягали (Богораз 1991: 33). Когда предполагали, что по пути не будет достаточно корма для оленей, то его везли с собой (М-в 1877. № 47: 386; Богораз 1900. № 145: 388), используя в качестве мешков для него, к примеру, одежды (Богораз 1899: 356). Костры, в отличие от коряков, на привале могли не разжигать (Богораз 1991: 108). Это странно выглядит, поскольку костер считался охранителем от злых духов, которые господствовали в темное время суток (Вдовин 1977: 133). Возможно, данное поведение объясняется отсутствием топлива в тундре (Тан-Богораз 1958: 82). С другой стороны, корякская сказка упоминает, что чукчи в лагере сидели в «палатках» с кострами (Jochelson 1905. № 6: 137; ср.: Стебницкий 1994: 24). Караул на бивуаке не ставили, никаких укреплений не возводили (Воскобойников, Меновщиков 1959: 432). Лишь заметив чужака, спрашивали, кто он (Bogoras 1918. № 23: 95).

Когда ожидалось нападение врагов, по словам чукчей, даже в яранге спали одетыми и обутыми, положив рядом луки и копья (Вдовин 1965: 129). Луки, как пишет классик корякской литературы Кецай Кеккетын, чукчи клали под голову, как и коряки (впрочем, может быть, это простая интерполяция коряцкого обычая на их противников). Следовательно, проснувшийся воин мог тут же воспользоваться луком. Копья же ставили в одну вертикальную пирамиду (Стебницкий 1994: 50—51; ср.: Воскобойников, Меновщиков 1959: 432).

Набег со стойбищем. Основным видом зимнего набега было постепенное подкочевывание со всем стойбищем к стоянке противника. Н. Н. Беретти (1929: 13), рассказывая о коряках и чукчах, отмечает: «Кочующие туземцы при дальних и продолжительных поездках берут часто с собою своих жен». О набегах вместе с женщинами упоминает и фольклор (Богораз 1901. № 130: 335; Меновщиков 1974. № 91: 316–318; ср.: Неверов 1874: 47; Народы России. 1880: 12; Лебедев, Симченко 1983: 131 (коряки)). Причем оседлые чукчи и участвовавшие в походе оленные также могли брать с собой жен (Богораз 1900. № ПО: 286—287; № 130: 335; ср.: Бахтин 2000: 46, 201). Подобный обычай не был характерным только для одних чукчей, он существовал и у других народов региона, например ительменов (Стеллер 1927: 47). В 1860-х гг. участие женщин в походе объясняли тем, что мужчины не желали (да и не умели) делать даже в экспедиции женскую работу (Нейман 1871. Т. I: 19; Беретти 1929: 16). Действительно, в чуванском сказании упоминается, что женщины во время набега ставили «палатки» — типично женская работа (Bogoras 1918. № 23: 95), презируемая мужчинами (Обручев 1974: 86). Следовательно, поход фактически представлял собой определенный вид перекочевки.

О ходе такого набега К. Мерк (1978: 120) замечает: «Когда они приближаются к чужой земле, то оставляют позади женщин и юрты». Может создаться впечатление, что яранги с женщинами остаются где-то далеко в тылу, на границе территории противника, однако это не так. Чукотские сказания, повествующие о набегах, рассказывают, что враги ставили свой стан в непосредственной близости от стойбища противника. Нападающие располагались лагерем без всяких укреплений и дозоров и совершенно спокойно занимались обыденными делами (см.: Меновщиков 1974. № 87: 309; № 91: 316; Лебедев, Симченко 1983: 131). Бойцы, облачившись в доспехи, шли в бой, оставив нарты на стойбище, где оставались женщины без всякой защиты (Лебедев, Симченко 1983: 131). Если на данной территории был лес и какие-то естественные убежища или труднодоступные территории, то женщины оставались там (Мамышев 1809: 25, примеч.). Воины могли подъезжать и непосредственно к месту боя на нартах, оставляя их за строем (Сгибнев 1869: 16), что, в свою очередь, препятствовало возможности окружения отряда. Далее действие шло по сценарию, подобному тому, как действовали при нападении на вражеское стойбище.

Набег одних мужчин. В зимний набег могли отправляться и одни мужчины на нартах. Подобный набег мог быть дальним и неожиданным для противника, поскольку в этом случае чукчи были мобильными, не обремененными большим обозом. Такие набеги могли быть очень дальними. Так, Б. Кузнецкий отмечал, что он ехал от окрестностей Анадырска, где его захватили в плен, до стойбища чукчей шесть недель (КПД. № 70: 181) (1756). Если принять, что в среднем за сутки караван при неспешном передвижении проходил 10—12 км (Вдовин 1987: 73), то данное расстояние могло быть, по крайней мере, 420—500 км. Если набег был чисто грабительским, направленным на захват оленей, то пленных предпочитали не брать, а всех убивали (Бабошина 1958. № 101: 243).

Грабительские налеты. Очевидно, в основном в летнее время, в тундру в поисках добычи отправлялись небольшие пешие партии мужчин, происходящие из бедных стойбищ. Они нападали как на представителей других этносов, так и на своих более зажиточных сородичей. Эти партии не были многочисленными. Так, чукотский и корякский фольклор упоминает группу нападающих из двадцати (Меновщиков 1974. № 92: 318), десяти (Vogoras 1910: 185; Беликов 1965: 157), пяти (Богораз 1899: 354), из пяти-шести воинов (Богораз 1900. № 167: 415), из трех (Бабошина 1958. № 90: 217; Меновщиков 1974. № 155: 488—490) или даже двух бойцов (Меновщиков 1974. № 86: 307). Причем, если в предыдущий раз нападение не увенчалось успехом, то в следую-

ший рейд могло идти большее количество воинов (Воскобойников, Меновщиков 1959: 428). Естественно, будучи немногочисленными, шайки старались неожиданно напасть на небольшие группы оседлых или оленеводов (Беликов 1965: 166). В частности, использовали различные хитрости и уловки. Например, спрятавшись, старались неожиданно напасть на пастухов или жилище убить жителей, стреляя издали из луков, угнать стада (Богораз 1899: 354; Иохельсон 1900. № 96: 210-211; Стебницкий 1938. № 1: 140¹ Воскобойников, Меновщиков 1959: 432; Стебницкий 1994: 28; 30; 39; 47).

Однако если враги нападали на одиноко стоящую ярангу и чувствовали при этом свое численное превосходство, то действие, судя по чукотским сказаниям, часто шло по «цивилизованному сценарию». Вожак нападавших вызывал хозяина яранги на поединок, поскольку предводитель обычно был лучшим воином в своем отряде и должен был доказывать свое умение вести бой. Видимо, нападать на безоружного было все же неэтично (Бабошина 1958. № 103: 251; Воскобойников, Меновщиков 1959: 427—429; Такакава 1974: 45; Жукова 1988. № 7: 16-17. § 50—67). Если не знали, кто обитал в жилище, то в коротком диалоге с хозяином выясняли это (Тынэтэгын 1940: 101). Пришедшие даже могли ожидать отсутствующего хозяина яранги, не начиная до его прихода грабить его жилище и убивать жителей (Такакава 1974: 45). В том случае, если мужчина, выйдя на поединок, погибал, то его семья и имущество становились добычей победителя (Бабошина 1958. № 95: 233; Воскобойников, Меновщиков 1959: 427; Антропова 1953: 41—42; Беликов 1965: 162).

Нападение на поселение врагов. Г. Ф. Миллер так характеризует нападения чукчей и олюторских коряков: «...они не выступают против своего врага в организованном боевом порядке и не дают ему времени подготовиться к обдуманной защите... Но их нападения всегда неожиданны и все совершаемые ими убийства, захват в плен, поджог жилищ⁷, после того как имущество разграблено, — все это они делают самым поспешным образом и затем опять скрываются обратно» (Антропова 1957: 226—227). Такой способ нападения использовался, естественно, при втором стереотипе ведения войны, против чужих и враждебных племен. Дабы не понести лишних потерь, чукчи нападали на поселения врагов неожиданно, на рассвете, чтобы не дать противнику подго-

¹ Поджог жилищ более характерен для коряков (ср.: Стелов 1916. № 41: 126; Лессепс. Ч. 2. 1801: 156; Дьячков 1893: 64; Окунь 1935а: 51; Вдовин 1970: 0; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 18: 77. § 1-6; Стебницкий 2000: 177). Впрочем, об этом есть упоминание и в фольклоре оседлых (Меновщиков 1974. № 57: 221) и оленных чукчей (Вдовин 1970: 22). Обычно сжигались русские селения (Олыксандрович 1884. № 11: 295-296; Богораз 1934: 48).

товиться к обороне и просто перебить спящих или мечущихся спросонья (Богораз 1902. № 5: 163; Bogoras 1918. № 2: 28; Бабошина 1958. № 101: 245; ср.: Стебницкий 1994: 43 (коряки)). Для координации действий, чтобы враг не заметил их приближения, чукчи перекликались по-вороньи (Богораз 1902. № 6: 164; ср.: Мушкин 1853. № 83: 853 (призыв людей в снежной пустыне)). Отсюда, возможно, в чуванских преданиях чукчи ассоциируются с воронами и воронами (Bogoras 1918. № 23: 95; ср.: Богораз 1902: 163). Чтобы дать знать своим, находящимся во вражеском жилище, и не вызвать у противника^ подозрения, кричали, находясь у озера, как гагара: «Йоо-ок! Йоо-к!» (Богораз 1899: 353)⁸. Предание о неожиданном нападении чукчей рассказали В. Г. Богоразу (1934: 48) русские жители Походской деревни на Колыме: «Когда ночи стали дольше, чукчи напали на деревню, захватили сонными и всех перебили. Как выбежит какой из дому, тотчас его и убьют». Цель подобного набега была проста, она состояла в неожиданном появлении, истреблении врага, при случае захвате добычи и быстром отступлении (ср.: Меновщиков 1988. № 125: 296). Причем еду чукчи тут же съедали и портили то, что не могли увезти (Тан-Богораз 1979а: 215), с целью вызвать голод у оставшихся в живых противников: юколу топтали, жир выливали из фляг, а пустые емкости выбрасывали; крест, как святыню противника, кололи копьями, видимо, желая убить духа этого предмета (Богораз 1902. № 6: 164; ср.: Тан 1898. № 118: 3).

Подобным же образом чукчи нападали на стойбище кочевников — оленных коряков. В этом набеге главное — молниеносность, внезапность, ошеломление противника, чтобы не дать ему возможности не только откочевать, но и спастись бегством. Доктор К. Мерк (1978: 120) писал об этом следующее: «Нападения на яранги противника начинают всегда на рассвете. Одни бросаются с арканами на яранги и стараются их разрушить, выдергивая стойки, другие в это время колют копьями покрышки яранги, а третьи, подъехав быстро на своих легких нартах к оленьему стаду, делят его на части и угоняют. Иногда удается корякам убить некоторых из нападающих, стреляя из ружей из яранги, или ранить, и тогда чукчам приходится ни с чем убираться во свояси. Однако так как чукчи большей частью очень быстро разрушают ярангу, то корякам реже удается стрелять во второй раз и больше. В то время как чукчи закалывают всех боееспособных мужчин... женщин и детей они уводят с собой».

Итак, как видим, временем для нападения избиралась рассветная пора, когда сон у спящих наиболее крепок и проснув-

⁸ Другой, более поздний вариант сказки, где муж превратился в гагару, см.: Такакава 1974: 45.

шийся от криков и шума человек не может сразу сообразить, в чем дело, и гибнет под ударами нападающих. Обычно при этом ярангу окружали, чтобы никто из жителей не мог убежать и позвать на помощь (Меновщиков 1974. № 87: 309; Стебницкий 1994: 29; ср.: Богораз 1902: 369; Иохельсон 1900. № 52: 127). Группа нападавших при этом должна была насчитывать, по крайней мере, около десятка человек. Нападали враги спереди яранги, вероятно, когда по какой-то причине не могли окружить ее полностью (Bogoras 1918. № 2: 28). Воины в нападавшем отряде имели четкую специализацию, в зависимости от хозяйственных и бытовых навыков каждого. Оленеводы умели ловко накидывать аркан на оленя, в данном же случае этот навык использовался для заваливания яранг, чтобы оттуда выбежали жители, поскольку в сами жилища чукчи, видимо, не стремились врываться. Вероятно, это было связано с религиозными мотивами, опасением мести со стороны духов-защитников очага, на которых, в свою очередь, надеялись оборонявшиеся. В. Г. Богораз (1991: 75) поясняет: «Считается недопустимым врываться в чье бы то ни было жилище, будь то даже нора лисицы, так как предполагается, что каждое жилище имеет бубен и духов-охранителей, мечь которых может последовать немедленно» (ср.: Богораз 1902: 151; Меновщиков 1977: 81—82). Подобный прием накидывания аркана был достаточно типичен. Эскимосская сказка так описывает нападение врагов, очевидно чукчей, на стойбище: «Скоро увидели, что черной вся сопка стала. Это враги к стойбищу ползли... Копья у них были и ремни длинные с петлей на конце. Кинут они петлю на верхнюю часть яранги. За конец шеста зацепят и тянут. Падает яранга» (Козлов 1956: 182). Подобным образом описывает это действие и корякское сказание: «Подошел к юрте, набросил аркан на сплетение верхних концов жердей, которые остов юрты держат, потянул сильно и опрокинул юрту набок» (Меновщиков 1974. № 150: 476; ср.: Крейнович 1979: 190; Новикова 1987: 101). Следовательно, такой способ сноса кочевого жилища был типичен для региона.

В то же время другие воины, копейщики, использовали при нападении на жилища еще один характерный прием: прокалывание стенок яранги и полога, находящегося рядом внутри, копьем (Богораз 1934: 175; ср.: Стебницкий 1994: 53 (оленные коряки)). Видимо, копьё при таком ударе держали в обеих руках (правой ближе к концу), используя характерный прием для забивания домашних оленей и охоты на диких (ср.: Богораз 1991: Табл. VI. Рис. 1). Отметим, что подобным же образом, через полог, убивали и стариков, решивших уйти к «верхним людям» (Зеленин 1937: 62; ср.: Ч-о 1889. № 7: 106). Следовательно, и тут воин-олeneвод использовал типичный бытовой навык. Наконец

третья, очевидно самая незначительная, группа нападавших угоняла оленье стадо. Для быстроты это делали, не слезая с нарт. Табун, насчитывающий сотни, а то и тысячи оленей, делился на части, за которыми присматривала часть угонявших: они ехали сзади на ездовых нартах, как и при перекочевке (Олсуфьев 1896: 148; Тан-Богораз 1979: 106—107). Судя по фольклору, корякский пастух против подобного налета на стадо мог использовать следующую хитрость: он натягивал крупному оленю-быку на рога кухлянку, после чего испуганное животное металось по стаду, распугивая его, а разбегающиеся олени сметали самих чукчей на их нартах (Жукова 1988. № 4: 16–17. § 16–49).

Судя по сообщению К. Мерка, чукчи, получив отпор от обитателей яранги и неся некоторые незначительные потери, предпочитали не сражаться далее, а ретировались (ср.: Козлов 1956: 182). Обороняющиеся коряки, очевидно, стреляли через стены или через специально проткнутые бойницы (ср.: Козлов 1956: 182), используя огнестрельное оружие, которое чукчи практически не применяли в XVIII в. Чукчи могли в считанные минуты завалить ярангу, и коряки просто не успевали перезарядить ружье вновь. Во второй половине XVIII в. скорострельность огнестрельного оружия, заряжаемого с дула, была невелика: несколько выстрелов в минуту, и, естественно, коряки не успевали выстрелить второй раз. Подобный же прием применялся чукчами и в полевом сражении против русских, которым не давали выстрелить во второй раз, ведь чукчи, будучи блестящими воинами-индивидуалами, тут же переходили к рукопашной схватке.

Таким образом, еще раз отметим, что чукчи искусно использовали свои бытовые оленеводческие навыки в военном деле. Это, собственно говоря, не особенность их, а, скорее, характерная черта первобытного военного дела, еще не отделившегося полностью от охотничьего промысла и скотоводческого хозяйства.

Столкновения из-за кровной мести и/или прочих обид. Этот вид столкновения, с одной стороны, был наиболее древним, а с другой — наиболее живучим, сохранявшимся еще в начале XX в. К. фон Дитмар (1856: 38), говоря о чукчах, замечает: «Врага же преследуют неумолимо и кровавую месть считают священной обязанностью». Причиной кровной мести было обычно тяжкое «преступление» — убийство. Столкновение могло происходить по различным причинам, часто бытовым, постепенно перерастало в ссору, драку и затем приводило к фатальному исходу.

У чукчей, как уже отмечалось, существовала «группа участников кровной мести», которая и была ответственна за этот культовый акт в целом⁹. Обычно же на месть отправлялся бли-

⁹ Ср. с представлениями нивхов: всякий, кто не исполнил кровную месть, «неизбежно искупает такое упущение несчастьем и даже смертью», поскольку дух убитого будет ему мстить (Шренк 1903. Т. 3: 24).

жайший родственник убитого: муж, брат, сын. Друг также должен был отомстить за своего друга. Мститель часто шел на обидчика один, нередко сразу, как только обнаруживал убийство, и если недругов было много, то он старался незаметно пробраться к ним и отомстить (Бабошина 1958. № 101: 245). Месть в первую очередь была направлена на обидчика, которого стремились убить тем же способом, каким и он произвел убийство, то есть существовал первобытный принцип возмездия «око за око» (О кровной мести. 1958: 71; Меновщиков 1974. № 97: 327; ср.: Стеллер 1927: 48, 70; Толмачев 1911: 99). Так, в одной сказке упоминается, что мстители за своего односельчанина просверлили убийце макушку, то есть наказали его тем же способом, каким и он убил (Меновщиков 1974. № 83: 293—294; ср.: Галкин 1929: НО). После убийства виновного мщение с данной стороны прекращалось, ведь убивать дальше считалось грехом (Богораз 1934: 183). Впрочем, в качестве мести могли убить не обидчика, а его близкого, стремясь доставить ему максимальное страдание (Богораз 1934: 183).

Механизм возникновения ссоры и последовавшей за ней кровной мести приводит житель села Маркове на Анадыре Г. Дьячков (1893: 57—58): «Что у чукчей в обычае кровавая месть, видно из следующего случая. В феврале настоящего 1891 года из Нижне-Колымска несколько человек отправились по берегу Ледовитого моря, к востоку от устья Колымы [sic!]. Приехавши на первый чукотский постоянный (оседлый) острожек, имевший около 4 юрт, они не застали ни одного живого человека: все, как мужчины, так и молодые девушки, лежали мертвыми — облитые кровью». Потом русские узнали, что тут произошло. «Один чукча купил у другого березовый полоз под нарту, потом продавец начал просить обратно свой проданный полоз, а покупатель воспротивился уничтожению сделки; по этому поводу завязалась между ними драка, сначала кулачная, а потом и кровавая. Драка произошла в юрте покупателя, продавец убил хозяина, его жену и детей. У убитого чукчи был сын, который был в отлучке. Когда он приехал домой и нашел убитыми отца, мать, братьев и сестер, свою жену и детей, то он вздумал разделаться с убийцей таким же кровавым образом. Забравшись в юрту убийцы, он убил все семейство без остатка, затем напал и на посторонних чукчей с укором, зачем они допустили до кровавой драки, убил их всех, даже младенцев и, наконец, сам умер от полученных ран. Во время последнего убийства три мальчика со'страху убежали в другой чукотский острожек, они-то и рассказывают, как произошло убийство». Дионео (1895: 151), возможно, говоря об этом же случае на Шелагинском мысу, отмечает, что был вырезан весь клан из 18 человек, трупы которых ко времени их обнаружения частично обглодали собаки.

Итак, стычка произошла в доме, очевидно, оленного чукчи, к которому приехал для торговли оседлый (ср.: Меновщиков 1974. № 42: 180—181). Спор начался из-за торгового конфликта, и продавец, пришедший в ярость (а быстрое нарастание ярости — одна из черт характера чукчей), убил покупателя и его семью. Ведь при кровной мести обычно уничтожали и детей убитого, боясь, что они будут мстить, когда подрастут (Меновщиков 1974. № 150: 476; ср.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 20: 99, 101. § 81—83), хотя в данной ситуации семья могла просто быть перебита «под горячую руку». Сын убитого, отправившийся мстить, убил семью убийцы. Причем он пришел один, не собрав родственников. Подобное нападение, очевидно, обычно производилось на спящих жителей (Меновщиков 1988. № 37: 78). А поскольку жители поселения оседлых вступились за своего земляка, то и они поплатились жизнью. Сам же мститель также погиб от полученных ран. Все это — характерный пример возникновения, хода и окончания кровной мести.

Поскольку, как уже отмечалось, одной из особенностей национального характера чукчей была легкая возбудимость (Богораз 1899б: 18; 1902а: 84; 1934: 26; Воскобойников, Меновщиков 1959: 430), то ссора могла вспыхнуть из-за пустяка, простого оскорбления. Так, К. Мерк (1978: 140—141) отмечал, что «у чукчей дело редко доходит до ссор, но тем легче кончает последнее убийством... и сын убил отца, упрекнувшего его, что он недостаточно быстрый и потому мало пригоден к походу против коряков». То есть, сын, которого отец лишь упрекнул в недостаточной физической подготовке для войны, в гневе убил своего родителя; но такое событие скорее исключение, чем правило.

А. Ф. Кибер (1824: 118—119) рассказывает о другом случае: племянник убил дядю из-за того, что шаман указал на последнего как на причину гибели двоих сыновей племянника. Сыновья убитого собрались мстить, но их двоюродный брат попросил отсрочить наказание на год и скрылся за это время. Таким образом, даже среди родственников могла возникнуть кровная месть, но, как видим, в несколько смягченном варианте.

Как правило же, споры среди родственников улаживались мирным путем (ср.: Богораз 1899б: 41; 1900. № 132: 336—337; Шнирельман 1994: 103—104). Кровная месть была направлена вовне рода, на представителей других родов или иноплеменников. Г. Майдель (1925: 30) отмечал: «Удивительно, что при таком роде жизни у них кровавые стычки встречаются сравнительно редко. Случаются споры и таковые разрешаются копейным поединком или грабежом, если один из обиженных может собрать несколько товарищей, которые ему помогут поколотить противника и угнать часть его оленей. Но все же такого рода расправы

должны быть довольно редки...» Таким образом, обиженный, чувствуя в себе силы, мог вызвать обидчика на копейный поединок, который мог окончиться смертью одного из сражавшихся (ср.: Богораз 1934: 179—180; Меновщиков 1974. № 30: 135 (эскимосы)). Кроме простых поединков на копьях происходили состязания-бои. Так, чукотское сказание рассказывает о состязании с похитителем сестры (Бабошина 1958. № 86: 212): сначала поединщики, обегая вокруг озера, по очереди преследуют противника и метают друг в друга копья.

Обида удовлетворялась не только мстью, но еще и «моральной компенсацией», состоящей в отнятии у обидчика стада или иного имущества. Пострадавший часто забирал у обидчика половину стада (Бабошина 1958. № 62: 151; Козлов 1956: 59 (стадо и нарты); о поведении в подобной ситуации коряков см.: Меновщиков 1974. № 150: 476; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 20: 101, 103. § 85—93 (еще забрана и половина работников)). В качестве выкупа могли быть выданы наиболее ходовые товары: чай, табак, шкуры и ремни (Меновщиков 1974. № 94: 323). У эскимосов человека, убившего кормильца, могли не убивать, а заставить его платить своеобразные алименты: обеспечивать семью убитого (Арутюнов, Сергеев 1975: 113). Также бывали случаи, что убийца в качестве своеобразной виры поработался семьей, потерявшей своего члена, и выполнял его обязанности (Богораз 1934: 177). Впрочем, в качестве своеобразного выкупа чаще передавали женщину — члена семьи убийцы (Богораз 1899б: 41).

Причины ссор, естественно, могли быть самые разные. У чукчей еще в конце XIX в. существовал своеобразный экстремальный вид спорта — кража оленей, тогда как в прочих отношениях чукчи были весьма честными людьми (Богораз 1899б: 19; Беретти 1929: 20). Так, В. Г. Богораз (1934: 28) отмечал: «Среди оленых чукоч воровство между стойбищами и стадами, можно сказать, вошло в обычай» (ср.: Богораз 1902а: 84; Меновщиков 1974. № 100: 330—331). Это также было одной из причин, приводивших к ссоре, борьбе и мести. Причем если отец не успел получить сатисфакцию, то месть переходила к сыну (Августинович 1878: 54; 1880: 725; Сильницкий 1897: 52).

Капитан А. А. Ресин (1888: 171—172) также отмечал столкновения между оленеводами из-за кражи оленей и кровной мести: «Чукчи отличаются от коряк воинственностью, судя по вооруженным столкновениям, нередко случающимся между ними. Поводом к таким столкновениям служит обыкновенно ссора между членами двух родов из-за какого-нибудь вздора, украденного оленя и т. п. Ссора, особенно под влиянием водки, переходит в драку и нередко кончается убийством. Родственники убитого считают своим священным долгом мстить за него и, таким обра-

зом, один род подымается и выступает против другого, дело доходит до вооруженного столкновения; дерутся на копьях, но иногда в дело идут и винчестеры, хотя вообще замечено, что там, где есть эти ружья (особенно у сидячих чукчей), войны стали реже. Часто столкновение кончается мировой: род наступающий, обиженный требует удовлетворения, контрибуции и, если состоится соглашение, противная сторона платит каждому из пришедших оленя, двух». Естественно, употребление горячительных напитков, в частности водки, особенно распространившееся в XIX в., способствовало возникновению ссор (Суворов 1867а: 171). Как заметил Н. Галкин (1929: 161), «чукча хмелеет быстро и становится совершенно невменяемым». Итак, кровная месть могла быть улажена и посредством выкупа (ср.: Меновщиков 1974. № 94: 321—323), то есть в конце XIX в. намечалось постепенное отмирание кровной мести и переход к более цивилизованным способам решения споров. И. П. Толмачев (1911: 99) также заметил, что месть часто заменяют выкупом (Богораз 1934: 184—189). Действительно, в самом конце XIX в. не проходило и года, чтобы не убили кого-нибудь у оседлых или кочевников, хотя до 1890-х гг. убийств, по заявлению приморских чукчей, было меньше, так как боялись кровной мести, которую в это время стали соблюдать менее неукоснительно (Гондатти 1898: 5, 18).

Еще в начале XX в. случались набеги, вызванные какими-либо бытовыми обидами, кражей оленей или кровной местью. Старик-чукча так обрисовывал стереотипы поведения своих предков в середине XIX в.: «Пусть люди и мирно живут, друг друга не обижают, а все равно думают: „Вдруг воевать придется...“ Так поживут-поживут, а потом подерутся и расходятся...» (Лебедев, Симченко 1983: 134; ср.: Тан-Богораз 1979а: 219—220). Однако такие столкновения, возникавшие на почве кровной мести, были уже достаточно редки. Причем очевидцы указывали, что стычки чаще происходили на Чукотском полуострове, у оседлых, у которых сильнее развились товарные отношения, тогда как оленные чукчи сохраняли патриархальный быт в чистом виде и решали свои споры более мирными путями (Майдель 1925: 31; Дьячков 1893: 53; ср.: Суворов 1867: 23; Олсуфьев 1896: 107).

Бой

Засады. На ранней стадии развития военного искусства засады были одним из основных военных приемов. Чукчи использовали их, имея как небольшое количество воинов, так и крупные силы. В бою засада, по-видимому, не считалась военной доблестью и поэтому ее применяли главным образом против тех этносов, с которыми вели тотальную войну.

Наиболее элементарным видом засады было простое подкарауливание неприятелей всем отрядом. Так, даже один чукча мог напасть на врагов, тянущих судно вверх по течению. В этом случае неожиданность компенсировала недостаток в численности (Bogoras 1910: 182; Меновщиков 1985. № 127: 308—309). Из засады могли просто стрелять во врага, находясь в безопасности. Если верить русскому преданию, записанному В. Г. Богоразом (1902. № 5: 162) на Нижней Колыме в 1896 г., то перешедшие эту реку чукчи, подстерегая русских, прятались в ямах, покрытых сверху мхом от кочек, откуда они неожиданно стреляли из лука (ср.: Олыксандрович 1884. № 11: 295; Дьячков 1893: 56; Крейнович 1979: 189 (коряки)).

Простым же видом засады было укрытие всего отряда и неожиданное нападение на идущего походным маршем противника или же на его лагерь (Богораз 1900. № 129: 333; Меновщиков 1985. № 127: 308-309; ср.: Тан-Богораз 1979: 106—107; Bogoras 1910: 182; Жукова 1988. № 7: 16. § 7 (коряки)). Прятаться для нападения могли в пещерах, как это сделали чукчи, по информации М. Соэра, выступившие против отряда Д. И. Павлуцкого, видимо во время похода 1731 г. (Sauer 1802: 104, п. 2). На идущий караван в подходящем месте нападали, можно сказать, классически, на голову и хвост, внося панику и не давая противнику возможности ни бежать, ни прийти на помощь «авангарду» или «арьергарду» (Тан-Богораз 1979: 78). Капрал Г. Г. Шейкин, рассказывая о войнах середины XVIII в., так обрисовывал характерный образ действия чукчей против русских: «...а русских людей тогда убивают, когда где небольшое число людей и в узком проходе между гор захватят» (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585). Нападение на стоянку противника могло происходить и ночью (Богораз 1900. № 129: 333). Смысл этой засады предельно прост — произвести неожиданное нападение на неспособного быстро организовать отпор противника и, следовательно, быстро его разбить, а самим избежать лишних потерь.

Засада могла устраиваться и на противника, сопровождающего оленье стадо. Не ожидая врага, сопровождающие в основной своей массе шли позади оленей (особенно в узких местах), поэтому появление впереди врагов, которые пугали стадо, приводило к тому, что олени, разбегаясь в панике, просто сметали незадачливых воинов-пастухов (Богораз 1899: 365).

Классический пример засады мы находим в рассказе именитого чукчи Пурехома Меньянтина (1776). Он так предполагал напасть на коряков, расположившихся у Гижигинской крепости для защиты от чукчей: «Оставя большую половину чукотского войска... в прикрытом месте, а достальным малым числом для обману появиться близ крепости у стойбища коряцкого, учинить

сражение и не долго оно имея, обратитца к побегу, а когда преследование будет, то чукчи, находящиеся в засаде, должны будут выскочить сбоку и перебить преследователей...» (Вдовин 1987: 106; ср.: Антропова 1957: 230).

Итак, большая часть чукчей должна была расположиться в засаде, ожидая удобного времени для нападения на коряков во время ложного отступления чукчей. Их действие было рассчитано на скоротечный бой: нападающий отряд, завязав, вероятно, перестрелку, спешно должен был отступить, заманивая находящихся в победном угаре коряков в засаду. Неожиданный удар, ошеломив врагов, должен был решить дело. Сам план был составлен блестяще: в засаду выделялась просто большая часть войск, а не какой-то отборный отряд, ведь чукотские мужчины все были хорошими воинами; завязка боя и вовлечение противника в сражение; ложное отступление, имитирующее бегство и, наконец, основной бой с коряками не у стойбища, а вдали от него, ведь из находящейся тут же Гижиги могли подоспеть на подмогу русские, столкновение с которыми могло обернуться для чукчей поражением (ср.: Мамышев 1809: 23—25).

Несколько по-иному устроенная засада из части войска использовалась против русских. Во время боя на реке Егаче с отрядом А. Ф. Шестакова (1730) чукчи устроили засаду, и после начала атаки по фронту, когда левый фланг противника, состоявший из коряков, побежал, воины из засады напали на последних, а затем зашли в тыл центральному отряду, состоящему из казаков и якутов, тем самым окружив его (Стибнев 1869: 16). Также и в бою на реке Орловой с отрядом майора Д. И. Павлуцкого (1747) чукчи разделили свой отряд, состоявший примерно из полутысячи человек, на две части, под руководством двух тойнов: основная масса атаковала русских с фронта, а другая часть, обойдя сопку, зашла неприятелю в тыл, стремясь захватить противника в кольцо и отрезать его от обоза (Словцов 1886. Кн. 1: 253—254; Зуев 2001: 26). Суть подобной засады состояла в том, чтобы отвлечь часть войска врага, сковать его силы и внимание, тогда как другая часть должна была неожиданно напасть с тыла и заставить противника сражаться на два фронта, окружая его. Подобная засада часто устраивалась против многочисленного противника. Впрочем, иногда она располагалась и по фронту противника и нападала на него после ввязывания в бой его сил, о чем информирует сказание о борьбе чукотского героя Кунлелю с коряками (Меновщиков 1974. № 85: 300—301).

Таким образом, у чукчей существовало несколько видов засад. Во-первых, немногочисленный отряд или даже отдельный воин мог просто неожиданно напасть на врага. Во-вторых, чукчи могли, используя ложное бегство, привести противника к засаде

и, в-третьих, завязав бой с фронта и тем самым не давая возможности противнику перебросить воинов на другие участки фронта, напасть на его тыл с целью окружения. Таким образом, засады входили в сферу военного искусства чукчей. Хотя засада, в общем, является элементом тотального типа войны, она была обычным явлением в первобытном военном деле, позволявшим избежать излишних потерь обычно немногочисленным армиям племенного общества.

Военные хитрости. Естественно, периодически чукчи применяли на войне и различного рода хитрости. Так, в «Сказании об Эленди и его сыновьях» упоминается, что при нападении коряков герой притворился мертвым и голым распростерся на холодной земле. Затем, когда коряки уже не обращали на него внимания, он пополз на четвереньках на врагов. Коряки, приняв героя за духа, в панике бежали и в это время были перебиты (Богораз 1899: 370).

Если враги намеревались напасть на пастуха со стадом, то последний, заметив это, для того, чтобы враги подумали, будто при стаде присутствует несколько пастухов, мог изготавливать чучела людей, набивая одежды ветками. Это могли делать и с целью отвлечь на чучела внимание неприятелей, чтобы неожиданно напасть на них (Воскобойников, Меновщиков 1959: 432). Подобное употребление чучел, прикрытых сверху обычной одеждой, было характерно для региона (Тюшов 1906: 274 (камчадалы); Стебницкий 1994: 24, 26 (коряки)).

В поздней сказке, записанной в 1971 г., упоминается и хитрость при приеме непрошенных гостей: враги пришли в ярангу и стали ждать хозяина, якобы не вернувшегося еще с охоты. Сытно поевшие и отдыхающие пришельцы были просто сожжены в яранге ее хозяевами (Такакава 1974: 45; ср.: Стебницкий 1994: 58; Жукова 1988. № 4: 16-17. § 50-67).

Иногда чукчи нападали на русских, приходя под видом торговцев. Так, в начале XIX в. трое из чукчей, подойдя к рыболовам на реке Майн якобы для обмена, неожиданно бросились на россиян и закололи одного, обратив остальных в бегство. Русских могли также сначала радушно принять, но затем, усыпив их бдительность, убить, как было в то же время на той же реке (Дьячков 1893: 41, 56). Возможно именно из-за таких случаев среди русских было распространено мнение о том, что в старину чукчи, приходя под видом торговцев, затем коварно убивали и грабили россиян (Народы России. 1874. № 2: 26). По замечанию К. фон Дитмара (1856: 34), для русских «торговля с чукчами была весьма опасна, потому что торговали с обеих сторон с оружием в руках и часто бывало более грабежа, схваток и убийств, чем размена товаров» (ср.: Мушкин 1853: 1422; Нейман 1877. № 3—4:

87; Александров 1872: 73; Завадский-Краснопольский 1873: 34; Антропова 1957: 171). Данное мнение обосновано и тем, что в первой трети XIX в. взаимное недоверие и подозрение сторон было еще велико.

Тактика. Нападение чукчи осуществляли на рассвете. Это, по-видимому, объяснялось не только тем, что сон человека наиболее крепок в это время, тут действовал и культовый фактор, согласно которому ночью в тундре господствовали злые духи. Солнце же являлось добрым символом, вспомним самую страшную клятву чукчей и коряков — солнцем (Георги 1777: 83; см.: Богораз 1900. № 132: 337). Вместе с тем чукчи, ведя «тотальную» войну с русскими или коряками, могли нападать и ночью (Богораз 1902. № 5: 161; Полевой 1976: 132) (1688).

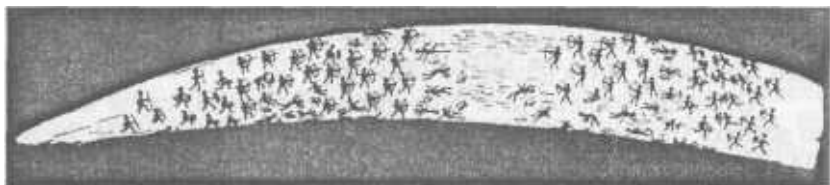
Если станы противников располагались не вблизи друг от друга (Меновщиков 1985. № 127: 309), то воины подъезжали к месту боя на упряжках. Чукотское сказание так описывает приближение многочисленного войска оленных коряков: «Утром далеко в тундре поднялась снеговая пыль и послышался гул, словно от морского прибоя. И множество танитов подступило к сопке...» (Бабошина 1958. № 103: 250; ср.: Меновщиков 1988. № 93: 212). Бойцы могли уже быть облаченными в доспехи, тогда как лук и стрелы лежали на нартах сзади, а копье было приторочено сбоку (Богораз 1900. № 137: 366; № 156: 400; 1934: 170; Тан-Богораз 1979: 98).

Как воины готовились к бою, описывает сержант Маклаков, отряд которого неожиданно столкнулся на пути к Каменскому острожку с чукчами, идущими в поход на коряков, в декабре 1774 г.: «Чукчи со своих санок стали и, связав к санкам оленей, надев на себя кюяки, предприняв в руки копья, луки и тулы [колчаны] со стрелами, стали по крылам расходиться» (Вдовин 1965: 97; ср.: Две записки... 1873: 365).

Как же строились чукчи? Боевое построение возникает на достаточно ранней фазе общественного развития, до образования государства. Это было построение не по рядам и шеренгам, как в регулярной армии, это иногда аморфное построение базировалось на половозрастном делении общества и на роли лидеров. Еще В. В. Антропова (1957: 229) заметила: «Сведения о построении военных отрядов у племен северо-восточной Сибири совершенно отсутствуют, о них можно судить лишь по косвенным данным». Действительно, подробных описаний строев мы не находим в источниках, но все же некоторая прямая или косвенная информация имеется. Естественно, есть сообщение, говорящее о наличии некоего строя у чукчей (Богораз 1900. № 130: 334). Для сравнения мы можем обратиться к корякам-олюторцам, о которых известно, что они сражались в отрядах, состоя-

щих из родовых групп, последние, в зависимости от необходимости, могли действовать как отдельными отрядами, так и в общей массе войска (Вдовин 1970: 18; см.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 19: 83. § 26—27). Поскольку построения по родоплеменному принципу были наиболее обычным видом тактических соединений древности, а сами чукчи также собирались на войну по принципу родства, то мы вправе полагать, что и у них были подобные отряды, состоящие из родичей и, шире, жителей одной географической области.

Если воинов было немного, то они становились для боя в одну шеренгу (Врангель 1948: 308; ср.: Меновщиков 1988. № 88: 196; Burch 1998: 106). Естественно, внутри этой шеренги также был определенный порядок: наиболее сильный, обычно предводитель, был в центре, а наиболее слабые стояли на крыльях (Vogoras 1910. № 2: 185; ср.: Vogoras 1910. № 17: 98–99) для окружения противника (Богораз 1900. № 132: 337). И. С. Вдовин (1950: 93–95; 1965: 92–93; 1987: 104) даже выделяет передовых воинов — *йин'ычьыт*, которых он считает предводителями. Следовательно, центр был ударным, отсюда предводитель был лучше виден воинам, он направлял удар при атаке, а за ним следовали остальные воины. Если же воинов было много, то они должны были строиться перед боем не в одну шеренгу. Наиболее смелые бойцы

Сцена боя лучников, нарисованная на моржовом клыке из Аляски
(Hall Collection, Phoebe Hearst Museum of Anthropology, neg. 2-144).

Воспроизведено по: Burch 1998: 96, pi. IV

По подсчетам Э. С. Берна, в бою участвуют 88 воинов, 45 — слева и 43 — справа.

Потери сторон почти равные: у левой стороны — 6 раненых и 7 убитых, у правых — 7 раненых и 6 убитых — (Burch 1998: 93, 97). К обеим сторонам подходят подкрепления, но воины справа уже бегут

становились впереди, а остальные шли за ними. Естественно, смелыми могли быть более опытные и старшие по возрасту воины (ср.: Богораз 1900. № 130: 334: сын находится в строю позади отца). Лучники, очевидно, предпочитали вести бой неплотным рассыпным строем для удобства стрельбы: видимость была лучше и в то же время можно было увертываться от снарядов противника (Воскобойников, Меновщиков 1951: 579; Меновщиков 1988. № 88: 196; см.: Широков 1968: Рис. 7; Burch 1974: 10; Ma-laurie 1974: 139, 141; Burch 1998). Так, например, эскимосы с мыса Барроу для удобства стрельбы разворачивались в три линии (1852)

(Burch 1998: 89). Пращники же в бою взаимодействовали с лучниками (Белов 1952. № 102: 269). По предположению Дж. Стоуна, в первой линии стояли панцирные воины, а за ними располагались метатели (Stone 1961: 56).

Перед боем врагу могли предъявлять требование, например, вернуть угнанных оленей, исполнение которого привело бы к мирному исходу дела. Если чукчи не хотели давать бой и их намерения были искренними, то они, показывая свое нежелание биться, махали руками, кланялись и даже ложились на землю, как это было у Гижиги в 1775 г., когда казаки, вступившись за коряков, неожиданно открыли огонь (Две записки... 1873: 366; Алексеев 1961: 61—62). В этих жестах, в частности в поклонах, можно видеть подражание поведению русских, тогда как размахивание руками без оружия — местный жест, показывающий мирные намерения (Ray 1957: 88; Burch 1988: 234; 1998: 133—134). При переговорах оружие клали на землю, отходя от него (Две записки... 1873: 365). Эскимосы, плывущие на байдаре, с целью демонстрации своих мирных намерений поднимали на копье пузырь или шкурку (Sauer 1802: 87). Видимо, это были знаки желания торговать (Ray 1975: 88). Однако если обе стороны чувствовали свою силу, то обычно происходило сражение (Лебедев, Симченко 1983: 128—129). Естественно, перед столкновением противники обменивались насмешками (ср.: Лебедев, Симченко 1983: 128), особенно если сражались чукчи с коряками, которые понимали язык друг друга (Дьячков 1893: 101).

О своей готовности к бою чукчи сообщали, стуча копьем по доспеху (Богораз 1901. № 130: 336; ср.: Меновщиков 1974. № 90: 314; № 91: 318), кроме того, старались запугать врага грозным боевым кличем (Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; Меновщиков 1950: 20; 1985. № 127: 308—309). Приморские жители, которые напали на эскимосов о. Св. Лаврентия, были по-волчьи, чтобы обратить на себя внимание врагов и чтобы другая часть воинов, услышав этот клич, неожиданно напала с тыла; при этом враги — эскимосы с этого острова — ревели как моржи (Богораз 1934: 175; Меновщиков 1985. № 133: 326-327; ср.: Malaurie 1974: 141; Жукова 1988. № 32: 123-125; ср.: Бахтин 2001: 171). Очевидно, издавая боевой клич, враги сообщали о принятии вызова (Козлов 1956: 181). Подобная боевая сигнализация в виде звукоподражания животным была широко распространена (Рабинович 1947: 77). В самом волчьем кличе можно усмотреть культовый подтекст, ведь это животное, наряду с касатками, считалось у эскимосов покровителем и защитником людей (Меновщиков 1959: 90). Имитация же моржового рева могла использоваться и для заманивания в засаду врага, охотящегося на байдаре за этой

добычей (Меновщиков 1985. № 56: 127), то есть в данном случае культовый контекст отсутствовал ¹⁰.

В знак начала боевых действий предводитель эскимосов поднимал вверх, видимо по направлению к солнцу, два лука (Меновщиков 1985. № 127: 309). Издавая боевой клич, предводитель тем самым подавал сигнал к атаке (Меновщиков 1950: 20; 1985. № 127: 309). Боевым кличем эскимосов было «Ира!» (Меновщиков 1974. № 18: 103; Бахтин 2000: 233), а у чукчей - «Ыгыыч!» (Меновщиков 1974. № 88: 311) или «Ав-ач!» — междометие, обозначающее призыв к действию, к атаке (Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; 431—432; Беликов 1965: 163). У сиреникских эскимосов клич «кур-ус» был сигналом вызова на бой (Бахтин 2000: 125-126).

Естественно, что в бою всякое подобие строя пропадало и сражение воинов — индивидуальных бойцов — становилось более беспорядочным, как это изображено на моржовом клыке (1939/1940), где представлен поход Д. И. Павлуцкого (Широков 1968: Рис. 9; Хабарова 1978). Хотя перед боем предводитель мог ставить перед воинами задачу (Богораз 1900. № 132: 337), но сам ход боя не был организован и управляем, поскольку вождь сражался и, следовательно, не мог отдавать приказы и тем самым координировать действия отрядов. По-видимому, не существовало военной музыки и знамен, которые могли бы направлять действия воинов и подразделений. В. Г. Богораз упоминает лишь, что предводитель группы телькепских чукчей созывал на собрание своих соплеменников висевшим на шее свистком, сделанным из продырявленного оленьего позвонка (Тан-Богораз 1979: 81). Было бы заманчиво предположить, что автор тут верно отражает историческую реальность, а не реалию европейских армий начала XX в., где свисток употреблялся для подачи сигналов в бою. Впрочем, в качестве сигналов могли использовать некие виды знаков. Так, у эскимосов Западной Аляски размахивание поднятой на палке меховой паркой обозначало желание одной из сторон заключить перемирие (Nelson 1899: 329; Malaurie 1974: 152).

В бою существовала определенная координация между отрядами, предводители которых, очевидно, договаривались заранее о взаимодействии, как это было во втором сражении чукчей с Д. И. Павлуцким, чей отряд был атакован с фронта и тыла (КПЦ. № 59: 159; Сгибнев 1869: 29; Зуев 2001: 26). В полевом столкновении, до непосредственного соприкосновения с врагом, чукчи предпринимали обход противника с флангов, вынуждая его отступить (Богораз 1900. № 132: 337; Антропова 1957: 230; Зуев 2001:

¹⁰ Отметим, что аляскинские эскимосы применяли для передачи сигналов резкий свист (Кашеваров 1845. № 193: 873).

24). Очевидно, окружение практиковалось в особенности тогда, когда нападающие имели численный перевес и могли со всех сторон нападать на противника, эффективно реализуя тем самым свое превосходство (Козлов 1956: 181; 189; Бабошина 1958. № 95: 232; Воскобойников, Меновщиков 1959: 432; Меновщиков 1974. № 85: 300). Даже при неожиданном нападении врага эскимосы стремились его окружить и расстрелять из луков (Меновщиков 1980а: 216. § 131; 1988. № 99: 236).

Резерв, в собственном смысле этого слова, то есть запасной силы, предназначенной для решения внезапно возникающих оперативных задач, судя по всему, не существовал. "Чукчи еще не дошли до такой степени развития военного искусства, когда военачальник мог оставить часть своего войска в резерве и бросать его в бой по мере надобности. У чукчей все решали численность, натиск и мастерство воинов.

Техника боя. Различные русские документы второй половины XVII—XVIII в. в один голос утверждают: «...а у чюхоч лучшей бой...» (ДАЙ. Т. 6, № 136: 407 (1676); ср.: ПСИ. Кн. 2, № 122: 524-525, bis (1710); Атлас 1964. № 54: 38, А-2 (1710-1711); КПЦ. № 57: 157 (1711); Миллер 1758: 199; также см.: Вдовин 1965: 37-38). Следовательно, противники (а им видней!) считали, что основным видом сражения у чукчей являлся бой луком, перестрелка. Старики-коряки так рассказывали Н. Н. Беретти (1929: 6) о древней чукотско-корякской тактике: «Когда все стрелы были израсходованы и полкоманы, противники начали драться копьями; последние тоже изломались». Так же рисует бой чукчей с коряками русский очевидец, видевший из Гижиги сражение между этими двумя этносами в 1770-х гг.: «Сперва меткие стрелы, а потом палицы и копья багрили снег длинными ручьями крови» (Мамышев 1809: 24). Об обычности подобного сражения свидетельствует и способ боевой тренировки воинов: сначала действуют луком, а потом копьем (КПЦ. № 70: 181). Подобная тактика была, так сказать, естественной. Действительно, если стрелы израсходованы, а исход битвы еще не решен, то остается или рукопашная, или простое отступление одной из сторон, которая, к примеру, истратив стрелы раньше, была расстреливаема противником издала (Burch 1998: 227; ср. с тактикой эвенков: Wagner 1989: 154).

И. С. Вдовин считает, что противники, одетые в панцири, сначала перестреливались, когда же запас стрел выходил, чукчи сбрасывали неудобные панцири и сражались на копьях (см.: Богораз 1991: 208, примеч. ф; рго: Горелик 1993: 127). К сожалению, автор не уточняет источник своей информации. Впрочем в показании чукчи Хехгитита (1763) находим, что в бою аляскинские эскимосы раздевались, чтобы легче было увертываться от стрел

противника (КПЦ. № 71: 186), но, судя по контексту, речь идет именно об особенностях ведения боя американцами, на что и обратил внимание Хехгитит как на некий иноземный обычай (ср.: КПЦ. № 70: 183). В показании казака Л. Вершинина (1762) также утверждается, что жители Аляски сражаются голыми (Белов 1954: 184; ср.: Этнографические материалы. 1978: 89). Комментарий к этому мы найдем в рассказе малемютов залива Коцебу об их сражении с таремютами с мыса Хоуп, которые подошли к полевому укреплению малемютов и стали вызывать их на бой (середина XIX в.): «В ответ некий Харларардлак появился из-за палисада. Он был обнажен до пояса. Враги посылали свои стрелы в него, но он прыгал вокруг так ловко, что они были не способны попасть в него; напротив, он смеялся над ними и собирал их стрелы. Затем он снова ускользнул в безопасность» (Rasmussen 1952: 67—68). Действительно, эскимосы, жившие у устья р. Юкон (икогмют), не использовали щиты, поскольку они просто уклонялись от стрел (Nelson 1899: 328; Fienup-Riordsn 1990: 155; 1994: 328; Burch 1998: 73). Как видим, воин обнажался лишь по пояс с целью не сражаться с противником, а увертываться от его метательного оружия, обычно же эскимосы вели бой в панцире, который надевали под одежду.

Азиатские эскимосы и чукчи также сражались в доспехах (Bogoras 1910: 185; ср.: Меновщиков 1950: 17; Burch 1998: 225). Корякское героическое сказание так повествует о столкновении оседлых коряков с о. Куутук с чукчами¹¹ в XVIII в.: «Приблизился тот вражеский отряд. Тотчас ымканцы вышли из своей крепости, в ближайшую тундру пошли, начали биться. ...Кончились стрелы, копьями стали биться. Ымка сильно озлобился, бросил копье, вынул топор и бросился на врагов. Начал рубить вражеские головы костяным топором. Однако неправильно ударил, в открылок панциря засадил топор. Еще больше разъярился. Мотает из стороны в сторону врага, в открылке панциря которого завяз топор. Не может топор высвободить, поэтому вместе с топором и мотает врага. Изловчился враг, ударил Ымку копьем под мышку. Едва вытащил из раны копье. До того как умереть,

¹¹ Этот же случай, но в несколько иной записи, приводит и Э. С. Берн: «Через некоторое время невысокий мужчина по имени Алаакатлак вышел. Он крикнул тикигагмютам (Tikigagmiut): „Стреляйте в меня!“ Он был обнажен, исключая только лисий нос на лбу и пояс с белым лисьим хвостом сзади, также он держал маленький барабан. Тикигагмюты стреляли в него, но промахивались, потому что он кружился очень быстро. Они вообще не попали в него, а он собирал стрелы, которыми они стреляли. Когда стрела падала, он брал ее. Когда он набрал полные руки стрел, Алаакатлак возвратился в укрепление» (Burch 1998: 105).

¹² Так считает комментатор текста (Меновщиков 1974: 624, примеч. к № 147—148), однако противниками данного поселения могли быть и оленные коряки.

Ымка еще десять врагов убил» (Меновщиков 1974. № 148: 468—469). Данный пассаж достаточно ясно показывает нам элементарную тактику коряков: перестрелка, затем рукопашная. Причем герой даже метнул свое копье, по-видимому, не предназначавшееся для броска, а затем стал действовать костяным топором, поражая противника в голову, которая, несмотря на наличие у чукчей шлема, вероятно, часто была не защищена. Однако противник закрылся деревянным обтянутым кожей крылом панциря, где топор и застрял.

Итак, воин оставался в доспехе, сражаясь в рукопашной схватке копьем. Действительно, враги не дали бы своим противникам времени сбросить доспехи в бою. Разве что это делалось по взаимному соглашению, но подобных данных как будто нет. Напротив, А. Сгибнев (1869: 15), на основании архивных материалов, пишет, что перед сражением с казаками головой А. Ф. Шестаковым на р. Егаче (1730) чукчи надели костяные куяки и, после того как казаки сделали выстрел, тут же бросились в атаку с копьями, то есть ничего не сняв. Кроме того, чукотские воины, изображенные на моржовых клыках, фехтуют на копьях в доспехах, видимо, последние им не мешают (Антропова 1953: 41—42; Табл. IX, 1, 2а, б; Широков 1968: Рис. 7; ср.: Тан-Богораз 1979: 43 (оседлые коряки); 57—59 (телькепские кочевые чукчи)). Да и на панцире (по-видимому, XVIII в.), точнее на его наспинном щите, из Музея культур в Хельсинки представлены воины в доспехах как стреляющие из лука, так и сражающиеся на копьях (Palsi 1983: 105, kuva 59). О сражении в доспехах говорит и тренировка воинов — упражнения в латах целыми днями (Вдовин 1987: 106).

В бою воины в панцирях, очевидно, стояли в левосторонней стойке, то есть обратившись к противнику левым боком (это было вызвано тем, что панцирь имел разрез на правом боку), и эту левую сторону тела необходимо было защищать. Крылом же, находившимся от панциря слева, также удобно было действовать, находясь в этом положении. Левая нога, выставляемая вперед, также была защищена — поножей. Немногочисленные же

Чукча, одетый в железный ламеллярный доспех с левым крылом.

Фото рубежа XIX—XX вв. Воспроизведено по: Богораз 1991 Табл. X

панцири с двумя — правым и левым — крыльями, вероятно, свидетельствуют о возможности стоять и в правосторонней стойке. В. Г. Богораз отмечает, что воины в панцирях, соединяясь по двое-трое, могли противостоять натиску легковооруженных противников (Тан-Богораз 1979: 53, 57—58; ср. с изображением на назатыльнике доспеха, где воин в латах сражается с бездоспешным противником: Palsi 1983: 104). Вероятно, речь идет о том, что при обороне от превосходящих сил врагов пара воинов становилась спиной друг к другу и таким образом отбивалась (Козлов 1954: 143; Такакава 1974: 97). Причем эта пара при незначительной численности отряда могла составлять основу строя, тогда как легкие воины бегали по сторонам от них (Козлов 1954: 143). Тандем из пары воинов применялся и в дальнем бою, где один воин был главным, а второй помощником, «птичкой, находящейся под мышками» (Богораз 1900. № 132: 337).

Совершенно очевидно, что основным способом боя эскимосов являлась стрельба из лука. Фехтование на копьях им также было знакомо, но менее распространено, чем у кочевников, и появилось, по-видимому, под влиянием последних. Это ясно видно при сопоставлении азиатских эскимосов с аляскинскими, которые даже древко копья использовали для защиты себя и своих лучников от стрел врагов (Nelson 1899: 328; ср.: Rasmussen 1952: 67; Burch 1974: 10; Malaurie 1974: 141; Шнирельман 1994: 105). Вот как описывает эскимосское предание бой середины XIX в. между аляскинскими эскимосами малемют и таревмют: «Громкие крики с обеих сторон возвестили *начало* битвы, но вскоре ничего не было слышно, кроме свиста стрел в воздухе» (Rasmussen 1952: 68). При натягивании тетивы стрелы держали вместе с луком в левой руке (Бабошина 1958. № 23: 57; Бахтин 2000: 231), а копье клали на землю (ср.: Богораз 1949. № 12: 169). Свои копья эскимосы кидали в противника, последний мог вернуться и поднять копье, чтобы далее использовать его в бою (Меновщиков 1988. № 103: 246). После того как были истрачены стрелы, а исход боя еще не был решен, эскимосы могли сражаться тесаком (Меновщиков 1988. № 129: 308).

Естественно, подобное, в основном метательное, сражение могло продолжаться довольно долго и у эскимосов, и у чукчей (ср.: Burch 1974: 11; 1998: 94, 121 (до двух-трех дней), 225 (весь день)). Вспомним, что чукчи перестреливались с чуванским героем три часа, пока почти все не погибли (Bogoras 1918. № 23: 96). Также корякское сказание, возможно несколько гиперболизируя, сообщает о бое кочевых и оседлых коряков с чукчами из-за угнанных последними оленей: «Бились два дня, однако чукчей разбили» (Меновщиков 1974. № 149: 473; ср.: Лебедев, Симченко 1983: 129). В отписке приказчика анадырского острога Кур-

бата Иванова (1661) упоминается, что «чукчи», высадившись на берег из десяти байдар, вели метательный бой с казаками на кочке «с полудни до вечера» (Белов 1952. № 102: 269), но это все же другая ситуация: «чукчи» были на берегу, казаки — на судне. Итак, как видим, первоначально и чукчи не пренебрегали метательным боем, для которого надевали тяжелые доспехи, неудобные для ближнего боя. Впрочем, очевидно, более героическим считался рукопашный, а не дальний бой (Bogoras 1910: 185)¹³. Ведь чукчи по своему мировоззрению не боялись смерти, и для них, в отличие от других этносов, было не страшно умереть. Столкновение с русскими и превосходство огнестрельного оружия способствовали увеличению значения ближнего боя, который в складывающемся героическом эпосе вышел на первый план как способ разрешения взаимоотношений внутри и вне этноса.

Поединок. Именно поединок был тем видом схватки, в котором в конечном итоге решалась судьба боя. Ведь после перестрелки, если одна из сторон не ретировалась, воины переходили к рукопашной схватке, а поскольку линейного построения в сражении чукчи не придерживались, то бой фактически превращался в серию поединков. Последние были более или менее стандартными: противники фехтовали на копьях.

Нападающая сторона могла даже дать защищавшемуся немного времени для подготовки к поединку (см.: Антропова 1953: Табл. IX, 2а; ср.: Стебницкий 1994: 53). Для честного выявления того, кто является более доблестным воином, подчас даже отказывались напасть на спящего противника (Богораз 1900. № 127: 331). Врагу могли дать время поесть, чтобы затем он отправился к «верхним людям» сытым (Дьячков 1893: 41; Козлов 1956: 19; 65; 189).

Поединки происходили и в начале сражения, перед стоящими войсками (Богораз 1900. № 130: 334—335). Противник мог поднять над головой оружие, показывая, каким оружием он будет сражаться, и призывая своего врага взяться за такое же оружие (Меновщиков 1974. № 85: 301), или даже предложить противнику самому выбрать оружие (Такакава 1974: 104). Перед боем противники могли узнавать имена друг друга и называть имена жен (Воскобойников, Меновщиков 1959: 436). Лаконичный разговор противников перед дуэлью считался проявлением высшей доблести (Богораз 1899: 366, примеч. 6). Во время поединка между врагами действовали те же правила, что и в «гражданском» по-

¹³ Е. А. Глинский (1986: 14—15, 21—22) вообще говорит о нешироком распространении лука и стрел среди чукчей, которые употребляли его главным образом на войне. Это мнение основано на том, что в могилах законечников стрел обнаружено мало, не было широкой специализации последних, колчан же был рассчитан на небольшое количество стрел, а сами стрелы были дороги (sic!).

единке. Сначала напал один противник, второй оборонялся, затем наоборот (Меновщиков 1950: 17 (эскимосы); Стебницкий 1994: 54 (коряки); Милянская, Карахан 1987: 134). Причем воин мог предложить неприятелю атаковать первым (Воскобойников, Меновщиков 1959: 428). Если сражались на копьях панцирный воин с легким, то, естественно, нападающей стороной был последний, тогда как воин в броне отбивался, поворачиваясь в сторону врага (Тан-Богораз 1979: 58). В эскимосской сказке «Меткий стрелок» описывается единоборство между братьями, поспорившими из-за добычи. Тут сражался один брат против двух или нескольких. Для борьбы специально надели доспех со щитом. Сам же бой состоял в перестрелке из лука: сначала одна сторона стреляла, другая защищалась — все это в сказке происходило до полудня, — а затем наоборот (Меновщиков 1950: 17), причем у аляскинских эскимосов по традиции стрелял первым именно мститель (Rasmussen 1952: 67; Burch 1998: 104).

В эпосе мы можем найти и некоторые подробности о ведении чукчами ближнего боя. Копье при фехтовании зажимали в обеих руках (см.: Антропова 1953: Табл. IX, 2а, б; Широков 1968: Рис. 7). Чтобы держать противника на большем расстоянии, древко правой рукой брали около конца. Одна чукотская сказка упоминает в качестве причины поражения коряка то, что конец копья застрял в его широком рукаве (Воскобойников, Меновщиков 1959: 436; Беликов 1965: 164). Мы можем найти в источниках и некоторые приемы действия копьем. Обычными были различные боковые движения оружия (Bogoras 1910: 183). Копьем стремились поразить противника в шею (Бабошина 1958. № 102: 246; Меновщиков 1974. № 85: 300) — слабо защищенную часть тела у панцирного воина. Подобным ударом наконечника даже отрубали голову (Меновщиков 1974. № 85: 300). Вероятно, так действовали пальмой, хотя возможно, что таким образом фехтовали и копьем с большим остро наточенным наконечником. Отбивая вражеское копье, принимали удар наконечника на древко (Тан-Богораз 1979: 43 (оседлые коряки); 58). Стремались сломать вражеское копье или выбить его из рук, что вело к потере врагом своего основного оружия (Меновщиков 1974. № 97: 327;

Статуэтка из Чукотки из моржового клыка, изображающая воина в доспехе с двумя крыльями (сер. XIX в.).
МАЭ, № 668-8. Воспроизведено по: Антропова 1957: 220, рис. 33

Жукова 1988. № 7: 16. § 15). В качестве нестандартного приема действовали обратным утолщенным концом древка копья как дубиной, переламывающей древко вражеского копья (Тан-Богораз 1979: 59). Могли и просто срезать своим наконечником острие вражеского копья (Меновщиков 1974. № 86: 307). Древко копья могли использовать и для того, чтобы, просунув его между ног, повалить врага (Bogoras 1910: 184). Применяли и уколы копьем, после чего тело противника сбрасывали с копья (Бабошина 1958. № 99: 241; Такакава 1974: 97) или даже поднимали на копье и бросали во врагов (Меновщиков 1974. № 91: 317).

При фехтовании широко использовали прыжки в высоту (Богораз 1900. № 128: 333; Меновщиков 1974. № 85: 300). Так, чукотское предание рассказывает: «Бьет юноша копьем танитов, прыгает через их головы» (Бабошина 1958. № 95: 232—233; также см.: Bogoras 1910: 182—184). Цель подобных прыжков — оказаться за спиной противника и поразить его с тыла. Причем уже во время такого прыжка могли поражать противника сверху (Тан-Богораз 1979: 58). При прыжке, очевидно, отталкивались древком (Тан-Богораз 1979: 58). Специалист по единоборствам Г. К. Панченко (1997: 235) считает такой прыжок вполне реальным, поскольку его можно было выполнить путем концентрации энергии. Отметим, что юкагирские юноши также обучались прыгать через стоящего человека, не задевая его (Иохельсон 1898: 260). По-видимому, в качестве гиперболизации данного приема в сказках, записанных в 1940—1950-е гг., герой просто поднимается на воздух, откуда бьется с врагами копьем (Козлов 1956: 19—20; Воскобойников, Меновщиков 1959: 427; 430; 432; Беликов 1965: 160—164; ср.: 1956: 15). Прыжки использовались и для увертывания от стрел. В частности, прыжок в высоту позволял воину избежать стрелы, летящей снизу, а нагнувшись, он пропускал стрелу сверху (Козлов 1956: 189; Бабошина 1958. № 90: 217; ср.: Тюшов 1906: 272, 277—278 (ительмены)). Кроме того, стрелы, вероятно на излете, воин без панциря мог отбивать древком копья (Богораз 1934: 167; Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; ср.: Nelson 1899: 328). Естественно, кроме прыжков в единоборстве применяли и другие приемы, в частности мощные удары ногой, характерные для борьбы (Bogoras 1910: 184).

Поединок мог длиться долгое время. В преданиях, иногда, вероятно, с некоторым элементом гиперболизации, упоминается единоборство с утра до полудня (Меновщиков 1974. № 86: 306—307), длиной вдень (Богораз 1901. № 127: 331; Bogoras 1910. № 2: 184; № 17: 98; Воскобойников, Меновщиков 1959: 436; Меновщиков 1974. № 95: 323; Митлянская, Карахан 1987: 136), всю ночь (Меновщиков 1974. № 88: 311), трое суток (Богораз 1901. № 130: 335). Десять суток сражался на копьях витязь Вытрытва с отря-

дом врагов (Воскобойников, Меновщиков 1959: 429). Это может показаться чистым эпическим преувеличением, однако единоборство не длилось непрерывно, оно прерывалось для отдыха сражающихся (Меновщиков 1974. № 88: 311). Во время отдыха противники переговаривались друг с другом (Меновщиков 1974. № 88: 311). Причем во время этого перерыва противники могли замириться и разойтись, обменявшись на память копьями — главным оружием поединка (Козлов 1956: 61; Меновщиков 1974. № 88: 311—312). С другой стороны, если один из противников еще имел силы для боя, а другой обессилел, то последний мог быть просто заколот (Богораз 1949. № 12: 175; Воскобойников, Меновщиков 1959: 429; 436). Упавший враг также считался побежденным (Бабошина 1958. № 90: 218; Сергеева 1962: 134—135). Для того чтобы свалить противника с ног, старались подцепить его копьём между ногами (Bogoras 1910: 184), подбросить его (Меновщиков 1985. № 127: 310) или даже поднять на копьё (Меновщиков 1974. № 91: 317). Однако упавший мог не признать себя побежденным и неожиданно поразить расслабившегося в этот момент противника (Bogoras 1910: 185). Сбитому с ног противнику могли давать возможность подняться (Козлов 1956: 20). Концом поединка, очевидно, считалась и потеря главного оружия — копья (Бабошина 1958. № 103: 251; Воскобойников, Меновщиков 1959: 429; 431). Если победитель намеревался добить проигравшего, он поднимал копьё вверх (Козлов 1956: 60). Если копьё было потеряно, а враг еще мог сопротивляться, то поединок далее не переходил в схватку на ножах или в кулачный бой. Победитель ударом копья опрокидывал побежденного на спину, затем вскакивал на него и убивал ударом в грудь (Меновщиков 1974. № 42: 186; ср.: Bogoras 1910: 185).

Финал поединка был стандартным: побежденный признавал себя проигравшим и просил прикончить его, поскольку для воина считалось бесславным уйти с поля боя побежденным. «Убей, убей меня, говорю! Побежденному зачем жить на свете?» — вот достаточно стандартная фраза побежденного с просьбой добить его (Богораз 1901. № 130: 335; ср.: Богораз 1900. № 127: 331; Bogoras 1910. № 2: 184; № 17: 98—99; Воскобойников, Меновщиков 1959: 429; 436; Сергеева 1962: 93; Беликов 1965: 160, 164; Бахтин 2000: 47). У аляскинских эскимосов даже существовала особая песня, которую пел раненый, прося его добить (Burch 1974: 11; 1998: 108). Победитель, уважая доблесть своего врага, часто выражал желание оставить ему жизнь. Однако побежденный настаивал на смерти. Убивали проигравшего копьём — оружием поединка, — приставляя его к сердцу (Антропова 1953: 41; Меновщиков 1974. № 86: 307). Это убийство напоминает ритуальное убийство стариков, которых закалывали копьём, направляя

его в сердце, или же душили. Пощады побежденный обычно не просил. В качестве последнего желания он мог попросить сделать несколько затяжек табака (Bogoras 1910. № 17: 99; Сергеева 1962: 93; Бахтин 2000: 47, ср.: Kaplan 1988: 239). Естественно, главной причиной желания расстаться с жизнью у побежденного являлся стыд перед общественным мнением, потеря авторитета (Bogoras 1910. № 2: 184; № 17: 99; Стебаков 1958: 99; Меновщиков 1974. № 86: 307; № 95: 324; № 112: 352; Такакава 1974: 105). Кроме того, не последнюю роль в решении раненого бойца расстаться с жизнью играло и стремление не быть обузой своей семье, если он станет калекой (Бабошина 1958. № 98: 240; ср.: Меновщиков 1974. № 89: 312—313). В целом мужчины не боялись смерти, имея детей, которые должны были продолжить род (Меновщиков 1988. № 126: 299). Побежденный перед смертью сам передавал победителю свое оружие и упряжку (Bogoras 1910. № 17: 99; Антропова 1953: 41; Сергеева 1962: 93; Меновщиков 1974. № 113: 352), а то и все свое добро, если жилище находилось тут же (Bogoras 1910: 184).

Во время поединка воины враждебных сторон стояли и смотрели на единоборство (Богораз 1900. № 127: 331; Антропова 1953: 42; Табл. IX, 2а; 1957: Рис. 35). Враги могли даже сидеть, что особенно удобно при долгой схватке (Богораз 1900. № 130: 334). При длительном поединке кто-нибудь из смотрящих мог не выдержать и выстрелить в поединщика-противника (Богораз 1900. № 127: 332; Антропова 1953: 41. Табл. IX, 1; Такакава 1974: 104—105). Этот выстрел могли даже заранее запланировать и сделать по условному знаку (Богораз 1899: 366). Уже упавшего воина соратники могли начать оборонять от выигравшего врага (Тан-Богораз 1979: 58). Даже победитель после одержанной победы мог подвергаться нападению со стороны воинов противника (Богораз 1949. № 12: 175; Меновщиков 1974. № 85: 300). С другой стороны, и оставшийся в живых побежденный не был огражден от нападения на него воинов из стана победителя (Богораз 1900. № 127: 332). Единоборство могло кардинальным образом повлиять на дальнейший ход боя. Увидев победу своего бойца, воодушевленные воины бросались в атаку (Меновщиков 1985. № 127: 310), а противники, увидев проигрыш своего лидера, могли спастись бегством (Такакава 1974: 105).

Впрочем, некоторые неписанные традиции проведения поединка все же, по-видимому, существовали. Общую его схему можно представить так: фехтование на копьях длительное время, потеря копья одним из поединщиков, просьба проигравшего о смерти, убийство побежденного. Ведь сам поединок воспринимался сражающимися как своеобразная охота на людей, поскольку чукчи не выделяли людей из мира природы, считая человека

частью животного мира (Беликов 1987: 254; ср.: Богораз 1899а: 267—268). Поражение часто не останавливало бой, и даже после проигрыша своего поединщика его сторонники бросались в битву. Поединок был не только данью героическому этосу чукотского общества, но имел и свой внутренний подтекст: избежать лишних потерь, ведь потеря даже нескольких мужчин была существенной для сравнительно небольшой патриархальной семейной общины, в которой каждый мужчина был кормильцем.

Финал боя. Обычно побежденные спасались бегством (Козлов 1956: 181; Бабошина 1958. № 95: 231; № 99: 241; Воскобойников, Меновщиков 1959: 428). Победившие же, в свою очередь, могли выделять для преследования лучших бегунов (Бабошина 1958. № 100: 242; ср.: Меновщиков 1985. № 133: 325). По бегущим стреляли из лука, а они, чтобы избежать попадания, совершали зигзагообразные прыжки (Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; Леонтьев 1960: 135). Эскимосы могли, догнав беглеца, не убивать его, а подрезать сухожилие на пятках (Меновщиков 1950: 125). Если проигравшие успевали вскочить на нарты, то бежали на них, иногда запутывая свои следы для дезориентации преследующих (Бабошина 1958. № 101: 244). Однако подчас не было времени искать свою нарту, и бегущий вскакивал на первую попавшуюся (Бабошина 1958. № 103: 251; Меновщиков 1974. № 42: 186—187). При преследовании убегающего на нартах врага стремились захватить его в кольцо, то есть фактически применяли охотничьи приемы. Ведь на диких оленей охотились, гонясь за ними на нартах, окружая стадо и набрасывая арканы или стреляя из лука (Бабошина 1958. № 101: 244; Мерк 1978: 114; Этнографические материалы... 1978: 151). Естественно, погоня, мчась на нартах, обстреливала бегущих из луков. Причем стреляли как в ездока, так и в оленей. Если одно животное было поражено, то ездок, как герой «Илиады» Гомера (VIII, 87; XVI, 467), отрезал постромок и ехал дальше на оставшемся олене (Бабошина 1958. № 101: 244).

Чтобы нагнать пущего страху на бегущих, победители использовали психологические средства: у убитых противников могли отрубать головы и, насадив их на острия копий, размахивать ими (Меновщиков 1974. № 88: 312) или же просто трясти тело одного из убитых врагов, держа его за ноги и крича: «Вот и вы так будете!» (Богораз 1899: 365).

В сказании, записанном в первой половине XX в., упоминается, что немногочисленные оставшиеся в живых, признавая превосходство врага, бросали оружие и становились на колени, отдавая тем самым себя в полное распоряжение победителя (Бабошина 1958. № 56: 143). Однако такое поведение, насколько можно судить, не характерно для чукотских воинов, предпочи-

тавших пасть в бою. Храбрость же воина пользовалась уважением даже у врагов. Последние, даже превосходя в числе, могли отдать упряжки убитых соплеменников своему врагу и отпустить его с миром (Бабошина 1958. № 95: 233). Взятых в плен воинов, как правило, убивали (Бабошина 1958. № 95: 232), Впрочем, иногда могли отпускать к своим (Бабошина 1958. № 56: 143). Обычно оставляли в живых двух человек, которых отпускали домой. Поскольку общественное мнение ценилось чукчами высоко, то эти люди, рассказав о своем поражении и передав угрозы-пожелания, должны были распространить славу о доблести и отваге выигравших (Богораз 1900. № 129: 333-334; Меновщиков 1950: 125; Козлов 1956: 21, 182; Бахтин 2000: 234 (два человека); Тан-Богораз 1979а: 215; Козлов 1956: 60; Воскобойников, Меновщиков 1959: 428 (один человек); Меновщиков 1950: 22; 1974. № 148: 470; 1985. № 127: 309—310 (два и три человека); Козлов 1956: 21 (три вестника)). Этот обычай был в целом характерен для этносов региона, обычно отпускавших двух человек, которых сложнее заподозрить во лжи, нежели одного¹⁴. В качестве нестандартного поступка пленных бедняков, к которым испытывали сочувствие, могли зачислить в свое войско (Воскобойников, Меновщиков 1959: 437).

Судьбы врагов

Убитые. Чтобы убитые враги «не могли смотреть на солнце», трупы поворачивали лицом вниз (Мерк 1978: 121; Меновщиков 1974. № 85: 301; № 91: 318; ср.: Богораз 1900. № 129: 333). Этот обычай, очевидно, связан с традицией оберегания огня очага от взгляда убитой добычи, которую в яранге обычно накрывали чем-нибудь (Вдовин 1977: 134). Да и обычным умершим чукчи надевали белую одежду со специальным капюшоном, закрывающим лицо, очевидно, с теми же культовыми целями из-за боязни духа покойника (Богораз 1939: 183; ср.: Антропова 1976: 264). Вероятно, покойник не должен был смотреть на покровительствующего людям доброго духа, который жил на солнце (Вдовин 1981: 125—126).

Раненых врагов, оставшихся на поле боя, добивали (Меновщиков 1974. № 90: 314), павших же оставляли лежать на поле боя непогребенными (Богораз 1899: 355; Мерк 1978: 121; Козлов

¹⁴ Ср.: Тюшов 1906: 272, 274 (ительмены отпускают двух человек); Burch 1974: 8; 1988: 231; Malaurie 1974: 144, 147 (эскимосы Аляски отпускают одного или двух человек); Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 17: 77. § 21 (оседлые коряки отпускают одного человека).

\956: 22; 181; ср.: Иохельсон 1900. № 51: 126; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 19: 87. § 55 (коряки)), тогда как их оружие и одежду забирали в качестве трофеев (Мерк 1978: 121; Козлов 1956: 21; Стебницкий 1994: 31).

Павшим врагам, уже убившим нескольких чукчей, прокалывали стрелами правое предплечье (Мерк 1978: 121). Возможно, это делалось для того, чтобы повредить душу правой руки — основной для сражения (ср.: Богораз 1939: 42—43). Отметим, что коряки наиболее ненавистным врагам могли изрубить лицо, показывая тем самым неуважение к убитому (Иохельсон 1900. № 51: 126).

Оседлые жители могли привязывать убитых врагов на столб, по-видимому, с культовыми целями (Меновщиков 1974. № 41: 177; ср.: Меновщиков 1988. № 237: 449 (гренландские эскимосы)), поскольку столб был символом предка, основателя и хранителя данного поселка (Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 114—115, 119; ср.: Вдовин 1976: 243).

Пленные, рабы. Как уже говорилось, чукчи, в отличие от наших современников, не ценили человеческую жизнь, что было обусловлено отнюдь не суровой эпохой, но их религиозными представлениями о реинкарнации и загробной жизни. Еще в 1770-х гг. женщины, увидев, что их мужья пали в битве, а оставшиеся в живых воины бежали, убивали над трупами мужей своих детей, а затем и друг друга, попав же в плен, замаривали себя голодом (Мамышев 1809: 25—26). Суицид женщин (путем удушения или закалывания) и убийство детей в подобных случаях были типичны и обычны для других этносов региона (Бриль 1792: 373). Мужья при своем поражении закалывали или душили жен и детей и закалывались сами (КПЦ. № 64: 168). Мужчины, попав в плен, предпочитали не жить в неволе и, если успевали, убивали себя ножом (Атлас... 1964. № 54: 38, А-2) или замаривали голодом. Часто пленные чукчи разбивали себе головы о камни (Тан-Богораз 1958: 74; ср.: Семивский 1817: 77 (вторая пагинация)), ведь сама добровольная смерть рассматривалась чукчами как последняя битва (Тан-Богораз 1958: 68). Поскольку в Сибири русским не хватало женщин, то они крестили пленных чукчанок, а затем женились на них (Дьячков 1893: 56). Пленные же дети также крестились и обычно становились холопами, а то и казаками (Алексеев 1961: 14).

В плен к чукчам, как правило, попадали женщины и дети, поскольку все мужское население, включая стариков, обычно убивали (КПМГЯ. № 190: 239; ДАЙ. 1867. Т. X, № 78-VI: 351; Сенатский архив. 1889: 35, 36, 535; Меновщиков 1950: 18) или убивали всех взрослых, а детей брали в качестве добычи (Меновщиков 1974. № 83: 294). Могло быть и по-другому: всех врагов истребляли поголовно, как было, например, при неожиданном

нападении на поселение оседлых жителей, когда перебили всех женщин и детей, а идол божества-покровителя поселка забрали в качестве трофея (Бабошина 1958. № 67: 166—167; ср.: Jochelson 1905. № 6: 138—139 (коряки); Bogoras 1910: 185; Богораз 1949. № 4: 139; № 9: 158). Согласно поздним сказаниям, в которых можно усмотреть влияние поздней гуманистической идеологии XX в., чукчи, перебив мужчин, могли отпустить женщин восвояси (Лебедев, Симченко 1983: 131). Причем последних, насколько мы можем судить, при пленении обычно не подвергали насилию (ср.: Burch 1974: 11; 1998: 108 (у западноаляскинских эскимосов женщин насиловали, мучили и затем убивали)). Победитель же мог просто жениться на жене побежденного (Воскобойников, Меновщиков 1959: 426) и даже усыновить вражеского ребенка (Козлов 1956: 19—20; 23). Вообще же добытки распределяли пленных среди своих родичей (Меновщиков 1985. № 83: 294) или между собой, как указывается в одном эскимосском сказании, поровну (Меновщиков 1985. № 127: 309—310).

Олени стада чукчи во время своих зимних набегов подчас захватывали вместе с пасущими их подростками, которые иногда оставались в плену вместе со своими стадами, поскольку лучше знали норы животных (Тан-Богораз 1930: 65; Богораз 1934: 175; Меновщиков 19886. № 48: 222). В конце XVIII в. у приморских жителей типичными невольниками были эскимоски с Аляски, захваченные во время морских набегов. Этих пленниц могли брать в жены бедные оседлые жители, их же могли продавать оленным чукчам, к примеру, за 12 важенок или за 10 важенок и двух ездовых оленей, дети стоили дешевле (Мерк 1978: 121). Судя по фольклору, мальчик стоил 10 оленей, а девушка — 20—30 (Рубцова 1954. № 15: 226, § 18; Вдовин 1970: 23). Неплохой ценной за мальчика считалось у эскимосов также предложение ножа и собаки или наконечника копья и шкур двух белых пыжиков (КПЦ. № 72: 186; Меновщиков 19886: 214). Пленного мужчину делали рабом реже, поскольку представитель сильного пола мог представлять реальную угрозу семье, в которой он жил (Рубцова 1954. № 16: 236. § 45; Куликов 1957: 55).

В рабстве обычно были иноплеменники, реже встречались невольники и из самих чукчей. Бывали случаи, когда убийца предоставлял семье убитого своего родственника, который и выполнял обязанности убитого (Богораз 1934: 177). У кочевых чукчей редко встречались в качестве работников коряки и юагиры, их могли женить на бедных чукчанках. В целом рабов было мало, поскольку обычным явлением был выкуп пленных. Уже через несколько дней после налета прибывали родственники пленных и выкупали их (Шаховской 1822: 306; Мерк 1978: 120; ср.: Геден 1994: 63). Так, в 1755 г. юагиры принесли в качестве

выкупа за своих пленных табак, котлы, топоры, ножи, копья, луки, стрелы, корольки (КПЦ. № 70: 183), то есть предметы русского происхождения и оружие, которое русские чукчам не продавали. В XVIII в. россияне выкупали своих пленных за табак (Богораз 1902. № 5: 163). Нужда в русских предметах обуславливалась тем, что шла война с россиянами и торговые отношения были практически заморожены. Чукча, взявший в плен казака Б. Кузнецкого в 1754 г., хотел отпустить его за выкуп или обменять на пленного сына, но по заключении перемирия в 1755 г. отпустил без всяких условий (КПЦ. № 70: 183). В 1755 г. во время переговоров чукчи отпустили русских пленных, а россияне — чукотских (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583).

В общем рабство было примитивным, женским, мужчин обычно убивали, ведь они в плену представляли угрозу для жителей, особенно когда мужская часть стойбища была в отлучке (см.: Богораз 1899: 357—362). Обычно пленные женщины выполняли домашние работы, а подростки пасли стада (Меновщиков 1974. № 112: 351). Как правило, с пленными обращались строго, хотя само рабство было домашним, патриархальным. Даже женщин в наказание могли бить (Мерк 1978: 121), впрочем, и своих жен чукчи также наказывали (ср.: Тан-Богораз 1936: 241). Раба из пленных могли и убить (Богораз 1934: 178). Так, за коварство в общении с господином раба распяли деревянными колышками на земле (Богораз 1899: 361; Тан-Богораз 1930: 76). С прекращением войн рабство пришло в упадок, и в конце XIX в. В. Г. Богораз (18996: 40) уже не обнаружил у чукчей рабов.

Пытки. Взятых в плен врагов подвергали пыткам. Может быть, первоначально пытки носили ритуальный характер (Maulaigie 1974: 134—135), однако уже в чукотском фольклоре они объясняются простой жаждой мести, а не добыванием каких-то военных данных о противнике. Так, Якунину (эпический образ майора Д. И. Павлуцкого) говорят: «Ты много людей убил, пусть мы тебя хоть немного пожарим на огне!» (Богораз 1901. № 146: 390; ср.: Тан 1898. № 118: 3; Богораз 1900. № 129: 333-334; Тан-Богораз 1958: 74). Действительно, обычно пыткам подвергался захваченный в плен военачальник, поскольку он был ответствен за потери, понесенные чукчами¹⁵. Подобный обычай, вероятно, характерен для народов Северо-Восточной Сибири и Аляски (Давыдов 1810. Ч. II: 106, 109)¹⁶. В частности, он существовал у

¹⁵ В одной сказке, записанной в 1955 г., вождя оставили в живых — не типичный случай (Козлов 1956: 24).

¹⁶ Вспомним, что индейцы также применяли пытки с целью продлить мучения врага (Ратцель 1904: 489). Вероятно, тут мы встречаем аналогичную традицию. Ср.: пытки пленных врагов эскимосами Северо-Западной Аляски: Burch 1998: 108-109.

ительменов, которые специально старались захватить вражеского начальника. С. П. Крашенинников (1949: 705; ср.: 692) поясняет: «В этом у них великая честь, что лутчего мужика полоня уморить»¹⁷. Впрочем, если обратиться к свидетельству нижеколымского казачьего пятидесятника М. Колесова (1679), то увидим, что чукчи могли пытать «всякими разными муками» и всех захваченных ими врагов (ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 3—4: 9; ср.: ДАЙ. 1867. Т. X, № 78-X: 357). Обычной пыткой была огненная. Пленника привязывали к вертелу и вращали над костром, медленно поджаривая (Богораз 1900. № 146: 390) или просто прикладывали к коже раскаленные ножи (Мерк 1978: 121; ср.: Антропова 1957: Рис. 34). Другой вид пытки состоял в том, что обнаженного врага просто загоняли до смерти, заставляя его бегать по кругу, как упряжного оленя на дрессировке (Богораз 1900. № 129: 334). Даже убитого врага, который причинил большие потери, могли пытать. В частности, упоминается поджаривание на костре тела мертвого врага, привязанного к козлам (Меновщиков 1985. № 132: 323). Это, очевидно, требовало, чтобы находящийся под пыткой мужественно переносил мучения (Богораз 1900. № 129: 334; 146: 390; ср.: Крашенинников 1949: 402, 697, 705). После пыток человека добивали.

Использование собак в военных целях

Никаких специальных боевых собак чукчи и азиатские эскимосы не разводили, для военных целей использовали тех же обычных собак, сибирских лаек — животных с пушистым хвостом, в основном серого окраса, а также белого, черного и других цветов. Естественно, собак наиболее активно использовали оседлые жители: их просто запрягали в нарты¹⁸. Предназначенных для езды кобелей кастрировали, и они служили до 12 лет, но лучший возраст для запряжки — 3—7 лет (Аргентов 1857: 97; Гондатти 1897а: 157—159). Зачастую женщины кормили своей грудью ценного щенка околелшей суки; его затем особо ценили (Трифонов 1872: 165, примеч. 2; Дмитриев 1892. № 51: 8; Кавелин 1931: 96; ср.: Тан-Богораз 1979: 25 (оседлые коряки)). С другой стороны, щенка, родившегося слабым, убивали (Митчель 1859. № 87: 183; 1865: 326).

Собаки, предназначенные для военных целей, использовались как для охраны жилища, так и непосредственно для боя.

¹⁷ Ср.: Крашенинников 1949: 692: ительмены мучили пленных, распарывая им животы и мотая кишки.

¹⁸ Подробнее о северных собаках, их характеристике и использовании см.: Jesse 1866. Т. I: 210—231; Т. II: 245—252.

Так, к полевому укреплению приморских коряков, состоявшему из стены, сооруженной из ездовых санок, и рва в снегу, привязывали снаружи наиболее чутких собак для обнаружения приближения врага (Тан-Богораз 1979: 28). Естественно, животные чуяли приближение людей к обычному жилищу (Архинчеев 1957: 45; ср.: Митчель 1859. № 87: 183; Богораз 1900. № 167: 415; Тан-Богораз 1936: 244; Врангель 1948: 306; Бабошина 1958. № 60: 149; Burch 1974: 8; Лебедев, Симченко 1983: 95; Санги 1985: 310). Хотя стоит заметить, что эти собаки лаяли весьма редко, а обычно выли. Как отмечал Н. Ф. Каллиников (1912: 76, 168), одна-две собаки все время были привязаны около яранги оленных чукчей. Кроме того, собак для охраны могли привязывать и во внешней половине жилища, где оседлые жители держали их зимой (Акифьев 1904: 54; Bogoras 1910: 184; Толмачев 1912: 498; ср.: Обручев 1974: 113). Причем любимую собаку оседлые могли даже брать с собой в полог (Акифьев 1904: 56). Для привязи использовали ремень, но, поскольку собаки могли его перегрызть, в XIX в. стали использовать для этого цепочку (Богораз 1899: 359, примеч. 4).

В целом чукотские собаки были достаточно дики и бросались на домашних оленей, не отличая их от диких. Так, Г. Майдель (1894: 138) отмечает, что была «наклонность собак считать за свою неотъемлемую добычу каждого встреченного оленя» (об этом же см.: Лессепс 1801. Ч. II: 134; Каллиников 1912: 82). Он же описывает случайное столкновение собачьей и оленьей нарт, при этом 24 упряжные собаки тут же объели двух оленей (Майдель 1894: 139). Даже этот врожденный инстинкт собак прибрежные жители использовали в борьбе с кочевниками, которые передвигались на оленьих упряжках. Так, в эскимосском героическом сказании «Виютку-предводитель» воины, разбившись по парам, чтобы быть менее заметными, стояли в засаде и поджидали караван врагов. Каждый удерживал двух собак. Последних при приближении оленьих упряжек неожиданно выпустили. Собаки, бросившись на оленей, создали сумятицу и неразбериху среди едущих воинов, на которых тут же напали эскимосы. А поскольку копья — основное оружие ближнего боя кочевников — были прикреплены к нартам, то из-за внезапности нападения их не успели отвязать. Враги были напуганы криком и неожиданностью нападения (вспомним, что «у страха глаза велики») и были все перебиты (Меновщиков 1985. № 127: 308—309). Хотя в сказании прямо не говорится, но из контекста следует, что это были простые ездовые собаки (возможно, две передние, ведущие нарту), которые понимали приказы ездока. Чукчи также могли использовать ездовых собак, располагаясь в засадах в трех местах по пути следования каравана коряков. Причем собак в данном случае натравливали на людей (Воскобойников, Меновщиков 1959: 437).

Одна чукотская сказка упоминает, что злые духи кэле бродили небольшими группами, с громадными боевыми собаками, набрасывающимися на людей и рвущими их (Богораз 1900. № 167: 415). Судя по контексту, тут имеются в виду эскимосы. Собак могли использовать и для преследования убегающих врагов (Баранников 1974: 86 (коряки)).

Таким образом, специальных боевых собак эскимосы и приморские чукчи не разводили, однако при необходимости для военных нужд использовали тех же ездовых собак, которые могли выполнять несколько основных функций. Это, во-первых, охрана жилища — самая обычная задача собаки. Во-вторых, борьба с людьми при атаке или преследовании. И наконец, в-третьих, собак, опираясь на их природный инстинкт хищника, натравливали на оленей противника, тем самым лишая последнего обычного транспорта. Видимо, и оседлые коряки также использовали своих собак в войнах с оленеводами, что говорит о типичности данного явления (Тан-Богораз 1979: 25).

ОСАДА И ОБОРОНА

Оборона и осада у оленных чукчей

Искусство осады и обороны укреплений у основной массы чукчей, у кочевых оленеводов, как и у номадов вообще, не было развито, хотя и существовало. У них не было каких-то специальных опорных пунктов для обороны — они рассчитывали на свою мобильную тактику и быструю перекочевку от врага или в его сторону. Действия в поле при этом имели решающее значение. Впрочем, напомним, что передвижение больших отрядов и стойбищ могло производиться на нартах лишь при наличии снежного покрова, который отсутствовал с конца апреля—начала мая до конца сентября—начала октября, летом же чукчи не перекочевывали и активных наступательных боевых действий на суше не вели.

Жители Чукотки использовали как естественные, так и искусственные укрепления. Очевидно, первый вид укреплений был более обычным, тогда как второй встречался реже. По своему характеру эти укрепления делились на стационарные и полевые. Причем даже постоянные укрепления не были перманентными, а строились лишь при непосредственной угрозе нападения. Это, с нашей точки зрения, выглядит нелогичным, поскольку у чукчей в XVII—XVIII вв. шли непрекращающиеся военные действия. Однако чукотское общество еще не достигло той фазы развития, когда появилась насущная необходимость в строительстве укреплений. Это, с одной стороны, объясняется тем, что отдельные семейные общины из-за своей малочисленности не могли возводить фортификационные сооружения, надолго не отрываясь от производственного процесса. С другой стороны, не было подходящего деревянного материала для строительства — имелись лишь камни, из которых оленные чукчи не умели выкладывать стены. Кроме того, у них не было и необходимых технических навыков.

¹ Предварительный вариант этой части книги см.: Нефёдкин 2002.

При перекочевке первая задача состояла в том, чтобы удачно выбрать место для стойбища. При угрозе нападения превосходящих сил врага предпочитали отходить в более безопасное место (Богораз 1900. № 131: 336; Бабошина 1958. № 103: 248; Mautaurie 1974: 140; Леонтьев 1983: 129). А от Д. И. Павлуцкого, согласно чукотским преданиям, даже собирались бежать в Америку (Богораз 1902а: 71, 84). В новой местности, когда необходимо было выбрать место для укрепления, оленеводы делали это не всегда удачно — сказывалось незнание территории и отсутствие опыта в подобном предприятии. Поэтому и оборона не была удачной (Богораз 1900. № 128: 332-333).

В зимнее время стойбище располагали в долине — тут ветер был не так силен, да и противнику из-за возвышенностей не было видно жилищ, о которых, впрочем, можно было догадываться по дыму (Тан-Богораз 1979а: 221). К. фон Дитмар, со слов купца Трифонова, так описывает зимнюю стоянку чукчей (1856: 37): «Юрты [= яранги. — *А. III* свои чукчи разбивают обыкновенно в долине и на всех окрестных высотах ставят часовых, которые при малейшем подозрении и опасности с быстротой стрелы на маленьких санях спускаются в долину и призывают мужчин к оружию». Некоторые подробности об охране стойбища можно почерпнуть в чукотском сказании, повествующем о войнах XVIII в.: «Старший брат стоял в карауле на самой высокой сопке, оттуда видна была вся северная тундра, — с этой стороны делали набеги таниты. Средний брат охранял южную часть тундры. Младший брат [малоопытный юноша. — *А. Н.*] охранял восточную тундру и берег моря, самую спокойную часть» (Бабошина 1958. № 95: 230). Таким образом, судя по данному сообщению, система охраны стойбища стояла на достаточно высоком уровне — с разных сторон долины располагались караульные. У последних в качестве транспортного средства были скоростные гоночные нарты. Вероятно, подобная охрана была организована таким способом при непосредственной угрозе нападения со стороны противника (ср.: Воскобойников, Меновщиков 1959: 432; 435; 437; Стебницкий 1994: 33). Естественно, караулы располагались в удобных, хорошо защищенных от неприятельских глаз местах (Воскобойников, Меновщиков 1959: 435). В мирный период или когда, по крайней мере, не было точно известно время прихода врагов, чукчи вели себя более беспечно: специально караулов не выставляли, а надеялись, скорее, на случайные сообщения (Бабошина 1958. № 90: 217; № 98: 239; Меновщиков 1974. № 87: 308-310; № 88: 310-312; Лебедев, Симченко 1983: 129). Да и в военное время стража, надеясь на ненастье, могла халатно нести службу (Бабошина 1958. № 101: 245). Вероятно, данная «беспечность» объяснялась нехваткой мужчин, которые должны

были заниматься выпасом оленей и охотой, а может быть, простым презрением к врагу (Воскобойников, Меновщиков 1959: 427—428; Беликов 1965: 164; Меновщиков 1974. № 88: 310-312). Кроме того, и собаки волновались, чуя приближение чужих (Архинчеев 1957: 45).

Летом, когда не было возможности перекочевывать, мужчины для выпаса стад уходили далеко от стойбищ, подчас на расстояние нескольких дней пути. В этот период яранги, наоборот, располагали на сопках, откуда можно было обозревать окрестности. Ведь в стойбище практически не оставалось боеспособных мужчин, поскольку в данный период обычно не ожидалось нападения (Воскобойников, Меновщиков 1951: 461; Бабошина 1958. № 90: 217; Лебедев, Симченко 1983: 129). Чтобы затруднить подход к яранге, вход в нее могли располагать в сторону более крутого подъема (Каллиников 1912: 76).

При приближении врагов к стойбищу обычно все небоеспособное население вместе со стадами отсылалось в безопасное место, где, по мнению защитников, нападающие не могли их обнаружить (Козлов 1956: 30; Бабошина 1958. № 103: 250; ср.: Черненко 1957: 132). В стойбище оставались мужчины, которые и принимали бой. Однако не всегда жители успевали укрыться, тогда женщины искали укромные места внутри самой стоянки. Так, чукотская сказка прямо рассказывает, что при появлении врагов «женщины и дети попрятались, а мужчины ринулись в бой» (Бабошина 1958. № 90: 217; ср.: Тан-Богораз 1979: 55). Если врагов замечали заранее и не считали возможным сопротивляться, то спешно собирали вещи и убегали на нартах (Козлов 1956: 30; Такакава 1974: 103-104).

В случае опасности оленье стадо могли держать и около жилья (обычно на ночь). Это было вызвано как тем, что табун не успевали угнать в безопасное место, так и тем, что для этого перегона не хватало мужчин. Олень — животное достаточно пугливое, и при приближении чужих людей или хищников он волнуется и хоркает (Орловский 1928: 66). Следовательно, подается сигнал об опасности. Поскольку сил у обороняющейся стороны обычно было мало, то иногда применяли следующий прием: когда враг подходил вплотную к стойбищу, пугали стадо, и оно бросалось в сторону неприятеля и просто сметало его. Так же мог поступить и находящийся на пастбище оленевод, на которого неожиданно напали враги. Следовательно, само стадо (обычно из нескольких сотен оленей) в этом случае выступало в качестве оружия (см.: Меновщиков 1974. № 90: 313—314; № 91: 318; ср.: № 87: 309). Подобный прием характерен и для оленных косяков (Стебницкий 1994: 59).

Наиболее простым видом фортификационных сооружений было укрепление собственной яранги. Действовал общечелове-

ческий принцип: мой дом — моя крепость. Если доверять фольклору, то обычное покрытие яранги из оленьих шкур в холодное время года могли заливать водой, создавая этим ледяной панцирь (Бабошина 1958. № 56: 142—143). Практиковалось, если верить одному из сказаний, и обкладывание стен яранги камнями (Лебедев, Симченко 1983: 98; ср.: Дьячков 1893: 133; Богораз 1900. № 146: 389). Вероятно, это эскимосская традиция. С нашей точки зрения, подобные укрепления отнюдь не являлись надежной защитой — их можно было легко разрушить. Однако надо учитывать, что одним из приемов нападения на людей, находящихся в яранге, было прокалывание копьем покрытия вместе с находящимся внутри, у ее стены, пологом (спальная палатка). Для поджога жилища зимой, в основной сезон набегов, в тундренной местности не было много материала. Защитники надеялись на то, что противник, боясь духа-защитника, не вломится в ярангу и уйдет. Таким образом, данная пассивная оборона не выглядела столь абсурдной. Она одновременно защищала и самого мужчину, и его семью, которая также была под угрозой. Оборону, если врагов было много, вели пассивно: сидели в яранге и ждали, что будут делать осаждающие. В таком случае все могло закончиться тем, что последние, вырубив пешнями из моржовых клыков ступени на обледенелых стенах яранги, вскарабкивались наверх и через дымовое окно прыгивали внутрь, убивая хозяев. Однако враги, намереваясь вести осаду, могли и не идти на «штурм», а просто заявить осажденному: «Умрешь... от жажды, тебе за водой ходить надо» (Лебедев, Симченко 1983: 98; ср.: Леонтьев 1983: 129). Естественно, такая «блокада» не могла быть долговременной (ср.: Жукова 1988. № 6: 21. § 16—29).

Оборона могла вестись и активно — осажденные стреляли по врагам через специально сделанные в стенах яранги бойницы. В таком случае, нанося врагу потери, можно было отразить нападение превосходящего по силам, но плохо защищенного от стрел неприятеля. Причем женщины, находящиеся в это время в яранге, также помогали обороне, изготавливая стрелы (сюжеты см.: Козлов 1956: 181; Бабошина 1958. № 56: 142—143; Лебедев, Симченко 1983: 98; ср.: Меновщиков 1988. № 125: 296).

Был и другой способ обороны, с использованием рельефа местности. Когда непосредственно ожидалось нападение, население спасалось бегством в горы (Берх 1823: 46, 59; Полонский 1850: 398; Соколов 1851: 91, 92, 94). Для обороны могли выбирать и возвышенность, часто неприступную с трех сторон. Ее склоны и особенно дорожку наверх поливали водой, которая, замерзнув, создавала ледяной покров. Естественно, так можно было обороняться зимой. Против уязвимых в обороне мест призывали на ремнях груженные мешками камней нарты, к по-

следним прикрепляли копыя или несколько остро обточенных оленьих рогов. Данное приспособление изготовлялось из обычной грузовой нарты и после боевых действий несломавшиеся нарты демонтировали (Антропова 1957: Рис. 34; Бабошина 1958. № 103: 247—251; Лебедев, Симченко 1983: 131; ср.: Меновщиков 1985. № 132: 322 (эскимосы); КПЦ. № 42: 116; Окунь 1935а: 58; Иохельсон 1997: 216 (коряки)). Сани могли находиться за неукрепленной частью стены, к которой заманивали врага. Эту часть мгновенно разбирали и запускали вооруженные нарты на врагов. В каких-то других ситуациях данные аппараты не применялись. Враги обычно пытались брать такую возвышенность штурмом, ведь при осаде отнюдь не было ясно, у кого — у запасшихся едой осажденных или только что пришедших осаждающих — будет раньше исчерпан провиант. Основной штурм велся по ледяной дорожке наверх. Чтобы ноги не скользили, осаждающие вырубали во льду ступени «кирками» из моржовых клыков (Бабошина 1958. № 103: 250; ср.: Народы России. 1880: 6). Именно тут на наступающих в подходящий момент скатывали вооруженные нарты. Вместо нарт для этой цели использовали и более простые приспособления: обычные снежные шары, облитые водой (Козлов 1956: 64). Тотчас же после того, как «ряды» осаждавших разбивали саними, из укрепления выскакивали воины и довершали разгром врага (Лебедев, Симченко 1983: 131). Это один из вариантов хода событий, исход же штурма было сложно предугадать. Коряков, осаждавших укрепление, чукчи часто отбивали, тогда как русские с их военно-техническим превосходством обычно брали возвышенность.

На возвышенности, опять же при непосредственной угрозе нападения, могли возводить и укрепление, делая забор из связанных ремнями жердей от яранг и обкладывая его дерном и камнями. Также иногда натягивали в виде стены шкуры, в которых делали отверстия-бойницы для обстрела врага из лука. Подобное заграждение не только позволяло защитить себя, но и было удобно для стрельбы по врагам. Штурмовали такое укрепление или со всех сторон сразу, используя свое численное превосходство и не давая осажденным сосредоточиться на какой-то определенной стороне обороны, или же, нападая на наименее укрепленную часть, пытались запрыгнуть на изгородь (если она была невысока), а затем и внутрь укрепления (сюжеты см.: Бабошина 1958. № 98: 239-240; № 103: 248-250; Лебедев, Симченко 1983: 99-100; 130-131).

При отсутствии навыков осадного искусства чукчам было достаточно сложно взять укрепленные, подчас с валом и каменными стенами, острожки коряков, а иногда и их отдельные дома, в которых те активно оборонялись, стреляя из луков и ружей

(Лессепс 1801. Ч. II: 87; Богораз 1900. № 110: 287; № 132: 337—338; ср.: Мерк 1978: 120). Понимая, что штурм может занять некоторое время, чукчи могли делить штурмующих на несколько очередей, тем самым ведя бой непрерывно (Богораз 1900. № 132: 337). Начинаясь бой за поселение перестрелкой противников издала. Стрельбой старались сбить врагов с укреплений, сплачиваясь для увеличения ее эффективности (Богораз 1900. № 132: 337—338). Иногда при наличии подручного материала чукчи изготовляли для защиты от стрел и пуль деревянные осадные щиты, которые упоминаются в документе 1653 г. (АИИ, ф. 160, № 383, ест. 76; Вдовин 1965: 104). Подобное сооружение было распространено у народов Сибири². Для защиты от вражеских стрел осаждающие активно использовали свои приемы увертывания. Постепенно чукчи подходили ближе и вели огонь еще интенсивнее, стремясь поразить стрелков противника и/или заставить его прекратить огонь. Если обороняющиеся заседали в яранге, то меткий лучник стремился попасть стрелами в крепежи постройки, намереваясь этим разрушить все жилище (Богораз 1900. № 132: 338; ср.: Лебедев, Симченко 1983: 131)³.

Самым же обычным способом проникновения врагов в ярангу был ее снос. Чукчи-оленоводы, которые с детства умели искусно кидать аркан, просто набрасывали его на верхушки стоек-жердей, являвшихся основой строения, обхватывали их и, потянув, опрокидывали всю ярангу, сея суматоху и испуг среди ее обитателей (Мерк 1978: 120; Козлов 1956: 182; Меновщиков 1974. № 150: 476). Выбегающих из яранги врагов просто убивали (Стебницкий 1994: 57; ср.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 20: 97. § 66 — коряки).

Существовал и весьма своеобразный способ взбирания на крутую гору, где находилось жилище противника. К рогам выпряжного из нарт оленя привязывали аркан (обычно 15—20 м длиной) и гнали животное вверх. Затем по этому аркану взбирался сначала один, а потом и остальные воины. При этом, чтобы ноги не скользили, на них надевали специальные подковы с шипами. Естественно, такой способ штурма был эффективен,

² Семь осадных щитов у двухсот юкагиров (1681): ДАИ. 1862. Т. VIII, № 44-23: 180; у эвенков: Воскобойников, Меновщиков 1959: 182; у эскимосов-чугачей на Юго-Востоке Аляски были щиты, прикрывающие сразу до 20—30 человек: Malaurie 1974: 144; Шнирельман 1994: 107, ср.: Давыдов 1810. Ч. II: 149; у эскимосов-кадьковцев за каждым щитом скрывались по 30—40 человек: Паллас 1781: 84; у русских казаков: КПЦ. № 2: 32; Сгибнев 1869: 31; 1869а. № 4: 87; Майдель 1894: 546; Степанов 1937: 223; Белов 1952. № 102: 269; Никитин 1996: 78; Леонтьева 1997: 95; Зуев 2002: 70.

³ Типичным и для корякского фольклора сюжетом было попадание богатырем, стреляющим из лука, в ремень, стягивающий три основных шеста яранги над дымовым отверстием (Стебницкий 1994: 57).

когда жители по каким-либо причинам активно не оборонялись (см.: Бабошина 1958. № 98: 239-240; Меновщиков 1974. № 85: 304-305; Лебедев, Симченко 1983: 100).

Русские деревянные остроги или полевые «вагенбурги» из нарт чукчи обычно не штурмовали. Иногда они, имея численное превосходство, располагались лагерем вблизи и пытались нанести врагу наибольший урон стрельбой из луков (Словцов 1886. Кн. 2: 79). Причем большие надежды чукчи возлагали на саму внезапность нападения, а не на осаду⁴. Подобный способ действия был вызван, с одной стороны, превосходством русского огнестрельного оружия, а с другой — обычным недостатком продовольствия, который сказывался весьма скоро. Цель такого нападения предельно ясно сформулирована в документе, рассказывающем о нападении чукчей на Нижнеколымское зимовье в 1685 г., — казаков победить, аманатов распустить, а казну разграбить (ДАИ. 1867. Т. X, № 78-X: 357).

Если поблизости не было укрепленных самой природой мест, то чукчи при необходимости использовали полевые укрепления. Такое случалось нечасто, главным образом тогда, когда нельзя было откочевать по снежному покрову или когда, наоборот, они шли походом (Стибнев 1869: 15). Причем и для этого укрепления выбирали место лучше защищенное, возвышенное (Меновщиков 1985. № 127: 310). При угрозе нападения чукчи обносили стойбище забором из связанных между собою нарт, обсыпая их землей и покрывая шкурами. Вот как описывают сотники анадырской команды такое укрепление (июнь 1731), говоря, что казаки дошли до «острожку, который был построен из их езжалых аргышных [грузовых. — *А. Н.*] санок и моржовой кожи и обсыпан камнем, кочками и песком, кругом увязан ремнями, и в том острожке было юрт до осьми» (КПЦ. 1935. № 59: 159). К сожалению, анализируемый документ не сообщает о штурме казаками этого укрепления, кратко говоря, «кои [яранги. — *А. И.*] разорили и сожгли». Таким образом, перед нами своеобразный «санебург», сделанный из подручных средств — стоящих, по-видимому, вертикально и связанных между собой нарт, которые для прочности присыпали камнями и дерном. Хотя может показаться, что для возведения подобного укрепления потребовалось бы слишком много нарт, примерно несколько сот (по моим подсчетам, примерно 500, ведь диаметр одной яранги был порядка 10 м), однако вспомним, что у каждой семьи было множество нарт различного вида. Так, капитан И. Биллингс упоминает, что при перекочевке (1791) кладь от двух яранг заняла у

⁴ Отметим, что коряки были более искусны по части осады русских острогов. Так, в 1745 г. они сначала попытались атаковать Акланский острог, но, потерпев неудачу, осаждали его пять месяцев (Окунь 1935а: 51).

чукчей 126 нарт (Этнографические материалы... 1978: 55). Возможно, подобное укрепление произошло из простого загона для оленей в форме полукруга, который делался из поставленных вертикально ездовых нарт с грузом и был предназначен для отлова из стада упряжных и жертвенных оленей (Орловский 1928: 65–66; Антропова 1947: 65; 1957: 224–225; Архинчеев 1957: 61; Кузнецова 1957: 294). Менее вероятно, что такое укрепление произошло из обычая обставлять ярангу связанными друг с другом нартами для придания ей устойчивости на ветру (Богораз 1991: 103, ПО). Естественно, при снятии угрозы нападения на стойбище данный забор разбирался. Следовательно, это укрепление нужно расценивать как временное полевое. Подобное укрепление было присуще не только чукчам, его применяли и оленные коряки (Богораз 1934: 171; Тан-Богораз 1979: 28).

Если чукчи неожиданно встречали в пути более сильного противника, то они могли просто составить из нескольких нарт своеобразную стенку, из-за которой оборонялись, стреляя из лука (Богораз 1900. № 15: 92). Это уже чисто полевое укрепление.

Итак, мы видим, что у оленных чукчей, как и у кочевников вообще, фортификационные навыки не были развиты. Военные действия были маневренными, рассчитанными на внезапность, даже несмотря на традицию объявления войны. Применялись только временные убежища, как природные, так и искусственные, ведь военные действия не были рассчитаны на долгосрочную осаду или оборону — сами суровые природные условия, нехватка продовольствия препятствовали этому. Убежища строились только в случае непосредственной угрозы со стороны врагов. Для их возведения использовался не какой-то специальный материал, а подручные средства: нарты, шкуры, камни, дерн. Само же стойбище вместе со стадами старались увести на это время в безопасное место. Из убежища предпочитали обороняться, когда у врагов было подавляющее численное превосходство, в противном случае этос требовал встретить врага в поле. Оборону вели с помощью стрельбы из лука из-за укрепления, старались нанести большой урон противнику и заставить его отступить. Главным способом овладения укреплением был штурм, который или велся по всему периметру укрепления, или направлялся на наиболее уязвимый участок обороны. Никаких специальных осадных орудий или оружия не существовало. Их недостаток компенсировался обилием различных хитростей во время осад. После ухода противника укрепление демонтировалось. Встреча с русскими, обладавшими огнестрельным оружием, наложила на осадное дело чукчей определенный отпечаток. В частности, стали использовать осадные щиты. Однако в целом осада и оборона у чукчей была схожа со способами, применяемыми соседними народами

(эскимосы, коряки, юагиры, а также ительмены), даже каких-то особых черт, присущих одним только оленным чукчам, нельзя выделить — разница была лишь в их комбинациях и распространении. Естественно, в наибольшей степени схожесть осадного дела наблюдалась у соседей-врагов, коряков и оленных чукчей.

Осада и оборона у оседлых чукчей и азиатских эскимосов

Поскольку приморские чукчи заимствовали практически всю свою материальную культуру от эскимосов, то целесообразно и фортификацию обоих азиатских этносов рассматривать вместе. Искусство фортификации не было особо развито у приморских жителей, хотя и стояло на более высоком уровне, чем у кочевников, но все же оседлые жители подчас создавали стационарные укрепления. Стратегия также не была рассчитана на долговременную осаду. Нападения можно было ожидать как с суши, откуда, в основном зимой, приходили отряды чукчей, коряков или русских, так и с моря, где летом появлялись либо казаки на своих стругах, либо на байдарках враждующие с поселком местные жители. Нападающие же рассчитывали на неожиданность своего появления и молниеносность атаки, поэтому высадившиеся на берег и нападали на селения обычно на рассвете, в утреннем тумане (Меновщиков 1985 №:133: 326). Для нападения могли специально выбирать время, когда основная часть мужчин была на охоте и, соответственно, в поселках защитников не было (Бабошина 1958. № 67: 166).

Уже само поселение строилось на удобном месте: на возвышенности, на выступающем в океан мысу, с которого легче было обороняться, обнаружив подход врага, и, с другой стороны, удобнее разглядеть добычу в море (ср.: Бахтин 2000: 124). Тут компактно и размещались жилища (Коцебу 1948: 98; Бабошина 1958. № 67: 166; Мерк 1978: 106; ср.: Нордквист 1880: 97-103; Богораз 1909: 178; Меновщиков 1985. № 133: 326). Кроме того, для самих полуземлянок, по возможности, выбиралось укрепленное природой место (Меновщиков 1959: 25; Мерк 1978: 106; Орлова 1941: 210). Как отмечает А. Е. Норденшельд (1936: 305), яранги часто располагались «на узких перешейках, отделяющих прибрежные лагуны от моря» (Словцов 1869: 28). По наблюдениям И. И. Крупника (1989: 35—40), эскимосское селение обычно располагалось на удобном для морской охоты месте — галечной косе, отделявшей море от лагуны, рядом со скалистым мысом. Подобное расположение предназначалось также для обороны

как от нападающих с суши, так и от пришедших на байдарках. Летние же палатки в начале XX в. находились у самого моря (см.: Богданович 1901: Табл. III; XIV). Причем даже если человек опасался своих односельчан, то он устанавливал свое жилище на возвышенности (Айвангу 1985: 58).

Для защиты от нападения со стороны моря байдары ставили на берегу в линию, а за ними клали оружие, возводя, таким образом, некий вид укрепления (Коцебу 1948: 100). При угрозе со стороны чужеземцев часовые стояли и у готовых к спуску на воду байдар, и у яранг, наблюдая за действиями чужеземцев, прибывших в селение (Лазарев 1950: 203).

При непосредственной угрозе нападения эскимосы сооружали и/или ремонтировали крепости (Меновщиков 1985. № 132: 321—322), а на возвышенностях с той стороны, откуда ожидалось нападение, расставляли часовых (Меновщиков 1985. № 127: 307; № 132: 322—323). На близлежащей возвышенности возводили крепость, где при нападении врага могло укрыться все население поселка. Наиболее простой и, соответственно, быстро сооружаемый вид укрепления состоял из стен, сделанных из натянутых моржовых шкур, в которых копьем прокалывали небольшие бойницы (Меновщиков 1985. № 132: 323). В показаниях «чукотской девки Иттени», американской эскимоски, об устройстве подобного укрепления отмечается: «...а как узнают о неприятеле, то защиту делают противу жила из нерпечьих кож» (1763 г.; КПЦ. № 72: 187). Хотя речь идет о жителях Аляски, но тип укрепления тот же (Burch 1974: 8; 1998: 104, 228; Malaurie 1974: 145; Sheppard 2002: 9).

С целью затруднить подходы к жилью на дороге, по которой, как предполагали, пойдут враги, могли устанавливать колышки, ранившие их ноги (Козлов 1956: 62; Меновщиков 1988. № 96: 221; Митлянская, Карахан 1987: 109; ср.: Шнирельман 1994: 107 (эскимосы)). Вероятно, это было эскимосское приспособление, которое активно применяли на Аляске, где группы колышков из костей карибу и китового уса втыкались в подходящих для заманивания врага местах (Burch 1974: 8; 1998: 93). Похожее приспособление чукчи употребляли на медвежьей охоте, где оно представляло собой деревянную пластину с четырьмя шипами (Богораз 1991: 80. Рис. 51Б).

Существовали и более капитальные стационарные каменные крепости (по-эскимосски *умкы*), которые служили временными убежищами для жителей поселка (Богораз 1900. № 146: 389; ср.: № 128: 332—333). Крепость науканских эскимосов была сложена из камней, высотой она была чуть более роста человека. В стене имелись два вида бойниц: узкие щели для стрельбы из лука и большие для сброса камней. Вход закрывался загородкой из

и каменной плитой (Меновщиков 1987: 171, примеч. 3). На горе Сенлук, между Науканом и Уэленом, на высоте более 50 м на седловине расположена площадка 55—60 на 105—110 шагов, она обнесена с двух не защищенных обрывами сторон сложенными из местных камней без раствора стенами, шириной 1,5—2,0 м и высотой в настоящей сохранности около 1 м. На этой площадке располагались семь полуземлянок и несколько круглых жилищ (Диков 1958: 41; 1977: 173). Как отмечала Е. П. Орлова (1941: 210), еще в 1931 г. именно жители Наукана обкладывали свои дома почти до крыши камнем-плитняком (ср.: Обручев 1933: 162; Митлянская, Карахан 1987: 56—57)⁵. А в Наукане мы находим своеобразные круглые жилища диаметром 7 м, сложенные из двух рядов камней (Членов 1988: 72). Подобные сооружения в форме разомкнутого круга из сложенных камней мы видим и на гравировке клыков, выполненных жителями Чукотки (Антропова 1957: Рис. 34; Широков 1968: Рис. 7).

Во внутренней части мыса Чаплина в трех километрах от остатков эскимосского селения Униырамкыт на высокой сопке Гуйгунгу также сохранилось подобное укрепление, примерно датируемое XVIII в. Оно представляет собой плоскую площадку овальной формы шириной 20—50 м и длиной 70 м, обложенную сплошной стеной высотой 1,0—1,5 м из необработанных камней со входом с западной стороны. В центре укрепления на небольшой естественной возвышенности имеется «донжон», невысокая круглая башня (Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 72—74. Рис. 61).

Стена эскимосского укрепления на высокой сопке Гуйгунгу.

Мыс Чаплина. Воспроизведено по: Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 73, рис 61

⁵ Оседлые коряки обкладывали камнем свои летние жилища, по словам Я. И. Линденау (1983: 108), для защиты от зверей.

Другой вид укреплений сохранился на том же мысе Чаплина на вершине невысокой сопки Рыгнахпак. В настоящее время укрепление не представляет собой единого целого, оно состоит из серии отдельных уголков-ячеек, выложенных из необработанного камня, и переходит на юго западе в окоп. Неясно, соединялись ли эти уголки стенами из шкуры и была ли это сплошная крепость. Посередине сооружения, на вершине гребня скалы, находилась невысокая круглая башня из камней. Из данного укрепления хорошо просматривались окрестности, как предполагают, оно служило для наблюдений (Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 72). Однако для того чтобы выслеживать врага, строить укрепления не обязательно. Более вероятно, что оно служило местом обороны, ведь даже если не было сплошных стен, то из-за уголков можно было вести перекрестный огонь по врагу и тем самым не допустить его к укреплению. Башня же была последним оплотом обороняющихся.

Стрелковая ячейка из необработанных камней укрепления на вершине невысокой сопки Рыгнахпак.

Эскимосы, мыс Чаплина на юго-востоке Чукотского полуострова.
Воспроизведено по: Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 73, рис. 60

Укрепления на мысе Чаплина располагались около долин рек и, таким образом, служили препятствием для входа и выхода с побережья в центральные части полуострова (Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 74). Вероятно, эти укрепления были возведены не против казаков, которые пользовались осадными щитами и тем самым могли быстро взять такую крепость, а против местных противников.

Свои укрепления чукчи и эскимосы, в отличие от оседлых коряков и ительменов, не обносили рвом. Это, по-видимому, объяснялось тем, что слой фунта, поддающийся выемке наверх, составлял 60 см, а дальше шла мерзлота. Чукчам с их примитивными орудиями было слишком трудно вырыть глубокий ров, от неглубокого не было пользы (Овсянников 1930: 56; Богораз 1991: 112; ср.: 85).

Нападающие перед подходом к поселку высылали нескольких (чаще одного-двух) разведчиков — узнать ситуацию в поселке (Меновщиков 1985. № 132: 322—323). Если они видели, что в поселке возведена крепость, а жители готовы к обороне, то нападающие могли обойти данное поселение стороной (Меновщиков 1985. № 132: 323—324). Напасть же стремились неожиданно, естественно, это не всегда удавалось. Когда защитники обладали значительными силами, они могли выходить из укрепления на открытый бой (ср.: Меновщиков 1974. № 148: 467; 1985. № 132: 322; Бахтин 2000: 46, 201). В основном они предпочитали обороняться метательным оружием (луками и пращами), стремясь нанести большой урон нападающим и заставить их отказаться от штурма. Огонь старались вести прицельно, экономя снаряды (Меновщиков 1985. № 132: 322, 324). Наступающие же, в свою очередь, стремились захватить укрепления именно штурмом — для осады не было специальных орудий (Меновщиков 1985. № 132: 321—324). Чуть ли не единственным осадным орудием служил костяной, а позднее железный крюк, закрепленный на длинном ремне, для влезания наверх (Козлов 1956: 132; ср.: Санги 1985: 314, 360; также ср.: у эвенков железные и костяные крюки служили для «разволачивания» зимовья (ДАИ. 1848. Т. III, № 87: 324)). Штурмовали каменное укрепление преимущественно в том месте, где был вход: во-первых, потому что тут был подход, а во-вторых, потому что вход был наиболее слабым местом крепости (Меновщиков 1987. № 26: 168—170). Эскимосы также привязывали к наиболее уязвимым местам обороны, куда, скорее всего, должны были наступать враги, сани, снабженные острыми кольями и утяжеленные для скорости и натиска камнями (Меновщиков 1985. № 132: 322). Если крепость была взята, то защитники и их семьи, выскочив из крепости, пытались спастись бегством от преследующих их врагов (Меновщиков 1985. № 132: 322—323).

Для обороны использовали разного рода хитрости. На о. Ыттыгран в проливе Сенявина обнаружено более сотни стоящих каменных стел высотой 0,8—1,3 м, которые, согласно устной традиции, должны были показаться приближающимся врагам войском, готовым к обороне (Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 57. Рис. 52). Подобное объяснение назначения стел можно было бы посчитать поздним восприятием этих артефактов, если

бы не параллели с Аляски, где эскимосы выставляли на видных местах кучи камней в рост человека, одетые в парки, нападающим они должны были показаться часовыми (Burch 1998: 119; Sheppard 2002: 6, 11).

Если жители заранее знали о приближении противника, но были не в состоянии противостоять ему, то одним из способов спасения было бегство (Дивин 1971: 82), и не только в глубь территории, но и в море на байдарках. Так, в августе 1745 г. чукчи, на которых напали служилые, собрали свои яранги, сложили имущество в 30 байдар и ушли в море (КПЦ. № 63: 165). Естественно, для этого потребовалось время: к примеру, ярангу складывали за пару часов. Следовательно, для чукчей нападение не было неожиданным, о нем знали заранее. Впрочем, возможно, речь шла об оленних чукчах, пришедших на промысел. Другим способом избежать встречи с воинственным врагом было простое бегство в различные убежища (Словцов 1856: 20). В сказании о Виютку упоминается даже, что мужчины ушли в поход, бросив свои семьи дома, по существу, на добычу врагам, возможно в надежде, что неприятели не убьют их, но возьмут в плен, а потом они отобьют или обменяют пленных (Меновщиков 1987. № 127: 308; ср.: Сергеева 1962: 93).

Если эскимосы были наступающей стороной, то вражеский лагерь они брали штурмом, сначала произведя ураганный обстрел его из пращей и луков, а затем мгновенно врываясь туда с оружием ближнего боя (Меновщиков 1985. № 127: 310), — обычная тактика полевого боя.

Как пишет В. Г. Богораз, азиатские эскимосы в качестве полевого укрепления строили крепостцу из снежных глыб, залитых для прочности водой (Тан-Богораз 1979: 28), однако стационарные, обложенные снегом жилища в регионе строили только кереки (Богораз 1991: 117)⁶. Аляскинские эскимосы, у которых, в отличие от обитателей Чукотки, был лес, строили полевой лагерь из сваленных деревьев (Rasmussen 1952: 67).

В целом можно сказать, что оседлые чукчи и эскимосы, имеющие определенные навыки по строительству стационарных жилищ, применяли свое умение и для возведения постоянных фортификационных сооружений. Последние, как и у оленних чукчей, возводились и ремонтировались обычно в случае непосредственной опасности. Укрепления располагались на возвышенностях, господствующих над окружающей местностью, в чем, к примеру, было отличие от ительменов, которые устанавливали свои поселения в низине. Само укрепление было простым убежищем, где жители старались переждать налет, поскольку по-

⁶ Корякские дети также в качестве забавы могли строить ледяное жилище, поливая снег водой (Кеккетын, Стебницкий 1935: 21).

следний был, как правило, кратковременным. В отличие от коряков и ительменов, жители Чукотского побережья в историческое время не практиковали прокладывание рвов и возведение частоколов, что объясняется нехваткой строительного материала (Богораз 1991: 117), да и население было немногочисленным, неспособным возводить величественные монументальные постройки.

ВОЙНА НА МОРЕ

Как известно, приморские оседлые чукчи заимствовали многие элементы своей материальной культуры от азиатских эскимосов. Это утверждение, в первую очередь, касается элементов, связанных с морским промыслом. Поэтому морское дело обоих соседних этносов было практически идентичным и рассматривать его надо вместе. Известные нам по источникам хронологические рамки ведения чукчами военных действий на воде — это, с одной стороны, вторая половина XVII в., когда появились первые документальные свидетельства о чукчах, а с другой — середина XIX в., когда еще происходили набеги чукчей на эскимосов островов Берингова пролива и Аляски.

Обычай требовал, чтобы зимой передвигались на нартах, а летом на байдарках (Богораз 1939: 164). В летний период, когда лед, сковывавший Берингов пролив, таял, приморские оседлые жители то торговали, то воевали с эскимосами островов Берингова пролива и Аляски. Доктор К. Г. Мерк (1978: 121) конкретно называет цель походов: «Ради... грабежа переезжают оседлые чукчи на своих байдарках в Америку, нападают на стойбища...» Якутский служилый человек П. Попов рассказывает (1711): «...и из давних де лет и по ныне у них, носовых чюкоч, с теми островными людьми [с о. Св. Лаврентия] меж собою немирно, ходят друг на друга боем; а бой де у тех островных людей лучной и у чюкоч такой же» (КПЦ. № 57: 157). Даже если непогода заносила азиатов на остров, они сражались с местными жителями как враги (Krupnik, Krutak 2002: 220-221).

В конце XVIII в., когда война с коряками уже закончилась, набеги на Аляску производились почти ежегодно. Так, американские эскимосы в начале 1790-х гг. жаловались русским, что чукчи, «почти ежегодно на байдарках приходя на их землю, истребляют их убийством, имение их грабят, а жен и детей берут в плен» (Словцов 1856: 20; ср.: Burch 1998: 225; ср.: Швайтцер, Го-

ловко 2002: 30; Sheppard 2002: 12). В этих набегах участвовали не только оседлые чукчи и азиатские эскимосы, обладавшие средствами для передвижения по воде, но и их кочевые сородичи, которые не были заправскими мореплавателями. Впрочем, оленеводы, жившие вблизи побережья, имели байдары. Документ XVIII в. подробно рисует сотрудничество чукчей: «Оленные чукчи к сидячим чукчам на оленях приезжают и в зимние походы на коряк поднимают тех сидячих на своих оленях, а, напротив того, сидячие чукчи оленных носовых и в дальних от моря местах в тундреных живущих летом возят их на своих байдарках по морю и по реке и дают им во взаимное дружество свои байдары, а от них оленных вместо байдар своих берут на платье себе разного звания кожи оленей» (Вдовин 1965: 41). Причем если оседлые не желали идти в поход вместе с кочевыми, их, по свидетельству Я. И. Линденау (1740-е гг.), могли принуждать силой (Андреев 1940: 156). Обычай гостеприимства был достаточно развит в отношениях между оседлыми и кочевыми соплеменниками. Это, в первую очередь, диктовалось необходимостью обмена между данными группами населения. Каждый оседлый имел одного или нескольких друзей у кочевников. Они ездили друг к другу в гости и одаривали друг друга предметами своих промыслов (Беретти 1929: 16–17; Крупник 2000: 224).

Флотилия обычно состояла из незначительного количества лодок. Так, в 1791 г. для торговли, могущей в любой момент перерасти в столкновение, оседлые чукчи снарядили 10 байдар (Этнографические материалы... 1978: 162; ср.: Мерк 1978: 121). С таким же количеством байдар было совершено нападение на казаков на Анадыре в 1661 г. (Белов 1952. № 102: 269). Миссионер А. Аргентов (1857а: 37; 1886: 30–31) упоминает, что в экспедицию на Аляску отправилось 70 человек, то есть примерно семь байдар. По преданию, Туксрук на Сьюарте атаковали три байдары сибирян (Sheppard 2002: 9). Эскимосы с острова Азияк (Sledge Island, к юго-западу от полуострова Сьюарт) еще в первой трети XIX в. отправлялись для торговли к устью р. Кускоквим на Аляску в полном вооружении также на десяти байдарках (около сотни человек) (Врангель 1835: 610). Следовательно, достаточно типичной была флотилия из десяти байдар, на которых находилось около сотни человек, этого, по-видимому, было достаточно для ведения боевых действий и обычного внезапного нападения. Если предполагалось, что враг будет оказывать сопротивление, то количество байдар увеличивалось. Так, летом 1755 г. на переговоры с русскими в Красном Яру прибыло 25 байдар с 300 «пешими чукчами» (Алексеев 1961: 19). Сотник И. Кобелев в 1789 г. упоминает о существовании в более ранние времена и огромных флотилий, насчитывавших около сотни байдар (более

800 человек), которые направлялись на Аляску (Вдовин 1944: 262; 1950: 96; 1965: 34, 93; Malaurie 1974: 140). В 1763 г. на переговоры с Ф. Х. Плениснером, командиром Охотского порта, на реку Красная (правый приток Анадыря) прибыло более 60 походных байдар по 20—25 человек в каждой, то есть 1200—1500 человек (Вдовин 1959: 42). Поскольку мирные отношения еще не были установлены, чукчи опасались нападения и для этого прислали целую «флотилию», которая в случае надобности вступила бы в бой. Эти страхи не были пустыми, ведь, например, сотник Шепицин, пригласив чукчей на обед, даваемый им на льду Анадыря, утопил пришедших гостей в проруби (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583 об.).

Плавание во время набега могло продолжаться достаточно долго. Так, один из маршрутов, по сообщению эскимоса из Уэльса (1974), был следующим: флотилия азиатов сначала отправлялась на о. Диоида (3 часа), затем за 3 часа doplывала до Уэльса, после чего байдары целый день шли около побережья до Теллера (полуостров Сьюард) и за день прибывала в Марис Иглу (Marys Igloo) на том же полуострове, где 1—2 дня уходило на выжидание удобного для нападения времени (Malaurie 1974: 140; ср.: Шнирельман 1994: 105). Следовательно, флотилия проделывала более 250 км (Sheppard 2002: 1). Согласно же показаниям чукчей середины XVIII в., путь на байдарках с Чукотского Носа в Америку занимал три дня с двумя остановками на островах (Белов 1954: 182, 183).

Ход самого налета описывает миссионер А. Аргентов (1857а: 37; 1886: 30—31), которому, в свою очередь, об этом рассказали чукчи: «Движимые чувством мщения за какие-то старые обиды и имея в виду корысть, чукчи задумали сделать набег. Это было в 1840 году. В числе 70-ти человек пристали они к какому-то острову в туманную ночь; первым делом их было продырявить у туземцев байдары, затем они врасплох напали на сонных обитателей и многих перекололи. Испуганные гамом нападающих и отчаянными воплями своих, оставшиеся в живых кинулись было спастись в своих байдарках: оттолкнулись на море и перетонули. Все годные женщины и дети взяты в плен, а хилые, хворые, увеченные и престарелые убиты без остатка. „Для чего их жалких оставлять на мученье!“ — прибавил рассказчик».

Таким образом, причиной этого набега, по-видимому одного из последних, являлась кровная месть, соединенная с желанием захватить добычу. Нападающие, чтобы не быть замеченными, причалили к берегу ночью, когда жители спали, дозоров,

¹ Удобно было плыть из Уэлена — восточной точки Чукотки, откуда направлялись на торговлю с эскимосами Аляски (Нейман 1877. № 3—4: 87; ср.: Гондатти 1898: 17).

очевидно, эскимосы специально не выставляли — непосредственной угрозы нападения не было — и врагов не заметили. Чукчи обычно стремились нападать внезапно, чтобы не дать противнику подготовиться к бою и не понести при этом значительные потери. В частности, для неожиданного нападения умело использовали туман, скрывавший нападение (Богораз 1934: 175; Меновщиков 1974. № 83: 294).

Байдары жителей лежали на берегу, и чукчи порезали их обшивки, чтобы враги не могли бежать в море (ср.: Дьячков 1893: 43; Новикова 1987: 106; Крейнович 1979: 187 (эвены разрезали днища корякских байдар)). Ведь одним из способов спасения от нападавших было не бегство в глубь острова, обычно небольшого, а выход на байдаре в море. Так, в августе 1745 г. «чукчи», на которых напал отряд сотника С. Кривогорницына, собирали свои яранги, сложили их имущество в 30 байдар и ушли в море (КПЦ. № 63: 165; ср.: Кашеваров 1840: 142; Меновщиков 1988. № 126: 298).

При нападении, описанном А. Аргентовым, организованного сопротивления не было, жители, не ожидавшие врага, в панике стали спасаться бегством, столкнули байдары в море, а когда в лодки набралась вода, утонули. Чукчи взяли в плен женщин и детей, а мужчин и стариков, по своему обычаю, перебили. Ведь, по их представлениям, убитый прямо уходит в лучшую жизнь (Зеленин 1937: 48—56). Следовательно, по мнению чукчей, убивая этих людей, они избавляют их от земных страданий. Нападение, о котором рассказал миссионер, является типичной атакой, какие производили жители Чукотки на островных и аляскинских эскимосов. Из других источников известны и другие подробности морской войны.

Существовала и определенная тактика высадки. Так, флот разделялся при подходе к поселению врага, большая его часть скрытно приставала к берегу, тогда как меньшая прямо направлялась к «пристани», отвлекая на себя противника. Неожиданное нападение высадившейся партии с тыла решало исход дела (Богораз 1934: 175; Меновщиков 1985. № 133: 326—327). Высадка могла происходить и не прямо около поселения врага, а на некотором расстоянии от него, чтобы жители не сразу узнали о ней, а приплывшие могли отдохнуть от гребли (Меновщиков 1985. № 127: 309)². Нападающие на байдарках, когда их замечали с берега, прекращали греблю и, остановившись на безопасном расстоянии, готовились к бою: брали оружие, надевали доспехи. Как мы

² Ср.: алеуты с Лисьих островов, решив напасть на эскимосов о. Кадьяк, приплыли вместе с женщинами на четырех байдарках и высадились, назначив нападение на утро, однако эскимосы, узнав об этом, ночью перебили беспечных врагов (незадолго до 1783 г.; Давыдов 1810. Ч. II: 108).

помним, эта традиция сохранилась и в торговых отношениях чукчей с эскимосами, у которых вооруженное столкновение могло случиться в любой момент.

Обороняющиеся сами, ожидая нападения с моря или заметив врага, старались разведать силы противника и подготовиться к отражению нападения. При приближении европейских кораблей эскимосы высылали навстречу свои байдары, чтобы выяснить намерение прибывших и, в случае опасности, принять бой (Коцебу 1948: 81; 82). В 1816 г. эскимосы залива Шишмарева (северо-запад Аляски) выслали двух разведчиков на каяках, которые подали знак, стреляя в сторону своих жилищ из луков (Коцебу 1948: 81; ср.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 19: 83. § 27—29 (оседлые коряки)). Другим еще более простым методом повести переговоры с чужеземцами и выведать их намерение являлась в летнее время посылка к ним человека (естественно, за отсутствием специального плавательного костюма, голого), который на двух пузырях-поплавках, сделанных из надутых нерпичьих шкур и связанных между собой, подплывал к их судну, как это было в 1732 г. с ботом «Гавриил» (Полонский 1850: 402; Соколов 1851: 105; Ефимов 1948: 236; Федорова 1984: 107; ср.: ЭБ: 64; Берх 1823: 47; Навбот 1971: 177; Сопотко 1983: 109 (эскимосы); Пасецкий 1995: 47).

Итак, заметив подплывающего неприятеля, мужчины вооружались и шли навстречу врагу. Видимо, обстрел врага из лука был обычным способом нанести ему возможно большие потери (Полонский 1850: 400; Соколов 1851: 96, 98, 107; Берг 1946: 100; Дивин 1971: 81; Меновщиков 1985. № 133: 326—327; ср.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 17: 77, § 17 (оседлые коряки)). В частности, стреляя, стремились пробить обшивку байдары, чтобы туда залилась вода и она утонула вместе с командой (Меновщиков 1985. № 56: 127). У приморских жителей при приеме опасных гостей вооруженные мужчины выходили вперед, а женщины и дети прятались за жилищами (Коцебу 1948: 96) или просто скрывались в тундру (ДАИ. 1848. Т. III, № 56: 212 (1649); ср.: Кашеваров 1845. № 190: 858, 860; № 193: 873; Словцов 1856: 20 (аляскинские эскимосы)).

Встреча врагов могла произойти и на воде. Эскимосы, готовясь к бою, наполняли байдары стрелами (Кашеваров 1840: 138; 1845. № 193: 873). Была и определенная тактика действий на море, самым простым из которых была засада и неожиданное нападение на байдару врагов. Нападение могло производиться как с суши, так и с моря (Rasmussen 1952: 57, 67; Меновщиков 1985. № 56: 126—127). Более сложная тактика морского боя представлена в сообщении поручика А. Ф. Кашеварова (1840: 137—138), который имел пять байдар и 13 человек в них. 32 таревмю-

та, вооруженные луками и копьями, на двух больших байдарках собирались напасть на эти пять иноземных байдар и слева, со стороны моря, и с тыла, чтобы не дать врагу бежать или сосредоточить свои силы на одном направлении. При сближении войны на байдарках перестреливались, стремясь поразить как можно больше врагов (Rasmussen 1952: 57, 67).

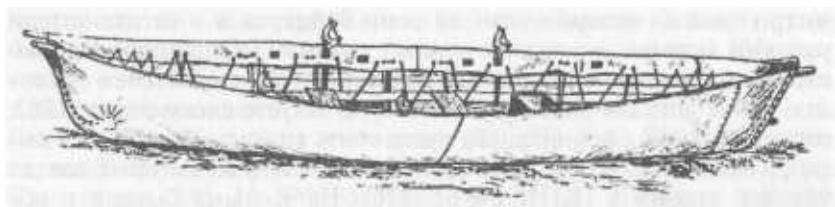
Видимо, имелись и некоторые элементы примитивного абсордажного боя. Так, О. Е. Коцебу (1948: 81—82) отмечал, что, когда две эскимосские байдары с экипажем по десять человек подошли в заливе Шишмарева к шлюпке русских, двое эскимосов из одной байдары схватили шлюпку за борт, а остальные стали грозить оружием. Возможно, подобное действие представляет собой модель настоящего боевого: одни притягивают вражескую лодку, а другие, прикрывая их, ведут интенсивный огонь по вражескому экипажу.

Использовались те же байдары и для ведения боевых действий на реке. Интересы чукчей и русских сталкивались на реке Анадырь, куда чукчи приходили летом для охоты на диких оленей, дважды в год переправлявшихся через реку — по пути на зимние и на летние пастбища (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 584; Андреев 1940: 157; Вдовин 1965: 115; Гурвич 1966: 114). Приведем некоторые примеры этой речной войны. 13 августа (по ст. ст.) 1744 г. чукчи «в байдарках и ветках» хотели «скрасть» русский караул на одном из островков реки, однако, увидев «крепость» караула, бежали, служилые же на четырех легких судах преследовали их и, догнав, вступили в бой «как на реке, так и по берегам». В полон были взяты 22 человека — женщины и дети (КПЦ. № 63: 165). В августе 1751 г. ситуация повторилась: на Анадыре за три часа до вечера чукчи на семи байдарках и в ветках хотели русский «караул скрасть и незапно учинить нападение». Однако стража их заметила, служилые погнались за неприятелем на судах, но не догнали (КПЦ. № 67: 175). В августе следующего, 1752, года россияне на одиннадцати судах опять гнались 80 верст (85 км) по р. Красная за чукокскими байдарками, часть из которых все же удалось захватить (КПЦ. № 68: 176). На Колыме бывали и обратные явления: чукчи бросались преследовать русских по реке, вскочив на баркасы, которые оказывались со скрытыми пробойнами, из-за чего они и тонули (Ольксандрович 1884. № 11: 296; ср.: Богораз 1902. № 6: 164). Вообще преследование на байдарках уплывающего врага было обычным явлением для приморских жителей (Полонский 1850: 399; Соколов 1851: 95—96; ср.: Кашеваров 1840: 141).

Вспарывание кожаной обшивки байдар применялось и при «водолазной» войне: человек, обычно беглец, сдерживая дыхание, опускался под воду и разрезал обшивку, после чего байдарка

шла ко дну вместе с не умеющим плавать экипажем (Козлов 1956: 65; ср.: Богораз 1902. № 6: 164; Меновщиков 1988. № 195: 399 (канадские эскимосы); Burch 1998: 229; Sheppard 2002: 9 (алюсские эскимосы)). Впрочем, вероятно, такой способ борьбы с лодками противника не применялся часто: он был рискован и для водолаза, ведь чукчи и эскимосы, как правило, не умели плавать и вообще считали воду средой обитания кэле (Семусикин 1938: 127).

Если плыть было нельзя, то байдары переносили на руках. Как отмечает Б. Кузнецкий (КПЦ. № 70: 182), идут «в сухих местах пешком и байдары переносят на руках». Большую байдару, рассчитанную на 30 человек, без особых усилий несли четверо мужчин (Норденшельд 1936: 307). В частности, через узкую косу байдару, разгрузив, перетаскивали на плечах, а против течения ее просто тянули длинной бечевкой (Богораз 1991: 67—69). Вверх по течению байдары тянули олени (Дитмар 1856: 34). По прибытии в нужное место делали своеобразное укрытие: байдару вытаскивали на берег, переворачивали набок и подпирали веслами, получая при этом крышу (Аргентов 1887. № 3: 44; Галкин 1929: 37; Леонтьев 1965: 68; Ray 1975: ill. between p. 176—177; Меновщиков 1987. № 31: 214; Burch 1998: 223; Крупник 2000: 233; Sheppard 2002: 6). Очевидно, это был типичный охотничий способ, применявшийся на промыслах (Калачов 1871: 43). Кроме того, в таких случаях могли устанавливать и палатки (Меновщиков 1985. № 127: 309) или даже просто спать в байдаре (Меновщиков 1988 № 34: 169). На перевале ночью в опасной зоне один из восьми членов экипажа был часовым (Меновщиков 1988. № 99: 232).

Байдара азиатских эскимосов, рассчитанная на экипаж из восьми человек (втор. четв. XX в.).

Воспроизведено по: Рубцова 1954: 542, рис. 41

Итак, как видим, у чукчей и азиатских эскимосов не было специальных боевых кораблей, те же байдары использовались и в военное, и в мирное время. Естественно, они применялись лишь для переброски сил, а не для морских сражений. Во время операций на воде чукчи использовали обычную тактику неожиданного нападения на русских, которые в открытом бою со своим огнестрельным оружием были все же сильнее их. Внезапность

помогала чаще при нападении на местных жителей, которые составляли караулы только при непосредственной угрозе нападения. Одна из первых задач при нападении на русских состояла в том, чтобы снять караул. При этом, скорее всего, чукчи использовали свои охотничьи навыки, ведь, например, во время охоты на каяке они незаметно подплывали к лежащему на плавающей льдине морскому зверю и поражали его (Беретти 1929: 60). Однако караул обычно не спал и подавал сигнал тревоги. После неудачного начала предприятия чукчи обращались в бегство, русские их преследовали. Начиналась гонка на веслах. Вероятно, при непосредственной угрозе захвата русскими байдары экипаж направлялся к берегу, чтобы спастись бегством или сразиться на земле. С байдар, которые не успели причалить, воины также отстреливались. Отсюда и возникло сухопутно-морское сражение на Анадыре в августе 1744 г. — оно отнюдь не планировалось таковым. Когда удавалось догнать чукотские байдары, мужчин убивали, а сами лодки вместе с женщинами, детьми и имуществом захватывали. Отметим, что чукчи и тут не изменяли своим обычаям и возили с собой семьи.

В целом еще рано говорить о каком-то развитом военноморском искусстве, существовали лишь определенные навыки, применяемые и на охоте, и на войне. Причем определенной специализации между экипажем байдары и воинами обычно не существовало: и гребцы и «десантники» одинаково были воинами. Как и в войне на суше, чукчи в морских экспедициях прекрасно использовали природные условия, выбирали удобное для внезапного нападения время суток, что при небольшой численности отряда позволяло избежать лишних потерь. После же высадки действовали так же, как в сухопутной схватке.

КУЛЬТОВАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ

Духовная культура всегда оказывала огромное влияние на военное дело. Именно в ней заключено объяснение различных аспектов ведения войны и поведения людей во время боевых действий. Идеологические установки социума и религиозные представления должны были обеспечить благоприятные условия для ведения боевых действий, создать условия для появления у людей уверенности в победе, ведь бойцы идут на войну не для поражения, а для победы. Идеологический фактор, придание войне справедливого характера в глазах общества всегда являлись одним из условий победы. В источниках второй половины XVII—XVIII в. — периода крупных войн — сохранилось не так много информации о военной культуре чукчей, поэтому для полноты картины следует активно привлекать информацию более позднего времени — XIX—начала XX в., а также фольклорные материалы.

Мировоззрение. Чукчи, несмотря на резкое различие кочевых и оседлых, обладали явной самоидентификацией, ощущением себя единым этносом, *лыоравэ́тлан* — «настоящими людьми», отличными от остальных, говорящих на других языках. Идея национального превосходства также не была чужда чукчам, которые считали себя выше соседних народов, пожалуй, за исключением русских. Будучи лидирующим этносом в регионе, чукчи не учили языков окрестных народов, наоборот, последние, если была необходимость, изучали язык чукчей (Богораз 1909: 183; Беликов 1927: 116). Очевидно, осознание себя в качестве единого этноса было вызвано внутренней консолидацией, связанной с постоянными внешними войнами XVIII в. В более раннее время и между чукотскими «общинами» существовала вражда (Мерк 1978: 99; Бабошина 1958. № 87: 213—214). Даже позднее, в XIX в., олениводы с подозрением относились к чукчам «носовым» и живущим

на правом берегу Анадыря тельпекским (Мушкин 1853. № 82: 844; Дионисий 1884: 151-152; Богораз 1934: 175-176).

Можно отметить, что эскимосы вообще рассматривали каждого незнакомого странника, пришедшего на их землю, как потенциального врага и обычно его убивали или, по крайней мере, старались убить (Меновщиков 1985. № 133: 324—326; 1988. № 99: 232; Burch 1998: 45-46; Krupnik, Krutak 2002: 220; ср.: Богораз 1934: 174; Воскобойников, Меновщиков 1959: 425). Вероятно, они боялись, что пришедший мог быть злым духом или, по крайней мере, привести его с собой (Меновщиков 1985. № 133: 325; ср.: Мушкин 1853. № 83: 853; Богораз 1939: 69; Козлов 1956: 23; Вдовин 1976: 249-251).

Но вернемся к чукчам. Со своими соплеменниками они предпочитали не сражаться, а решать спор менее кровопролитным путем, например, с помощью поединка (Богораз 1900. № 132: 337; 1934: 3—4; Лебедев, Симченко 1983: 13; ср.: Винокуров 1890. № 6: 88; Олсуфьев 1896: 90; Гондatti 1897a: 177; Меновщиков 1985. № 127: 307). Вместе с тем, людей, выводивших социальный организм из равновесия, обычно юношей, одержимых честолюбивыми замыслами, рассматривали с негативной точки зрения, их даже старались уничтожить (Козлов 1956: 60; Лебедев, Симченко 1983: 106; ср.: Богораз 1934: 180). Особенно это касалось принятых в семью детей врагов, которые, повзрослев и возмужав, считались потенциальной угрозой коллективу (Козлов 1956: 19—20; 23-24; Бахтин 2000: 229-231).

Немаловажным фактором, способствовавшим доблестным, с чукотской точки зрения, деяниям, было общественное мнение и стремление оставить о себе добрую память, которая сохранялась позднее в виде фольклорных сказаний. Вероятно, у чукчей существовало также песенное прославление подвигов предков (Бабошина 1958. № 103: 250-251; Вдовин 1970: 23). Ведь славные деяния предков служили образцами для подражания (Вдовин 1977: 136—137)¹. Подобный жанр исторических песен был особенно характерен для бесписьменных народов, которые тем самым сохраняли свою историю.

Своеобразной чертой психологии чукчей был фатализм, пренебрежение к собственной жизни. Чукча мог покончить жизнь самоубийством даже с досады, не говоря уже о перенесенном позоре (ср.: Меновщиков 1988. № 131: 297). Очевидно, это связано с религиозными представлениями, с верой в загробный мир, как верхний, так и нижний, а также в переселение душ (Богораз 1939: 32, 43—44; Гурвич 1981: 125). Как остроумно заметил И. С. Вло-

¹ Ср.: у эскимосов о. Кадьяк перед выходом в поход на собрании воинов в каждом предводителе исполнял пляску-рассказ о предках и их войнах (Гедеон 1994: 63).

вин (1976: 246), смерть, по представлению чукчей, — это своего рода переезд «на новое место жительства», где человек будет заниматься своими делами и жить вместе с умершими родичами.

Продолжение рода всегда рассматривалось чукчами как задача первостепенной важности. Женатому человеку позорно было не иметь детей, а кто имел их много, наоборот, пользовался уважением, ведь за ним в решении различных вопросов стояла его многочисленная семья (Августинович 1880: 732—733; Галкин 1929: 65). Мужчине, имеющему детей, не страшно было умирать, так как они продолжают род (ср.: Меновщиков 1988. № 59: 128; № 126: 297). В экстраординарных обстоятельствах военного времени прежде всего спасали мужчин, затем женщин и детей, поскольку взрослые, будучи спасены, нарожают новых детей, а, с другой стороны, последние не выживут без родителей. Так, при спасении бегством на нартах, когда враг гнался следом, ребенка могли снять с саней и спрятать в сугроб в надежде затем вернуться и забрать его или даже убить (КПЦ. № 64: 169; Сергеева 1962: 93 (чаплинский вариант сказания «Мальчик с луком»); Бахтин 2000: 45—48 (сиренинский); Такакава 1974: 104; ср.: Иохельсон 1997: 216). В обычное же время детей баловали и даже не наказывали. Подобное, с нашей точки зрения, жестокое обращение с детьми было характерно не только для чукчей, но и для других народов региона. Так, оленные коряки перед тем, как спастись в убежище, также могли заколоть своих детей ножом в сердце (Косвен 1962: 279—280).

Наркотическое опьянение. Участник академической экспедиции в Сибирь (1768—1774) И. Г. Георги (1777: 78) отмечал, что коряки перед походом взбадривали себя мухомором (ср.: Крашенинников 1949: 730; Берг 1946: 163—164). Вероятно, чукчи могли делать то же самое, ведь еще на рубеже XIX—XX вв. чукчи Среднего Анадыря перед охотой ели мухомор (Богораз 1991: 140). Эта традиция известна и для XVIII в., в 1754 г. казак Б. Кузнецкий сам видел, что чукки поедают мухоморы (КПЦ. № 70: 181; Бриль 1792: 371—372). Действительно, человек на войне испытывает большие перегрузки не только физические, но и психологические, и их часто пытались уменьшить или снять путем приема наркотических средств, ведь чукчи, как мы помним, сражались долго и иступленно (Мамышев 1809: 24), для чего был необходим источник энергии, в данном случае — мухомор. Гриб ели, отрывая небольшие кусочки и пережевывая их. В первой стадии опьянения человек чувствовал прилив сил, побуждавший его к пению, пляске и просто к хохоту. После трех мухоморов начинались видения (Дьячков 1893: 114—115)— это вторая стадия опьянения, у человека возникали галлюцинации, но он еще не терял связь с внешним миром, которая прекращалась на третьей

стадии опьянения. Иногда применяли и мочу человека, недавно поевшего мухоморы, она оказывала не менее сильное влияние, чем сам гриб (Богораз 1991: 139—142). Ясно, что, как и на охоте, идущие на войну должны были приводить себя в состояние более легкого опьянения, о чем и упоминает И. Г. Георги. В целом надо отметить, что употребление мухомора в качестве взбадривающего средства характерно для этносов северо-востока Сибири. Употребление мухомора после проникновения в регион русских было в значительной мере потеснено алкогольными напитками.

Военная магия. Мир, по чукотским представлениям, был населен духами, жившими семьями и часто приносящими вред людям. В качестве посредника между людьми и духами выступал шаман, который вступал с ними в контакт, ведя войну со злыми силами. Причем шаманствующие персоны, как мужчины, так и женщины, имелись практически в каждой семье (Олсуфьев 1896: 117). Сами чукчи были очень суеверны и постоянно прибегали к гаданию и к магическим действиям (ср.: М-в 1877. № 47: 386; Колымский округ. 1879. № 7: 54—55; Богораз 1939: 7, 13—15). В частности, существовали различные заклинания. В. Г. Богораз (1934: 167) отметил: «Мне рассказывали, что на войне употреблялись всевозможные заклинания, но ни одно из них не сохранилось в народной памяти». Видимо, в таких заклинаниях описывались необходимые действия в определенной последовательности (Вдовин 1977: 169).

Некоторые шаманы, можно полагать, обладали даром ясновидения (Sheppard 2002: 9). Так, про одного эскимосского шамана в Шишмареве (север полуострова Сьюард) рассказывали, что он наблюдал за переходом вражеских байдар через Берингов пролив в воде, налитой в деревянный магический тазик, благодаря чему жители успели подготовиться к отражению врагов и, встретив, перебили их (Maurie 1974: 145; Sheppard 2002: 9).

В походе участвовали также шаман или даже шаманка (Меновщиков 1988. № 31: 214). Именно в фольклоре имеются описания целей и даже способов гадания в походе, главная задача которых состояла в совете, как надо действовать (Дьячков 1893: 58; ср.: Суворов 1867а: 174; Burch 1998: 67). Путем камлания шаман указывал дорогу, когда отряд сбивался с пути (Меновщиков 1974. № 85: 303; ср.: Меновщиков 1988. № 237: 449 (поиск шаманом врагов у гренландских эскимосов)). В морских экспедициях, судя по фольклорным данным, чукчи практиковали магический вызов тумана, чтобы незаметно подплыть на байдарках к поселению врагов (Меновщиков 1974. № 83: 294). И наоборот, шаман, участвовавший в морской охоте у эскимосов, мог остановить шторм (Меновщиков 1988. № 20: 99). При бегстве от

врага практиковали вызов пурги, чтобы противник потерял след (Меновщиков 1988. № 52: 109; ср.: Беликов 1965: 167) или, к примеру, чтобы захватившие оленей враги потеряли животных во время непогоды (Меновщиков 1988. № 28: 130). Согласно сведениям, собранным Ж. Малори, именно шаман определял условия боя: благоприятно время для схватки или нет, ждать ли сур-призов от неприятеля или нет и т. д. (Maurie 1974: 146), то есть, по существу, шаман был военным жрецом. В частности, эскимосский шаман просил духа, чтобы стрелы (главное оружие эскимосов), которые попадут в бою в воина, легко вынимались (Maurie 1974: 148). Причем, несмотря на все уважение и боязнь шаманов, чукчи, если были очень недовольны их советами, могли бить их, требуя изменить решение (Александров 1872: 82).

Практиковалась и черная магия, ведь, по представлениям чукчей и эскимосов, шаман мог наслать на врага порчу, от которой можно было умереть (Шундик 1950: 139; Меновщиков 1988. № 33: 71; ср.: Гондатти 1898: 22; Богораз 1939: 152-156). И, естественно, если человек неожиданно умирал, то первым подозреваемым в колдовстве, приведшем к смерти, был недруг усопшего (Богораз 1939: 156).

У каждого человека для защиты от злых духов имелись амулеты, носимые на шее или поясе, подчас украшенном орнаментом. Часто это были грубые антропоморфные изображения предков, которые должны были охранять своих потомков (Вдовин 1979: 137, 142; ср.: Богораз 1901: 16; 1939: 49). Отправляясь в поход, брали дополнительные амулеты, например, к поясу прикрепляли кожу ласточки, ложку, железные крючки (Мерк 1978: 101; Кибер 1824: 106). Естественно, подобные амотропей носили и в бою.

Уместно тут также отметить, что чукчи, как и другие народы, верили во множество примет, которые говорили о будущем и часть которых, конечно, была связана и с военным делом. Так, считалось, что морская ласточка, рассматривавшаяся как часовой, поднимается в воздух и кричит при приближении врагов (Богораз 1934: 167).

Обряды и жертвоприношения. Судя по всему, приморские жители перед боем пели определенную песнь и выполняли специальную пляску. В своем рапорте 1741 г. геодезист М. С. Гвоздев рассказывал о том, что, когда 17 августа (по ст. ст.) 1732 г. он с командой подплывал на боте к поселку, находившемуся на Чукотском Носу, собравшиеся на возвышенности чукчи (собственно оседлые чукчи или эскимосы) «поют согласно и один у них прыгает и скачет» (Ефимов 1948: 167, 240; ср.: Полонский 1850: 399; Соколов 1851: 95). Поскольку с россиянами шла война и «чукчи» боялись нападения, то объяснить их странные, на пер-

вый взгляд, действия можно именно боевыми обрядами. В поисках аналогий можно обратиться к эскимосам Кадьяка, которые перед походом собирались в мужском доме — кажиме, где вождь плясал, а его родичи били в бубны и распевали песни о славных деяниях предков (Гедеон 1994: 62—63; ср.: Malaurie 1974: 149). У эскимосов побережья Западной Аляски также существовали специальные военные танцы, повторяющие боевые движения, исполняемые под звуки бубнов (Кашеваров 1840: 138; Burch 1974: 10, п. 7; 1998: 97; Malaurie 1974: 139; ср.: Fienup-Riordan 1994: 333; Sheppard 2002: 11). Вероятно, и в поведении «чукчей» (вероятно эскимосов), описанном М. С. Гвоздевым, следует видеть тот же обряд: предводитель исполнял какую-то специальную боевую пляску, а воины пели². Подобное пение позволяет бойцу проникнуться общим коллективным духом, настроить себя на борьбу. Значение же танца было прежде всего ритуальным, что, в свою очередь, воодушевляло воинов на бой, поднимало их боевой дух.

Немного известно и о жертвоприношениях у чукчей, связанных с военной областью. Естественно, в жертву приносили наиболее ценное, для кочевника это олени, а для оседлого — собаки. В походе перед вступлением на чужую землю приносили жертвы для успешного завершения дела (Этнографические материалы... 1978: 57—58). Как отмечает К. Мерк (1978: 121), чукчи накануне боя приносили в жертву земле нескольких оленей. В одной сказке упоминается, что два воина пожертвовали перед схваткой даже своих ездовых оленей (Меновщиков 1974. № 42: 186). Г. У. Свердруп (1930: 322) объясняет принесение жертвы именно земле тем, что с ней связаны злые духи, кэле, ведь последних боялись больше, нежели добрых (Ивановский 1890: 2; Тан-Богораз 1930: 71), и старались задобрить (Чукотская земля... 1873: 63), тогда как «духи-помощники» приходили к чукчам как из земли, так и с неба (Тан-Богораз 1930: 71). Очевидно, такая жертва духу местности не была специфическим военным жертвоприношением, ведь и в мирное время чукчи, придя на новое место, приносили оленей в жертву духу местности для получения его расположения, поскольку, по их представлениям, каждое местечко имело своего духа (Вдовин 1977: 132, 166; ср.: Богораз 18996: 29).

Во время боевых действий при неблагоприятном или непонятном стечении обстоятельств опять же олень приносился в жертву (Дьячков 1893: 133). Перед потенциально возможным столкновением устраивали жертвоприношения-гадания о том, кто первым начнет боевые действия: каждая сторона забивала оленя, и

² По мнению А. В. Ефимова (1948: 167; 1971: 229), скакал шаман (рго: Гольденберг 1984: 128).

у кого животное падало в сторону противника, тот первым и начинал войну (Меновщиков 1985. № 128: 310—311; Бахтин 2000: 225—226; ср.: Богораз 1939: 71). Вообще же хорошей приметой (при жертвоприношении духу местности) считалось, когда олень падал в ту сторону, откуда жертвующие пришли (Свербеев 1857: 15—16; Народы России. 1874. № 3: 43; Миллер 1895: 291). Плохой приметой считалось, если олень падал не на левый бок, где была нанесена рана, а также если он бился в конвульсиях (Нейман 1871. Т. I: 25; Ивановский 1890: 2; Дьячков 1893: 58).

Олень — это обычная жертва кочевых чукчей, но еще в XVIII в. приносили в жертву людей, видимо, в экстренных случаях. Так, капитан Г. С. Шишмарев (1852: 188) отметил, что в «древние времена» приносили людей обоих полов в жертву. К. Мерк (1978: 121) более конкретно рассказывал, что однажды земле принесли в жертву пленного казака. Даже позднее, в 1812 г., чукчи, пребывавшие у Чаунской губы, хотели принести в жертву земле первого чукотского миссионера Григория Слепцова, однако вмешательство «старшины» последних спасло протоиерею жизнь (Мушкин 1853. № 82: 843; Винокуров 1890. № 6: 90; Вальская 1961: 178—179). В 1814 г. на ярмарке в Островном среди чукчей распространилась эпидемия, которая с людей перекинулась и на оленей. Шаманы указали, что для прекращения гнева духов, надо принести в жертву тойона Кочена. Последний согласился, и сын убил его ножом (Врангель 1948: 182, 396; Александров 1872: 78, 85; Bush 1872: 427-428; Народы России. 1880: 12; Миллер 1895: 291).

После боя приносили благодарственные жертвы. Интересную информацию находим в сказке приморских чукчей о двух братьях, где говорится о персональном жертвоприношении: за возвращение к жизни дух предложил воину справить благодарственное жертвоприношение над вражеской упряжкой оленей и над самим врагом, в частности, над его головой, что и было сделано (Bogoras 1910: 185). Жертвы при этом приносили Кэрэткуну — повелителю морских животных, главным образом моржей, почитаемому оседлыми жителями. Стоит особо отметить роль человеческой головы, над которой в данном сюжете справлялись благодарственные обряды. У оседлых чукчей, в качестве, возможно, определенной аналогии зафиксирован культ головы моржей, белых медведей или тюленей, которые служили приношениями предкам (ДАИ. 1848. Т. III, № 24: 100; Богораз 1939: 98-99; Вдовин 1977: 165; Крупник 2000: 268—272). Череп же медведя или волка также мог служить амулетом, отпугивающим такого же живого зверя (Вдовин 1977: 148). Имеем ли мы и тут функцию, аналогичную человеческой голове, не совсем ясно. Впрочем, вспомним, что, по сибирскому преданию, чукчи хранили голову

Д. И. Павлуцкого в память об этом храбром воине (Сгибнев 1869: 34; 1869а. № 5: 59).

Следы культовой роли головы прослеживаются в приморском фольклоре. Так, в эскимосской сказке о сожительстве двоюродного брата с сестрой рассказывается, что после убийства брата сестра общалась с его отрезанной головой (Рубцова 1954. № 28: 335–336. § 93–144; Бахтин 2000: 383–396). Для устрашения врагов чукчи могли отрубать у убитых противников головы и, насадив их на острия копий, размахивать ими (Меновщиков 1974. № 88: 312), впрочем, это могла быть простая психологическая акция. Для сравнения заметим, что аляскинские эскимосы иногда отрезали врагам головы и даже бросали их на землю или выставляли на месте поражения врага, чугачи же на юго-востоке Аляски по возвращении из похода выставляли эти трофеи на всеобщее обозрение (Malaunie 1974: 141, 149; Burch 1998: 229), а у эскимосов Нижнего Кукоккима головы побежденных убитых врагов с носами, проткнутыми стрелами, выставлялись на колах (Nelson 1899: 329). Таким образом, определенную культовую роль человеческой головы можно проследить сквозь фольклорные мотивы, и она, видимо, связана с религиозными представлениями о душе. Данный интересный сюжет, насколько я знаю, не привлекал пристального внимания исследователей, хотя он заслуживает отдельной разработки, которая, впрочем не входила в задачу настоящей работы.

Согласно сказаниям колымчан, чукчи разрезали тело майора Д. И. Павлуцкого на мелкие кусочки, засушили их и хранили на память еще в 1880-х гг. (Олыкшандрович 1884. № II: 295). Таким образом чукчи поступали и со своими покойниками (Поляков 1933: 104). Естественно, этот факт не соответствует действительности, но, вероятно, отражает некоторые внешние представления русских о чукотских культах (ср.: Вдовин 1965: 123, примеч. 79). Видимо, имеются в виду те представления, согласно которым на панцирях рисовали убитых врагов, чтобы сделать враждебного мертвеца своим союзником, ведь чукчи очень боялись духов убитых (и умерших), считая их потенциальными врагами живых (Богораз 1939: 181). По их воззрениям, дух убитого будет мстить своим врагам (Меновщиков 1974. № 85: 300; Тан-Богораз 1979а: 211), поэтому убитым перерезали горло, чтобы дух мертвеца не преследовал убийцу (Богораз 1939: 188); эскимосы же с о. Св. Лаврентия убивали пленных, просверливая им голову с той же целью (Богораз 1934: 174).

После экспедиции нужно было очиститься от злых духов, которых следовало отогнать. Обряд очищения состоял в том, что встречающие выходили вперед и пускали стрелы рядом с пришедшими, а также кололи копьями по сторонам от них, а затем

проводили пришедших между двух очистительных костров (Мерк 1978: 136). Этими действиями отпугивали кэле.

После удачной добычи зверя или уничтожения врага справлялся особый благодарственный обряд, в котором можно проследить некоторые элементы культа оружия. Так, после удачной охоты на крупного зверя (медведь, дикий олень), а ранее и уничтожения врага орудие убийства (наконечник стрелы или копья, дуло ружья) смазывали кровью первой жертвы и справляли обряд *пойгымн 'эгыргын* — «благодарственное служение копьём», во время которого устраивали пляску-пантомиму с оружием, сопровождая ее импровизированным пением, восхваляющим силу оружия и ловкость владельца (Вдовин 1977: 131). Также в качестве своеобразных амулетов прикрепляли на ружья кусочки красной материи, которые должны были им помогать (Богораз 1939: 54).

Татуировка и раскраска. Татуировка бытовала как у сибирских народов (ханты, манси, якуты, эвенки), так и у американских эскимосов, была характерна и для азиатских эскимосов и оседлых чукчей, у последних она, возможно, появилась под влиянием первых. Еще в конце XVIII в. татуировка лица, плеч и рук встречалась у мужчин оленних чукчей (Мерк 1978: 122), хотя постепенно уже выходила из моды, первыми от нее отказались кочевники. В XIX—первой половине XX в. женщины татуировались намного чаще, чем мужчины. У девушек наколки наносились при вступлении в пору половой зрелости (Мерк 1978: 122; Руденко 1949: 149—154), то есть они были социально значимым показателем вступления во взрослую жизнь. Татуировался лоб, уголки глаз, щеки, подбородок. У мужчин татуировка располагалась над глазами, на висках (Руденко 1949: 149; Белов 1954: 183), а также на щеках (Митчель 1865: 324; Меновщиков 1959: 113). Еще в 1934 г. у некоторых мужчин в Чаплине татуировка была около уголков рта, что, очевидно, символически заменяло амулеты-лабретки, которые азиатские эскимосы уже в середине XVII в. в основном не носили (ДАЙ. 1851. Т. IV, № 7: 21, 26; Dall 1870: 381; Орлова 1941: 205–206; Руденко 1949: 154; ср.: Nelson 1899: 52, figs. 15a, b)³.

³ Лабретки известны на Чукотке и археологически (История Чукотки. 1989: 46). Судя по письменным документам первой трети XVIII в., лабретки из моржовых клыков тогда встречались у азиатских эскимосов (Le Brim 1718: 13; Вдовин 1961: 52; ср.: Александров 1872: 73; Меновщиков 1959: 112 (в XVIII—первой половине XIX в.)). Причем в 1732 г. жители Чукотского Носа прямо именовали себя «зубатыми» (Ефимов 1948: 240, 249; 1971: 229; Гольденберг 1984: 128; 1985: 67). Французский офицер А. Оливье, бывший в Беринговом проливе в 1860-х гг., отмечает, что азиатские эскимосы в углах рта носили лабретки из металла, кости или перламутра (Ollivier 1877: 589). Капитан А. А. Ресин (1888: 177–178) конкретно писал, что лабретки были у эскимосов о. Ратманова (Большого Диомидова) и у жителей Наукана. Согласно же преданию, часть аляскинских эскимосов поселились в Наукане лет за сто до 1924 г. (Галкина 1929: 71–72; ср.: Крупник 2000: 252–253 (переселенцы с Аляски живут в Сирениках)).

Мужская татуировка имела апотропейный характер (Зеленин 1931: 750—751; Меновщиков 1959: 113; Вдовин 1977: 145). Тут мы поговорим лишь о военном аспекте данного явления. Опасным для человека, убившего врага, считался дух последнего, который должен был всячески вредить своему обидчику. Для того чтобы уберечь себя от этого злого духа, и наносили татуировку. В частности, оседлые «чукчи» татуировали на своих руках изображения убитых ими врагов в виде абстрактных человечков, подобные же фигуры располагали и на лбу над глазами (Мерк 1978: 121-122; Меновщиков 1959: И3; Krupnik, Krutak 2002: 315—316; ср.: Руденко 1949: 150; Fienup-Riordan 1990: 159-160; 1994: 331-332 (аляскинские эскимосы-юпик)). По сообщению же М. Соэра, базирующемуся, очевидно, на сведениях Н. Дауркина, оседлые «чукчи» с помощью татуировки (определенных знаков) наносили на предплечья и ноги информацию о количестве убитых и взятых в плен врагов (Sauer 1802: 230; ср.: 237). В. Г. Богоразу (1991: 189) также рассказывали колымские чукчи, что в старину после убийства неприятеля на внутренней стороне правого запястья по направлению к локтю накалывали точку. Подобные же метки после удачной охоты на кита или медведя делали сибирские эскимосы и чукчи — в области суставов, эскимосы с о. Большой Диомид — на лице, а с о. Св. Лаврентия — на плече, запястьях, пояснице, коленях, лодыжках (Антропова 1957: 215; Krupnik, Krutak 2002: 316; ср.: Руденко 1949: 149, 152-154; Богораз 1991: 189). Как предполагал лейтенант У. Х. Хупер, оседлыми чукчами эта метка ставилась на лице не только после добычи медведя или кита, но и после убийства врага (Hooper 1853: 37)⁴. Вспомним, что касатка была их покровителем и защитником, и убив ее, надо было выполнить особый обряд. Таким образом, это могли быть обряды одного плана. Эскимосы же с о. Св. Лаврентия вообще наносили такие точки после наиболее значительных событий в своей жизни (Krupnik, Krutak 2002: 316). Татуировка на лице, выставленная на всеобщее обозрение, служила, кроме того, своего рода показателем силы, смелости и охотничьей удачи, т. е. качеств, пользовавшихся особым уважением со стороны соплеменников.

На оленьем празднике кочевые чукчи рисовали кровью забитого животного знаки на лице, руках и груди, чтобы уподобиться духам, охраняющим оленей. Причем у каждой семьи были свои знаки, обычно различные полосы, точки (Богораз 1901: 17; Калинин 1912: 106; Богораз 1939: 64; Гурвич 1983: 109—110). Это, согласно разъяснениям чукчей, охраняло их самих и их оленей от болезней (Суворов 18676: 163; М-в 1877. № 47: 386;

⁴ Эскимосы Северо-Западной Аляски, отличившиеся в бою, наносили татуировкой четыре параллельные черты на каждую щеку (Burch 1998: 109).

Тан-Богораз 1979а: 209; Кавелин 1931: 107; Вдовин 1987: 41). Как объясняли приморские чукчи (1927), обычай мазать кровью лицо возник после примирения оседлых и оленеводов в знак мира и дружбы (Кавелин 1931: 99). Приморские же жители мазались охрой, а в случае опасности и графитом, для защиты от духа, который увязался за гостем (Богораз 1901: 19; 1939: 69; ср.: Свердруп 1930: 319). Это уже близко к боевым функциям, ведь опасность для чукчей исходила не только от земного врага, но и из мира злых духов, настроенных по отношению к человеку не менее враждебно. Цель подобного раскрашивания состояла в том, чтобы изменить облик, сделаться неузнаваемым для болезни и злого духа (Богораз 1901: 19; 1939: 142; Hughes 1984а: 251). В качестве этнографических параллелей можно заметить, что эскимосы Кадьяка раскрашивали все лицо перед набегом (Гедеон 1994: 61), а чугачи чернили свое лицо, чтобы не было заметно их страха (Malaurie 1974: 146).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На военное дело, особенно древнее, влияло множество факторов, и в первую очередь — природные условия, которые диктуют оптимальные сезоны для ведения боевых действий, а в социальном плане влияют на устройство общества: на Чукотке можно быть либо кочевником-олеводом, либо оседлым-зверобоем. От организации же социума зависит система комплектования войска, в традиционном обществе — обычно племенная, у оленных чукчей, вследствие рассеянности народа, — семейная, у приморских — родовая. Наличие природных ресурсов и уровень развития техники обусловили уровень производства вооружения, в данном случае — из органических материалов, на уровне неолита. В военном деле влияние соседей, особенно врагов, происходит быстро и глубоко, заставляя приспосабливаться к методам ведения войны противником — с разными врагами и воюют по-разному. Чукчи не были исключением: они в области вооружения подвергались влиянию своих врагов-коряков, в основном кочевых, встреча же с русскими также оказала сильное влияние на тактику и стратегию чукчей и способствовала появлению у них огнестрельного оружия. Подобные влияния происходят как через торговые и иные мирные контакты, так и через военные столкновения. Причем последние являлись главными проводниками, ведь к способу ведения противником военных действий со временем приспосабливаются, а в качестве добычи захватывают новые виды оружия, служащие проводниками инноваций в вооружении. Так, в ходе активных контактов с коряками и русскими в XVIII в. железное оружие у чукчей постепенно вытесняет роговое и костяное, распространяются предметы защитного вооружения из этого металла. На материальную же культуру, главным образом оседлой части населения, большое влияние оказывали эскимосы, охотники на морского зверя, от них приморские чукчи заимствовали морское дело и некоторые предметы вооружения.

Обычным состоянием для племенного мира была перманентная война, и чукчи не составляли здесь исключение. Более того, они были самым воинственным народом в регионе, в разное время воевавшим со всеми окружающими народами, такая война всех против всех — характерная черта первобытного общества. Причины войн с различными этносами были разными, о чем мы можем судить начиная лишь с середины XVII в. и заканчивая 1840-ми гг., когда происходили последние набеги на эскимосов островов и Аляски, позднее происходившие стычки можно на сленге назвать «криминальными разборками». С кочевыми коряками большую часть XVIII в. шла перманентная война из-за оленьих стад, в которой наступающей стороной, как правило, были чукчи. И. С. Вдовин (1965: 96) насчитал в документе XVIII в. 4—5 случаев, когда коряки и юкагиры отказывались идти походом на чукчей, да и то при поддержке анадырцев. Это было основной осью конфликтов в регионе.

У «первобытных» этносов можно выделить два стереотипа ведения войны: (1) против хорошо знакомых соседних народов и (2) против постоянных врагов, к которым испытывали закоренелую ненависть. С первой группой противников старались воевать «цивилизованными» средствами: войну объявляли заранее, давали время на подготовку к бою, иногда даже отпускали пленных и т. д. Данный стереотип поведения был обставлен определенными ритуалами, строго регулирующими поведение бойцов на войне. Против второй группы врагов вели «тотальную» войну на уничтожение: предпочитали нападать неожиданно, убивали или замучивали пленных мужчин, а женщин и детей уводили в рабство. Так, чукчи в течение трех четвертей XVIII в. вели «войну на уничтожение» против русских, оленных коряков, юкагиров и эскимосов островов Берингова пролива и Аляски. Однако даже во время этих войн присутствовали и некоторые элементы «цивилизованной» войны: угроза-предупреждение врагов о будущем нападении, заключение перемирия и прочее. Таким образом, возникал способ ведения боевых действий, в котором наряду с основным вторым типом присутствовали и элементы первого типа. Видимо, этот «комбинированный» тип ведения боевых действий был наиболее распространенным у чукчей, у которых господствовал «героический» этос. Поскольку не было четких граней между этими двумя типами войны, то, учитывая фатальное отношение населения к смерти и убийству, можно даже посчитать подобное ведение боевых действий первым типом войны. Вообще же эти стереотипы не были постоянными и могли со временем изменяться по отношению к одному и тому же народу, чаще в сторону ужесточения в связи с накалом борьбы.

Особенности военного дела чукчей и азиатских эскимосов проявляются в их сопоставлении с образом ведения войны на Аляске, различия же между кочевыми чукчами и родственными им оленными коряками трудноуловимы. Эскимосы Западной Аляски сохранили древние традиции еще XIX в., так сказать, в более чистом виде, нежели их азиатские сородичи. Можно сказать, что война в Северо-Восточной Сибири была более «гуманной», нежели на Аляске: тут не было всеобщим правилом неожиданное нападение ночью, судя по фольклору, хозяев часто даже вызывали на бой; не было всеобщим правилом преследование разбитого врага; убивали не всех подряд, а обычно мужчин, тогда как детей и женщин брали в плен. Для чукчей, насколько известно, не были характерны кровавые военные ритуалы, своеобразная инициация воинов — пробование крови и сердца первого убитого врага (Nelson 1899: 328; Malaurie 1974: 149; Burch 1998: 109), хотя, судя по преданиям, поедание сердца врага-богатыря встречалось в Сибири у эвенов и эвенков (Василевич 1966: 300; 1972: 156; Новикова 1987: 87, 104, 106) и, может быть, этот специфический обычай раньше был более распространен в регионе¹.

Военные действия велись как на суше, так и на море: оленные чукчи, составлявшие основную массу этноса, воевали на суше, а оседлые — на море. В силу этнического родства, межродовых связей и взаимного гостеприимства представители одной части этноса привлекали воинов из другой части для ведения совместных боевых действий. Можно выделить и определенные сезоны ведения боевых действий. Зимний период был военным сезоном набегов для оленных чукчей, это обуславливалось тем, что именно зимой они могли быстро передвигаться на своих нартах, которые летом для езды не использовались. Летом, когда лед, сковывавший Берингов пролив, таял, приморские жители то торговали, то воевали с эскимосами с островов и Аляски. Морские операции, естественно, велись оседлыми чукчами, обладавшими большими походными байдарками. Очевидно, в летнее время в тундру в поисках добычи отправлялись в основном пешие партии мужчин, происходящих из бедных стойбищ. Эти немногочисленные отряды обычно состояли из нескольких или нескольких десятков воинов, которые нападали на отдельно стоящие жилища или на пастухов на пастбище. Причем такие нападения велись как на представителей других этносов, так и на своих более зажиточных соплеменников с единственной целью — грабежа.

¹ В 1748 г. оседлые коряки под предводительством Алыка, потерпев поражение от русских, убили жен и детей и, «напившись их крови для храбрости», снова бросились в бой, но опять были разбиты (Стигнев 1869а. № 5: 66). Воин-юкагир обещает при победе съесть печень побежденного (Козлов 1956: 258). Западные эвенки ели сердце врага или его мясо, чтобы приобщиться к его силе и ловкости (Василевич 1972: 156).

Вплоть до начала XX в. происходили столкновения и набеги как отдельных людей, так и семей, причиной их были обычные бытовые обиды, кража оленей или кровная месть. Это уже, собственно говоря, не война, а некий вид драки, часть таких драк оканчивалась летальным исходом, однако даже в этих столкновениях чукчи продолжали применять свои военные навыки, приобретенные в ходе многолетних тренировок и охоты. В XX в. стычки чаще происходили у оседлых жителей, у которых торговля была развита больше, тогда как оленные чукчи, сохранив патриархальный быт в чистом виде, решали свои споры более мирными путями. Споры внутри семейной общины обычно улаживали мирным путем, чтобы не разрушать социальный организм, — кровная месть была направлена вовне, на представителей других семей или иноплеменников. В качестве виры мог быть выплачен и определенный выкуп различными товарами. Обычно мстил ближайший родственник убитого, после чего мщение с данной стороны прекращалось.

В целом можно сказать, что наиболее ранние войны велись чукчами, как и другими племенными этносами, по социальным причинам: похищение женщин, бытовые споры, кровная месть. Во второй половине XVII—первой четверти XVIII в. чукчи вели оборонительно-наступательные войны против казаков, упорно пытавшихся наложить на них ясак и призвать в подданство, т. е. война приобрела политический характер. С первой четверти XVIII в. и до мира 1781 г. в связи с развитием крупнотабунного оленеводства основной причиной войн чукчей с коряками становится экономическая: они производят грабительские набеги с целью отогнать стада оленей. Именно XVIII в. явился пиком военной активности, когда выставлялись огромные по восточносибирским меркам армии: до 3000 человек (1702), в то время как общая численность населения Чукотки оценивалась в 10 000 человек (1756)! Обычно же боеспособные мужчины в племенном обществе составляли 1/4-1/5 от всего населения. К началу XIX в. большие войны на территории самой Чукотки утихли, но приморские жители продолжали производить морские набеги на эскимосов островов Берингова пролива и Аляски. Еще в начале XX в. происходили, хотя и редко, внутренние столкновения между самими чукчами или между ними и иноплеменниками (эскимосами, коряками). Это были межсемейные, межличностные и — реже — межродовые конфликты, в которых обычно участвовали единицы или немногие десятки человек, в основном родственников. Таким образом, причины войны на новом уровне опять, по существу, вернулись к своему первоначальному состоянию.

В целом военное дело оленных чукчей — основной массы этноса — представляет нам своеобразный способ ведения войны

кочевниками. Тут присутствуют все их основные элементы войны: наступательная стратегия, подвижность на театре боевых действий, которую не сковывают постоянные стационарные укрепления; неожиданные нападения с убийством мужчин и уводом в плен женщин и детей; маневренная тактика, рассчитанная на охват флангов и выход в тыл; постановка засад в удобных местах и даже ложное бегство, рассчитанное на заманивание противника. Даже перестрелка в начале боя с возможным последующим переходом в рукопашную схватку также относится к основным элементам кочевого военного дела. С другой стороны, мы наблюдаем и определенные отличия, вызванные особенностями кочевой жизни и специфическим этосом: в более характерной для кочевников «тотальной» войне наблюдаются элементы «цивилизованного» типа; отсутствие верховой езды сдерживало роль маневра на поле боя; чукчи не полагались на дальний бой, а быстро переходили к рукопашной борьбе, что вообще не характерно для номадов.

Декабрь 1998—март 2003 г.
Санкт-Петербург

ПРИЛОЖЕНИЕ I

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОГО ДЕЛА КАЗАКОВ ВОСТОЧНОЙ СИ- БИРИ В СЕРЕДИНЕ XVII- ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Подробная характеристика военного дела казаков Восточной Сибири не входила в задачу данной работы. Здесь я останавлиюсь только на некоторых сюжетах, связанных с комплектованием, системой снабжения, вооружением и тактикой, оставив за пределами работы все другие, естественно, не менее важные аспекты. Такой отбор материала диктуется главной темой исследования — военным делом чукчей. Именно русские, как никакой другой противник, оказали на их военное дело значительное влияние. С другой стороны, и военное дело казаков также подвергалось влиянию местных жителей; сказывалось на нем и удаление от центра, и, следовательно, заторможенность военного развития. Сибирь как удаленная восточная окраина сохраняла порядки Московской Руси, по крайней мере, до середины XVIII в. (Богораз 1934: 62).

Состав, организация и комплектование казачьего войска. В XVII в. в Восточной Сибири военной силой были служилые: «по отечеству» — сибирские дворяне (с 1684) и дети боярские (обе категории — по сути военная аристократия — существовали до 1810 г., когда они были присоединены к Якутской казачьей команде) и «по прибору» — казаки, пушкары, стрельцы, солдаты нового строя (две последние категории — в Западной Сибири). Казаки были пешими и конными. Причем конные не обязательно имели лошадей, поскольку содержать их нужно было за свой счет. В целом всадников было немного, всегда не более

сотни, да они и не служили в Северо-Восточной Сибири (Сафронов 1978: 79; Никитин 1988: 139; 1996: 44).

На приграничных территориях были расселены беломестные казаки. Они, живя на своей земле, при надобности поочередно выделяли из своей среды людей для службы. Эти казаки имели пашню, за которую и служили, не получая всего жалования, но они были освобождены от главных налогов (Васильев 1916. Т. I. Прил.: 26—27; Никитин 1987: 149). Черноместные же казаки, набранные из податных сословий, должны были платить и налоги (до 1751), и подушную подать. Они в первой половине XVIII в. использовались главным образом для обороны границ (Матюнин 1877: 174; Словцов 1886. Кн. 1: 172; Путинцев 1891: 29; Леонтьева 1968: 58–59).

В 1630—1640-х гг., в связи с освоением новых территорий и следовавшей за этим нехваткой служилых, казаки служили «годовальщиками», то есть несли временную службу в «командировке», ожидая, пока их сменят, что обычно происходило через несколько лет (иногда до 8 и более), а затем они возвращались домой, но уже с 1650-х гг. казаков стали верстать в самой якутской области. На дальние зимовья часто ехали семьей (Гурвич 1966: 120; Леонтьева 1968: 39–40; Сафронов 1978: 59). И в XVIII в. в дальних острогах казаки были «сменяемые погодно» (главным образом казачья старшина) и «жилые», жившие тут постоянно (Гурвич 1966: 117). Если служилым не нравилось место их службы, они могли по взаимному согласию поменяться, получив разрешение начальства (АИИ, ф. 160, № 990, ест. 46, 48).

В XVIII в. приграничные линейные казаки охраняли пограничные линии, а городовые, живя в своих домах, поставляли людей для службы, связанной в основном с полицейскими функциями охраны и конвоирования. Городовых казаков часто забирали на казенные работы: ловить рыбу, сплавлять лес, строить укрепления и административные здания, вываривать соль, разгружать суда (Сергеев 1983: 39; Никитин 1988: 87; 1996: 61–62), лишь в 1770 г. они были освобождены от дармовых работ в крепостях (Путинцев 1891: 61). Казаки платили налоги: таможенные сборы, торговые пошлины, годовые деньги на выкуп пленных (ДАИ. 1862. Т. VIII, № 37: 112; Орлова 1951. № 92: 267; № 156: 391; 190: 484—485). Впрочем, за заслуги и вследствие «учиненной прибыли» казаки могли ходатайствовать об освобождении от определенных видов налога (Орлова 1951. № 92: 267) и даже о списании долгов (Орлова 1951. № 156: 391).

Обычный гарнизон острога по казачьему образцу составлял «войско», имеющее свою казну, круг, на котором избирали руководителей, распределяли службы, налагали взыскания, однако все важные вопросы решал все же воевода — тут не было

донской казачьей вольницы (Сафронов 1978: 69; Зуев 1999а: 106). Лишь во время похода, когда казаки были оторваны от власти, самоуправление приобретало особое значение. Вместе с тем, в Сибири казаки сохранили свою военную организацию: высшим подразделением был «приказ» во главе с головой, состоявший из пяти «станец» (сотен), возглавляемых у пеших казаков атаманами. Станица делилась на пятидесятки, которыми руководил пятидесятник (есаул), а последние отряды состояли из десятков с десятниками во главе. Естественно, на практике численность подразделений была ниже. В сотнях были знаменщики, трубачи, литаврщики и барабанщики (последних по одному-два) (Никитин 1988: 31; 1996: 77). Головы назначались на несколько лет, для прохождения остальных должностей определенного срока не было. По чину службы выше атамана стояли сын боярский и дворянин. Впрочем, на высшие командные должности обычно и назначались дети боярские. В течение XVIII в. в документах перестают упоминаться должности десятника, атамана и сына боярского, а самих служилых стали именовать просто казаками (Сафронов 1978: 49, 69; Никитин 1988: 31, 49). В течение XVIII в. существовала допетровская система военной организации. В 1737 г. ввели новое расписание штата служилого сословия Сибири. Лишь в 1822 г. ввели единообразие чинов и запретили выходить из казачьего сословия (Манькин-Невструев 1883: 51). В 1701 г. указ Петра I объединил якутских казаков в один полк (936 человек) во главе с казачьим головой, подчиняющимся непосредственно воеводе (Сафронов 1978: 55, 67). С 1763 г. казаки стали именоваться линейными, а в 1808 г. — «Линейным сибирским казачьим войском» (Казин 1992: 272).

В казаки могли верстать с 15 лет, обычно — в 18—25 (Никитин 1988: 61; 1996: 49). Желая стать казаком подавал прошение, а самого кандидата должны были взять на поруки два казака. Казак не должен быть «зерною, и карты играть», воровать и пьянствовать (Орлова 1951. № 226). Воевода при наличии вakanсий утверждал прошение, священники приводили к присяге, следовал указ о внесении новобранца в списки (Васильев 1916. Т. I. Прил.: 1—2). Продвижение по службе осуществлялось согласно челобитной, где были указаны его службы и заслуги. Сибирский приказ и губернатор (с 1710) даровали звание сына боярского, атамана и сотника, тогда как чин пятидесятника и десятника могли давать и воеводы. За проступки понижали в чине. Обычным наказанием было битье батогами, а то и просто руками (Никитин 1988: 101). Ветераны не пользовались никакими привилегиями (Васильев 1916. Т. I. Прил.: 23). Служили пожизненно, в отставку отпускали по челобитной — по старости, увечью или болезни. Отставить от службы могли и за беспробудное

пьянство или за преступления (Никитин 1996: 50). Отставка могла последовать и за «скудость» казака, вследствие чего он не мог исправно исполнять службу (История казачества... 1995: 40). Отставных казаков приписывали к крестьянам и заставляли платить подати (Маныкин-Невструев 1883: 62). Для инвалидов в 1686 г. в Якутске была создана богадельня, которая частично финансировалась казной, а частично — пожертвованиями (Якутия... 1953: 321).

В XVII в. в Сибири из-за постепенного расширения территории государства ощущалась постоянная нехватка наличного состава служилых, недобор в основном покрывался из переселенцев, промышленников, вольнонаемных, пленных, которые после заключения мира не захотели вернуться домой и остались в Сибири, и даже гулящих людей, но к началу XVIII в. верстали уже среди родственников казаков, которые к этому времени обзавелись семьями, то есть, по существу, появилось служилое сословие (Леонтьева 1968: 58—59). Набор в казаки производился среди торгового и промышленного люда, также по рекомендации и поручительству нескольких казаков (Орлова 1951. № 217; 218; 225; 226). В казаки могли записывать и новокрещеных местных жителей (ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 40-25: 184; Орлова 1951. № 226). Среди самих казаков было много метисов, так как россияне обычно брали в жены полонянок и, окрестив их, женились (Васильев 1916. Т. I. Прил.: 31; Этнографические материалы... 1978: 28). Чтобы обеспечить комплектование местных войск, Указом 1725 г. было запрещено призывать сибиряков на службу в европейскую часть России (Протокол... 1888: 287).

Царские указы запрещали записывать в казаки гулящих людей (ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 17: 53; № 40-25: 184) и, наоборот, призывали верстать детей казаков и стрельцов (ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 17: 53; № 37: 112) или же просто родственников казаков (ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 40-25: 184). В Восточной Сибири уже с середины XVII в. верстали в казаки в основном детей служилых (Александров, Покровский 1991: 91). Кроме того, в служилые велели не записывать ссыльных (1699), которые появились в Сибири с 1654 г., тягловых и просто пьяниц (1678 г.; ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 44-5: 159; ср.: Булычев 1856: 39; Александров, Покровский 1991: 92). Особенно боялись верстать в казаки крестьян после восстания С. Разина (Никитин 1988: 67), а поверстанных в казаки тягловых приказывали выписать (1679 г.; АИ. 1842. Т. V, № 47: 70—71). Однако при нехватке людей и из-за удаленности от центра эти указы часто не исполнялись (Зуев 2001 а: 96—97).

До эпохи Петра I казаки, оказавшись больными во время службы, могли нанять вместо себя заместителя, обычно родственника или другого казака (АИИ, ф. 160, № 891, ест. 123 (1686); Сафронов 1978: 59; Никитин 1988: 101; 1996: 67). На практике

же оказывалось, что нежелающие идти в поход (особенно в дальний) нанимали вместо себя добровольца. К примеру, вместо себя могли отправить на службу нанятых якутов, представляя их своими родичами (Гурвич 1966: 117). Лишь в 1707 г. казацье звание фактически стало наследственным, и в казаки было указано брать только детей и родственников служилых и промышленных охотников (Маныкин-Невструев 1883: 50—51; Сафронов 1978: 63).

В XVII в. при нехватке людей промышленные и торговые люди участвовали в походах вместе с казаками. Главным стимулом для движения вперед были поиски соболя, которого быстро истребляли, что толкало к движению на Восток (Вернадский 1915: 353; см.: Сергеев 1983: 17—18; Никитин 1987: 20; Зув 2001а). Особой разницы между торговым и промышленным человеком не было, и те и другие занимались как торговлей, так и промыслами (Белов 1952: 16). В основном это были люди среднего достатка. Богатые же купцы снаряжали экспедиции, нанимая различных людей, к которым присоединялись «своеужинники» — независимые промышленники и торговцы. Промышленные и торговые люди несли все обязанности казаков, поскольку они жили на одном зимовье, ходили в одни и те же походы. В отличие от казаков, они не получали жалованья и освобождения от податей, но могли требовать от воеводы награды после возвращения из экспедиции. Они могли становиться и «полуказачьем», то есть нести службу лишь за часть добычи (Якутия... 1953: 315), а при необходимости и отсутствии вакансий их зачисляли «в приказ»: служить сверх штата с выплатой жалованья, эта служба считалась временной, до освобождения места служилого (Никитин 1988: 62—63).

Естественно, при такой системе набора, учитывая удаленность от культурных центров и европейского просвещения, нравственное лицо казаков было далеко от идеала. Французский консул И. Б. Б. Лессепс (1788. Ч. III: 71) так характеризовал сибирских служилых XVIII в.: «Воинство состояло из необузданного собрания мещан и крестьян; каково оно было некогда, то есть: шайка диких народов, которые по свойству своему будучи склонны к разбойничествам, не знали других законов, кроме своевольства или собственной выгоды». Чем дальше на Восток, тем ситуация была хуже. Г. В. Стеллер отмечает, что камчатские казаки в начале XVIII в. представляли собой «кучку бродяг, большей частью скрывавшихся от правосудия» (Стеллер 1927: 17—18; ср.: 3-н 1861. № 93: 4).

Общее число служилых людей в Сибири, включая новокрещеных 1662 г., было около 10 000 человек (Словцов 1886. Кн. 1: 180), а к началу XVIII в. — 14 000 (Словцов 1886. Кн. 1: 172). В 1724 г. в Сибирской губернии было расквартировано три гарни-

зонных полка и один драгунский, всего 4828 человек (Кирилов 1831: 62, 64). Основные силы составляли казаки. Якутский казачий полк насчитывал примерно 1500 казаков (ок. 1720) и был распылен по восточносибирским острогам (Стибнев 1869: 1). В ведомстве якутской администрации в 1724 г. находилось 13 дворян, 61 человек детей боярских, 1355 казаков, пушкарей и «воротников» (Кирилов 1831: 91), тогда как Иркутск в этом же году распоряжался 35 детьми боярскими, 23 казачьими головами, 511 пятидесятниками, десятниками и казаками, всего 569 служилых (Кирилов 1831: 85).

Жалование служилых было невелико, и его едва хватало на существование двух человек (Никитин 1996: 52; 1999: 29). Платили жалование в 2—3 приема деньгами, зерном и солью, распределял его приказчик, то есть назначенный воеводой или даже выбранный казаками комендант острога (Nul... 1866. № 16: 3).

Оклады варьировались в зависимости от удаленности гарнизона: в дальних острогах жалование было выше; от рода войска: у всадников жалование было больше; от семейного положения: у женатых существовали незначительные добавки к продовольственным выдачам; от чина: у офицеров жалование было намного больше. В среднем оклад казаков в год был 5,00—7,25 руб., 5,0—6,5 четвертей (640—832 кг) ржи, 4 четверти (255 кг) овса (для конных казаков и семейных пеших) и 1,5—2,0 пуда муки (24—32 кг) (Леонтьева 1972: 10; Сафронов 1978: 72—84; Никитин 1988: 103). Служилые в 1640-х гг. в Якутске получали 4,25 руб., а также натуральные выдачи ржи, овса и соли (Оглобин 1903: 44; Самойлов 1945: 44). Через 40 лет казаки в Якутске получали уже 5,25 руб., 5 четвертей «с осьмушкой» ржи, 4 четверти овса и 1,5 пуда соли (ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 44-5: 159).

Существовали и экстраординарные выплаты: при отправлении в дорогу деньги выдавались на прогон, при победах платили наградные (за бой — по 50 коп., раненому — 1 руб., столько же платили за убитого), при переселении давали на подъем, а по праздникам — по две чарки вина (Васильев 1916. Т. I. Прил.: 33; Никитин 1988: 128; 1996: 54). Так, к примеру, вновь поверстанным казакам, посылаемым на новое место службы, приказывалось выдавать оружие, хлеб и на подъем 50 руб. — огромную для 1684 г. сумму (ДАЙ. 1867. Т. X, № 67-6: 240).

В 1724 г. в ведомстве якутской администрации числилось 13 дворян со средним жалованием около 30 руб., 3849 литров ржи, 3730 литров овса и 170 кг соли на человека в год, 61 человек детей боярских, получавших порядка 10 руб., 1355 казаков, пушкарей и стражей ворот, которым платили в среднем около 5 руб. 30 коп., примерно 883 литра ржи, 204 литра ржи и 24 кг соли (Кирилов 1831: 91) С 1761 г. сибирские казаки стали получать довольствие, как и регулярные войска.

Цены же в ту эпоху были сибирскими. Как указывает в своей челобитной И. Курбатов (1640-е гг.), лошадь, стоившая в европейской части России 2—3 рубля, в Сибири имела цену в 10 раз большую, нарты стоили 1 руб., лыжи — 2 руб., а пуд муки — 2—4 руб. (Оглоблин 1903: 39; Самойлов 1945: 44). На Камчатке в начале XVIII в. пеший казак получал жалованье 5 руб., а также хлебные деньги по якутскому окладу, тогда как для покупки собак, одежды, припасов требовалось более 40 руб. в год (Крашенинников 1949: 508). В 1711 г. оклад пешего казака на Камчатке составлял уже 9 руб. 25 коп. (Крашенинников 1949: 482). В 1747 г. Сенат, вняв просьбам служилых, назначил полуторное жалованье охотским, анадырским и камчатским служилым, что было вызвано дороговизной на этих территориях (Сафронов 1978: 81). В 1750-х гг. служилые в Анадырске вместо униформы носили оленьи парки, «кухлянки с верхней камлеей», местные штаны (Шашков 1864: 73). В 1773 г. солдаты на Камчатке получали 12 руб. 84 коп., компенсацию за нижнюю форменную одежду (2 руб. 11,25 коп.), а также хлебное довольствие в 9 пудов 13 фунтов (149,3 кг), тогда как казак получал меньше денег (10 руб. 50 коп.), но больше муки (10 пудов = 160 кг) (Миллер 1774: 198). Поскольку компенсацию за верхний мундир солдаты не получали, то даже они носили местную одежду, лучше приспособленную для местных климатических условий: кухлянки, парки, торбаса (Миллер 1774: 198—199). Во второй половине XVIII в. казаков отличало от местных жителей лишь наличие сабель и ружей (Лессепс 1801. Ч. I: 15). Униформу сибирские казаки стали носить в 1817 г., когда 50 казаков сделали ее на свои деньги (Маныкин-Невструев 1883: 51), но даже в конце XIX в. казаки Якутского полка и Камчатской команды носили из элементов униформы лишь фуражку и саблю, которая, впрочем, была не у всех (Слюнин 1900 Т. II: 475).

Выплата небольшого жалованья служилого в XVII в. часто задерживалась на несколько лет (знакомая нам картина по недавнему прошлому!). Или же, например, приходило денежное жалованье, а продовольственные выдачи запаздывали (Nul... 1866. № 16: 4). До конца XVII в. жалованье иногда выдавали товарами (АИ. 1842. Т. V, № 31: 46—48; Леонтьева 1972: 10) или часть хлебного жалованья выдавали горячим вином (АИИ, ф. 160, № 967, ест. 6-18; 20-30; 33-60; 62-92; 97-113; 116-148). Если сам казак отсутствовал, то его жалованье могла получать жена (АИИ, ф. 160, № 886, ест. 442—443). Поскольку мужчина должен был содержать многодетную семью, то служилые занимались еще различными промыслами, торговлей, ремеслом, обработкой земли, где позволяли природные условия, что и составляло их главный доход (Вернадский 1915: 346-347; Никитин 1988: 167—191).

В 1623—1625 гг. тобольский воевода Ю. Я. Сулешев ввел правило, согласно которому служилый, получая земельный уча-

сток, лишался всего хлебного довольствия или его части, в среднем из расчета 1 десятина пашни вместо 1 четверти ржи (Сергеев 1983: 37; Никитин 1988: 149). Таким образом, на жалование приходилось 5—10 десятин земли. Если же десятин было больше, то взималась в качестве налога $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{15}$ доля урожая. В 1706 г. в Сибири всех пашенных казаков сняли с довольствия независимо от количества занимаемой земли (Леонтьева 1972: 11—13). Из-за этого в XVIII в. в среднем среди сибирских служилых только 20 % имело земельный участок (Зуев 1999а: 96—97; ср.: Никитин 1988: 165 (в 1699 г. в Тобольске таковых было 40—50 %)). Преобладали казаки-ремесленники (Леонтьева 1972: 16). Лишь в 1773 г. было велено каждому казаку нарезать по шесть десятин земли (Словцов 1886. Кн. 1: 172). По своему статусу казаки приравнивались к «однородцам», то есть землевладельцам, не имеющим крепостных (Сергеев 1983: 33).

Сбор ясака. У казаков было много обязанностей: в 1737 г. у якутских служилых насчитывалось 47 различных работ, из которых главными были сбор ясака и военные походы (Элерт 1990: 87). Ежегодно зимой казаки ходили за сбором ясака, лишь в 1764 г. его сбор был передан в руки родовых старейшин, которые и сдавали его русским властям в сборных пунктах. Ясак должно было платить все мужское население с 18 до 50 лет, а на Камчатке — даже младенцы (там еще в последней четверти XVIII в. мехами должна была покрываться сумма в 7 руб.) (Лессепс 1801. Ч. I: 133; Огородников 1922: 84). Однако уже в 1727 г. ясак разрешили платить деньгами. До этого при нехватке соболя ясак могли принимать шкурами других пушных зверей, например рысей или лисиц: за одного соболя брали двух лисиц (АИИ, ф. 160, № 787, ест. 61—63; № 793, ест. 117—118; № 1049, ест. 1—6). У ясачных замиренных «иноземцев» брали «складный» ясак согласно описи в книгах, а у не вполне замиренных — «нескладный», показывая при этом заложника и отдариваясь, стремясь получить как можно больше (Бахрушин 1955: 58; Никитин 1987: 129). В качестве отдарков раздавали железные изделия и бисер, а с петровских времен также табак и сухари (ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 112: 312; Nul... 1866. № 16: 3—4; Белов 1952. № 12: 60; Гурвич 1970: XL). Получив ясак, сборщики делали об этом запись в книге и давали расписку в получении. Постепенно, по мере объясачивания и умиротворения туземцев, нерегулируемый «нескладный» ясак становился нормированным «окладным». В 1620-х гг. «ясачные иноземцы» в соответствии со своим имуществом были разделены на лучших, средних и худых, согласно чему и платили ясак (Огородников 1922: 86). Естественно, под видом добровольных подарков-поминков брали намного больше, чем причиталось: часть забирали себе, часть отдавали приказчику, в целом — раза в три больше (Сгиб-

нев 1869а: 117; Стеллер 1927: 18-19; ср.: Федорова 1984: 68). Кроме того, брали продукты на прокорм аманатов, ягоды, юколу и прочие продукты, не предусмотренные законом. Если у местного жителя не было шкурок, то должника били, а в качестве уплаты забирали одежды из ценных мехов или членов семьи неплательщика. Сначала их брали в залог, если же долг не выплачивался, то оставляли у себя навсегда. Ясак требовали за умерших, которые еще числились в ревизских сказках, а с наследников взымали недоборы отцов (АИИ, ф. 160, № 788, ест. 45—46; № 813, ест. 119—120; № 1049, ест. 1—6). Из взятых ясырей и пленных у казаков оказывалось определенное количество холопов-рабов. Так, В. Г. Стеллер, говоря о камчатских казаках первой трети XVIII в., указывал: «У каждого казака было от 15 до 20 рабов, у некоторых даже от 50 до 60» (Стеллер 1927: 20). Этих холопов они могли спокойно проигрывать в кабаках в карты, хотя в азарте игры служилые могли проиграть даже своих жен и детей (Берх 1823: 100). Впрочем, пленных могли возвращать родственникам за выкуп, как это делали с якутскими полонянами (Якутия... 1953: 285). Хотя уже в 1697 г. Петр I запретил насильственно закрепощать и местных жителей, но этот указ вследствие удаленности территории не исполнялся (Гурвич 1970: XLVI), поэтому в 1733 г. последовал указ Анны Иоанновны, приказавшей отпустить ясачных рабов на волю (Окунь 1935: 8; 1935а: 47—48, 90).

После сбора ясака казаки и пришедшие с ними торговцы имели право покупать у туземцев меха (Вернадский 1915: 346—347). Естественно, последние старались купить за самую мизерную цену, да еще обмануть при этом. Однако уже в 1639 г. последовал указ, запрещающий служилым торговать после взимания ясака в ясачных областях, но казаки продолжали вести мелкую торговлю на сумму от 50 коп. до 1 руб. (Александров, Покровский 1991: 105; ср.: Романов 1956: 26; Никитин 1988: 189)¹. Покупать рухлядь для казны не возбранялось, о чем делалась соответствующая пометка в документах (Васильев 1916. Т. I. Прил.: 43). Казна при этом взымала десятину с промышленников как пошлину, а с торговцев как таможенный сбор (Ефимов 1951: 17; Гурвич 1970: XXXVI-XXXVII). С 1690-х гг. стали взимать десятину с торгов и промыслов самих служилых (Леонтьева 1972: 18; Александров, Покровский 1991: 105).

Царская администрация, заботясь о своих налогоплательщиках и о планомерном поступлении доходов в казну, стремилась ограничить произвол, чинимый казаками при взимании ясака. Так, в памятной записке сыну боярскому Г. Пушкину читаем

¹ Васильев 1916. Т. I. Прил.: 25: в 1621 г. Ю. Я. Сулешев запретил торговлю и промыслы.

(1679): «А буде ясачные сборщики и промышленные люди, или кто иных чинов какие люди учнут чинить, не против великого государя указу, иноземцам какие обиды, и тем людям чинить наказание, бить кнутом нещадно, и писать в меншие чины и оклады» (ДАИ. 1862. Т. VIII, № 3-3: 8; ср.: АИИ, ф. 160, № 788, ест. 2-3; 33-34; № 834, ест. 1-5).

Итак, принятие в русское подданство знаменовалось двумя актами: сдачей дани-ясака и выдачей аманатов-заложников, которых прекратили брать в 1769 г. (Стрелов 1916. № 55: 239—240). С другой стороны, казаки должны были защищать ясачное население от нападений «немирных» народов, как, например, это было в 1655 г., когда казаки защитили ходынцев от коряков (Белов 1952. № 36: 124; ср.: Крашенинников 1949: 609). В целом в XVII в. около трети доходов казны России составляла сибирская торговля (Ефимов 1951: 18; ср.: Окунь 1935: 3).

Поход. Перед походом узнавали о местах, в которые казаки направлялись. Организатор похода просил воеводу выделить суда, пушки и оружие, да и сам покупал недостающее, надеясь потом возместить убытки (КПМГЯ. № 25: 64; Васильев 1916. Т. I. Прил.: 34). Жалованье уходящим на службу также могло быть выплачено вперед (АИИ, ф. 160, № 846, ест. 105—114). В состав отряда входили проводники и толмачи. В летний период казаки в Сибири продвигались по рекам, тогда как конница, если она была, шла по берегу. Зимой двигались по суше. Колымские казаки использовали собачьи нарты, которые могли проходить в день более 100 верст (107 км) (Этнографические материалы... 1978: 27—28; Рябков 1887: 13), камчатские же ездили на упряжке из 4—5 кастрированных собак, запряженных цугом, по парам (Лессепс 1801. Ч. I: 111); анадырцы использовали олени упряжки, запряженные двумя или даже одним оленем (Шашков 1864: 74; Стибнев 1869: 31; Дьячков 1893: 37). Оленей для этого еще в середине XVIII в. просто забирали у ясачных (КПЦ. № 65: 169; Вдовин 1965: 117). При недостатке оленей служилые отправлялись из Анадырска на собачьих нартах, а то и пешком на лыжах (КПЦ. № 66: 172 (1747); АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583-583 об. (1756)). В поход с целью наказать немирных чукчей за убийство А. Ф. Шестакова капитан Д. И. Павлущий вывел из Анадыря 236 казаков, 280 коряков и юкагиров (февраль 1731 г.), воины ехали на оленьих нартах, имея полог для ночлега на 5—6 человек. Легкие пушки также возили на оленях (Шашков 1864: 68). По местному обычаю, в качестве живой провизии гнали большое стадо оленей, взятых у коряков и юкагиров (ср.: Nul... 1866. № 16: 4). Для этого похода у местных жителей было изъято 3756 упряжных животных и 641 ездовой олень, которые, по обычаю, после похода не были возвращены владельцам, а розданы служилым с вычетом за это

2 руб. из жалованья (Сгибнев 1869: 33; ср.: Вдовин 1965: 117—118). За участие в походе воинов из сибирских народов расплачивались товарами или освобождали от ясака на данный год (Протокол... 1888: 288; Вдовин 1973: 250).

Скорость передвижения войска была невелика: отряд Д. И. Павлуцкого в 1731 г. двигался по Чукотке, проходя 10 верст (10,6 км) в день (Миллер 1758: 406–407; Ефимов 1948: 225). Согласно чукотскому фольклору, представляющему обобщенный образ Павлуцкого-Якунина, сам майор ехал на нартах с верхом, а остальные шли пешком (Богораз 1900. № 129: 338; Широков 1968: Рис. 8), по-видимому, обычно на лыжах (КПМГЯ.-№ 185: 223; Берг 1949: 305; Васильев 1916. Т. I. Прил.: 23). По свидетельству же Г. Майделя (1925: 23), в 1744 г. майор ехал на нартах, которые тянули четыре оленя, а остальные ратники ехали на саниах, запряженных одним животным. Когда же наступило лето, во внутренней части Чукотки, где нельзя было передвигаться на судах, шли пешком, а «ружье и прочее несли на себе, имеющийся же шкарб везли на вьюшных оленях». На оленя навьючивали 1,5—2,0 пуда груза, то есть 24—32 кг (Сгибнев 1869: 30).

Отметим, что в отряде был один знаменосец, а при больших экспедициях брали три знамени из разных видов шелка: «тавяные», «дорогильные» или «киндяшные» (КПМГЯ. № 39: 90; Якутия... 1953: 317; Степанов 1959: 214; Никитин 1996: 77). В первой трети XVIII в. казаки использовали знамена допетровского типа. Так, в 1718 г. на камчатом стяге Анадырского острога был изображен «образ Спасителя» (Nul... 1866. № 17: 4). Отряд А. Ф. Шестакова в 1730 г. имел знамя с ликом Богородицы (Сгибнев 1869: 16; Зуев 2002: 65; ср.: Стрелов 1916. № 41: 126).

В суровых условиях Восточной Сибири, где поселения располагались очень далеко одно от другого, недостаток провианта и даже голод не были в походных условиях редкостью (Материалы по истории Якутии... 1970. Ч. III, № 3: 1073, 1075). Так, во время похода Д. И. Павлуцкого 1744 г. на Чукотку, несмотря на то что оленей в экспедиции насчитывалось первоначально 5000, участники под конец голодали (КПЦ. № 62: 165; Вдовин 1965: 121—122). Поэтому особо отмечали как заслугу то, что от голода в экспедиции никто не умер (КПЦ. № 59: 160).

Придя на место, казаки располагались бивуаком, при размещении на открытой местности устраивали укрепление из саней, ставили строгие караулы. Помня полученные наказания, сначала старались привести туземцев «под руку царя», пользуясь своим часто неожиданным для них появлением и их растерянностью. Через толмачей требовали уплаты ясака, добываясь расположения местных жителей подарками. При необходимости казаки ставили острог, брали аманатов и приводили их к присяге. По-

еле этого иноземцы считались покоренными. Самих же аманатов, представителей именитых родов, содержали под замком и показывали ясным при уплате ими дани, они же служили гарантией безопасности сборщиков. Заложники должны были сменяться погодно (Васильев 1916. Т. I. Прил.: 42; Бахрушин 1955: 77). Лишь в 1764 г. аманатство было упразднено. В целом правительство требовало приводить «иноземцев» к покорности лаской (ДАИ. 1851. Т. IV, № 30: 72; 3-н 1861. № 100: 4; Протокол... 1888: 283, 288; Стрелов 1916. № 41: 131; Нефедова 1967: 27; Никитин 1999: 38). Но если туземцы сопротивлялись, то их просто убивали, а женщин и детей уводили в полон (Стигбнев 1869а: 117). Доставшуюся в таких случаях военную добычу казаки делили: часть отдавали в казну, часть — войску, а оставшееся забирали себе (Вернадский 1915: 351). Мир обычно продолжался недолго, с той и с другой стороны возникали обиды, приводившие к восстаниям (Васильев 1916. Т. I. Прил.: 34–35).

Естественно, с обеих сторон случались эксцессы. Г. В. Стеллер отмечает, что в мае 1711 г. после нападения на Нижнекамчатск ительменов казаки, разогнав туземцев, взятых в плен засекли, а некоторых, обмазав жиром, бросили на съедение собакам (Стеллер 1927: 18). Последняя казнь явно навеяна представлениями ительменов о том, что быть съеденным собаками — счастье для человека, т. к. он сразу попадает в подземный мир, но так поступали с покойниками (ЭБ: 63; Стеллер 1927: 48, 67; Крашенинников 1949: 443)². В чукотских сказаниях рассказывается об особой жестокости Якунина, то есть майора Д. И. Павлуцкого: взятых в плен мужчин ставили вниз головой и топором разрубали надвое, женщин рассекали пополам, сидящему мужчине привязывали пенис к шее, затем били по спине, и когда он вскакивал, пенис отрывался (Богораз 1900. № 128: 332; № 129: 333; № 146: 390; 1934: 171)³. Чукчи с содроганием вспоминали, как казаки с живых сдирали кожу, живых поджаривали на небольшом огне, а беременным женщинам распарывали животы (Народы России. 1874. № 2: 26). Можно сомневаться, насколько сказания отражают реальность, но, очевидно, жестокость была с обеих сторон. Ведь, согласно тем же преданиям, сами чукчи поджаривали на костре взятого ими в плен Якунина и совали ему в рот с него же срезанное и поджаренное мясо (Богораз 1900. № 128: 33; ср.: № 146: 390). Однако известно, что Д. И. Павлуцкий пал в бою, а не был захвачен в плен. Как отметил Г. Майдель (1894:

² Чукчи также считали, что Д. И. Павлуцкий убивал людей на корм собакам (Богораз 1902а: 71).

³ Последняя пытка, вероятно, была все же чукотской и просто приписана русским, поскольку аналогичным образом пытали азиаты одного жителя Уэльса (Malaure 1974: 141).

517), уже в его время чукчи ничего не знали о сражениях, происходивших в их стране, очевидно, речь идет о чисто исторической информации. В целом в фольклоре восточносибирских народов, особенно чукчей, образ казака стал образом лютого врага без каких-либо положительных черт (Кузьминых 1994: 32—39).

Численность походных отрядов. Численность казачьих отрядов, покоривших Камчатку в самом конце XVII—начале XVIII в., была весьма небольшой: в 1696 г. В. В. Атласов имел 65 русских казаков и промышленников и 60 юкагиrow; отряд пятидесятника О. Миронова насчитывал около 70 человек, П. Чирикова — примерно сотню, а В. Щепетного — порядка 120 бойцов (Кирилов 1831: 100—101). В 1715 г. из Якутска на помощь Анадырю, которому угрожали юкагиры и коряки, направился отряд из 120 бойцов (Nul... 1866. № 17: 3). В отряде А. Ф. Шестакова в 1730 г. насчитывалось примерно 150 человек, 19 из которых были русскими (Сгибнев 1869: 14—15). В 1741 г. карательный отряд прапорщика П. Левашова, посланный на штурм укрепления ительменов, состоял из 50 морских солдат и камчатских казаков (Крашенинников 1949: 633—634).

В целом в середине XVII в. несколько десятков служилых побеждали несколько сот туземных воинов (Степанов 1937: 222; см.: Маныкин-Невструев 1883: 8, 16—38). Так, в 1651 г. 54 россиянина сражались у устья реки Охоты против более чем 1000 эвенков разных родов, в 1655 г. на реке Инэ 34 казака противостояли более чем полутысяче воинов того же народа (ДАИ. 1848. Т. III, № 86: 320; № 92: 833; Степанов 1937: 222). В 1707 г. вблизи Петропавловска около 800 ительменов напали на центр походного порядка примерно из 70 казаков во главе с И. Тиратыным, но были разбиты (Крашенинников 1949: 479). Впрочем, возможно, казаки в своих «сказках» могли несколько преувеличить количество противников и тем самым приумножали значимость своей победы.

Вооружение. Казаки не знали строевой службы и не проходили военного обучения. Лишь в 1752 г. селенгинский комендант Якобий приказал селенгинских и нерчинских казаков обучать по военным уставам (Васильев 1916. Т. II: 76), городских же казаков не обучали вплоть до 1835 г. (Маныкин-Невструев 1883: 56), хотя на смотры и стрельбы их могли собирать (История казачества... 1995: 44). В XVII в. казаки получали оружие из государственной казны в остроге и после похода туда же сдавали (АИИ, ф. 160, № 850, ест. 9; 25 (1684)), однако в самом конце XVII в. оружие у казаков было свое (АИИ, ф. 160, № 851, ест. 25 (1684); Сафронов 1978: 70). В частности, за пищаль потом вычитали из жалованья (АИИ, ф. 160, № 959, ест. 54—56; 130—131; 172—173 (1690)). Выдавали пушки, пищали, порох, свинец, муку (ДАИ.

1862. Т. VIII, № 101: 326; Крашенинников 1949: 476; Вернадский 1915: 333; ср.: АИ. 1842. Т. V, № 15: 25–26). Впрочем, артиллерии было очень мало. Верстанные в казаки по указу брали мушкеты и пищали от выбывших со службы (Тобольск, 1679 г.) (ДАИ. 1859. Т. VII, № 74: 350). При опасности нападения кроме казаков оружие из казны получали местные солдаты и крестьяне (АИИ, ф. 160, № 443, ест. 7 (1687); № 844, ест. 7 (1684); ДАИ. 1859. Т. VII, № 74: 356; 1867. Т. X, № 80–VIII: 364–365).

Часто казаки сами покупали для похода коней, сбрую, оружие, одежду и продовольствие, однако после похода казна должна была возместить расходы (Орлова 1951. № 32: 137; Белов 1952. № 19: 76; № 45: 148; № 72: 207; ср.: Nul... 1866. № 16: 4). Так, сын боярский Иван Ерастов (после 1645 г.) прямо указывает, что для похода «кони, и оружия, и одежду, куяки и сбрую конную покупали» (Орлова 1951. № 32: 137). Для такого полного снаряжения казака требовалось более 100 рублей (Белов 1952. № 45: 148). Поскольку такой суммы у простых служилых не было, то они залезали в долги в надежде после похода покрыть эту сумму выплатами из казны (Белов 1952. № 19). Казацкая старшина выступала в поход на двух конях (Белов 1952. № 19: 76; № 45: 148).

Основным оружием казака была пищаль, а во второй половине XVII в. — более легкий мушкет, из холодного оружия имелась пика или пальма. Холодное оружие, приобретаемое самими воинами, было весьма пестрым: сабли, шпаги (в XVIII в.), топоры, бердыши, саадаки с луком и стрелами; анадырские казаки даже в мирное время всегда носили ножи под верхней неподпоясанной паркой (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583 об.; 585). Униформы также не было — надевали обычно кафтан (зимой — шубу), сапоги и шапку с меховым околышем (Гагемейстер 1854: 75; Якутия... 1953: 317; Никитин 1988: 35; 1996: 75–76).

Характерной особенностью служилых Восточной Сибири в XVIII в. было наличие защитного вооружения, вышедшего из употребления в начале этого столетия в Европейской России, а в 1730-х гг., по сообщению И. Г. Гмелина, его уже давно не употребляли и в Южной Сибири (Зиннер 1968: 158). Такая заторможенность развития военного дела связана, естественно, с местными условиями: война велась с народами, которые использовали холодное оружие, огнестрельное же только осваивалось ими в XVIII в. (ительмены, коряки, юкагиры). «Немирным иноземцам» государство запрещало продавать железное оружие. Это была традиционная политика царского правительства, которое, например, еще в 1675 г., с одной стороны, воспретило продавать оружие башкирам, калмыкам, китайцам и монголам, а с другой — наказало закупать в казну панцири (ДАИ. Т. VI, № 126: 375; Т. VII, № 71: 331; Кузнецов 1890. № 10: 24; Васильев 1916. Т. I. Прил.:

44). Впрочем, чукчи покупали или захватывали оружие у ясачных туземцев — коряков, эвенов, юкагиров.

Наиболее характерный набор защитного вооружения встречаем в документе от 1646 г., где говорится о том, что для похода из казны Верхотурского Братского острога выдали «куяки с наручи, и шелома, и пансыри» (ДАИ. 1848. Т. III, № 4: 26; Вернадский 1915: 333). Тут речь идет об обычном для XVII в. защитном вооружении. Отметим, что наличие наручей у казаков упоминает и чукотский эпос (Богораз 1900. № 146: 389). В Сибири обычно применяли куюки — доспех, в котором отдельные пластины закреплены на подкладке (Винклер 1992: 272. Рис. 356). Вторым самым обычным видом доспеха был распространенный в европейской части России «пансырь» — рубашка из мелких колец, более легкая и удобная, чем кольчуга (Богоявленский 1938: 265; Гордеев 1954: 79—95; Винклер 1992: 271. Рис. 351). И. Г. Гмелин считал характерным для сибирских служилых доспех, состоящий из кольчуги и прикрепленных сверху пластин, — вероятно бехтерец (Зиннер 1968: 158; см.: Винклер 1992: 271).

В отписке анадырского приказчика якутскому воеводе содержится просьба прислать служилых людей для войны с коряками (1708): «Также людей к такому воинскому делу надобно искусных и одежных куяшников, а без куюков и без лушников в здешней стране одним огненным боем с ними коряками управлять трудно, для того: огненные бои они вызнали, на боях порядки не русские» (ПСИ. Кн. 2, № 117: 477—478; ср.: КПМГЯ. № 188: 232; № 189: 234). Итак, куюки были нужны для защиты от холодного оружия местного населения. Другая отписка анадырского приказчика поясняет причину нужды в доспехах (1709): в столкновении у острожка служилые и тунгусы (эвенки) были без куюков, и коряки при вылазке переранили их копьями (ПСИ. Кн. 2, № 117: 487; ср.: Степанов 1959: 201). Отметим, что речь идет именно о куюках, т. е. пластинчатых доспехах, а не о простых кольчугах. Видимо, это не случайно. Композитный лук длиной 1,5—1,7 м — основное оружие народов Восточной Сибири — был достаточно упруг, а стрелы у чукчей имели наконечники из кости, моржового клыка, камня, позднее даже из железа (Богораз 1991: 90; Антропова 1957: 191). Однако можно полагать, что такие стрелы могли пробить кольчугу. Так, испанцы во время завоевания Флориды (XVI в.) заставили пленного индейца выстрелить из своего лука по кольчуге с расстояния 150 шагов (примерно 105 м). В итоге тростниковая стрела с кремневым наконечником пробила кольчугу на два кольца (Малинова, Малина 1988: 43). Вероятно, именно вследствие того, что по своим защитным свойствам кольчуга уступала куюку, где сила удара распределялась по всей пластине, этому виду доспеха отдавалось

предпочтение (ср.: Медведев 1966: 33; Горелик 1991: 4). Хотя и кольчуга также широко применялась казаками, о чем можно судить по тому же чукотскому фольклору (Богораз 1900. № 130: 334; № 146: 389). Очевидно, это были те же «пансыри», т. е. кольчуги, имеющие мелкие кольца, которые лучше защищают от проникающих ударов стрел и копий, чем простые кольчуги.

В 1675 г. в Якутском остроге, по сообщению воеводы А. Барнешлева, у русских и «иноземцев» не было панцирей. (ДАЙ. 1859. Т. VII, № 71: 331). Служилые должны были получать куяки, как и другое оружие, из казны, причем в первую очередь — верхушка служилых (КПМГЯ. № 189: 233—234). В том же документе читаем: «Якуты и тунгусы куяки... сами делают, и для твоих государевых служб у якутов в твою великого государя казну служилым людям куяки емлют». Юагиры также в качестве ясака поставили в 1650 г. «десять куяков якутских да четверы нарушны, шапку железную», 287 пластин «куяшных» и две большие пальмы (Белов 1952. № 66: 194). В 1678 г. охотские казаки просили себе на помощь у якутского воеводы 60 конных служилых в куяках, причем и лошадей, и доспехи русские взяли у ясачных якутов (ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 44-5: 158). Также воины получали куяки в качестве добычи (ДАЙ. 1859. Т. VII, № 3: 10, 36; КПЦ. № 42: 116). Таким образом, куяки имели местное происхождение (ср.: Антропова 1957: 219). Однако неясно, подвергались ли данные брони переделке в соответствии с русскими традициями или нет. Какие-то различия существовали между более распространенными куяками русских, якутов и эвенков. Так, опись казны в Индигирском остроге за 1650 г. отмечает четыре государевых куяка, «да государев же якутцкой куяк, а в нем 180 полец, да два государевых же панцыря да куяк ламутского дела» (Белов 1952. № 67: 196; ср.: № 57: 172; КПМГЯ. № 39: 90). Якутские доспехи, по-видимому, отличались от эвенкийских, которые имели крылья, защищающие затылок и левую руку (Антропова 1957: 219). Возможно, именно эти щиты упомянуты при перечислении элементов тунгусской панοπлии в документе от 1678 г. (ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 44-5: 158). Подобное прикрытие затылка и рук имелось у ительменских, корякских, чукотских панцирей, а также у доспехов азиатских и островных эскимосов. Возможно, данное прикрытие не использовали служилые.

Кроме того, в XVIII в. служилые продолжали употреблять шлемы различных типов, использовавшихся в предшествующем столетии. У русских в XVII в. основными видами шлемов были шелома с округлой, оканчивающейся небольшим острием, тульей, не имеющие забрала, иногда с защитой для ушей; шишак со шпилем, оканчивающимся наверху, и железная шапка — каска с отогнутым нижним краем (Винклер 1992: 278—281; ср.: Стре-

лов 1916. № 41: 132). Вместе с тем, как и на Востоке, употреблялись небольшие округлые шлемы с кольчужной бармицей, закрывающей также лицо, известные на Руси под названием «мисюрки». Чукотское предание называет шлем Якунина-Павлуцкого, имеющий защиту лица с прорезями для глаз, «котлом» (Богораз 1900. № 128: 333; № 146: 390). По-видимому, речь идет о мисюрке, имевшей бармицу и кольчужную защиту для верха лица (Винклер 1992: 278. Рис. 371). В корякском фольклоре так описывается вид шлема: «...шапки носят, как котлы наши» (Жуков 1974: 65). Очевидно, речь идет о «железной шапке», имевшей округлую тулью и потому похожей на перевернутый котел (ср.: Зиннер 1968: 158).

О распространении защитного вооружения среди сибирских служилых известно немного. В уже упоминавшейся отписке якутского воеводы упоминается, что жители Якутска не имели у себя в собственности кольчуг, в то же время служилые обладали куяками: из 250 русских, которые, по словам казаков, готовились к покорению бунтовщиков-якутов, у 100 были куяки (1675 г. ДАЙ. 1859. Т. VII, № 3: 24). Следовательно, 40 % служилых имели доспех.

Основным оружием казаков было ружье (пищаль, мушкет, фузея). В 1653 г. солдат выстреливал в бою 3—4 раза, а в длительном сражении делал 12 выстрелов (Богоявленский 1938: 272). В XVIII в. скорострельность ружей была небольшая, меткость еще меньше. Гладкоствольное ружье делало один выстрел за 1,0—1,5 минуты на расстояние 150—200 м, тогда как из нарезного оружия стреляли один раз за 4—5 минуты на 200—250 м (это дистанция для кавалерийского штуцера, который имел более короткий ствол и, соответственно, дальность выстрела была меньше, чем у пехотного) (Маковская 1992: 81). Как видим, нарезное оружие было дальнбойнее, но заряжалось дольше, им были вооружены в начале XVIII в. преимущественно верхи служилых. Так, в 1702 г. среди кузнецких служилых имели винтовки 50 % детей боярских и 33 % казаков, тогда как у тюменских пеших стрельцов лишь 7 % было вооружено винтовальными пищальми (Маковская 1992: 67). В Восточной Сибири, на дальней окраине Российской империи, использовались устаревшие образцы огнестрельного оружия. Они уступали лукам как в меткости, так и в скорострельности. Опытный лучник мог выпустить 10—12 стрел за минуту. Хотя сами чукчи и не были особо искусными стрелками из лука, но, тем не менее, они умели стрелять. С другой стороны, лучники-«иноземцы», в отличие от русских, не соблюдали в бою линейного порядка, а действовали разреженной линией стрелков, в которую сложно было попасть из ружья. Это давало дополнительное преимущество чукчам. Поэтому без по-

моши лучников было трудно вести борьбу со стрелками. Лучников, способных на равных тягаться с чукчами, русские обычно набирали среди ясачных народов, выступавших союзниками казаков: юкагиров, коряков, эвенов, эвенков, знавших местный способ боя. Да и сами казаки не пренебрегали этим традиционным оружием. Так, еще в последней трети XVII в. конные казаки использовали не только карабины, но и луки со стрелами (ДАЙ. 1859. Т. VII, № 3: 11). Карабин же, дальность стрельбы которого была 100—120 м, уступал луку и в прицельности, и в скорострельности (ср.: Никитин 1987: 57), кроме того, его неудобно было использовать при стрельбе с лошади и перезаряжать. Поэтому сохранение у служилых, в частности всадников, лука и стрел объяснялось не только традицией, но и реальной боевой обстановкой (см.: Медведев 1966: 34). Некоторое представление о колчанном наборе казаков мы можем составить на основании находок на острове Фаддея, где были обнаружены стрелы, в первую очередь охотничьи, русских арктических мореплавателей XVII в. Они имели разнотипные железные, костяные или деревянные наконечники. Древки были тростниковые, камышовые, березовые, яблоневые, кедровые или кипарисовые с оперением из орлиных, лебединых или кречетовых перьев. Из лука стреляли, прикрывая запястья левой руки медным овальным щитком (Руденко, Станкевич 1951: 97—102).

Для ближнего боя конные казаки были вооружены копьями (ДАЙ. 1859. Т. VII, № 3: 11). Копье же упоминается в фольклоре и в письменных источниках в качестве оружия пеших россиян в первой половине XVIII в. (Богораз 1900. № 130: 334; Крашенинников 1949: 483). Пешие служилые умели фехтовать копьем (см.: Иванов 1954: Рис. 28, фиг. 29; Широков 1968: Рис. 7).

Таким образом, вооружение казаков Восточной Сибири лишний раз показывает, как местные условия влияли на его развитие. Ведь одним из основных факторов, влияющих на развитие тактики и вооружения, является способ ведения боя противником. В данном случае противник был вооружен преимущественно холодным оружием, против которого можно было эффективно использовать доспех. Ручное огнестрельное оружие было еще не столь эффективно, как позднее, и подчас уступало по своим боевым качествам луку, что способствовало дальнейшему использованию последнего служилыми. Так, в 1752 г. у селенгинских и нерчинских казаков обычным оружием были, наряду с палаши и шпагой, лук и 30 стрел (Васильев 1916. Т. II: 76). Еще в 1837 г. реестр казаков, посланных на Анюйскую ярмарку, упоминает вооруженных как пищалями, так и луками (Богораз 1934: 52; ср.: Берх 1823: 100). Впрочем, нельзя исключить, что луком были воо-

ружены новокрещенные из сибирских народов, которые в первой половине этого столетия из-за дороговизны ружей и припасов к ним активно использовали лук и стрелы⁴.

Сибирские казаки сохранили в XVIII в. старые русские традиции вооружения, которые у них не были прерваны петровскими преобразованиями. Для сравнения отметим, что в XVIII в. традиционное защитное вооружение из стали в сочетании с луком и стрелами еще достаточно широко применялось не только в Китае, Индии, Центральной Азии, Ближнем и Среднем Востоке, Африке, но и, например, у польских гусар.

Тактика полевого боя. Именно с государевыми людьми чукчи чаще сражались в открытом фронтальном столкновении. Подобная тактика диктовалась самим противником. В первой половине—середине XVIII в. русские проводили длительные карательные акции, направленные на покорение «немирных» чукчей. У служилых не было конницы — природные условия не позволяли ее использовать. Карательный отряд обычно состоял из нескольких десятков казаков и солдат, вооруженных огнестрельным оружием, и нескольких сотен туземных союзников (юкагиров, коряков, эвенков), в основном с холодным оружием. Эти отряды вели наступательные действия, громя чукотские стойбища, убивая мужчин, угоняя оленей, уводя в плен женщин и детей, налагая ясак на покорившихся, — типичная картина колониальной войны. Д. И. Павлуцкий во время эпидемии оспы в Анадырске отпустил инфицированного пленного чукчу домой, чтобы он перенес эпидемию к своим, что и произошло: умерли и множество его сородичей (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585). Как это напоминает зараженные одеяла американцев, подбрасываемые индейцам! В общем, в определенной мере это была стратегия выжженной земли. Если в войне против инков или даже ацтеков испанцам достаточно было захватить правителя, чтобы повернуть ход операции в своих интересах, то с обществом, живущим патриархальными семьями, где не было даже развитой родовой организации, такой прием не удавался. Чукчи, даже давая аманатов, отказывались платить дань-ясак, поскольку заложники не были всем им родственниками (ДАИ. 1857. Т. 6, № 136: 407; КПЦ. № 57: 156–157).

Поскольку охранение у россиян было организовано хорошо, то основной способ нападения чукчей на непримиримого врага — внезапное нападение на не ожидающего атаки противника — в основном не срабатывал. Засады были более эффективны, но не всегда успешны. Поскольку карательные экспеди-

⁴ Отмечу, что в 1969 г. В. А. Пашков видел обмотанный кожей лук длиной около 1 м в яранге у оленных чукчей в тундре между поселками Черским и Певком.

ции были продолжительны, то чукчи имели достаточно времени договориться о совместных действиях, поэтому они могли собрать огромные для них по численности войска, ведь самые большие отряды чукчи собирали именно для борьбы с русскими. Однако при фронтальных столкновениях сказывалось превосходство огнестрельного оружия, ведь «по их названию русская галанка или солдатская фузея преимущественно пробивает все их куяки или панцири усовы, и рыбы кости не помогают» (АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; ср.: Вдовин 1965: 37). Согласно челобитной служилых Верхоленьского острога (1646), их худые пищали не пробивали бурятских куяков, но «нарочитые [отличные] пищали» делали это (КПМГЯ. № 188: 232). Служилые для эффективности стрельбы строились в линию. В первом сражении с чукчами 7 июня 1731 г. капитан Д. И. Павлуцкий, согласно казачьей «сказке» 1772 г., построил «команду в парад так обыкновенно, как и в России на сражениях бывает», отвергнув совет казачьего сотника поставить служилых на расстоянии 1,5 сажени (примерно 3 м) друг от друга, чтобы не дать возможности более многочисленному врагу окружить их (Зуев 2001: 24). Такой «рассыпной» строй, по мнению А. П. Васильева (1916. Т. I. Прил.: 34), был типичен для сибирских казаков. На флангах обычно располагались сибирские союзники. Наступающей стороной обычно были чукчи. Цель огненного боя состояла в том, чтобы нанести наибольший урон противнику и не допустить последнего к рукопашной схватке, в которой чукчи могли использовать свое численное превосходство. В ближнем бою чукчи — индивидуальные воины, благодаря тренировкам весьма искусные в фехтовании копьем, превосходили не только казаков с их сабельным и копейным боем и солдат со штыковым боем, но и своих соседей оленных коряков. Опорой боевого порядка россиянам служил обоз, составленный из нарт, где при неблагоприятном исходе можно было укрыться и обороняться от чукчей, которые не умели вести осаду (см.: КПЦ. № 65: 170). В XVII в. при необходимости принять полевой бой около обоза или у судов обычно оставалась большая часть отряда, служа резервом, тогда как примерно треть служилых шла в сражение (Васильев 1916. Т. I. Прил.: 34).

Теперь обратимся к описанию конкретных сражений, которые покажут нам тактику противников. Для нас представляет интерес описание боя в 1702 г., когда в бой против 130 россиян и их союзников, юкагиrow и коряков, вступили более 3000 оленных и оседлых чукчей. Сражение шло с утра до вечера, и многие из чукчей были «побиты», россияне же потеряли ранеными 70 служилых и юкагиrow (ПСИ. Кн. 2, № 122: 525—526). В. С. Богораз (1934: 44) справедливо отмечает, что количество чукотских воинов преувеличено, впрочем, такое преувеличение сил про-

тивника — явление, характерное для всех времен и народов. Отметим, что о своих потерях информант, казак Т. Даурцов, скромно умалчивает, отмечая лишь раненых, а о враге говорит в общих чертах: они потеряли многих. Однако, вероятно, такие потери соответствуют действительности. Бой длился весь день. Как отмечает К. фон Клаузевиц (1941: 431—432), «рукопашный бой фактически не имеет никакой длительности». Вспомним, что различные документы второй половины XVII—XVIII в. в один голос утверждают: «...а у чюхоч лучной бой...» (ДАЙ. Т. 6, № 136: 407 (1676); ср.: ПСИ. Кн. 2, № 122: 524-525, bis (1710); КПЦ. № 57: 157 (1711); также см.: Вдовин 1965: 37—38). Следовательно, сами противники чукчей считали, что основным видом боя у чукчей является бой с помощью лука, перестрелка. Поэтому, очевидно, чукчи не стремились завязать рукопашную схватку с противниками. Кроме того, нельзя не учитывать и того, что чукчи боялись русских, их огненного боя и железных доспехов (Богораз 1900. № 130: 334). От этого страха, поразившего чукчей, и от особенностей ведения ими боя возникло и само название русских: «огненные [огнивные] враги» (Мерк 1978: 100; Литке 1948: 221; Богораз 1919: 55; ср.: Стеллер 1927: 14 (ительмены); Линденау 1983: 103 (коряки)) или «люди, одетые в железо» (Богораз 1900. № 130: 334; № 146: 389—390). Следовательно, в бою россияне, скорее всего, имели раненных стрелами, тогда как чукчи были убиты из ружей. Вечером же «отошли те чукчи и стояли вблизи». Россияне, очевидно, отсиживались в лагере, из-за численного превосходства врага боясь произвести вылазку или выйти на бой. Пять дней стояли чукчи у русского стана, ничего не предпринимая, а затем пошли в набег на Анадырь.

В источниках мы можем найти два полевых сражения чукчей с российскими отрядами, которые достаточно подробно описаны, чтобы составить некоторое представление о тактике той и другой стороны в бою в первой половине XVIII в. — это сражение на реке Егаче (1730) и на реке Орловой (1747). Оба этих боя закончились гибелью предводителей экспедиционных отрядов — казачьего головы А. Ф. Шестакова и драгунского майора Д. И. Павлуцкого, и поэтому данные сражения хорошо отражены в официальных документах.

На основании материалов из сибирских архивов А. С. Сгибнев (1869: 15—17) составил описание последнего боя отряда А. Ф. Шестакова с чукчами на реке Ергаче, между реками Парень и Пенжиной, 14 марта (по старому стилю) 1730 г. Поскольку это не прямой первоисточник, то автор местами мог вносить свое понимание событий, однако все описание с военной точки зрения не вызывает сомнений и согласуется с другими свидетельствами (ср.: Майдель 1894: 544; Слюнин 1900. Т. I: 40—41;

Вдовин 1965: 117). Отряд якутского казачьего головы А. Ф. Шестакова был послан правительством Екатерины I для «призывания» в подданство «немирных» чукчей и коряков (1727—1730 гг.; КПЦ. № 60: 160; Зуев 2002: 56—63). Отряд дошел из Якутска в Охотск по суше, но, выйдя оттуда по морю, потерпел кораблекрушение и далее шел по суше из Тауйского острога в Анадырск, по пути заставляя оседлых коряков платить ясак. Если же последние отказывались давать дань, то целые семьи сжигались в их жилищах. Узнав об угрозе нападения чукчей, А. Ф. Шестаков оставил казну в укреплении из санок у реки Тылка, а сам примерно со 150 бойцами, из которых 21 были русскими, отправился вперед⁵ и у реки Ергачи наткнулся на чукчей. Последние направлялись в очередной набег на коряков, но встретили русских. Численность чукчей неясна, но их было значительно больше⁶. Хотя начальники хотели напасть на чукчей ночью, но голова заснул, а будить его, опасаясь крутого нрава, не осмелились. Поэтому бой произошел на следующий день у сопки недалеко от реки. «Сойдясь на близкое расстояние, та и другая сторона начали готовиться к бою. Русские и инородцы надели куяки и шипаки, а чукчи свои костяные куяки. Шестаков построил на правой руке тунгусов пеших, оленных и тауйских, на левой коряк оленных и тауйских, а в центре поставил русских и якутов. Сам же, с переводчиком Тайбутом, поместился позади своего отряда, в острожке из санок, который устроен был во время переодевания и размещения людей.

Сражение началось без всяких предварительных переговоров. Русские сделали залп из ружей, на который чукчи отвечали градом стрел; раненые повалились с обеих сторон. Не давая времени вторично зарядить ружья, чукчи кинулись массой на русских и смяли их. Левое крыло не выдержало натиска, и коряки, ища спасения в бегстве, попали в засаду. Бросившиеся из нее чукчи легко разметали коряк и пошли на острожек. Правое крыло билось также недолго, хотя и было и одето, и вооружено лучше других. Заметив гибель левого крыла, тунгусы бросились в беспорядке в бегство, не думая подать помощь русским. При окончательном бегстве союзных инородцев, остались одни казаки. Шестаков, видя гибель товарищей, не вытерпел — выскочил из острожка выручать своих и побил много неприятелей; но стрела,

⁵ Согласно Г. Майделю (1894: 544), в отряде было 23 казака, из них 5 анадырских, 48 эвенков, 20—30 коряков, 13 эвенов и 10 якутов, то есть всего 114—124 воина. Н. В. Слюнин (1900. Т. П: 6, примеч. 3) полагает, что в 1729 г. у А. Ф. Шестакова было в отряде 13 казаков, 48 пеших эвенков, 30 оленных эвенов, 10 тауйских якутов.

⁶ Как отмечает А. С. Зуев (2002: 63), «по некоторым данным», чукчей было до 2000.

пущенная меткою рукою, поразила его в самое горло и заставила спасаться. Выдернув стрелу, Шестаков бросился на первые попавшиеся санки, но, к несчастью, они были чукотские, и олень завез его в середину неприятелей, где четверо чукок кинулись на Шестакова и закололи его копьями. Переводчик, свидетель смерти головы, успел убежать и, догнав союзников, которым чукчи не препятствовали отступать, объявил им, что большого не стало».

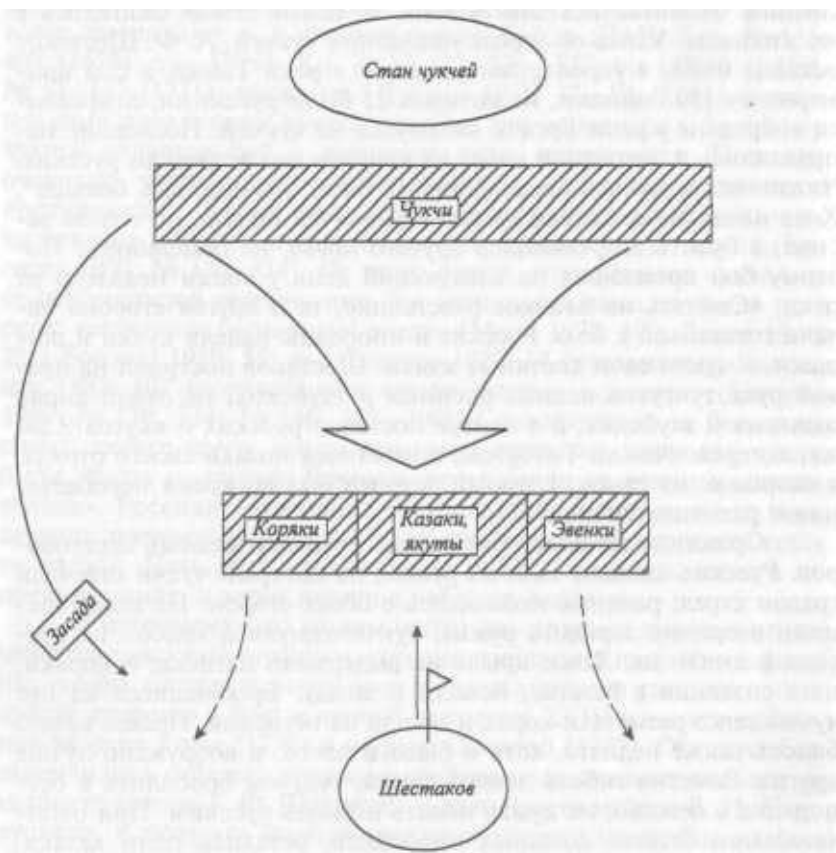

Схема сражения на р. Ергаче 14 марта 1730 г.
между отрядом А. Ф. Шестакова и чукчами.
Выполнена А. В. Сильновым

По данному описанию мы можем выявить характерные черты тактики обеих сторон. Подойдя друг к другу на обозримое расстояние, войска стали снаряжаться для боя. Судя по тексту, защитное вооружение было распространено как среди русских, так и среди местных народностей. Во время этого одевания русские, по своему обычаю, поставили «вагенбург». Это традиция еще XVII в.,

согласно которой русские войска создавали лагерь из обозных телег, тогда как в условиях Сибири этот вагенбург трансформировался в укрепление из подручных обозных саней. Далее стали строиться. В центре армии А. Ф. Шестаков, по традиции, поставил наиболее надежные части: казаков и якутов, опиравшихся тылом на «вагенбург». На левом фланге находились более многочисленные коряки, вооружение которых вряд ли существенно отличалось от снаряжения их противников (см.: Иохельсон 1997: 99—102). Правое крыло часто сильнее левого, поскольку людям, обычно правшам, там сражаться сподручнее. Вряд ли речь идет о вооружении эвенов огнестрельным оружием, поскольку существовал запрет на его продажу сибирским народам (Миддендорф 1869. Отд. 5: 596; ср.: ДАЙ. 1859. Т. VII, № 71: 331). Ведь еще в 1770 г. А. Бриль (1792: 378) отмечал, что оленные эвены и эвенки боятся брать в руки огнестрельное оружие (Калачов 1871: 43). Вероятно, речь идет о защитном вооружении: кюках, шлемах, наручах, которые часто упоминаются в документах (ДАЙ. 1848. Т. III, № 87: 324; № 92: 833; 1859. Т. VII, № 71: 331; 1862. Т. VIII, № 44-5: 158; Белов 1952. № 67: 196; о конструкции доспехов см.: Антропова 1957: 219). Также в описании отмечается добротная одежда эвенков, вероятно, имеется в виду красивый распахной кафтан (Слюнин 1900. Т. I: 368—369). А. Ф. Шестаков со знаменем находился в «острожке» из саней, откуда он с помощью переводчика руководил войсками. Совершенно ясно, что линия отряда не была очень длинной, раз из одного места в центре можно было руководить всеми.

О построении чукчей ничего не сообщается, но, по-видимому, воспользовавшись ночью, они сделали засаду за левым флангом войска противника или же, воспользовавшись большей протяженностью по фронту, просто зашли в тыл корякам.

Сражение началось сразу, без взаимной ругани и поединков, для чего, очевидно, противники сблизилась. Бой начался традиционно: перестрелкой, от которой обычно было много раненых, но мало убитых. Чукчи, не дав русским перезарядить ружья и выстрелить повторно, пошли в атаку, решив использовать свое численное превосходство и мастерство индивидуальных воинов. Вероятно, по всей линии фронта стали переходить врукопашную. У чукчей это обычно фехтование на копьях. Первыми дрогнули коряки. Хотя в целом неясно, была ли рукопашная между чукчами и коряками или коряки сразу пустились в бегство. Увидев отходящих коряков, чукчи выскочили из засады и с двух сторон окончательно разгромили противника, после чего направились к «вагенбургу», против А. Ф. Шестакова. Правый фланг также сопротивлялся недолго, увидев, что левый бежит. Бой шел в центре, где сражались русские и якуты, на помощь

выскочил и голова, которого, по-видимому, окружили враги. Сопротивляющихся, видимо, чукчи брали в кольцо. В ходе рукопашной стрела попала А. Ф. Шестакову в шею. Он, выдернув стрелу, хотел спастись бегством и влез на первые попавшиеся оленины нарты, однако силы его, по-видимому, иссякали, и он не мог управлять оленьими нартами (а возможно, не очень-то и умел), которые привезли его к хозяину. Причем в тексте говорится только об одном направляющем правом олене, тогда как в ездовой чукотской нарте было два оленя, вряд ли речь шла о грузовой нарте, запряженной одним животным, их чукчи обычно оставляли в лагере, а не рядом со строем воинов, подъезжавших к месту боя именно на ездовых санях. Хозяин нарты вместе с тремя другими воинами заколол Шестакова. Чукчи не преследовали разбитых врагов. Всего был убит 31 человек: сам А. Ф. Шестаков, дворянин Б. Жертин, 9 казаков, столько же якутов и 11 прочих⁷; чукчи захватили в острожке знамя, 12 фузей, 3 винтовки, 12 ручных фанат, 12 железных куяков (Сгибнев 1869: 16)⁸. Уже в следующем году во время своего первого похода против чукчей Д. И. Павлуцкий отбил часть этой добычи.

На примере данного сражения мы можем рассмотреть некоторые особенности тактики обеих сторон. Россияне строились в обычный линейный порядок: сами располагались в середине, а союзники — на флангах. При этом расчет делался на силу ружейного огня и отражение атаки неприятеля. Ведь из-за значительного численного перевеса противника тактика отряда А. Ф. Шестакова должна была быть оборонительной. Чукчи также использовали приемы боя, которые вырабатывались у них в борьбе с русскими: во-первых, окружить противника, в данном случае путем засады; во-вторых, не дать врагу использовать свое преимущество (если такое было) от огнестрельного оружия и скорее перейти к рукопашному бою, где можно использовать свое как численное, так и физическое превосходство (ср.: Две записки... 1873: 362; Окунь 1935а: 78); и, наконец, в-третьих, не преследовать врага, избегая тем самым лишних потерь.

Другим достаточно хорошо известным сражением русских с чукчами является бой на реке Орловой 14 марта (по старому стилю) 1747 г. Сражение освещено в источниках с разных сторон. Официальные рапорты о смерти майора, естественно, показывают бой с российской стороны, представляя факты в выгодном для нее свете (КПЦ. № 65—66). Несколько дополняет сухие отчеты информация работавших с документами сибирских архи-

⁷ По другим данным, погибло 11 русских, 11 эвенов, 6 якутов, один коряк (Гольденберг 1984: 72).

⁸ А. С. Зув (2002: 63) полагает, что погибло 10 служилых, 6 якутов, 11 эвенов, 1 новокрещенный коряк.

ВОВ А. С. Сгибнева (1869а: 59), П. А. Словцова (1886. Кн. 1: 253—254) и Г. Л. Майделя (1894: 560). Подробности о гибели майора можно найти даже в преданиях колымчан, марковцев и анадырцев (Майдель 1925: 23—24; Олыксандрович 1884. № 11: 295; Дьячков 1893: 37—39). И наконец, чукотскую точку зрения на эти события мы можем видеть в ряде сказаний о Якунине, по-разному трактовавших гибель майора (Богораз 1900. № 127—129; 146). Неясно, почему тут Павлуцкий именуется Якуниным, ведь имя его было Дмитрий Иванович. В. Г. Богораз предполагает, что у майора была кличка Яков, откуда и произошло прозвище Якуня (Тан-Богораз 1930: 64).

Итак, 12 марта ясачные коряки, которых должны были защищать как своих подданных русские власти, пожаловались коменданту Анадырской крепости майору Д. И. Павлуцкому на чукчей, которые в этот день угнали у них и у казаков семь табунов оленей и захватили в плен восемь человек (КПЦ. № 65-1: 169). Д. И. Павлуцкий бросился в погоню, не дожидаясь подхода подкреплений. Он «собрался с легкими людьми с солдатами и служилыми всего» 97 человек, в том числе четверо казачьих детей, один колымский служилый, двое посадских. Они отправились вперед на собачьих нартах и оленях. Также в походе приняли участие 35 оленных коряков, которые, соответственно, и ехали на оленьих нартах. Позади на лыжах шли 202 солдата и казак под командованием сотника А. Котковского, неся на себе оружие и везя нарты. Для охраны Анадырска осталось всего 53 человека.

Утром 14 марта авангардный отряд майора догнал чукчей. Последние, в количестве около 500 человек, расположились на возвышенности. Майор собрал

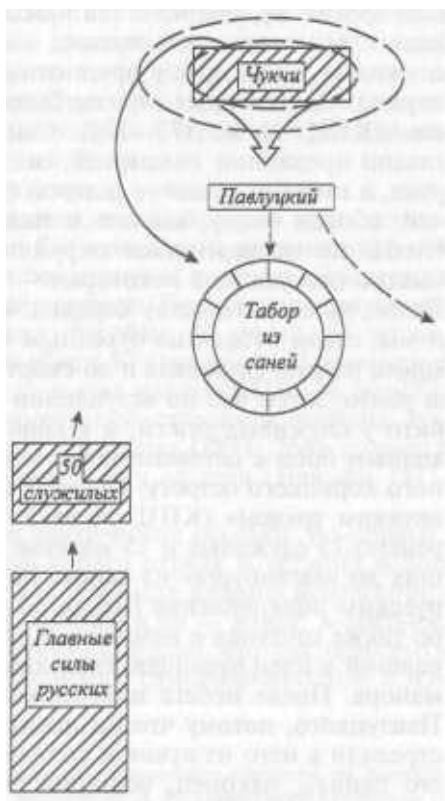

Схема сражения на р. Орловой 14 марта 1747 г. между отрядом Д. И. Павлуцкого и чукчами.

Выполнена А. В. Сильновым

совет. Один из сотников предложил стать табором, огородившись нартами, и ждать остальную команду, тогда как сотник Кривошапкин посоветовал напасть на чукчей немедленно, пока они сконцентрированы в одном месте и не разбрелись по окрестностям (Словцов 1886. Кн. 1: 253—254). Д. И. Павлуцкий, последовав второму совету, отдал приказ начать бой. В показании ясачных коряков от 17 марта 1747 г. так описываются последующие события: «И как они, неприятели, рассмотрели, что малолюдно, едва через великую возможность дали выпалить из ружей один раз и то не всем, бросились вдруг на копья и не дали никакой неправы, стали побивать наше войско и много ружей отбили» (КПЦ. № 65-2: 169). Рапорт А. Котковского в иркутскую канцелярию от 3 апреля 1747 г. описывает ситуацию с русской точки зрения: «...а больше и ружей заправить было некогда, понеже пошли неприятели чюкчи на копьях, так же и они [казаки] насупротив их, неприятелей чюкоч, пошли на копьях же и бились с ними не малое время... они, неприятели, у служилых и служилые у них друг у друга отнимали из рук копья, а протчие служилые, у которых отбиты были ружья, оборонялись и ножами» (КПЦ. № 66: 173—174). Сам майор храбро сражался. Согласно преданиям анадырцев, он дрался, держа саблю в правой руке, а ствол от ружья — в левой (Майдель 1925: 24). Часть «чукчей, обойдя сопку, явилась с тыла» (Словцов 1886. Кн. 1: 254). Чтобы не подвергнуться окружению, коряки и русские стали быстро отступать, а некоторые — на оленях спастись бегством. Далее, по свидетельству коряков: «...достальные служилые, также и мы, стали отбиватца отходным боем и тогда с нашей стороны много ранено служилых и до смерти побито, также и коряк много ж убито, затем что по вступлении с неприятелями в баталию отбито у служилых ружей, а у коряк луков, и отбивались тем отходным боем с оставшимися с нами служилыми до своего осадного коряцкого острогу, который был из наших возовых санок, с великим трудом» (КПЦ. № 65-3: 170). Только при отходе было ранено 13 служилых и 15 коряков. Чукчи преследовали отступавших до «вагенбурга» из санок, но, увидев спешащее на помощь русским подкрепление (около 50 человек), отступили. Сам майор также отступал с немногими оставшимися с ним. «Чукча, попавший в плен чуванцев, следующим образом описывал кончину майора. После побега изменников чукчи долго не могли убить Павлуцкого, потому что он носил панцирь. Чукчи долгое время стреляли в него из луков и кололи копьями, а все-таки не могли его ранить; наконец, обступив его, как волки оленя, запутали ремнями, уронив на землю, и нашли место заколоть, под самым подбородком» (Дьячков 1893: 39). Г. Майдель (1925: 24) приводит еще некоторые подробности, которые также рассказали чук-

чи чуванцам, а те анадырцам. Майор трижды нападал на врагов, однако чукчи не могли его ранить, поскольку он был в кольчуге и шлеме. Затем его свалили арканами и стали душить, «тут он сам открыл железный нагрудник и ударом копья кончилось дело». Об этом же рассказывает и предание колымчан, согласно которому, майор расстегнул ворот кольчуги (Олыксандрович 1884. № 11: 295). Согласно чукотским сказаниям, майор сначала был ранен стрелой в глаз, а затем добит (Богораз 1900. № 127: 332) или же, после данного ранения, его взяли в плен и замучили в отместку за страдания, причиненные чукчам (Богораз 1900. № 128: 333; № 129: 334; № 146: 390; рго: Тан-Богораз 1930: 64). В данном случае это просто фольклорный сюжет, основанный на обычае подобного бесчеловечного обращения с пленным военачальником. Существовало и предание о том, что чукчи, отрезав майору голову, берегли ее как реликвию (Стибнев 1869: 34; 1869а. № 5: 59), а жители Нижнеколымска верили, что чукчи разрезали тело майора на куски, засушили их и хранили как память (Олыксандрович 1884. № 11: 295). Совершенно верно образное замечание И. Шкловского (1892: 99) о характере преданий о Д. И. Павлуцком: «Этот капитан — самый популярный герой на крайнем северо-востоке Сибири. Он местный Роланд».

Когда авангард основного отряда русских, шедших к майору, встретил беглецов, они решили, что майор уже убит, поэтому не стали спешить⁹. На поле боя пришли на следующий день и обнаружили там тело майора без шлема и панциря. Последние были взяты чукчами в качестве трофеев. Всего чукчи захватили одного служилого, знамя, пушку, барабан, 40 ружей, 51 копьё, множество оленей. В бою было убито 32 служилых, 11 коряков и 8 начальных людей, в том числе и сам майор (КПЦ. № 66: 173; Вдовин 1965: 123). В 1870 г. чукотский старшина подарил колымскому исправнику барону Г. Майделю (1894: 264) кольчугу Д. И. Павлуцкого, которая досталась ему от деда (Нейман 1871. Т. I: 18).

Итак, майор допустил три тактические ошибки. Во-первых, он не подождал основной части своего отряда и вступил в бой лишь с авангардом; во-вторых, для боя была избрана неблагоприятная позиция: враг находился наверху, а он — внизу; в-третьих, отряд был оторван от «вагенбурга», который мог бы прикрыть его тыл. Возможно, все это объяснялось самоуверенностью и излишней поспешностью.

⁹ Согласно нижнеколымскому преданию, колымчане спешили на помощь майору, но встретившиеся им казаки, шедшие от Д. И. Павлуцкого (Березкин и Криговорницын), велели им не торопиться, посему и помощь запоздала (Олыксандрович 1884. № II: 295; Богораз 1902: 148; 1902а: 71). В чуванском предании вместо русских-колымчан на помощь не успели сами чуванцы (Дьячков 1893: 37–38).

Оставив позади себя в тылу «вагенбург» из корякских нарт, майор двинулся вперед на сближение с неприятелем. Какова была диспозиция, неясно. Вероятно, русские успели развернуться в линию. Казаки были вооружены ружьями и копьями, причем, судя по сообщению А. Котковского, некоторые служилые имели еще и ножи. Коряки имели свое обычное оружие, в частности луки. Чукчи действовали весьма умело. Они воспользовались своим почти пятикратным численным превосходством и выгодным тактическим расположением на возвышенности. Дав возможность русским выстрелить только раз, чукчи кинулись с возвышенности врукопашную, увеличив силу своего натиска быстрым спуском с холма. В ближнем бою они могли эффективно воспользоваться как своим численным превосходством, так и своим фехтовальным мастерством. Так, К. Мерк (1978: 141) замечает о поведении чукчей: «Эти мужчины храбры, когда им противостоит масса, меньше боятся смерти, чем трусости». Бой стал представлять собой фехтование на копьях. Вероятно, русские казаки также умели достаточно искусно сражаться именно копьями. Ведь предметы чукотского искусства представляют нам, как чукчи сражаются с русскими на копьях. Копье держали двумя руками: правая рука, сжимавшая древко у заднего конца, была поднята и согнута в локте, она направляла удар, левая рука держала древко у середины, корректируя удар. Стойка бойца при этом была левосторонней (Иванов 1954: Рис. 28, фиг. 29; Широков 1968: Рис. 7; 9). В бою старались вырвать, выбить или сломать противнику копьё, чтобы оставить его без оружия. Причем умели фехтовать на копьях как сами казаки, так и солдаты, ведь, по сообщению В. Шатилова (1751), россияне не использовали шпаги и штыки при штурмах, оставляя это оружие в лагере (КПЦ. № 42: 117—118). Вероятно, и в полевом бое ситуация была схожей.

Дальнейший ход боя можно восстановить следующим образом. Русские, теснимые неприятелем, стали, отбиваясь, отступать к «вагенбургу» из саней коряков. Вероятно, строй был потерян, возникла сумятица, а затем и бегство, и именно в это время служилые понесли наибольшие потери. Причем, судя по потерям, отбивались особенно яростно казаки, тогда как коряки сражались менее доблестно. Впрочем, часть россиян, имея под рукой упряжки, просто бежала на них с поля боя. Отступающим спало от уничтожения то, что они успели подойти к полевому укреплению, и то, что чукчи, испугавшись нового подкрепления, отступили. Местоположение «нартебурга» и расстояние от него до строя отряда майора неясно. Вряд ли коряки спешили для боя за несколько километров до встречи с противником: обычно с саней сходили непосредственно перед боем. Хотя, с другой стороны, речь могла идти о нартах с обозом («возовые сани»), ко-

торые могли быть оставлены в тылу на более дальнем расстоянии. П. А. Словцов (1886. Кн. 1: 254), базируясь на архивных данных, сообщает, что казаки отступали вместе с майором пять миль (около 7,5 км), но все во время этого отхода были убиты. Данное свидетельство выпадает из общей канвы происходящего: майор с арьергардом отбивался, а основная масса его войск бежала к острожку или вообще прочь. Возможно, имеются в виду убежавшие, которые, проследовав данное расстояние, встретили основные силы, коим и поведали о гибели майора. Вряд ли это была часть отряда, которая сражалась вместе с майором в арьергарде отступающих и не смогла войти в укрепление из саней коряков. Майор был фактически брошен на поле боя остальными силами, часть которых убежала, а часть скрылась в острожке из нарт.

Поражение россиян было полным. Все это произошло между реками Анадырь и Майн, в месте, которое в середине XIX в. называлось Майорской сопкой (Сгибнев 1869а: 59) и Майорским озером (Дьячков 1893: 38). Еще в начале XX в. на сопке стоял крест в память об этом событии, а вокруг этого места периодически находили кости (Колтун 1904: 35).

Таким образом, данное сражение представляет нам характерный образец военного искусства как чукчей, так и россиян. В марте, когда заканчивался сезон зимних набегов, большой отряд чукчей совершал обычный разбойничий налет на стада оленей и тут же уходил назад, чтобы русские не успели поднять войска. Однако Д. И. Павлуцкий сразу пошел в погоню и через день настиг врагов. Произошел бой. Яснее всего видна тактика чукчей, поскольку документы концентрируют внимание на способе действия врага. Чукчи, для обеспечения себе стратегического превосходства, встали на возвышенности, по-видимому, еще не зная о численности русских. В первый момент тактика чукчей была оборонительной: им необходимо было выдержать первый залп русских, но затем они перешли в наступление, чтобы разбить врага в рукопашной схватке. Одновременно часть чукчей заходила в тыл, стремясь окружить противника, — это другой характерный элемент чукотской тактики, будь то большой бой или борьба нескольких воинов. Наконец, в этом сражении чукчи преследовали разбитого врага, стремясь закрепить свою победу.

Говоря в целом о военном деле казаков Восточной Сибири, следует указать, что стратегия была наступательной, ведь русские осваивали новые территории, облагали ясаком разные народы, однако тактика их была оборонительной, поскольку их отряды были небольшие, а противников — многочисленные, и им легче было обороняться, неся при этом небольшие потери, чем наступать, теряя многих бойцов (Васильев 1916. Т. I. Прил.: 39; Никитин 1996: 78). В поле казаки становились табором, и

держали оборону от превосходящих сил противника (ДАЙ. 1862. Т. VIII, № 44-18: 175; Крашенинников 1949: 481). Для сражения выходили и развertyвались в линию: основу боевого порядка по центру составляли казаки, а союзники из местных народностей, если они были, вставали на флангах. Цель такого построения состояла в том, чтобы огнем ружей опрокинуть противника, а если он все же вступит в рукопашную схватку, то своей достаточной сплоченностью отразить натиск недисциплинированного ополчения, которое обычно после первой неудачи обращалось в бегство. Поскольку казаки не использовали щитов, то им было необходимо защитное вооружение. Часто это были пластинчатые доспехи — куяки или кольчатые брони — «пансыри», которые, видимо, неплохо защищали от холодного оружия местного населения.

Если Западная Сибирь была покорена к началу XVII в., Якутия — в первой половине этого столетия (Иванов 1999: 148—151); эвенки, эвены и юкагиры активно сопротивлялись колонизаторам еще во второй половине XVII в., коряки и ительмены, покоренные в 1697—1711 гг., восставали, соответственно, в 1731—1732 и в 1745—1756 гг., то последние, кто активно сопротивлялся в Сибири русским, были чукчи, война с ними продолжалась до 1778 г. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», русские власти обязывали ясачных «иноземцев» участвовать в походах, часто это были представители этноса, враждебного тому, против которого устраивалась экспедиция (ср.: Стеллер 1927: 18). Воины из местных племен хорошо знали военные обычаи противника и могли оказать неоценимые услуги в борьбе. В целом российский вариант колонизации был гуманнее североамериканского, когда индейцев просто уничтожали, и приближался к испанскому, когда образовывалась значительная масса метисного населения при сохранении индейских анклавов в труднодоступных районах. Такие районы были особенно велики в Сибири, которая из-за суровых климатических условий имела весьма небольшую плотность населения.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В приложении приводятся героические сказания чукчей, коряков и азиатских эскимосов, наиболее рельефно иллюстрирующие военное дело крайнего северо-востока Азии. Данные тексты обычно не являются буквальными переводами, но представляют собой литературно обработанные произведения. Эскимосский фольклор дополняет чукотские сюжеты, обращая внимание на отдельные обычные для оленеводов детали, которые ускользают или не поясняются в собственно чукотском фольклоре. Подчас в сказках этих двух народов приводятся дополняющие друг друга варианты текстов, говорящие нам о наличии некоего основного сюжета, восходящего к определенным историческим событиям, которые, впрочем, пройдя через горнило фольклора, становятся подчас совсем неузнаваемыми, сливаясь в некую единую массу. Последнюю иногда трудно разделить на пласты, а тем более датировать. Все же там, где сюжет говорил о каком-то периоде чукотской истории, это отмечено. В текстах, вслед за словоупотреблением оригинала, оставлено различное написание названия противников: таньги, таниты, танниты и т. д.

Чукотские героические сказания

О ЯКУНИНЕ СКАЗКИ (II)

Сказание приведено по изданию: Богораз 1900. № 127: 330—332; ср.: Тан 1898. № 116, 118. Текст записан В. Г. Богоразом в 1897 г. от оленного чукчи Изэаки на урочище Аконайке (местность к востоку от Колымы в лесной зоне). В этой и последующих сказках из данной книги В. Г. Богораз деление на абзацы мое, поскольку у него текст не разбит на абзацы. Кроме того, для удобства я перевел в кириллицу имена и географические названия, написанные кириллично-латинской графикой. Само повествование в сказочной форме

рассказывает о борьбе чукчей с Якуниным, под этим именем скрывается исторический персонаж, непримиримый враг чукчей Д. И. Павлуцкий, который, как истинный герой эпоса, сражается с врагами один. Сказка литературно не обработана рассказчиком, она четко делится на несколько, в общем, слабо связанных между собой частей. В первой части передаются чукотское представление о появлении русских и мотивы их вражды с чукчами. Во второй, центральной, части описываются походы Якунина и его смерть в поединке с чукотским богатырем. Далее следует рассказ о посольстве к Солнечному Владыке — русскому императору, это содержание еще одной части сказки. В последней же части рассказывается о заключении мира между русскими и чукчами через посредство чуванцев (1778). Таким образом, сказка как бы описывает всю чукотскую войну

Была девочка, имя Гынкы-нэут. Собрались в шатре совершающие служение, закрыли дымовое отверстие, поют, а между тем это собаки. Одни поют: «Кооо, косо!», воют дружечки, другие: «Коон, коон, коон!», третьи, стоящие: «Ооо, нооо!»¹ Наконец хозяйка говорит девушке: «Посмотри-ка, что за поющие, зачем они закрыли дверь и дымовое отверстие?» Нашла щель, заглянула. Все собаки воют. Люди прибежали и стали колотить. Убежали собаки на западную сторону, стали русским народом². Часть осталась собаками, сделалась их упряжкой. Прежние битые стали гневаться за удары, начали войну. «Гук! Мы не знали! Наши били собак, а они стали народом!» Стали воевать.

Пришел Якунин, железом одетый, худо убивающий, Якунин, огнивный таньг³, стал истреблять народ. У него приемыш, взращенный из кочевых людей, приносящий пищу, проворный, быстроногий, на бегу догоняющий дикого оленя; убивает но-

¹ В. Г. Богораз в примечании к этому пассажи пишет: «Здесь изображается праздник мн'еьрг'ын, который как будто бы справляли собаки. При этом празднике совершается торжественное служение над добычей охоты, причем мужчины шаманят, стуча в бубен, а женщины, становясь перед ними, выражают свой религиозный экстаз различными странными телодвижениями и пляской. Между прочим собакам, волкам и другим хищным животным приписывается также совершение таких служений после удачной охоты». Чукчи, как и другие первобытные народы, не отделяли человека от мира природы и считали, что одни и те же обряды исполняются как людьми, так и животными (ср.: эскимосская сказка «Как собаки праздник справляли» (Меновщиков 1947: 224)). Относительно самого благодарственного обряда можно добавить, что оленные чукчи справляли мн'эгыргын — «молитвенное» песнопение — после забоя телочки в плотно закрытой яранге: мужчина пел и бил в бубен, а женщины ему подпевали. Это песнопение сопровождало душу оленя в стадо этих животных у верхних (небесных) людей — умерших насильственной смертью предков чукчей (Кузнецова 1957: 314-318; Вдовин 1977: 160).

² Подобное интересное объяснение этногенеза русских могло возникнуть, по объяснению В. Г. Богораза (1902: 155, примеч. 1; Тан 1898. № 116: 2; № 118: 2), из-за заунывных народных песен, которые у чукчей сопоставлялись с собачьим воем. Однако и у американских эскимосов описывается подобное происхождение людей: у женщины и пса родилось пять щенков и пять людей, от первых произошли предки европейцев и индейцев, а от вторых — эскимосов (Тан-Богораз 1936: 244; ср.: Богораз-Тан 1936: 39-40).

³ То есть враг, употребляющий железное огниво.

жом, вываливает меняло⁴, хватает за заднюю ногу, вскидывает вверх, прямо так уносит домой⁵. Худо убивающий Якунин истребляет людей, собрал шапок целые возы, шапки убитых двадцать возов отправил к Солнечному Владыке⁶. Говорит: «Больше нет, всех истребил!» Говорит Солнечный Владыка: «Еще в траве много скрывается птичек!» — «Докончу! Пусть принесут большое ружье, унесу с собой!» — «Однако нет! Убьют тебя!» — «Могу!» Взял ружье, большое ружье (пушку), унес с собой, ходит, ищет жителей, истребляет.

Чукча, отпугивающий копьём собаку (XIX в.).

Реконструкция. Рисунок А. В. Сильнова

⁴ Меняло — полупереваренное содержание оленьего желудка. Из этой зеленоватой каши варили похлебку, добавляя кровь и жир, однако ели ее все же неохотно, особенно колымские чукчи (Богораз 1899: 355, примеч. 1; 1902а. 81).

⁵ Описываются положительные качества чукчи-оленевода. Вероятно, речь идет о каком-то чукотском юноше, взятом в плен русскими и росшем у них. В доме Павлуцких было три чукотских холопа (Алексеев 1961: 14). Так, например, известно, что в детстве чукча, впоследствии сибирский дворянин (с 1767 г.), Николай Дауркин был взят в плен (1744), находился в услужении у Д. И. Павлуцкого, а позднее, в 1763—1764 гг., ездил на Чукотку для переговоров со своими сородичами (Алексеев 1961) В. Г. Богораз (1902а: 71) полагал, что Д. И. Павлуцкого предал чуванец.

⁶ Солнечный Владыка — русский царь.

Чукотский воин в доспехе из лахтачьей кожи с левым крылом, в железном пластинчатом шлеме с кожаными нашечниками (XVIII в.).
Реконструкция. Рисунок А. В. Козленка

Наши: Нанкачгат, богатырь, одетый в лахтачную одежду⁷, большой, широкий; во время ледохода на реке Номваан ложится поперек, задерживает глыбы льда; по его туше переходят кочевые обозы, как по твердой земле. Товарищ его Тэмэрэчэкай тоже проворный. Пошел Выращенный таньгами на промысел, нашел дикого оленя, убил, подхватил. Из досады смотрит Нанкачгат, говорит: «Не сможет!» Говорит: «Могу!» Догнал Выращенного таньгами, схватил за правую руку, тот дергает, дергает, вырвать не может. «Если я стал для тебя дичью, (убей)!»

— «Нет, не для смерти, для жизни тебя схватил, не для темноты, для смотрения. Сердце твое не хочу достать». — «Э-э!» — «Почему лицо твое как у настоящего человека? Кто ты?» — «Я — Выращенный таньгами». «А-а! Будь нашим товарищем, совсем нашим, указателем пути!» — «Согласен». Пошли вдвоем к Якунину. «Вот, вот! Какого человека сюда привел?» — (кричит Якунин), схватил большое ружье, хотел выстрелить. «Зачем же? Это — товарищ, будет указывать жительство». Сел таньг, стал есть. Ест очень скоро. «Вот, вот! Отчего так скоро ест?»⁸ Схватил большой нож, хочет ударить. «Зачем же? Это — товарищ, будет указывать жительство!» — «А-а!» Заснул Якунин, покончил еду. Тэмэрэчэкай хотел его ударить ножом. «Сонного не убивай! Если Нанкачгат силен, пусть сражаются завтра вдвоем!» — «А-а!»

Наутро пошли сражаться, Якунин, железом одетый, Нанкачгат, одетый лахтами, двое. Копье Якунина, острие длиной в локоть, копье Нанкачгата такой же длины. Солнце обошло во-

⁷ Очевидно, имеется в виду кожаный доспех. Ср. с дальнейшим противопоставлением железного доспеха Якунина и брони из лахтака у чукотского богатыря.

⁸ По чукотским представлениям, быстро есть — это признак доблести. Якунину показалось подозрительным доблестное поведение перебежчика (Богораз 1900: 331, примеч. 3; 1902: 156, примеч. 5; 1902а: 83).

круг небо, сражаются, не могут. Люди кругом стоят, смотрят. Копье Якунина притупилось, стерлось об землю до обуха. Железная одежда рассечена, язык Нанкачгата свешивается до плеча. Не могут. Тогда Эургын, из смотрящих, молодой парень, выстрелил из лука стрелой из китового уса, пробил Якунину глаз. Облился кровью Якунин, сел на землю, оперся локтем о землю. Множество людей приступают; еще убивает, ибо силен. Тогда Эургын ударил ножом под броню, распорол брюхо; тогда убили.

На другой год Выращенный таньгами и Тэмээрэч пошли обозом к Солнечному Владыке. «Где же товарищ?» — «Нет» — «Где?» — «Убили» — «А-а! Я говорил ему!»

Тогда перестали драться, заговорили люди Этэль (чуванцы), убиваемые с обеих сторон (коряками и чукчами), стали говорить на все стороны. Сделавшись товарищами, совсем перестали драться. Тогда Нутэвия-чуванец пришел к Ээнейву⁹ и говорит: «Слишком худо убивать друг друга, пусть перестанем! Сотворим союз!» Говорит Ээнейву: «Посмотрим! Пойди, спроси сильных людей вашей страны, что они скажут, потом осенью приезжай! (Посмотрим), как будет!» Уехал Нутэвия.

На другой год стала осень. Наставши, осень кончилась. Окончилась осень. Сидит Ээнейву дома, вдруг слышит, кто-то на оленях приехал. Вышел на двор — иные олени, иная одежда (не чукотская). Человек привязал оленей, не подходит, сидит на нарте, потупив голову, Нутэвия. Молча сидит, только голову похилиет. Обошел вокруг один раз, другой; молчит, ничего не говорит. Пнул ногой в лицо, молчит. Еще обошел кругом раз и другой, ничего не говорит. Опять сильно пнул в лицо ногой, испытывает: будет ли гнев? Нисколько. Тогда сел на корточки против него, говорит: «Пришел?» — «Ы!»¹⁰ — «С чем ты?» Ничего не говорит, только достает из сумы медаль и бумагу. Вот эта бумага о прекращении войны и создании союза.

О ЯКУНИНЕ СКПЗКИ (21)

Сказание приведено по изданию: Богораз 1900. № 128: 332—333. Текст записан В. Г. Богоразом от чукчи Нырона на урочище Аконайке. Сказка представляет чукотский взгляд на последний поход и гибель Якунина-Павлуцкого в 1747 г. Причем действия 1747 г. смешаны в сказании с походом капитана на Чукотский Нос в 1731 г. В сказании, прошедшем через фольклорное предание, Якунин погибает при штурме укрепления, а не в полевой битве, как погиб Д. И. Павлуцкий. При этом даются конкретные географические привязки этого события, которые должны объяснить происхождение рода чукотского тойона (Богораз 1900: 333, примеч. 1).

⁹ В. Г. Богораз (1902: 154) отмечает, что Ээнейву — это первый чукотский тойон, вступивший в русское подданство, в источниках он назван Хамахеем, однако у чукчей существовало по два и более имен для одного человека.

¹⁰ *Ци(чук.)*.

Когда воевали таньги с чукчами, люди бежали из внутренней страны к морю, но таньги следовали сзади и истребляли не успевающих. Когда ловили, худо убивали: мужчин разрубали топором между ног, вниз головой; женщин раскалывали, как рыбу для сушения. Убежали оленные на край земли, поместились под утес, под круглыми скалами построили в ущелье крепость. Но пришли таньги и взобрались на горы и, скатывая сверху камни, изломали укрепление и истребили людей. На земле Нэтэн¹ за мысом Пээк¹² поставили под утесом, нависавшим над берегом, другую крепость. Сверху нельзя скатить туда камни. Таньги взошли на утес. Ничего не могут сделать, ибо перелетают камни их через границу жительства. Стали обходить, ища проход, впереди идет в железном панцире Якунин. У входа в узкое ущелье стоит чукотский парень Еыргын с луком в руках и пьет из деревянной чаши воду. «Пей хорошенько, — говорит Якунин, — больше ты не будешь пить на этой земле!» Схватил Якунин копье, стал размахивать, прыгает вверх, как вершина дерева, и машет копьем. Парень снял со стены небольшой лук, наложил небольшую стрелу из китового уса. Лицо Якунина покрыто железом, только две дыры вместо глаз. Тот выстрелил. Пока прыгает, попал ему прямо в глаз. Упал на землю Якунин; побежал и схватил его: «Ты, худо убивательный! У нас нет топоров, но, по крайней мере, иначе умертвим тебя!» Развели огонь, жарят его у огня, хорошо изжаренное мясо срезывали ломтиками и жарят снова. Умер. Таньги, испугавшись, бежали, но их настигли и истребили. Тогда в знак радости устроили гонку судов жители Нэтэна. Собрались из Наукана¹³, Уэлена¹⁴, Пичуна и всех приморских селений до Ванкарэма¹⁵, но всех победили два брата, рожденные сукой, из Экалюруна. Ставкой была пленная девушка. Ее взял, женились на ней. От них размножился род «рожденных сукой».

О ЯКУНИНЕ СКПЗКП 131

Сказание приведено по изданию: Богораз 1900. № 129: 333—334. Текст записан В. Г. Богоразом от чукчи Гадэ в Анюйской крепости в 1896 г. Сказка передает еще одну версию о поражении и гибели Якунина.

¹ Нэтэн (эскимосское — Натак), чукотский поселок на мысе Сердце-Камень.

¹² Пээк — мыс южнее мыса Дежнева или мыс Певек у Чаунской губы (Леонтьев, Новикова 1989: 321). Поскольку рассказчик находился на Аконайке, к юго-западу, то, видимо, речь идет о втором мысе, за которым дальше на восток по побережью и мыслится действие около поселка Нэтэн.

¹³ Наукан — крупное поселение азиатских эскимосов, находящееся на обрывистой скале около моря на южном берегу мыса Дежнева.

¹⁴ Уэлен — крупное селение эскимосов в лагуне в северной части Берингова пролива (на мысе Дежнева), которое уже с XVI—XVII вв. стало заселяться чукчами (см.: Леонтьев 1972—1975).

¹⁵ Ванкарем — поселок на побережье Чукотского моря, к востоку от Колычинской губы.

Был русский начальник, очень жестокий, худо убивал наших людей. Держа за ноги, разрубал топором сверху вниз промеж ног, внутренности выпадали. Привязывали мужчинам член к шее и били по спине. Человек вскакивал и отрывал член и ядра. Много стад заграбили. Поехал он однажды с Колымы в Анадырь. Сам едет в кибитке, люди бегут кругом. Услышали наши, собралось скопище с тундры, прибежали, засели по дороге. Ночью напали на сонных, перерезали всех, только начальника взяли живым. Еще двух русаков (были бедненькие ребята, их худо кормили, обижали), тех не убили, взяли. Сказали им: «Будете смотрящими, что мы сделаем, чтобы прекратилось худое убивание наших». Раздели начальника нагим, надели на голову ему ремень, достали чикиль¹⁶, привязали, заставили бегать по снегу вокруг, дергают за чикиль, бегают; дерг, дерг — пенис только болтается справа налево. Бегают, бегают. Положили его на землю. Стали пороть его колотушками из оленьего рога". Пробили всю задницу. Подняли, опять бегают на чикиле, глаза выкатываются, язык вывесился изо рта, достал до сосцов, хлопает взад и вперед по груди; сопит — хи, хи, хи — при каждом шаге плюет кровью. Загоняли до смерти на чикиле. Тогда тем бедняжкам дали запас, отправили домой на сильной упряжке оленей: «Теперь скажите вашим, чтобы прекратилось худое убивание людей».

[ВРЕМЕН ВОЙНЫ ВЕСТЬ (I)]¹⁸

Сказание приведено по изданию: Богораз 1900. № 146: 389—390. Текст записан через переводчика (Айнанвата?) В. Г. Богоразом от оленного чукчи Рэмкилена на реке Омолон. Разделение текста на два первых абзаца — В. Г. Богораз. Предание описывает в сказочной форме историю Чукотской войны и борьбу с двумя главными противниками чукчей: Митреем-Шестаковым и Якуниным-Павлуцким, а также происхождение железа у чукчей и установление мира. Русские заступаются за своих данников, коряков и чуванцев, и поэтому организуют карательные экспедиции против чукчей. Первая часть сказки рисует единоборства богатыря Митрея, одетого в железный доспех и обвешанного оружием, и молодого человека Рэкэчкэу, вооруженного лишь луком и ножичком. Стрелой с железным наконечником чукотский юноша поразил Митрея и добил его ножом. Подобный героический поединок удивительно похож на библейское единоборство великана Голиафа и юноши Давида. Рассказ о гибели Якунина отличается в деталях от других сказаний: здесь его убивают два брата, поразив в оба глаза, после чего следует мир. Причем убийство карателей приписано конкретным, скорее всего историческим, персонажам.

¹⁶ Чикиль — массивная деревянная палка, применяемая при дрессировке упряжных оленей. Она привязывается к правой вожже для болевого воздействия на животное, которое этим заставляют поворачивать (Богораз 1900: 334, примеч. 1; 1991: 26).

¹⁷ Роговые или деревянные колотушки в форме слабоизогнутого серпа длиной 50—70 см использовались женщинами для выбивания покрытий яранги или одежды (Богораз 1991: 105-106, рис. 95, 98).

¹⁸ Здесь и далее: если в источнике отсутствует название текста, ему дается условное название, которое заключается в прямоугольные скобки.

После того бились коряки с чукчами, и стали одолевать чукчи, и пришли русские на помощь корякам. Пришли два начальника и привели много людей. Первым пришел Митрей¹⁹ в Анадырский острог, весь он был одет железом: железная рубашка на теле, железная шапка на голове, железные руки висели на боках²⁰. Весь он был обвешан ножами и ружьями. Приморские построили каменный шатер величиной словно каменный утес, но он разрушил его и обломки разбросал кругом, и стал он бить и гнать наш род. Однажды шел Митрей впереди своих воинов, стало ему жарко и заворотил он железную рубаху на брюхо. И был молодой ачек²¹ Рэкэчкэу, он нашел в поле железную стрелку, величиной не больше мизинца, то была первая железная стрела в руках у чукотского воина. Этой стрелой выстрелил Рэкэчкэу в брюхо Митрея из деревянного лука. Схватился Митрей за брюхо, вытащил стрелку, стал рассматривать ее, потом побежал вдогонку Рэкэчкэу, схватил его обеими руками. «Вот, — говорит, — кто меня убил!» Стал он снимать с себя железное платье, отвязал железные руки, положил в сторону все ножи и ружья. «Ты, — говорит, — убил меня! Отдаю это все тебе! Иди теперь домой; ты слаб, поднять этой тяжести не можешь! Приезжай на оленях, увези все!»²² Изловчился Рэкэчкэу, вытащил украдкой маленький костяной ножик и вонзил Митрея в горло. Митрей упал навзничь, захрипел и умер. Прибежал Рэкэчкэу домой. «Вот, — говорит, — я убил Митрея! Пойдем, посмотрим!» Пошли люди смотреть; видят, действительно, лежит мертвец, а рядом груды всякого железа. Забрали люди железо, и с той поры завелось железо на чукотской земле.

Так было на Анадырской стороне. На этой стороне, поближе к Колыме, воевали с чукчами чуванцы, братья коряков. На помощь к ним пришел русский начальник Якунин, тоже одетый в железо, и привел с собой казаков. У наших были только костяные ножи и топоры из оленьего рога, и они не могли устоять против людей, одетых в железо. Был у Якунина сын, молодой Якунин, и вместе они жестоко истребляли наших. Мужчин убивали железом, девкам забивали острое внутрь тела или разрывали их на две части. И похвалялись они истребить чукотский народ, как линялых гусей в тундре²³. Убежали наши на край мо-

¹⁹ М и т р е й — персонаж, которого В. Г. Богораз рассматривает как казачьего голову А. Ф. Шестакова (Богораз 1900: 389, примеч. 1).

²⁰ Описывается полный доспех, состоящий из кольчатой брони, шлема и наручей.

²¹ А ч е к — юноша, молодой человек.

²² В фольклоре особенности чукотской психологии и поведения приписаны их врагам — русским.

²³ На водоплавающих птиц (гусей, уток) особенно удобно было охотиться во время их линьки, в июле—августе, когда они не могли летать.

ря. А враги пошли сзади. Шел впереди всех старый Якунин, и стало ему жарко, и отбросил он крышку от железного котла немного вверх²⁴. И было два чукотских воина. Они были родные братья и каждый обгонял на бегу дикого оленя. Подкрались они навстречу к Якунину. И один выстрелил роговой стрелой из деревянного лука и попал Якунину в правый глаз. Другой выстрелил роговой стрелой из деревянного лука и попал Якунину в левый глаз. Пошатнулся Якунин, как дерево, подрубленное топором. Тогда набежали братья, как волки на оленя, и схватили его и унесли далеко. Развели чукчи большой огонь, сняли с Якунина железную одежду, начали его поджаривать на огне. «Ты много людей убил, — сказали они, — пусть мы тебя хоть немного поджарим на огне!» «Пускай! — говорит Якунин, — есть еще один Якунин на свете! Он скоро придет и отомстит вам во сто крат!»

В это время молодой Якунин бежал и забрался на высокий утес, отбиваясь от нападавших воинов. Долго отбивался он большой стальной секирой, но выстрелил Увэургин и попал ему стрелой в лоб. Подхватили и его чукчи, унесли вниз, поднесли к костру, а над костром поворачивают старого Якунина, как кусок мяса: «Посмотри, вот твой другой Якунин! Он пришел вместе с тобой!» Посмотрел (sic! — А. К.) и заплакал: «Нет теперь другого Якунина! Никто не отомстит, никто не будет воевать больше! Конец битвам!» И вправду настал конец битвам.

ВРЕМЕН ВОЙНЫ ВЕСТЬ [2]

Сказание приведено по изданию: Богораз 1900. № 130: 334—335. Текст записан В. Г. Богоразом от чукчи Чэнэ в Анюйской крепости в 1896 г. Сказание повествует о первом столкновении чукчей с русскими, то есть описывается время до походов Якунина-Павлуцкого, имя которого обязательно было бы упомянуто в сказании. В рассказе отмечается интересная особенность — страх чукчей от встречи с новым противником. Действительно, при встрече с новым, невиданным прежде врагом сначала его боятся, часто терпят поражения, но потом привыкают, приобретают навыки борьбы с ним и даже выигрывают битвы. Враги в сказании действуют согласно чукотским, а не русским обычаям: активно вступают в поединок, просят добить проигравшего, возят с собой семью в поход.

Когда в первый раз сошлись на битву таньги и чукчи, стали строем друг против друга. Сильно испугались наши, ибо таньги совсем невиданные, торчат у них усища, как у моржей, копыа длиною по локтю так широки, что затмевают солнце; глаза железные, круглые, вся одежда железная. Копают концом копыа землю, как драчливые быки, вызывают на бой. Сидят все, опустив голову, боясь. Вышел таньгин, копыем машет: «Кто, кто выйдет со мной на борьбу?» По-прежнему сидят, потупив

²⁴ В. Г. Богораз (1900: 390) в скобках поясняет «забрало шлема», однако скорее всего речь идет о кольчужной защите лица.

Чукча, одетый в доспех с левым крылом.
Фото рубежа XIX—XX вв. Воспроизведено
по: Богораз 1991: 97, рис. 84а

голову, и молчат, не решаясь. Старичок из наших, старый старичок, ходит впереди: «Ну кто, кто попробует?» Все молчат. Есть четыре сильных: Чымкыль, Айнаыргын, Эленнут и Лявтылывалын. «Ну, пусть хоть Чымкыль попробует!» Впереди Чымкыля сидит его отец. Ждет богатырь, пока заговорит старик. Однако все сидят молча, не решаются. По-прежнему ходит старичок впереди рядов: «Кто, кто попробует?» Айнаыргын крикнул: «Ну, пусть я!» Лявтылывалын закивал: «Ты, ты» «Нет, я! — крикнул Эленнут. — Я от рогов тоже острая спица. Пусть сперва обломают. Полные рога у Лявтылывалы-

на». Копье к ноге приложил, выскочил по глубокому снегу. Началось. Три дня, три ночи борются, никто не может одолеть. Стал Эленнут изнемогать. Но устал и таньгин. Сдвинулась железная шапка на затылок, показались волосы: вся голова седая. Прокусил насквозь губу Эленнут: «Неужели буду побежден стариком?» Стал виться, как волос, вокруг таньгина, наконец ранил его в бедро. Упал таньгин на локоть. «Како!²⁵ Силен ты! Одержал верх надо мною. Только теперь увидел себя победителем» — «Не говори, потому что между рожденными беломорской женщиной не нашлось человека померяться с тобой!» — «А-а! Кто отец-то? Покажи мне его! Хорошо тебе, взрастившему такого сына! Ну, убей меня!» — «Нет!» — «Убей, убей меня, говорю! Победенному зачем жить на свете?» Как ни приставал, не убил. Тогда снял с себя железную одежду, отдал копье, говорит: «Этим ты владей, если ты сильнее! Вот мой обоз. Тут есть моя жена, дети и имущество!» Сам ушел пешком о посохе.

ВРЕМЕН ВОЙНЫ ВЕСТЬ 131

Сказание приведено по изданию: Богораз 1900. № 131: 335—336. Текст записан В. Г. Богоразом от чукчи Ливана на урокище Аконайке в 1896 г. Сказание описывает обычные столкновения, перманентно происходившие между чукчами и русскими и их союзниками чуванцами во второй половине XVII—первой половине XVIII в.

²⁵ Како! — междометие, обозначающее удивление; соответствует русскому «ого!».

По сию сторону реки Омваан²⁶ жили две семьи. Один богач с многими детьми, другой его двоюродный брат, у него единственный сын, многовещесонный. Покочевали на лето, пришли на берег реки, поставили шатры, стали делать летние оставки²⁷. Парень — единственный сын, как пришел — лег, упал ничком и заснул. Отец смотрит — он спит. Что делать? Стал сам улаживать оставку. Кое-как сгрудил сани. Наконец к вечеру проснулся парень: «Гы, Гы, Гы! Довольно спать! Я проснулся!»²⁸ Смотрит на отца, тот лазит по куче саней: «Ты оставку строишь?» — «Ы!» — «Вы еще не убили оленей?» — «Нет! Ты ведь спишь!» — «Ух, заснул! Где стадо?» — «Как где? Надо угнать его на летнее пастбище!» — «Ух, не надо!» — «Движутся враги сзади — надо бежать». — «Как же мы будем? Куда же бежим, если летом мы пещи?» — «Хоть, по крайней мере, за реку!» — «Река широка, броду нет». — «Все-таки попробуем!» Ничего не сказали богатым, только сказали: «Мы покочуем». Те тарашат глаза: «Или они обезумели, хотят погубить стадо!»

Скочевали в тот же день, стали на самом берегу. Из шатра сделали кожаное судно, сложили туда кладь, запрягли в судно двух самых сильных оленей, переплыли реку. Стадо перегнали сзади. На другом берегу в тайном месте остановились. Только поставили шатер, парень взял нож, стал подряд убивать стадо, перебил всех оленей, скоро кончил: мало оленей в стаде. Разложил туши кругом шатра, брюхо разрезал и меняло вывалил. О, собрались со всех сторон чайки, вороны, орлы; крик, клекот, плеск крыльев не дают спать в пологе.

На другой день вышел из полога старик, скоро вернулся, говорит: «Дым на другой стороне!» Скоро опять выйдя, вернулся, говорит: «Высокое пламя — соседний шатер горит. Пришли русские и чуванцы, перебили людей, зажгли жилище. Смотрят русские, глядят на эту сторону, не переправятся ли через реку. О, с другой стороны слышен шум и громкое хлопанье, будто хлопают панцири, сверкают стрелы». — «Как же перейдем? Худо! Тамошний народ не застанем врасплох. Узнали, должно быть, вооружились, стучат панцирями и копьями. Погонимся лучше за стадом!» Стадо разбелось в разные стороны, собирали пять дней. На шестой день от обильной еды все чайки и вороны очеловечились. Полетели на запад, перелетели через реку, вдруг налете-

²⁶ Омваан — река Амгуэма, впадающая в Чукотское море.

²⁷ «Когда чукотское стойбище приходило на летнюю стоянку, вся излишняя кладь вместе с саними укладывается в сторону в общую грудку; после того убивают несколько оленей для запасов домашним людям и пастухи отгоняют стадо в сторону» (Богораз 1900: 335, примеч. 2)

²⁸ Сонливость считалась дурным качеством у чукчей (Меновщиков 1974. № 42: 179; 1988. № 123: 288).

ли на русских, не убивали никого, только угнали стадо через реку, сами тоже ушли. Говорят враги: «Что же делать? За реку брести незачем. По крайней мере, хоть пушнину взяли». Стали кричать через реку: «Прощай, прощай! Долго не придем к вам!»

ВРЕМЕН ВОЙНЫ ВЕСТЬ (4)

Сказание приведено по изданию: Богораз 1900. № 132: 336—338. Текст записан В. Г. Богоразом от чукчи Плаккыно в Анойской крепости в 1897 г. Сказание описывает межплеменные войны кочевых чукчей и союзных им оседлых соплеменников против оседлых коряков. Подобные столкновения не были характерными, поскольку в течение большей части XVIII в. чукчи сражались с оленными коряками, а с оседлыми предпочитали торговать. Текст делится на две основные части: в первой идущие в поход на коряков едва не сталкиваются с оседлыми жителями, а во второй объединенный отряд воюет с врагами, которые, увидев угрозу отступления, отошли с поля боя. Чукчи, согласно «военному кодексу», дают врагам время на обустройство защиты домов, а затем ведут штурм. Осажденные разобрали одну из полуземлянок и этим материалом укрепили вторую. Коряки вели активную стрельбу из верхней деревянной «воронки» дома. Однако оборона была безуспешна, чукчи ворвались в дом и перебили еще оставшихся в живых коряков.

Лявтылывалын собирает поход. Ушли на таньгов также Эленнут и Айнаыргын. По дороге нашли Живущих к востоку²⁹. Большое озеро. Стали станом по обе стороны. Зима. Толстый лед. Прорубь среди озера. «Пойдите по воду!» — говорит Лявтылывалын молодым людям. Пошли по воду. Поперек проруби стоит Таве, расставив ноги. О, огромный человек, силач. «Вы зачем?» — «По воду». — «Не дам, не дам!» Вернулись назад. «Отчего же не набрали воды?» — кричит Эленнут. «Таве не дает! Теперь пойдй сам!» «Стой, стой! Я пойду», — кричит Айнаыргын. Взял котел, спустился с угорья. Пошел к проруби: «Ступай прочь!» — «Карем, карем!»³⁰ Подошел вплотную, поставил котел, схватил Таве, опрокинул его вверх ногами, пробил его головой ледок в проруби и швырнул его прочь. Набрал котел и понес домой. «Го-го!» — схватились айваны за копья. «Стой, стой!» — кричит Лявтылывалын. — Что за споры, если одно племя. Лучше пойдем, пусть на других покажем гнев! Как будет? Надо попробовать! Перестаньте!»³¹

Помирили их и пошли вместе на таньгов. Пришли к одному жительству, навстречу таньгинский строй. «Кто, кто первый начнет борьбу? Стойте, стойте! Пусть сперва выдвинутся вперед острые рожки». Таве на лыжах забегает справа, Эленнут слева. Посмотрели таньги по сторонам и отступили к домам. Два

²⁹ Айваны — обычное название эскимосов мыса Чаплина. В. Г. Богораз (1934: 8, 175—176) полагает, что речь идет о двух группах чукчей.

³⁰ Нет, нет! (чук).

³¹ Ср.: в 1732 г. эскимосы о. Ратманова перед русскими именовали себя чукчами (Полонский 1850: 400; Соколов 1851: 96; Вдовин 1965: 54).

жилища, но большое собрание народа. Дома укреплены, как русская крепость. Стало вечереть. Люди ждут зари. Под вечер приезжает таньгинский старик. Оружия нет. «Гук, пришли?» — «Пришли». — «Кто?» «Лявтылывалын, Эленнут, Чымкыл, Айнаыргын, Таве!» «О, худо!» — заплакал старичок. «Когда?» — «На вашу волю. Если вы еще не готовы, снаряжайтесь! Мы станем ждать» — «Эгэй! Если так, в три дня будем готовы!»

Прошло три дня. Сильно укрепились танги в доме, другой разобрали на материал, внутри выложили деревом. Сверху над дымовым отверстием другой дом³². В нем стоят лучшие стрелки и стреляют вниз на нападающих. «Ну, вы первые ведите осаду, — говорит Эленнут, — если пошли в передовых!» Стали осаждать — не могут, ибо среди стоящих сверху один очень злой: каждою стрелою убивает человека. Пришел Лявтылывалын. «А что?» — «Не могли!» — «Бабы вы бессильные!» — говорит Лявтылывалын. «Я теперь! Вы только смотрите!» — «Как же, как же! Сам!» Таньгинские женщины внутри, услышав звук

Богатый воин кочевых оленных чукчей (сер.—втор. пол. XVIII в.).

Реконструкция. Рисунок А. В. Козленка.

Воин вооружен большим сложносоставным луком & стрелой с каменным наконечником, вставленный в костяную муфту, поясным ножом, копьем с оплеткой, воткнутым в землю, и полным комплектом железного защитного вооружения: пластинчатым шлемом с наушниками, наручем, поножей и ламеллярным доспехом столстым кожаным нагрудником и двумя крыльями

³² Речь идет о полуземлянке оседлых приморских коряков. Ее покрытая дерном крыша имела посередине квадратное отверстие-вход, который прикрывался от снежных заносов своеобразной четырехугольной деревянной надстройкой. Кроме верхнего, зимнего, был еще летний вход — длинный коридор, идущий от одной из сторон полуземлянки. Высота такого дома была 3—7 м, длина — 15 м, а ширина — 12 м. В подобном доме жили 2—3 или более родственных семей, иногда человек 30—40 (Богораз 1934: 170; Антропова 1956: 959—960; 1971: 53—56, рис. 9а; Королева 1993: 30).

голоса Лявтылывалына у задней стены, поспешно сами убивают своих детей, девушки сами себя убивают; воины снаряжаются на последнюю битву. «Кто будет моим подмышечным помощником?»³³ «Я!» — кричит Эленнут. «Хорошо!» Стали плотно. Голова Эленнута у вождя около подмышек. Сколько ни стреляют, не могут убить, ибо быстро увертываются. Когда же подошли ближе, то Эленнут прекратил вражеское стреляние, ибо его стрелы посылались так часто, как снег, как капли мочи, и заполнили все места. Потом Лявтылывалын подскочил: «Я теперь попробую!» Выстрелил единожды, сбил совсем надстройку, разбил вход, разорвал связки дверей и ринулся внутрь. Через полчаса ми единого таньга уже нет — все перебиты. Стадо угнали с собой.

МПН) И МННПКТОН

Перевод истории сделан мной по изданию: Bogoras 1910: 182—183. Текст записан В. Г. Богоразом от оленного чукчи Аэмулина в лагере вблизи среднего течения Анадыря в ноябре 1900 г. История о двух братьях относится к периоду военных действий с русскими в XVIII в. (в тексте однозначно сказано: «In war times»), в частности, до демонтажа Анадырского острога в 1764—1771 гг. Сюжет рассказа прост: один из двух братьев был взят в плен русскими и помещен в острог, тогда второй брат взял в плен русского начальника, желая обменять его на брата. Об испытаниях у русских также повествует это предание.

Слова, выделенные курсивом, добавлены мной для лучшего понимания текста, мною же произведена разбивка на абзацы.

Были два брата, Манэ и Манактон. В военное время Манактон был взят в плен русскими и посажен в темницу. Они кормили его и давали ему пить, но не позволяли раздеться для удовлетворения своих естественных потребностей. Поэтому его штаны стали наполняться экскрементами, и наконец он не мог более двигаться.

В это время большой русский начальник двигался вдоль берега на большом тяжелом судне. Он шел вверх по течению. Несколько молодцов шли по берегу, буксируя судно. Манэ скрывался за кустами и подстергал их. Они подошли ближе. Они де-

³³ Букв.: 'птичкой, находящейся под мышками' — то есть товарищем-помощником, находящимся рядом, по мнению В. Г. Богораз, сзиди. Интересно отметить, что аляскинские эскимосы, стреляя по азиатам, старались попасть им именно в подмышку, как в не защищенную кирасой часть (Maurie 1974: 147). Есть ли тут какая-то связь? Рассказчик понимал данное наименование буквально: у него голова Эленнута находится под мышкой у Лявтылывалына. То есть Эленнут был меньше ростом? Причем, согласно дальнейшему рассказу, они в такой паре еще умудрялись увертываться от стрел — вряд ли это делали враги, стоящие в горловине дома. Может быть, действительно Эленнут встал справа от героя, чтобы своим телом (вероятно, защищенным панцирем) прикрыть уязвимое место соратника, не очень мешая ему стрелять из лука. Ведь когда чукчи подходили к корякскому дому, то враги, стрелявшие по ним, были защищены верхом здания, а приближающиеся могли в данной ситуации надеяться только на свои доспехи.

дали большие усилия, потому что судно было тяжелым, и, естественно, они были безоружными, потому что все оружие лежало на судне. Когда они подошли совсем близко, Манэ выпрыгнул и напал на них. Он заколол всех их своим копьем. Они не сопротивлялись, потому что они очень устали от буксировки³⁴. Когда все были убиты, Манэ схватил бечевку. Начальник остался один на судне, держа руль. Манэ дернул за бечевку: «Ты, там! Все оружие, что у тебя на судне, брось его в воду! В противном случае я вынужден буду отпустить бечевку!»³⁵ Начальник поднял винтовки и длинные ножи (сабли) и бросил их в воду. Манэ подтянул судно ближе к себе: «Почему ты посадил моего брата в темницу? Освободи его!» — «Хорошо! — сказал начальник. — Иди в Марково!»³⁶ Они двинулись. Манэ буксирует судно совсем один. Они пришли в Маркове. Начальник сказал: «Освободить Манактона из тюрьмы!»

Однако русский «переодетый шаман»³⁷ воспротивился этому. Он сказал: «Я не верю, что ты способен тянуть судно совсем один, но если ты действительно сделал это, я предлагаю испытание. Двое русских будут держать длинный нож на высоте своих голов. Ты должен перепрыгнуть тот нож». Они держали тот нож над своими головами. Он (Манэ) думает: «Я не смогу сделать это. Я умру. Тем не менее мой брат также умирает. Попробую!» — «О, о, о!» Он почти со стоном глубоко вздохнул, затем сделал скачок и перепрыгнул нож. Он повернулся и снова перепрыгнул нож. Он продолжал прыгать туда-сюда над русским ножом, направленным вверх³⁸.

«О, о! — сказал русский шаман. — Ты очень проворный. Привести сюда Манактона!» Они привели Манактона. Он был так слаб, что не мог идти. Они принесли его. Они расporоли

³⁴ В данном случае бурлаками выступают сами бойцы, оставив ружья (у рассказчика анахронично — винтовки, rifles) и сабли на судне. Никакого нападения при этом не ожидалось в принципе.

³⁵ Рассказчик пояснил В. Г. Богоразу, что течение было стремительным и судно, освобожденное от бечевки, могло опрокинуться.

³⁶ Очевидно, имеется в виду острог Анадырск, располагавшийся на острове недалеко (в 10—15 верстах вверх по течению) от села Маркове, которое ассоциируется у рассказчика с более древним острогом. Начальник (у В. Г. Богораз — commander) плыл со стороны моря вверх по течению к крепости. Следовательно, действие происходило в летнее время.

³⁷ Transformed shaman — возможно, русский поп, который носил рясу, напоминавшую чукчам женскую одежду (В. Г. Богораз). Вспомним, что шаманы-транссексуалы для чукчей не были чем-то необычным. Обычно это были мужчины, которым общение с духами повелело поменять свой пол. После этого они заплетали косы, надевали женскую одежду и исполняли все обязанности женщин, включая сексуальные (Богораз 1939: 131—133).

³⁸ О высоких прыжках, которые чукчи с их крепкой спортивной закалкой могли производить путем концентрации энергии, мы уже говорили. Количество же прыжков, возможно, преувеличено.

ножом его штаны, вымыли его и вычистили его. Затем он встал на ноги. Манэ сказал брату: «Пошли к берегу!» Он попросил у русских чаю, сахару и табак³⁹. Они ему ничего не дали. Он ударил шамана в лицо и убил его. Затем он проскользнул к реке. Русские молодцы выстрелили из своих винтовок и попали ему в голову. Вот там он был убит и умер. Конец.

НОЛЕНТО

Перевод сказки сделан по изданию: Bogoras 1910: 183—184. Текст записан В. Г. Богоразом в мае 1900 г. от приморского чукчи Нутенкеу из поселка Нунемун (Нунямо у входа в залив Св. Лаврентия). Сказка псевдоисторична, хотя она и посвящена взаимоотношениям оседлых чукчей и русских, когда последние приходили и требовали ясак от туземцев (вторая половина XVII—первая половина XVIII в.). Сюжет сказки можно представить следующим образом. Одного из братьев берут в качестве заложника и он гибнет на чужбине. Младший брат отправляется на поиски старшего. По пути герой сказки останавливается у какого-то русского чиновника и, показав ему свои фехтовальные приемы, располагает его к себе и берет в жены его дочь. Далее герой сказки вступает в поединок с обидчиком — русским царем (в тексте — the Sun-Chief — 'Солнечный Владыка'). Спор решается, по чукотскому обычаю, в поединке, в котором торжествует справедливость. Царь представлен в сказке как богатый оседлый чукча, хотя и ленивый, но физически неплохо подготовленный, он может фехтовать на копьях целый день. Проиграв бой, он, не желая жить и боясь насмешек, отдает победителю свое имущество.

Один человек жил в поселке Киг'ини⁴⁰. У него было два сына. Солнечный Владыка послал своих людей в эту страну. Люди пришли к *этому* человеку и сказали: «Солнечный Владыка хочет одного из твоих сыновей на свою службу». Он пробыл у него некоторое время, *а* затем он [царь] стал гневаться на него и приказал отрубить ему голову. Прошло два года, *а* затем *и* третий год. Старший сын не возвращался и, конечно, он не мог прийти, так как его голова была отрублена. Младший брат возмужал. Все время он упражняется: бегают и прыгает с грузом на плечах. Так он стал вполне сильным и сделал себе копье. Его наконечник был таким длинным, как гребок весла. Древко было таким толстым, как шесть яранги.

Весной пришли другие люди, посланные Солнечным Владыкой, и сказали старику: «Солнечный Владыка хочет твоего другого сына на свою службу». — «Я не отдам его. Я совсем стар и не имею других детей. А где мой первый сын? Он не появлялся более». Они ушли. Сын сказал: «Почему ты отверг их просьбу? Поскольку мой старший брат ушел этой дорогой, позволь мне сделать это также. Почему ты отверг? Лучше пошли меня

³⁹ По закону гостеприимства гостю полагались подарки, которые и попросил Манэ.

⁴⁰ К и г ' и н и — на рубеже XIX—XX вв. маленькое чукотские поселение на острове того же названия к северу от м. Чаплина (Богораз 1934: 15).

вместе с ними». В назначенное время они пришли опять. «Солнечный Владыка хочет иметь твоего другого сына, по крайней мере, в качестве своего гостя». — «Хорошо! Возьмите его!» Они ушли.

По дороге жил другой Солнечный Владыка, ближе, чем первый. Они пришли к нему. У него был большой хорошо укрепленный дом. Его дочь вышла и тут же вернулась в дом: «Гость пришел!» Отец вышел и сказал: «Так, теперь покажи нам свое умение в фехтовании!» Коленто начал размахивать своим копьем. Он махал им и делал различные движения и удары в сторону. Солнце было по левую руку, затем оно прошло над правой рукой и затем почти зашло. Он еще махал своим копьем. «О, — сказал Солнечный Владыка, — ты вполне хорош! Я хочу взять тебя моим зятем». Он был вполне добр к нему. Таким образом, ночью он ложится с девушкой и делает ее своей женой. На следующее утро он уходит и берет с собой копье своего тестя, так как древко его собственного стало очень гнущимся из-за постоянных упражнений.

Они пришли к первому Солнечному Владыке. Он лежал на боку и похотливо храпел⁴¹. Его оружие и ноги простирались широко в стороны. Близ его пениса была маленькая собачка, привязанная к привязи. Она была маленькая и слабая, но, несмотря на это, бдительная. Ее уши наострались при любом шуме, какой бы не *был* он тихий. Коленто открыл окно и прокрался через него. Собака напала на него, но он подпрыгнул и собака промахнулась и упала. Он начал топтать собаку, намереваясь убить ее.

Тогда собака говорит человеческим голосом: «Не топчи меня! Я готова служить тебе, как ранее моему хозяину». — «Хорошо! Тогда ты должна разбудить его». — «О, о!» Она прыгнула вперед к спящему человеку и укусила его правую руку. Человек сказал: «Как странно! Эта собака кусает своего собственного хозяина». Затем он увидел посетителя. «О, это — ты? Почему ты пришел, когда я спал? Ты хотел напасть на меня спящего? Теперь иди!» Они вышли. Близ домов было много ездовых саней, наваленных очень высоко друг на друга⁴². Они запрыгнули на кучу и начали сражаться. Они сражались своими копьями целый день. Солнечный Владыка устал. Его глаза стали белыми, на углах рта появилась слабая пена. Тогда, наконец, молодой человек зацепил его наконечником копья между ног и отшвырнул его. Он прыгнул вслед за ним сзади и со всей своей силы толкнул его ногой. Затем он бегал за ним и перепрыгнул через него. Сол-

⁴¹ Царь представлен в сказке как отрицательный персонаж. Любовь ко сну считалась у чукчей негативным качеством.

⁴² Естественный элемент чукотского пейзажа: около летних жилищ стояли ненужные нарты.

нечный Владыка свалился и упал в обморок. Как только он пришел в сознание, он наполнил трубку табаком и выпустил дым. «О, я! Но почему ты насмехаешься надо мной? Отруби мне голову, ведь ты победитель!» — «Я не хочу». — «О, о!» Он выкурил другую трубку. «Достаточно этого! Убей меня!» — «Я не хочу!» — «Этот дом — мой и все добро в торговой хижине (амбаре) — мое, ты можешь взять все это». — «Я не хочу все это». — «О, итак, торопись! Достаточно твоих насмешек! Быстро прикончи меня!» — «О, о! Хорошо!» Он дважды ударил его своим копьём и выколол ему глаза. «Вот тебе!»

Повсюду вокруг на палках были воткнуты человеческие головы, все — чукотские. Он взял их все и ушел. Он взял с собой также собаку и свою новую жену. Он вывел длинный поезд гужевых лошадей и ездовых оленей. Все было нагружено чаем, табаком, сахаром, винтовками, свинцом, боезапасами и т. д.⁴³ Он принес все это домой. Они жили. Конец.

ВОЙНА С ТАННИТАМИ

Перевод сделан по изданию: Bogoras 1910: 185. Текст записан В. Г. Богоразом от приморского чукчи Пананто на Мариинском посту (совр. Анадырь) в октябре 1900 г. Сказание, судя по наличию имен и деталей, исторично и отражает период межэтнических столкновений XVII—XVIII вв. Сюжет весьма прост: два брата жили рядом друг с другом. Когда у их семей закончилось еда, они пошли на охоту на оленей, на которых приморские жители охотились обычно летом (Воскобойников, Меновщиков 1959: 422). В это время налетела небольшая ватага врагов. Это были оленные коряки или даже кочевые чукчи, приехавшие на своих упряжках. Следовательно, был еще снег (возможно, стояла весна). Как раз в этот момент братья возвращаются, и около их домов происходит бой, в котором они убивают врагов. На следующий год враги (тани-ты) опять напали. Дома был один брат, который хотя и отбил врагов, но был смертельно ранен, однако он выжил, проведя необходимый обряд.

Жили два брата, Чинтоургын и Анкалкан. Их дома были очень бедны. Пришли какие-то таннитские воины, числом десять, все управляющие оленями, а также все дюжие. Они перебили всех людей близ озера. Чинтоургын и Анкалкан оба отсутствовали, охотясь на оленей. Танниты стали убивать их домо-чадцев. В это время оба вернулись. Десять таннитских воинов стояли рядом друг с другом. Двое на краях были совсем слабые. Пятый, центральный, был самым сильным. *Стоящий* на левом крае сказал: «Как мы убьем их?» Тот, кто на правом крае, сказал: «Давайте застрелим!» Сильный сказал: «Ты — слабак. Я могу связать им руки и ноги и тогда привести их живыми к таннитским женщинам»⁴⁴.

⁴³ Перечисляются ценные для чукчей конца XIX в. предметы продовольствия и вооружения (винтовки и свинец для пуль).

⁴⁴ Отметим героический чукотский этос: почетнее биться с противником врукопашную, а не стрелять в него издала

Поединок чукотского латника с чавчуеном — оленним коряком (XVIII в.).
Реконструкция. Рисунок А. В. Сильнова

Богатый чукотский воин одет в типичный ламеллярный доспех из семи рядов железных пластин, прикрепленных к деревянному назатыльнику с левым крылом, который обтянут белой кожей. На наспиннике и крыле символически изображены два солнца на перекрестил линий. Кроме того, на крыле представлены геометрические изображения (убитые враги?). Голова чукчи защищена ламеллярным шлемом, надетым на подшлемник-чепец, а правая рука — аналогичным наручем. Воин вооружен копьем (на вооружении мог состоять и нож), колчан со стрелами брошен на землю. Одет в легкую кухлянку из оленьей кожи, летние штаны и торбаса из дымлины — кожи, прокопченной на огне для водонепроницаемости (такая обувь имела подошвы из жесткой кожи лахтака, надевалась без чулка, но со стелькой из травы и прикреплялась к ногам шнурками, обмотанными вокруг щиколотки). Противник чукчи вооружен копьем и длинным тесаком, висающим в ножнах, не закрывающих его целиком, слева на плечевой портупее. Коряк одет в традиционную простую одежду, характерную для летнего периода: неширокая кухлянка-«стаканчик» мехом внутрь с воротом из собачьего меха, по подолу оторочка из меха росомахи; сверху кухлянка окрашена в красно-коричневый цвет естественным красителем из ольхи. Отметим, что у чавчуенов в отличие от оседлых коряков кухлянка была короче. Она подпоясана кожаным поясом с пряжкой, на котором висит роговая табакерка. На ногах коряка штаны из ровдуги и темные сапоги-торбаса до колен из дымлины — кожи, прокопченной на огне для водонепроницаемости. На запястье правой руки надет медный браслет. Прическа воина также характерна для коряков и чукчей: стриженные волосы с выбритой на макушке тонзурой.

Анкалкан сказал: «Посмотрим!» Они сражались. Один воин ударил Анкалкана по груди своим копьем. Он попал в его доспех из скрепленных кожаных ремней⁴⁵. Анкалкан упал. «Га, га, га!» — закричали все танниты. «Еще нет, — сказал Анкалкан, — я еще жив. Ни мои руки не связаны, ни мои ноги». Лежа

⁴⁵ Анкалкан уже был в ламинарном доспехе, видимо, успел надеть его, увидев нападение, ведь в доспехе не охотились.

внизу, он сделал укол своим длинным копьём. Наконечник его копья был намного крепче, чем у таннита. Он проткнул всего таннита насквозь и убил его. Его товарищ был еще более деятельным. Еще до того как Анкалкан убил своего противника, он убил *стоящих* на правом и левом краю и уничтожил их всех. Они собрали оленей и взяли все, принадлежащее этим убитым.

Затем они пришли домой и нашли своих домочадцев полумертвыми от голода. Они забили оленей и дали своим друзьям поест. На следующий год десять других таннитских воинов пришли опять. Анкалкан вышел навстречу им, управляя одним оленем⁴⁶. Затем он сказал: «Могу ли я спасти себя самого с помощью этого одного оленя? Я скорее буду совсем без оленей!» Так он заколол своим ножом животное. Олень бросился вперед, прорвался через шеренгу таннитов и затем пал⁴⁷. Они сражались. Анкалкан убил всех таннитов, но он был также смертельно ранен ими. Вот когда он лежал, пришел к нему Кэрэтакун⁴⁸ и сказал: «Я сожалею о тебе! Я могу вернуть тебя обратно к жизни!» — «Сделай это» — сказал труп. «Если ты пообещаешь следовать моим приказам, я тебя, как ранее, оживлю». — «Я обещаю сделать так». — «Тогда слушай! Таннит проедет, управляя оленьей упряжкой. Это — предмет твоего благодарственного обряда. Над ним и его оленями справь его!» — «Хорошо!» Он оживил его. Таннит проехал, управляя оленьей упряжкой. Он [Анкалкан] заколол его копьём и убил его, и отнес тело домой. Над ним он справил благодарственный обряд. Его голова была предметом обряда, а также два его оленя⁴⁹. Таким образом, он возвратился к жизни. Конец.

ВЫТРИТВА

Воспроизведено по изданию: Воскобойников, Меновщиков 1959: 426—431. Текст записан от Амоса из села Четпокаиргын близ мыса Сердце-Камень в 1942 г. и переведен Л. В. Беликовым. Сказка рассказывает о каждодневной жизни семьи оседлых чукчей, на которую периодически совершали набеги разбойничьи ватаги. Хорошо показана этика проведения копейных поединков, характерных для чукчей. В данном рассказе, в отличие от сказаний, присутствуют сказочные мотивы: полеты по воздуху и борьба с озерным духом.

⁴⁶ Видимо, из-за бедности нарты были запряжены одни оленем, ведь речь идет об оседлых чукчах, для которых была обычна езда на собаках. Обычная ездовая нарта чукчей запрягалась двумя животными, а сани с одним оленем были грузовыми (ср.: Богораз 1991: 26—27).

⁴⁷ Плохая примета, возможно, намекающая на трагические последствия битвы. Жертвенных оленей кололи ножом против сердца, и хорошей приметой считалось, когда они без конвульсий падали на левый бок.

⁴⁸ Кэрэтакун — в мифологии оседлых чукчей — властелин морских животных, главным образом моржей (Вдовин 1981: 130, 158; Гурвич 1983: 110).

⁴⁹ Благодарственный обряд справлялся над каким-нибудь добытым предметом (Богораз 1939: 81–83).

Жили отец, мать и сын. Имя их сына было Вытрытва. Вытрытва значит — «Лежащий на спине». Почему же именем его стало «Лежащий на спине»? Кто знает? Послушаем дальше.

Очень бедно они жили. Пищи не было у них совсем. А сын все только в пологе лежал. Как-то раз отец сказал ему:

— Да иди же ты дикого оленя искать! Все только в пологе лежишь, а мы от голода страдаем!

Ничего не отвечал сын. Не пошел. Отец уже стариться стал, да и мать тоже. Так и пришлось отцу самому идти на поиски пищи. Зайцев и куропаток промышлял, из лука убивал. И вот отец кормил сына. И всегда он ругал его:

— Все только в пологе лежишь, ничего не добываешь!

Все равно сын ничего не отвечал. Наконец и бранить перестал сына.

И вот этот мальчик юношей стал. Когда родители сына будили, то он, пробуждаясь, совсем был мокрым от пота. Думали родители: «Почему это он так потеет?» — гадали между собой от сына втайне. Потом снова с наступлением темноты спать ложились, а когда вставали — он опять был весь мокрый⁵⁰.

— Отчего это потеет он каждый раз? Видно, это от жиру так бывает.

— Видно, так, — отвечала мать.

Но потом тайком говорили о сыне, потихоньку между собой разговаривали. Вставал он с постели весь мокрый от пота. Когда немного пожили еще, то сын похудел будто. Говорят меж собой:

— Уже не болеет ли он?

— Не знаю, может и правда болеет? С чего бы это похудел?

Как-то присмотрелись к нему — и правда, сильно похудел. Но по-прежнему пробуждался юноша мокрым от пота. Никак не могли понять они, почему он потеет.

А он, оказывается, по ночам выходил, тайно от них, и уходил далеко. И там начинал упражняться в силе. Самую большую гору находил он, поднимал на нее большие камни и на вершине горы оставлял их. Как только начинался рассвет, возвращался домой Вытрытва и притворялся спящим на прежнем месте. И потому, когда просыпались родители, — он уже был мокрым от пота.

Но по-прежнему ничего не знали родители. И так каждую ночь ходил Вытрытва упражняться в тундру, а как только начинался рассвет, возвращался домой. Он ложился спать подальше от отца, и поэтому отец не слышал, как он выходил.

И вот однажды днем появилась вдруг откуда-то группа воинов, небольшая ватажка. Сильно испугались мать и отец. Говорят:

⁵⁰ Потливость — по чукотским представлениям, отрицательное качество.

— Ох, кто это идет? Да это враги!

А их шатер совсем один стоял. Закричали родители Вытрытве:

— А ну, скорей! Хоть помог бы!

Вытрытва спросил:

— А что увидели?

— «А что увидели!» И не знает, что враги пришли? — передразнивали они голос сына.

Сказал им сын:

— Когда подойдут, скажите мне.

— Да вот уже они, выходи!

— Вот когда хорошо будет видно их оружие, тогда скажите мне.

— Уже, уже, скорей! Вытрытва! — Ох, и испугались же родители:

— Ой-ой, да помоги же!

А он, оказывается, снаряжался тайком в легкую одежду. Вот сказал отец:

— Уже хорошо оружие видно, копьа!

— Эй! Кто здесь хозяин? — закричали враги, подойдя близко.

— Я здесь хозяин!

Вышел Вытрытва с копьем. Рассыпались тогда враги врозь. Совсем один вышел против них Вытрытва! Бросился на них Вытрытва, поднялся он в воздух с копьем и бил их сверху, сваливая одного за другим. Закричал тогда предводитель врагов:

— Бейте его из луков!

— Бьем, но не можем попасть! — отвечали воины.

Они били Вытрытву из луков, а он, находясь в вышине, пополам рассекал копьем стрелы. Вот уже многих перебил Вытрытва. Стали убегать остальные.

— Не убегайте, раз уж напали!

— Ой нет, не в силах мы!

— Эгей! Не в силах вы!

Вынул он свой лук и убегавших бил, сваливая их на месте. Вот уже их предводитель убит. Только один остался в живых, убежал. И этот рассказал своим.

Ну, а Вытрытва, покончив, сильно упарился. Меж собой говорили родители:

— Когда же он в силу вошел?

— Не знаю, когда это он наловчился. Да и кто копыище сделал, ведь не было же копыа у него. Совсем ведь новехонькое копыище сделал, а толстое какое!

Вот опять стали жить дальше. Все не было врагов. Тихо было кругом. Опять, пока спали они, исчезал он: уходил упражняться, оказывается. Еще сильнее он стал, а похудел еще боль-

ше. Каждую ночь упражнялся в силе. И вот однажды снова показался вражеский отряд, гораздо больше прежнего. Опять испугались родители:

— Ой, вон какая тьма показалась, просто как тень от тучи! Ох, видно очень много! Вот теперь-то убьют тебя, — говорили они. Ничего не отвечал он, все в пологе лежал.

— Теперь-то уж мы не спасемся!

— Когда глаза их будут хорошо видны, тогда скажите мне.

— Эгей! — успокоились они.

И вот уже враги стали приближаться. С криками шла ватага врагов. Грозно кричали они:

— Ав-вач! Ав-вач! Что, думаешь, спасешься теперь?

И по-разному еще кричали они, чтобы напугать Вытрытву.

Опять он снаряжался тайком. Сказали родители:

— Вот, близко подошли, уже видны их глаза.

Вышел Вытрытва — а там уже врагов множество.

— Ав-вач! Вытрытва! Вот теперь по-настоящему сразимся!

Одежда на всех хорошая. Притом все как один стройные. Оружие у всех самое лучшее. Сказал им тогда Вытрытва:

— Бросайтесь вы на меня, раз уж вы нападаете на мирного человека!

Бросились на него, как большое стадо! Защищался Вытрытва. Десять дней сражались они на копьях и десять ночей. Один воин у них очень сильный был. Уменьшалась вражья ватага в долгой битве. Хоть и один был Вытрытва против них, но хорошо бился. Когда восьмой день битвы настал, поредела уже вражья ватага. Когда девятый день подошел к концу, все были перебиты, только один, самый ловкий, воин остался.

Вдвоем продолжали они биться на копьях, но никто не мог одолеть. Наконец выбился из сил вражий богатырь, так как слишком жирен он был. Вдруг в разгар битвы вышиб у него копье Вытрытва, и покатилося оно в сторону. Сказал тогда вражий богатырь:

— Ого-гой! Совсем одолел ты меня. Эгэ-гэй! Ох, сил лишил ты меня! Ну что ж, совсем одолел ты меня; теперь настало время смерти от тебя. Но только смотри: когда пронзишь копьем, то вытащить должен его. Если оставишь копье, то не будет силы у тебя прибавляться, с прежней останешься и даже слабеть начнешь.

— Вот как! А почему же?

— Да так уж, сам тогда испытаешь.

— Вот как!

Потом сказал вражий богатырь:

— Теперь пора, пронзай меня!

Лег на спину богатырь и закрыл глаза. Пронзил его копьем Вытрытва, и умер вражеский воин. И сразу, как умер, затвер-

дел, и все мышцы плотными стали. Никак не мог вытащить копье Вытрытва. Совсем оно там застряло. На десятый день только вытащил копье. Вытаскивал столько дней потому, что из-за большой силы богатыря мышцы его сжимались. Только на десятый день смог вытащить, когда тело богатыря остыло и мышцы разжались. Тогда вернулся домой. Опять становился мокрым от пота. Тревожным был, когда будили. Однажды говорит он своим родителям:

— Очень я тревожным стал, когда пробуждаюсь.

— Вот как? А отчего же?

— Не знаю. — Но ничего не рассказывает родителям. — Теперь, когда будить станете, не притрагивайтесь ко мне. Если же прикосновением разбудите, плохо тогда вам будет.

— Вот как!

И опять стали жить дальше. Лето наступило. Ну и жаркое было лето! Однажды в пологе он спал. И вот отец прикосновением его разбудил. Совсем забыл, тронул и сам испугался. К его голове притронулся. Вдруг, как пуля ружейная, наружу выскочил он, из полога наружу выбросился. Закричал:

— Ой-ой-ой! Больно мне! Больно!

- Ведь говорил же вам, что не будите прикосновением!

— Да ведь забыл совсем. Притом как же будить тебя?

— Ударом или по голове, или по телу! Поняли?

— Ну да, поняли.

Опять так живут. Как-то отец в тундру ушел — так просто или за дровами. Потом домой вернулся. Когда домой пришел, сыну сказал:

— Смотри не ходи туда, к берегу озера. Если пойдешь, плохо тебе будет. Не спасешься!

— Да ну? Неужели не спасусь? Отчего же это? Вот только если шаман заколдует.

Вытрытва быстро гневным становился. На другой день он все же отправился в тундру. Там на берегу озера, на видном месте, уснул. Очень крепко заснул Вытрытва.

Вдруг какой-то человек появился. На виду спал Вытрытва. Стал к нему этот человек подкрадываться. Приблизился к нему. Толкнул мужичище Вытрытву. Потом копье вытащил свое и стал колоть его. Хотел было пронзить Вытрытву, но не успел: быстро отполз в сторону Вытрытва. Осмотрелся — недалеко озерный дух стоит⁵¹. Увидел Вытрытву, сказал:

— Зачем здесь спишь? Разве не говорил тебе отец?

⁵¹ По представлениям чукчей, каждая местность имела своего духа. Однако при встрече с духом нужно не паниковать, не терять самообладание, а бороться с ним, поскольку и дух смертен (Вдовин 1976: 249; о духах озер см.: Самарин 1935: 95-96).

— Говорил.

— Почему же запрет нарушил, сюда спать пришел? Так знай же, что нельзя здесь спать!

— Ничего, можно! Для всех одинаково земля существует.

— Эгей! Тогда бейся со мной!

Бросился на него озерный дух. Начали на копьях биться. Пять дней в вышине сражались. Ну и ловким же стал Вытрытва! Да и озерный дух был ловок в битве. А жара-то была какая! Солнце сильно припекало сражающихся. Изю всех сил бились они в вышине. Быстро носился Вытрытва, мелькая то здесь, то там.

А дома не знали о битве. И вот вдруг на солнце тень появилась. Говорят родители:

— Смотри, смотри! Что это?

Вот приближаться стало сюда. Вдруг будто человечек показался против солнца. Еще там мелькнул.

— Смотри, смотри! Да что же это такое?

А это, оказывается, Вытрытва под солнцем мелькал в вышине! Даже над шатром проносился, как птица! Это бился он так с озерным духом. Ох и кричали же родители, когда проносился он над шатром:

— Ой-ой! Ой-ой! Да что же это за чудо?

Когда Вытрытва над шатром проносился, свистело все вокруг, как сильный ветер. Когда четвертый день наступил, вниз стали опускаться ноги воинов. На пятый, когда стемнело, во время сильной битвы опустились ноги их на землю, и тут же копье вышиб Вытрытва, далеко отлетело. И сразу пронзил Вытрытва в гнев озерного духа. Тут же убил, даже его слов не ожидая.

Опять застряло копье в теле. Опять старался выдернуть копье. Сильно копье разогрелось там, в теле, и вот застряло совсем. Да и тело богатыря твердым стало, мышцы сильно сжались. И не мог поэтому выдернуть копье. Только когда зима наступила, выдернул копье. Сильно упарился Вытрытва и лег прямо в снежный сугроб. Весь погружался в снег, вылезал, потом погружался снова. Только и смог охладиться, тогда оделся.

Так стал жить дальше.

[ОБОРОНИ]

Сказание приведено по изданию: Лебедев, Симченко 1983: 129—132. Текст записали авторы книги от чукчи Ивана Ивановича Вантуляна из Ачайваамского сельсовета Олюторского района Камчатской области (Лебедев, Симченко 1983: 5). Речь в сказании, по-видимому, идет о событиях времен чукотско-корякских войн первой половины XVIII в., хотя никаких намеков на русское присутствие в регионе нет. Сам рассказ носит нравоучительный характер — внушает молодежи почтение к старшим. Эту норму чукотского этикета хорошо сформулировал чиновник Комитета Севера ВЦИК Н. Галкин (1929: 64): «Вообще старики пользуются уважением в чукотском быту; им никогда не прекословят, слово старика — закон».

Когда-то на стойбище одни только старики и совсем молодые ребята остались. Все взрослые мужчины ушли со стадами на север⁵². Оставили людей для того только, чтобы они рыбу заготовили на зиму⁵³. Яранги поставили на высоком месте. Так и жили.

Лето было дождливое. Женщинам много работы было. Юкола плохо сохла. Только подсыхать начнет — ее опять дождем намочит. Они все время юколу переворачивают, смотрят. Если мухи отложат личинки в складку возле хвоста, то нужно эту часть разбить камнем на камне и на костре прожечь.

Потом осень пришла. Из стада только два человека приходили, чтобы узнать, как их близкие живут, и посмотреть, как у них рыба ловится. Эти приходившие сказали, что самые главные старики решили на другое место оленей перегонять, чтобы побольше земли занять удобной. Поэтому как только праздник молодого оленя осенью⁵⁴ пройдет, то оленеводы сразу же на другое место еще дальше кочевать будут, а их родня пускай на том же месте пока остается до снега, чтобы потом уже по снегу кочевать на зимнее место. Не хотели сразу их забирать, чтобы те успели побольше рыбы наловить и юколу получше приготовить.

Осенью праздник молодого оленя устроили. Все как полагается сделали. Стадо погнали. Совсем далеко взрослые мужчины от своих семей ушли. Снег выпал. Санная дорога установилась.

Один раз женщина от юкольника — вешала с сушеной рыбой — прибежала и говорит:

— Я видела, что в нашу сторону много оленных людей едут. Едут на беговых нартах. Это не чукчи. Это, наверное, оленные люди — коряки едут.

Был там у них совсем старый старичок. Этот старичок и говорит одному молодому парню:

— Ты один тихонько беги вперед с луком, хорошенько спрячься и издали в этих людей три стрелы пусти. Только надо,

⁵² После того как снежный покров таял на границе весенних и летних пастбищ, стойбище разделялось: мужчины вместе с незамужними женщинами и подростками отправлялись пасти оленей, неся на себе все необходимое. Подобная откочевка обычно была более чем на 30 км (Богораз 1991: 21; ср.: Беретти 1929: 49), это расстояние покрывалось за 3—4 дня пути (Шишмарев 1852: 195). Оставшиеся на летовке около реки или озера женщины и старики заготавливали еду: ловили рыбу, собирали траву (Орловский 1928: 69; Гурвич 1983: 102).

⁵³ Рыболовство у чукчей не получило большого развития. Оленные чукчи ловили рыбу сетями и удочками в реках и озерах (Богораз 1991: 82—88). У чукчей, перешедших Анадырь, методы и способы рыболовства были заимствованы от оседлых коряков (Вдовин 1962: 160).

⁵⁴ Перед перекочкой на зимнее пастбище в августе устраивался праздник жертвоприношения, главным содержанием которого был забой молодых оленей (Кузнецова 1957. 265—274).

чтобы эти люди тебя не увидели. Пус­ти толь­ко три стрелы одну за одной, не це­лясь, и тихонько возвращайся. А мы пока будем за­гора­живаться дровами, нар­та­ми — всем, чем можем, чтобы с этими лю­дьми из ук­ры­тия вое­вать. Нас мало совсем, и силь­ных лю­дей среди нас нет. Может быть, эти олен­ные лю­ди по­ду­мают, что наши силь­ные муж­чины пред­упре­жда­ют их стрелами, чтобы не под­хо­ди­ли бли­зко, и мимо нас прой­дут, вое­вать не захотят.

Молодые мальчишки ста­ли над ним смеяться:

— Что этого старика слу­шать? От него ника­кого тол­ку нет. Он стар­ый и поэ­тому трус­ливый. Нам на­до ина­че по­сту­пить. На­до всем взять лу­ки и вый­ти впе­ред, чтобы этих олен­ных лю­дей остано­вить. Вон нас сколь­ко. Для того чтобы из лука стрелять, боль­шой си­лы не на­до. Мы их и так убьем.

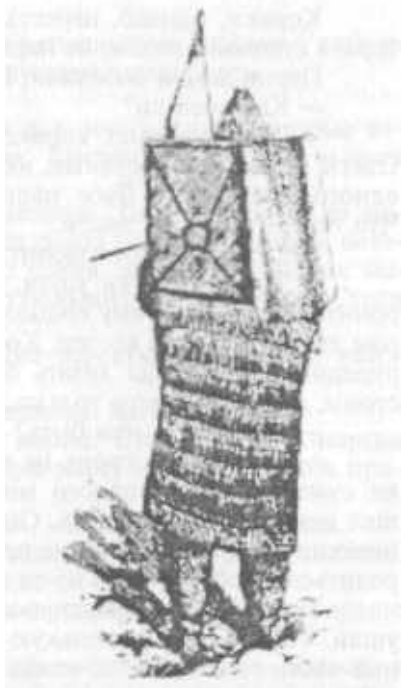
Собрались эти молодые мальчишки, взяли с собой лу­ки, навстречу едущим по­шли.

Этих олен­ных ко­ряков не­дале­ко от сво­его стой­бища встре­ти­ли. Ста­ли в них стрелять. Ни­как не могут ни­кого уби­ть. Ко­ряки, оказы­ва­ется, в ко­стя­ных пан­ци­рях бы­ли⁵⁵. От этих ко­стя­ных пан­ци­рей стрелы толь­ко от­ска­ки­ва­ют. Одна­ко од­но­го все­та­ки стрелой за­де­ли. Тот упал.

У парней с чу­ко­тско­го стой­бища двоих уби­ли ко­ряки из лу­ков. Те в од­них ку­хля­нках бы­ли. Пря­мо на­сквозь ко­рякские стрелы про­би­ли их.

Ви­дят пар­ни — пло­хо их де­ло. Не могут они одо­леть этих ко­ряков. Тогда тот, кто не хо­тел од­ин иди вра­гам на­встре­чу, го­ворит:

— На­вер­ное, про­па­ли мы те­перь.

Корякский лучник в доспехе с правым крылом. Фото рубежа XIX—XX вв.

Воспроизведено по:

Богораз 1991: 97, рис. 84б

⁵⁵ В сказании упоминаются только ко­стяные пан­ци­ри у ко­рякских воинов, тогда как уже С. П. Кра­ше­нин­ников (1949: 382; 729) го­во­рит, что у бо­га­тых воинов бы­ли пан­ци­ри не толь­ко из ко­сти, но и из же­ле­за, а у про­стых — из нер­пичьих шкур.

Коряки, однако, перестали стрелять. Того человека, в которого стрелой попали, на нарту положили, повезли.

Парни домой побежали. Прибежали, их старик спрашивает:

— Как воевали?

— Этих оленных коряков много. Одни взрослые воины. Одеты в панцири костяные, их стрелы не пробивают. Только мы одного застрелили. Двое наших там лежат, мертвые остались. Что теперь будет, не знаем.

Тот старичок им говорит:

— Теперь коряки ушли, чтобы своего родственника похоронить. Они ночью ему сошьют погребальную одежду и рано утром его положат на костер. Костер они неподалеку от своего теперешнего стойбища делать будут. Они теперь знают, где мы стоим, и придут завтра только к полудню нас убивать.

— Как теперь нам быть? — парни спрашивают его.

— Теперь вам своих не найти. Мы их позвать на помощь не сумеем. Только одного можно отпустить, чтобы он скорее шел искать наших родных. Он пускай им все и расскажет. Нам помощи все равно ждать нельзя. Надо все-таки сейчас нам огородиться, чтобы воевать из-за загородки.

Тогда быстро яранги поснимали и все на высокую сопку ушли. Только одну маленькую ярангочку поставили. Все остальные части так оставили, чтобы из них забор делать. Даже на этот забор все нюки положили от других яранг.

Старики говорили:

— Слабые стрелы они задерживать будут.

Всю ночь они себе забор строили. Даже, говорят, они дерн резали и снизу им обкладывали, чтобы не пробивало стрелами.

Старичок руководил:

- Надо повыше забор делать, чтобы враги перескочить не могли. Если смогут перескочить, то всех нас копьями заколют. Если не смогут легко перескочить, то мы здесь долго можем от них обороняться.

Стали высокий забор делать. Все части от четырех яранг, которые сняли, они поставили и все вешала сюда же перенесли. Все связали ремнями и укрепили. Много камней перенесли от реки и около забора сложили.

Старичок тогда говорит:

— Вы вот здесь не связывайте забор. Пусть здесь проход будет. Когда нужно, можно будет все это раздвинуть и сделать выход.

Тот парень, который один не захотел навстречу оленным корякам пойти, тогда рассердился и сказал:

— Старик глупый совет нам дает. Зачем надо оставлять этот проход? Если коряки как-то узнают, что здесь изгородь слабая, то совсем легко сюда войдут и нас всех перережут.

Другие парни говорят:

— Послушаем его. Сами мы неправильно сделали с самого начала. Может быть, если его послушаем, целы будем.

Тогда старичок говорит:

— Теперь идите и соберите все рога оленей, которые валяются у нас возле жертвенников. Быстро их соберите и рога камнями затачивайте.

Пошли парни наружу за изгородь. Спустились на то место, где стойбище было, где много рогов на жертвенниках осталось, где на празднике молодого оленя забивали больших быков⁵⁶. Принесли эти парни много больших бычьих рогов. Стали их камнями затачивать.

Старик им показывает, какие отростки надо остро наточить, как иглы. Потом говорит:

— Давайте теперь сюда все ездовые легкие нарты.

Притащили парни к нему нарты. Старик стал к нартам оленьи рога привязывать. На каждую нарту несколько рогов привязал и камней в них наложил.

Только они это дело кончили, как коряки показались.

Близко подошли враги, стали сначала стрелы пускать. Слышно, как сами они удивляются:

— Как эти трусливые чукчи придумали? Как они хорошо укрылись!⁵⁷

Сами все время из луков стреляют. Стараются попасть в разные дыры, чтобы достать чукчей. Те сидят у себя за изгородью и не отвечают. Тогда стали потихоньку коряки на эту сопку подниматься. Со всех сторон они шли. Как только близко подошли, то чукчи в дыры по ним выстрелили. Сразу двух ранили. Попали обоим в бок — туда, где панцирем не закрыто. Не видели коряки, кто в них целится, и не могли от стрел увернуться.

Тогда они вниз сошли, совещаться стали:

— Не надо по одному с разных сторон идти. Так они нас незаметно убить могут. Надо всем вместе наступать. Тогда друг друга с боков закрывать будем и панцири нас спасут.

Стали наступать сначала в одном месте. Близко подошли к загороди. Один коряк высоко подпрыгнул, на верх загородки вспрыгнул. Его двое парней-чукчей копьями проткнули.

Отошли тогда коряки, опять внизу совещаться стали. Говорят:

⁵⁶ Рога при забое оленей ставили в ряд, однако позднее дети ради забавы могли их перетаскивать на какое угодно место (Кузнецова 1957: 269). На жертвенных местах рога собирались в кучи и символизировали стада предков (Вловин 1977: 156).

⁵⁷ В фольклоре обычно фактор языка не учитывается, герои разных этносов тут свободно общаются друг с другом. Но в данном случае то, что чукчи понимали язык коряков, не является фольклорным преломлением действительности, ведь чукчи действительно понимают коряков благодаря близости их языка, хотя фонетические различия все же имеются (Дьячков 1893: 101; Гурвич 1983: 100).

— Тут везде забор очень высокий. Тут нигде не перепрыгнуть сразу многим. Нас так они поодиночке убить могут. Надо вон там перескочить, где забор низенький сделан. Надо нам всем вместе, тесно туда бежать, где подъем крутой, а забор низенький. Эти чукчи, наверное, думали — на такой крутой подъем мы бежать не сможем. Поэтому там и забор низеньким сделали.

Как договорились, стали наступать по крутому склону. Тогда старичок говорит парням:

— Быстро проход открывайте, быстро туда нарты пихайте, к которым рога привязаны.

Парни открыли проход и стали туда нарты выпихивать.

Понеслись нарты со склона и в самую гущу ударили коряков. Среди них целые проходы получились. Всех воинов остро отточенные рога прокололи. Их панцири не могли предохранить. Острые были рога у осенних больших быков, которых забили на празднике молодого оленя.

Выбежали тогда молодые ребята наружу и стали копьями бить тех, кого эти сани сбили, но не закололи до конца. Всех их побили.

Тогда старик говорит:

- Быстро собирайтесь теперь. Надо на их стойбище идти и оленей их забрать. Там никого из сильных мужиков не осталось. Все их олени нашими будут.

Парни говорят:

— Надо его слушаться. Если бы его не послушали, то все уже мертвые бы были.

Когда на стойбище коряков пришли, там только одни женщины оставались. Чукчи говорят:

- К своей родне идите. Мы вас трогать не будем. Пусть, однако, к нам ваши мужчины не приходят. Мы всех ваших убили и еще их убьем, если они к нам придут.

Сами оленей погнали к себе, к своему стойбищу.

Как пригнали, то их мужчины вернулись. Увидели, что много оленей стало. Говорят:

— Теперь делить надо. Совсем огромное стадо у нас стало.

Стали делить, главный мужчина-оленовод говорит ребятам:

— Стариков всегда надо слушать, не спорить с ними. Они лучше всех все знают.

КУНЛЕЛЮ⁵⁸

Приведено по изданию: Бабошина 1958. № 101: 243—245. Текст записан в 1940 г. О. Е. Бабошиной в устье реки Хатырка (Бабошина 1958: 259). Речь идет о чукотско-корякской вражде, когда чукчи уже не нападали на

⁵⁸ В своем сборнике сказок О. Е. Бабошина использует другую транскрипцию имени главного героя — Хунлелю, которую в данных текстах я поменял на более распространенную — Кунлелю.

оседлых коряков, но продолжали войну с кочевыми из-за стад оленей. Положительный герой сказаний Кунлелю был, очевидно, историческим лицом, героем южных телькепских (туманских) чукчей, которые в XVIII в. вели перманентную войну с коряками-танитами — отрицательными персонажами данного цикла сказок (ср.: Богораз 1934: 13; Антропова 1957: 176; Беликов 1965: 166). Некоторые чукотские семьи до сих пор считают себя потомками Кунлелю. И. С. Вдовин (1962: 154; 1970: 22) относит цикл сказаний о Кунлелю ко времени после 1756 г., когда чукчи впервые стали селиться за рекой Анадырь и дружить с хатырскими коряками (Косвен 1962: 288), но через год коряки убили «лутчих людей» чукчей — Арепугу и Татылкина (Вдовин 1965: 69; ср.: Леонтьев 1983: 129). Близкую версию убийства Арельпыно коряком Мотлынто в изложении Ивана Коравье, потомка двоюродного брата Кунлелю — Эвиискева, (1970 г.), см.: Леонтьев 1973: 129.

Жило когда-то по реке Кональчик племя танитов. Жили они набегами.

Понравилось танитам стадо Арепу, который жил с большой семьей неподалеку от реки Кональчик. Стали воины готовиться в набег.

— У нас с Арепу мир, нельзя воевать! — сказал вождь.

— Мы в мире с его братом Кунлелю, а не с Арепу! — говорят таниты.

— Нет, мы договорились с тельхапскими чукчами не воевать! — сказал вождь.

Долго спорили воины и не послушались своего вождя — напали на Арепу, убили его жену и детей, угнали стадо.

Заткнув в боку рану, едва переводя дух, Арепу бежал с дочерью в Майно-Пыльгино предупредить чукчей о нападении танитов.

Когда он добрался до последних сопок и увидел море, силы его покинули. Он велел дочери оставить его здесь, а самой бежать в Майно-Пыльгино, к корякам, просить защиты и сказать чукчам, что таниты начали войну.

Но дочь не хотела покинуть отца и не отходила от него.

Тогда он сказал дочери:

— Я хочу пить!

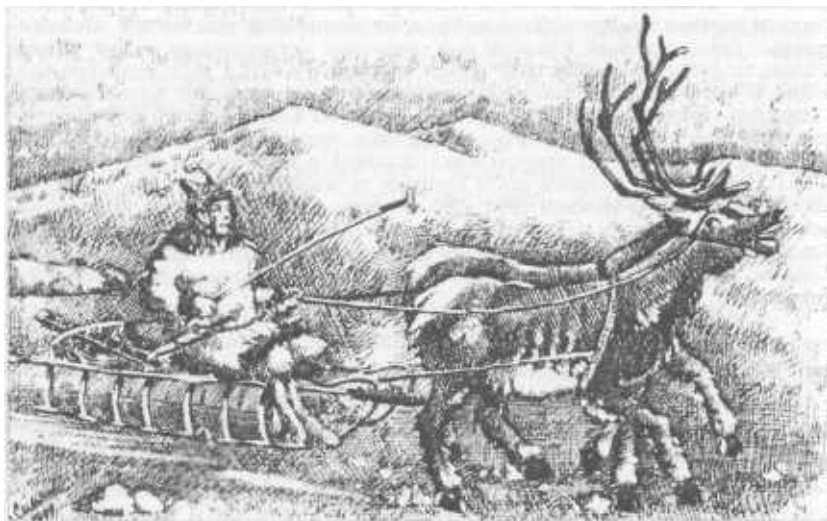
Дочь набрала снега, но Арепу просил хоть один глоток воды. Дочь стала спускаться с сопки к воде, и не успела она дойти до ручья, как отец крикнул:

— Беги скорее, скажи брату своему Кунлелю о танитах! — и бросился со скалы.

Дочь со слезами побежала, куда велел отец.

Майно-пыльгинские коряки хотя и дрожали от страха, но все же помогли девушке. Под пологом выкопали яму, спрятали туда девушку, закрыли яму ветками и сверху шкурами.

В это время к стойбищу подъехал Кунлелю, брат Арепу. Не успели коряки рассказать ему о случившемся, как увидели оленьи упряжки танитов.

Выезд чукчи в поход (XVIII в.).
Реконструкция. Рисунок А. В. Сильнова

На голове воина шапка из шкуры с головы волка с бобровой оторочкой по краям, к ушам скальпа прикреплены красные ленточки с кораллами. Воин одет в зимнюю одежду: белая кухлянка из зимней шкуры оленя с черной собачьей оторочкой и воротником, подол оторочен мехом росوماхи; верхняя кухлянка надета поверх нижней; меховые штаны из камусов надеты поверх других — нижних — штанов; на ногах меховые торбаса с подметками из черного межкопытного меха оленей; на руках рукавицы из оленьего камуса. Из вооружения видим горизонтально притороченное к саням копье (длиной 2,5 м) с покрытым меховым чехлом наконечником; в нартах позади ездока — лук в налучье и колчан со стрелами; на поясе с пряжкой слева — длинный однолезвийный тесак, а справа — более короткий нож. Воин сидит на оленьей шкуре в передней части нарт, опираясь ногами на полозья, позади него лежит мешок с провизией, сложенный аркан, могла быть и сменная обувь. Нарты — ездовые семикопыльные, с тормозом у правого полоза. Сани тянут два оленя (шкура у них зимняя) с обрубленными, чтобы не бодались, рогами. Правое животное находится немного спереди, оно — ведущее. Чукча управляет оленями с помощью двух поводьев, закрепленных на недоуздке, на котором у ведущего оленя имеются стимулы — две «гребенки» (на лбу и под подбородком). Воин погоняет оленей полутораметровым ивовым кнутом, имеющим поперечный наконечник из кости

Кунлелю сел на свои нарты.

— Девушка ваша, берегите ее! — сказал он и погнал оленей.

Таниты узнали Кунлелю и пустили в него тучи стрел. Кунлелю скакал в горы, где можно было спутать свой след, обмануть танитов.

Олени быстро устали, и таниты стали догонять брата Арепу. Стрела попала в одного оленя, Кунлелю отрезал постромки, бросил раненого оленя и поскакал дальше.

Таниты обрадовались, они знали, что Кунлелю не уйдет далеко на одном олене. Он уже видел глаза танитов, слышал их смех и выкрики. Кунлелю гнал оленя изо всех сил и не давал взять себя в кольцо.

Тут налетела пурга, завывала, взметнула снег так, что в двух шагах не стало ничего видно. Кунлелю слышал крики танитов, но вздохнул свободнее. Он не боялся пурги...

Олень и Кунлелю уже выбивались из сил и едва брели по глубокому снегу. Вдруг до них донесся запах дыма. Олень пошел веселее, и скоро они достигли подножия большой горы, у которой стояло родное стойбище Кунлелю.

Кунлелю поднял полог.

Родичи его пили чай.

— Ты пришел? — сказал дед.

Кунлелю подали на деревянном подносе горячую жирную грудинку.

Кунлелю рассказывал о танитах, о смерти Арепу и о погоне за ним. Дед сказал, чтобы запрягали самых наилучших оленей. Когда Кунлелю насытился, старик спросил:

— Что ты думаешь делать сейчас?

— Ложиться спать! — ответил внук.

— И ждать, когда придут таниты и заколют тебя, как оленя? — подсказал дед. — Я знаю танитов, это беспечные люди. Они сейчас наелись мяса, напились чаю и повалились все спать, а часовые, как только услышали храп товарищей, тоже уснули, надеясь, что в такую пургу никто носа не высунет из яранги. Ведь их сейчас приколоть можно всех, как стадо оленей! Найдется ли в тундре богатырь, который уничтожит танитов...

Внук не отвечал.

— Я сам еду! — сказал старик и вскочил со шкур.

— Тогда Кунлелю выскочил из полога, надел кухлянку, сел на нарту.

Дед сказал ему:

— Не заходи в ярангу, пока не услышишь сонное бормотание, пение и крики. Таниты спят беспокойно, но крепко, их можно всех повытащить из яранги за ноги на мороз, не услышат.

Свежие олени несли Кунлелю, как ветер.

Чтобы сохранить силу оленей, Кунлелю поехал через горы. Перевалив хребты, он выпряг оленей, подвязал их сзади к нарте, а сам сел на нарту и погнал ее вниз. Нарта неслась, олени прыгали и все летели вниз. Когда горы остались позади, Кунлелю опять впряг оленей в нарту и помчался вперед. Переехав реку Майно-Пыльгино и увидев стойбище, Кунлелю остановил оленей под пригорком, а сам, крадучись, проскользнул в ярангу, у входа в которую спали часовые, обняв свои копыя.

«Дед прав!» — подумал Кунлелю и, затаив дыхание, как тень, бесшумно скользя среди спящих, наклонился, нащупывая шею или сердце врага. Только глухие вздохи и стоны слышал Кунлелю, пока не настала в яранге мертвая тишина.

Солнце поднялось из-за моря. Пурга утихла, все было тихо, спокойно в тундре. Снег сверкал, дым мирно курился над коряжскими ярангами.

Кунлелю гнал домой два больших стада — табун танитов и табун Арепу.

КРОВАВАЯ ГОРА

Приведено по изданию: Бабошина 1958. № 103: 247—251. Записано в 1940 г. О. Е. Бабошиной в устье реки Хатырка (Бабошина 1958: 259). События происходят после 1756 г., когда чукчи впервые перешли Анадырь и стали жить среди оленных коряков, по вине которых и произошел конфликт (Вдовин 1970: 22). Виновником конфликта был танитский предводитель, который позавидовал силе Кунлелю и, боясь потерять авторитет, организовал поход на чукотского героя. Вождь танитов на войне ведет себя как истинный военачальник, не бросаясь на штурм, но сзади руководя им. В сказании имеется также экскурс в предысторию этой вражды оленных коряков и чукчей и детство Кунлелю.

Среди гор высится крутая скалистая сопка. С трех сторон она отвесна, как стена. На самом верху у ног Кунлелю — широкая площадка, на которой стоит яранга, а в яранге запасы на всю зиму: юкола, жир, дрова, много льда и много нарт на краю площадки.

Вдалеке синеют длинные горные цепи, уходящие в облака. Причудливо выются горные речки. Озера раскинулись среди тундры и отражают сопки и небо. Стоит молодой Кунлелю, опершись на копьё. Задумался. Не видит он северного сияния. Всю осень Кунлелю поливал сопку, карабкаясь по уступам с кожаным мешком, наполненным водой. Вот-вот сорвется...

Обратный путь не легче. Спускаться приходилось, нащупывая ногой каждый выступ камня.

И вот небо обложило тучами, подул с моря ветер, дохнула холодом тундра, и сковало сопку льдом, как панцирем.

...В конце лета в соседнем стойбище был праздник. Кунлелю и все его стойбище поехали в гости. Мать просила Кунлелю не ездить, боялась его встречи с вождем танитов.

- Халеха минкри!⁵⁹ Надо ехать, а то скажут — Кунлелю трус!

Приехали они в чужое стойбище. На небе сверкали звезды. Из каждой яранги валил дым, и снег был освещен пламенем костров. Все стойбище вышло встречать Кунлелю.

- Здравствуй, Кунлелю!

Кунлелю отвечает старым почтительно, как сын, молодым ласково — как товарищ и друг. Подростки распрягают оленей и оттаскивают нарту. Женщины стряхивают снег с его одежды и

⁵⁹ Ну что же делать? (чук.).

ведут в ярангу. В стороне стоит вождь танитов — темен, как бо-лото.

Отец Кунлелю был когда-то хозяином маленького стойбища. Он был добрый. И чукчи все чаще селились в его стойбище. Он жил возле моря и реки, где можно добывать морского зверя и рыбу. Богатства не было у Арепу — отца Кунлелю, но всегда люди были сыты и теплая одежда защищала их от холода.

Когда собирался напасть на него вождь танитов, отец Кунлелю отводил свое стойбище подальше и никто не называл его трусом. И все-таки Арепу пал от руки танитов. Маленький Кунлелю остался с матерью. И мать стала хозяйкой маленького стойбища.

Вождь танитов преследовал их. Мать берегла сына, уводила стойбище в глубь тундры и ждала, когда ее сын будет сильным.

...Утром в стойбище били оленей копьями и острыми ножами. Всех лучше бил Кунлелю — красиво и быстро. Олень, отпущенный с веревки, несется, как стрела, Кунлелю попадает копьем прямо в сердце оленя. Олень на всем ходу падает на колени, ветвистые его рога руют землю. Толпа кричит, а матери тащат своих детей к убитому оленю и мажут их лица горячей кровью⁶⁰.

Начались бега. Вся молодежь уехала к далеким горам, чтобы оттуда начать свой бег. Пожилые вышли из яранги и ждали, сидя на оленьих рогах или лежа на земле⁶¹. Женщины сидели на корточках, упершись руками в колени, в стороне, окруженные малыми ребятами. Жевали табак и разговаривали. Но вот в тундре показались бегуны. Все заговорили, задвигались, а подростки понеслись навстречу бегущим. И вдруг все закричали:

— Кунлелю, Кунлелю!

Первым пришел Кунлелю — легко, ровно дыша, подбегал он, держа поперек спины палку и заложив за нее руки⁶². Толпа окружила его и понесла к яранге.

У вождя потемнело в глазах: он, кем пугают детей, забыт на празднике! Какой-то мальчишка затмил его!

Тяжело дыша, хриплым голосом похвалил он Кунлелю и матери его сказал:

⁶⁰ На осеннем празднике убоя оленей практиковалось намазывание оленьей кровью лица, рук и груди, чтобы быть подобным духам убитых оленей. Причем у каждой семьи были свои знаки (Богораз 1939: 64; Гурвич 1983: 109—110). Это, по объяснениям самих чукчей, охраняло их самих и их оленей от болезней (Суворов 1867 б: 163; М-в 1877. № 47: 386).

⁶¹ В яранге чукчи сидели на шкурах, но на улице они могли сидеть и на трехногих сиденьях, сделанных из дерева или рогов оленя, снятых вместе с частью черепа (Богораз 1991: 118, рис. 101).

⁶² Чукчи бегали с палкой, которой отталкивались для увеличения длины шага (Богораз 1991: 198).

— Хорошо, что ты его научила так бегать. Ему это еще пригодится!

— Он умеет еще лучше бороться!

После бегов ели много мяса, пили чай и глотали мухомор.

— Танец ворона, танец ворона! — закричали гости⁶³.

Вождь танитов, будто не слышал, курил трубку и разговаривал со стариками. Вот уже много лет, как убит отец Кунлелю лучший танцор, — никто не танцует как он. Вождь танитов был старшим после Арепу, и теперь никто не осмеливается тягаться с ним, никто не встанет в круг, если не вышел вождь.

И вдруг послышался звук бубна, и гости струдились в круг. Вождь поднял глаза. Танцевали без него... Не выдержал вождь, пошел взглянуть на смельчака — это был Кунлелю. Вождь танитов взял бубен и вошел в круг.

После Кунлелю ему не стоило выходить. Долго бил он в бубен, топтался на месте, приседал и тяжело прыгал. Руки, ноги и шея его не были гибкими, как прежде, и он не мог двигаться так, как Кунлелю.

— Эх! Лучше бы не выходил в круг наш старый вождь! — говорили воины⁶⁴.

Ушел Кунлелю, и ушли за ним юноши — круг поредел.

Вождь не верил себе. Чуть не крикнул он своим старшим воинам, чтобы тут же убили Кунлелю, но побоялся. Сделал вид, что ничего не заметил, но сказал себе, что пошлет Кунлелю вслед за его отцом⁶⁵.

Стали бороться сильнейшие воины с Кунлелю, но, как пух гаги, летели через его голову на землю. И не было у них зла на Кунлелю, они смеялись, хлопали Кунлелю по плечу и отходили.

Старые воины шептали на ухо вождю:

— Пусть выдохнется молодой воин! — и подсылали к Кунлелю новых противников, чтобы утомить его: знали, что не выдержит вождь и ввяжется в бой, а он даже в молодости не был таким ловким и удалым.

— Я втопчу его в землю! — сказал вождь и вошел в круг.

Девушки закрылись рукавами кухлянок, мать Кунлелю в страхе ахнула и опустилась на землю.

А едва сошлись бойцы — и вождь танитов лежал у ног ее сына. Вождь с пеной на губах крикнул, что он не был готов. И опять сошлись два богатыря — молодой и старый.

⁶³ Во время танца ворона танцующие гортанным голосом повторяют «ворон-ворон» и телодвижениями изображают эту птицу, которая как будто что-то ищет и клюет с земли (Богораз 1991: 200; ср.: Жорницкая 1975: 153—154).

⁶⁴ В сказании говорится о состязании танцоров, в котором Кунлелю победил старого вождя танитов.

⁶⁵ Чукчи воспринимали поражение в соревнованиях как личную обиду — зачастую тут же бросались на победителя (Иохельсон 1895: 161).

— Готов ли ты? — спросил Кунлелю.

Вождь уперся ногами в землю, побагровел, на лбу и шее его вздулись синие жилы. И опять толстые ноги вождя мелькнули в воздухе.

— Я приду к тебе, как только выпадет первый снег, и убью тебя! — сказал вождь.

— Я жду тебя! — ответил Кунлелю.

...Чукчи шли на помощь Кунлелю, но Кунлелю отсылал их обратно домой.

— Если хотите помочь, то не мешайте мне! — говорил он всем.

Табун и стойбище снялись и ушли в сопки — так хотел Кунлелю.

Кунлелю поднимался на сопку и строил на ней свою ледяную крепость. И вот — она готова! «День покажет, какие песни будут петь обо мне девушки, какие сказки будут рассказывать обо мне старики!»

Утром далеко в тундре поднялась снеговая пыль и послышался гул, словно от морского прибоя. И множество танитов подступило к сопке Кунлелю — их было столько, что снег по чернел. Вождь танитов сказал:

— Сбросьте к моим ногам этого слепого щенка! — и откинул от себя копье и втянул руки в кушлянку, скрестив их на груди⁶⁶. Он сердился, что из-за одного мальчишки собрал весь свой народ — чукчи ушли, ни одной их яранги не видно вокруг.

Воины кинулись на сопку, но стали сползать и падать друг на друга. Моржовыми клыками стали они рубить во льду ступени и подниматься⁶⁷. Задний ставил ногу, когда убирал ногу передний. Так, шаг за шагом, взбирались они на высоту, прижимаясь всем телом к скале.

Стоит Кунлелю на сопке, опершись на копье, глядит на ползущих танитов.

Вот уже передние воины ясно видят его лицо. Тяжело дыша, они смеются над Кунлелю. Стоит Кунлелю, молчит. Только крепче сжимает зубы... И вдруг заревел он:

— Эй! Эй! Эй! — и столкнул на танитов нарты, груженные камнями и утыканые острыми копьями.

Завыли таниты, держась друг за друга, и полетели со скалы. Нарты сбивали, мяли, кололи и пронзали их. Поверженные таниты падали к ногам своего вождя. Кровь окрасила ледяную

Непринужденная поза отдыха: мужчина скрещивал руки на груди, высвободив их из рукавов.

" Возможно, речь идет о топорах для пробивания дыр, узкое лезвие их делалось из моржового клыка или китовой кости (Норденшельд 1936: 341; Архинчев 1957: 48).

гору, и стала гора красной от подножья до вершины, и *кровь* ручьями стекала вниз. Стоял Кунлелю на сопке, опершись на копье.

Вождь танитов кинулся к оленям, упал на первую нарту и поскакал в глубь тундры. Но Кунлелю как ветер полетел за ним, перерезал путь вождю, поймал его оленей за ветвистые рога и спросил:

— Ты искал меня?

Кунлелю вложил в его руки копье и велел защищаться. Копье выпало из рук вождя, и Кунлелю пронзил его. И упал вождь танитов без стога. Больше никто не был страшен чукчам, Кунлелю, сын Арепу, сделал это.

Корякское сказание

[СВАТОВСТВО]

Сказание приведено по изданию: Лебедев, Симченко 1983: 127—129. Записал в 1955 г. И. С. Вдовин от жителя села Колтушное Корякского национального округа коряка М. Т. Ваганова (Ивтакрата) (Лебедев, Симченко 1983: 127). Действие рассказа относится к периоду межплеменных войн. Хотя нет никаких намеков на русское присутствие в регионе, но действие рассказа могло относиться к третьей четверти XVIII в., ко времени войн оленных коряков (чавчуменов) и чукчей (ср.: Стебницкий 1938. № 2—3: 141), когда чукчи уже перешли Анадырь и жили в телькепской тундре. Однако, возможно, наличие чукчей за Анадырем все же анахронизм, а речь в рассказе идет о еще большей древности, до русского присутствия в регионе, когда, по преданию, чукчи в сражении уничтожили коряков, в живых осталось всего несколько семей, после чего, впрочем, коряки опять размножились и стали воевать с чукчами, на сей раз при помощи русских (Мамышев 1809: 22).

Оседлые коряки воевали с оленеводами — эвенами, камчадалами⁶⁸ и чукчами. Чавчумены (здесь имеются в виду коряки-оленеводы) оказались слабым народом. И поэтому в конце концов они были почти уничтожены. Осталось только семь стойбищ оленеводов, а другие все были уничтожены⁶⁹. Однако как-то уж потом набрался смелости старик-оленевод и сказал сыну:

— Иди сватай невесту.

— Куда я пойду свататься?

— А туда иди, к нашим врагам, к оседлым жителям, пойдя посватайся⁷⁰. Туда пойдя, где десять сыновей и одна дочь. Ее и начни сватать.

⁶⁸ Ительмены не были оленеводами, их главное занятие: рыболовство, а также охота и собирательство.

⁶⁹ Между оседлыми и оленными коряками существовала вражда (Тан-Богораз 1979: 23, 25, 28), хотя оба этноса противостояли чукчам. Последние воевали в основном с кочевыми коряками, тогда как с оседлыми предпочитали торговать (Вдовин 1987: 45). Постепенное падение численности чавчуменов происходило в постоянных стычках с чукчами в течение почти всего XVIII в.

⁷⁰ Надо учитывать специфичность требования отца, ведь оленные коряки считали себя высокороднее оседлых (Крашенинников 1949: 450).

— Пожалуй, убьют меня наши враги.

— Ладно, пусть даже убьют! Все равно смерть одна бывает!⁷¹

После этого отправился сын свататься. Пришел, смотрит — много людей упражняются в стрельбе из луков. Увидел один из них пришедшего, сказал другим:

— Смотрите, вон «волк» идет одинокий.

Другие сказали:

— Давайте его убьем.

Однако старший решил:

— Нет, не будем убивать. Пусть подойдет сюда, и мы спросим его, куда он путь держит.

Подошел тот жених, спросили его:

— Куда ты идешь?

Сказал:

— Пришел к вам свататься. Туда, где десять сыновей и одна дочь, пришел, ее и хочу сватать.

Тотчас пошли десять человек к яранге, вошли в нее. И тут старший громко сказал отцу:

— Жених пришел нашу сестру отрабатывать. Пожалуй, лучше убьем его.

Отец сказал:

— Плохо, если убьете. Он свататься пришел, таких убивать грех. Я очень долго жил, почти сто лет живу, но еще никогда не видел могилы жениха.

Вошел тогда жених. Старушка воскликнула:

— А ну, гость, садись!

Сел жених. Старик сказал жене:

— Пусть поест гость.

Начала старуха пищу готовить. Нарезала мяса. Человечий помет в суп положила. Горшок вместо блюда поставила. Человечий помет вместе с мясом смешала. И все это жениху подала. Погрузил туда деревянную ложку жених, зачерпнул, понес ко рту полную ложку. Как вдруг ударила старуха жениха по руке — вылетела ложка из руки в сторону. Жених возмущенно сказал:

— Зачем ты ударила меня по руке, когда я начал есть?

Старуха ответила:

— Видел ли кто когда-нибудь человека, который человеческий помет ест? "

⁷¹ Обычное «философское» отношение к смерти народов северо-востока Сибири. Ведь, по их представлениям, умерший именно насильственной смертью попадает в лучший мир (Зеленин 1937: 48—76; ср.: Козлов 1956: 176; Мерк 1978: 141).

⁷² Отметим, что пастухи оленных чукчей могли в экстремальных случаях есть полужидкий зеленый помет оленей (Богораз 1991: 128). Кал человека в пищу не употребляли.

— Я думал, раз поставлено блюдо с едой, значит, съедобное.
Старик сказал:

— Кажется, ты действительно очень хочешь жениться на нашей дочери. Ну что ж, возьми нашу дочь в жены, женись!

Жених сразу в полог невесты вошел.

Так и жил парень три месяца. Затем старик сказал зятю:

— Пожалуй, довольно. Отправляйтесь с женой в твой дом. Всегда здесь со мной жить не будете, в свой дом поезжайте.

Отправился парень с женой домой, прибыл в свое стойбище. Старик-оленовод вышел навстречу, увидел — сын подъезжает. Тотчас крикнул жене:

— Выходи, сын приехал с женой!

Старик и старуха к сыну обратились, так ему сказали:

— Мы думали, уж не убит ли ты, наш единственный сын. А ты вон, оказывается, уже женился.

Сказал старик сыну:

— Поезжай обратно, спроси тестя и тещу, как мы теперь жить будем. В прошлом году враги-чукчи забрали у нас стадо оленей. Вот об этом деле и посоветуйтесь. Возможно, скажут они вам: «Ладно, будем этих оленей искать, ведь теперь они все равно что наши».

Поехал молодой оленевод к своему тестю. Сказал ему тесть:

— Здравствуй, приехал!

Старший сын тестя спросил:

— Зачем приехал?

— Я, правда, по очень важному делу приехал.

И спросил тесть:

— Что такое у тебя случилось?

— Хочу с вами жизнь обсудить! В прошлом году чукчи наших оленей забрали. Сможем ли мы у них этих оленей отобрать?

Тут все родственники жены сказали:

— Хорошо, мы сейчас же поедом, немедленно, если ты знаешь, где эти грабители-чукчи живут.

Парень сказал:

— Хорошо знаю. Чукчи эти совсем недалеко живут.

Тут же начали собираться. Хорошо подготовились и пустились в путь в северную сторону. Прибыли в Талпакскую тундру, нашли чукчей, которые оленей отняли. Старший брат, ко-ряк, крикнул:

— А ну, чукчи, это мы приехали! Теперь отвечайте нам! В прошлом году вы у нас стадо оленей отняли. Мы прибыли это стадо забрать!

Закричал в ответ чукотский силач по имени Кварару:

— Не возьмете оленей!

Коряк-силач сказал:

— Нетрудно нам забрать наших собственных оленей! Не сможешь ты нам помешать!

— А я говорю, не возьмете!

Тогда старший коряк крикнул младшим братьям:

— Ну, младшие братья, приготовьтесь, будем сражаться!

И Кварару тотчас своим воинам, молодым людям, сказал:

— Будем сражаться, оседлые коряки приехали!

Бились два дня, однако чукчей побили. Чукотских женщин в плен взяли. Бедняков, молодых людей, тоже в плен взяли. Затем домой отправились. Большущее стадо оленей с собой пригнали. Очень обрадовался этому старик-оленовод, сказал:

— Вот же, ведь отобрали оленей обратно!

Эскимосские героические сказания

[ВОЙНА И МИР]

Данное сказание В. Г. Богораз (1934: 174—175) приводит в качестве типичной сказки, повествующей о причинах войны и форме столкновений эскимосов Чукотского побережья и о. Св. Лаврентия. В тексте описывается обычная война посредством морских набегов, происходившая в летний период. Хотя, как отмечает исследователь, сказка «записана среди приморских чукоч», но сюжет ее типично эскимосский. В. Г. Богораз приводит, скорее всего, не буквальный перевод сказки, а очень близкий к тексту парафраз, который, вероятно, пропускает ряд имен и трансформирует географические названия в европейские. Однако, судя по стилю текста, большая часть фраз является переводом. События сказания, вероятно, относятся к первой половине XIX в. или ранее, когда еще подобные набеги происходили, о чем и сохранились воспоминания. Отметим, что никакие европейские предметы в тексте не упоминаются.

Два человека с мыса Чаплина, один из них шаман, были унесены выюгой в зимнее время на плавучем льду¹. Лыдину пригнало к острову Лаврентия, к поселку Чибикак. Жители выбежали, убили одного из них, просверлив ему череп острым сверлом. Шамана оставили в живых, рабом сделали². Одну ночь только с ними переночевал, потом позвал своих моржей-духов³. Много моржей пришли, стали в ряд так, чтобы он мог пройти по их головам. После многих приключений шаман вернулся на Чукотский мыс и рассказал людям, какая судьба постигла его товарища. Люди решили отомстить за него. На следующее лето со всех поселков собрались на берегу воины. Сели в лодки.

¹ Подобные случаи иногда происходили во время зимней охоты на льду.

² Типичное для эскимосов отношение к чужеземцу как к потенциальному врагу (ср.: Меновщиков 1988. № 99: 232).

³ Эти моржи, один из видов чукотских духов-кэле, сохраняли свой облик животных и являлись помощниками шамана (Обручев 1974: 181; Вдовин 1976: 250).

Много больших лодок отплыло к острову Лаврентия⁴. На берегу они увидели поселок. Густой туман лежал на земле. Почти все воины сошли на землю, хотели напасть на врага. Несколько человек направились прямо к поселку, под прикрытием тумана. Сказал старик: «Подайте голос, завоюте по-волчьи». Они завывали как волки. Другой старик, из жителей острова Лаврентия, сказал тогда: «О, они здесь». Молодые воины ответили: «Это не может быть! Ведь мы на острове». — «Ну да, да! Ответьте им»⁵. Тогда они заревели как моржи. В это время большой отряд нападающих медленно подходил к ним сзади. Неожиданно они набросились на островитян и стали убивать их. Женщины в страшном испуге стали давиться. Другие же резали моржовое мясо, чтобы угощать победителей. Большое побоище было! Много женщин увезли с собой на мыс Чаплина.

Через четыре года отправились островитяне мстить за нападение. Они пришли ночью, все люди спали. Они убивали людей, просто просовывая копыя сквозь меховую стену полога. Один маленький мальчик, сирота, успел убежать от них, разбудил других. Нападавшие убежали к морю. На следующий год старики с острова Лаврентия сказали: «Довольно. Пусть мир будет». Пришло лето, и на берегу сошлись много островитян. Они принесли очень много деревянных сосудов и отдали людям этой стороны. Сказал старик нашего берега: «Как ответить? Дайте им шкуры». Дали им мягкие шкуры. «Что за шкуры?» — «Оленьи шкуры»⁶. — «Что такое олени?» — «Они с рогами». — «Что такое рога?» Тогда им показали голову оленя. Они смотрят, говорят: «О, как чудесно. Нос — как дыры в кожаном покрытии байдара». — «Попробуйте-ка лучше мясо». Сварили оленьего жиру. Потом они попробовали его: «О, это очень вкусно». Они ушли и оставили старика. Он был шаман. Люди этого берега взяли его в плен так же, как островитяне взяли четыре года назад одного из наших людей.

КАКУНАЗИКСКИЕВОЕВАЛИ С СИВУКАКСКИМИ

Приведено по изданию: Меновщиков 1985. № 133: 324—327. Записано в 1974 г. Н. Б. Бахтиным и Ф. Куяпой в селе Ново-Чаплино от Ятылина (1905—1979) (Меновщиков 1985: 534). Сказание рассказывает об обычном столкновении коалиционного войска азиатских эскимосов и чукчей с жителями о. Св. Лаврентия, которое началось по самой обычной причине — кровной мести и закончилось обычным в сказании мирным состоянием, о чем, впрочем, в

⁴ Естественно, речь идет о больших походных байдарках.

⁵ Слова старика, видимо, военного предводителя островитян.

⁶ На о. Св. Лаврентия оленей не разводили, а оленьи шкуры и мясо оседлые чукчи и эскимосы получали от оленеводов в процессе обмена.

тексте прямо не говорится (см.: Богораз 1934: 175). Поскольку имен в сказании не сохранилось, то датировка событий должна быть достаточно ранней, хотя сами такие набеги были и в XVIII. и в первой половине XIX в. Вариант этой сказки см. выше (Богораз 1934: 174—175).

Раньше было это: уназикские⁷ на сивукакских⁸ войной ходили.

Однажды нашего охотника унесло туда в море, и он на Сивукаке высадился. Сивукакский старшина его схватил и сделал своим рабом. Работать на себя заставил, заставил нерпичьи шкуры мять, скоблить, кроить — рабом сделал.

Однажды, когда уназикский работал, дети сивукакских стали шалить, и он их стал ругать.

— Зачем шалите, зачем маленьких обижаете? — так он их журил.

Старший из них тогда сказал:

— Давай ругайся! Вот весной, когда подойдет время из Уназика байдарам приплывать, убьют тебя, обязательно убьют!

Услышав это, уназикский решил бежать. И вот, когда было полнолуние, хоть были у него рукава обрезаны и штанины обрезаны, хоть и холодно ему было, убежал он по льду в сторону Уназика⁹.

Сивукакские, спохватившись, сказали:

— Наверное, он убежал!

Его хозяин, у которого он был, и еще один мужчина, хороший бегун, погнались за ним. Скоро они увидели, как он убегает по льду. Стали его догонять. Когда они уже почти настигли его, лед вдруг треснул, и между ними появилась полынья.

Она все расширялась, расширялась, уже перепрыгнуть ее нельзя было — слишком стала широкая. Остался уназикский на этой стороне, а двое сивукакских на той.

Бывший хозяин стал тогда петь. Снял он рукавицу, крикнул:

— Возьми хоть эту рукавицу, хоть одну! — и бросил. И второй тоже одну рукавицу бросил:

— На, надень хоть это!

Уназикский ушел. А те двое преследователей стали рассуждать:

⁷ Ун аз и к (Чаплино) — крупный эскимосский поселок на мысе Чаплина между бухтой Ткачен и проливом Сенявина (Крупник 1983: 81—83). В нем жили восемь родов (Айвангу 1985: 52—53).

⁸ С и в у к а к — эскимосское название о. Св. Лаврентия и основного поселения на нем (Меновщиков 1988б. № 38: 190; ср.: Богораз 1909: 179). Жители острова составляли пять общин, говоривших на чаплинском диалекте эскимосского языка (Burch 1988: 228, Tab. 3).

⁹ Берингов пролив зимой замерзал, и по нему можно было проехать даже на Аляску.

— Не дойдет он. Здесь на пути в Уназик много трещин. Не дойдет этот мужичок. По дороге погибнет. Хотя и дали мы ему рукавицы, все равно не дойдет.

А уназикский шел, шел, шел. Нет на пути трещин — вот он и идет.

И когда на востоке заалело — ведь осенние ночи очень длинные, — когда рассвело, пришел он в селение Укигйагак¹⁰. Подошел, увидел ярангу: в Укигйагаке как раз уназикские были. Только что проснулись.

Этот уназикский вошел. Окликнули его — оказалось, человек".

— О, входи. Сейчас только мы проснулись, скоро будем есть.

Когда вошел человек — оказывается, это тот, кого зимой унесло; узнали его. Рукава кухлянки обрезаны, по плечи обрезаны, и даже штанины обрезаны: сам в торбасах, а выше ничего нет.

- Ух ты! Ты же пропал с зимы, как тебя унесло, не видели тебя! Где ж ты был?

— Да в Сивукаке был я. Там жил, работал. А весной меня должны были убить. Мол, когда в Сивукак байдары из Уназика соберутся, тогда меня собирались убить. Услышал я это и убежал.

А к тому же, когда этот человек пришел в Уназик, дошли туда слухи с севера: будто те, на севере живущие чукчи, какие-то нукакские, чью байдару ветром унесло, тоже там в Сивукаке причалили. Там, на Сивукаке, высадились эти чукчи. Когда они пришли туда, сивукакские их тоже работать на себя заставили. Всю зиму там провели, в Сивукаке.

А незадолго до того как весна настала, схватили их, повалили и копьями с железными наконечниками вот здесь, во лбу, головы им всем проткнули; так и убили всех, палками голову просверлив, потому что весна приближалась. Один же из них, убитых так, у сивукакского шамана стал духом.

Однажды одна уназикская байдара туда приплыла — просто так, случайно. Сивукакский старшина этому гостю сказал:

— Ты знаешь, этот наш шаман — очень сильный шаман. Даже дух у него есть — чукча. Тот хоть и говорит, но мы ни слова не понимаем.

Гостя уназикского и правда повели на шаманское пение.

¹⁰ Укигьярак (эскимосское: Укигьяг'alc') — небольшой эскимосский поселок к западу от мыса Чаплина.

¹ Поскольку пришелец появился из ночи, то эскимосы сомневались, не злой ли это дух, который бродит в ночи (Вдовин 1976: 249).

Вошли они, сели, шаман сивукакский и вправду начал тут петь. Запел — появились какие-то птицы, духи разные; потом появился тот дух, чукча¹². Стал уназикский этот слушать его, а тот говорит:

— Опять я буду говорить, и опять они меня не поймут¹³.

Тут ему этот уназикский гость — он-то ведь понял! — и сказал:

— Говори, я пойму тебя!

— О! Вот хорошо! Откуда ты?

— Да я уназикский. На байдаре приехал я.

— Мы тоже на байдаре приезжали, причалили сюда. А сивукакские эти, изверги, незадолго до весны головы всем просверлили и всю команду байдарную убили, всех нас убили. Мучители они, изверги. Хоть бы убили, ударив чем-нибудь, или закололи бы. А сверлами этими убивали — очень больно было.

И вот, когда приехал этот уназикский домой, рассказал всем, и на севере там живущим рассказал, землякам тех, с пропавшей байдары, которую они искали. А на будущий год с севера пришло много байдар. Пошли они воевать.

И вот уназикские байдары, и нунлигранские байдары, и кивакские¹⁴, и аванские¹⁵, и еще другие, и северных чукчей байдары — множество байдар туда поплыло.

Когда стали они подходить к Сивукаку — уже яранги должны были появиться, — вдруг остров туманом заволокло. Но сопка их видна, только яранги туманом покрыло.

Тогда они сказали:

— Пусть байдары пристанут к берегу там, у той скалы. Пристаньте и медленно идите к ярангам. Мы же двумя байдарами прямо к причалу пойдем. Когда будем подходить, они с оружием вниз спустятся — ведь они нас знают. С луками, с копьями к нам спустятся. Когда все люди тамошние на берег выйдут, прислушивайтесь. Мы, уназикские, по-волчьи завоюем, а сивукакские должны в ответ по-моржину закричать. Мы, уназикские, когда по-волчьи завоюем, они все вместе соберутся, а как станем мы на байдарах подходить, они станут нас ждать, чтобы стрелы в нас пустить. Вы же, когда это услышите, спустайтесь сзади и окружайте всех тех, кто на берегу собрался. Тут вы их и перебьете.

¹² Описывается камлание, во время которого в помещении появляются духи и говорят разными голосами.

¹³ Чукчи не учили других языков. С другой стороны, эскимосы обычно знали чукотский язык (Майдель 1871: 67-68; Reuse 1994: 296, 306, 315).

¹⁴ Кивак — эскимосский поселок между бухтами Провидения и Ткачен (Крупник 1983: 78).

¹⁵ Аван (Эстигет) — эскимосское поселение около бухты Провидения (Крупник 1983: 76-77).

И вот по-волчьи завывали уназикские вместе с чукчами. Тут же и сивукакские им по-моржину ответили — множество было их.

Тогда старшие из уназикских закричали:

— У-у-у! Как на мясо вы их сейчас убивайте, как охотничью добычу бейте!

Сивукакские и правда спустились к берегу. А уназикские байдары, приблизившись на выстрел из лука, остановились, пока ждали.

А тут грянули с суши уназикские, чукчи, другие люди разные; окружили они стоявших на берегу — куда тем деваться?!

Тут их всех и перебили. Только друзей своих не трогали: когда видели их, отводили в яранги¹⁶.

Так все и кончилось.

И до сих пор сивукакские здешних людей очень боятся. Даже сейчас, когда гостей встречают, вводят в дом, кормят, старики говорят:

— Ешь аккуратно, юноша, смотри не подавись. Если ненароком подавишься — опять из-за тебя вражда будет!

Они уже напуганы, потому так и говорят.

Так я слышал. Что знаю, я вам рассказал.

НУАГМИТСКИЙ КИТ

Приведено по изданию: Меновщиков 1985. № 56: 125—127. Записал в 1948 г. Г. А. Меновщиков (1985: 520) в селе Наукан от неграмотного охотника Ытаина (1883—1950). Как отметил переводчик, «сказка воспринималась как предание: старики показывали ту яму, в которой их предки вырастили кита». Текст в сказочной форме описывает причину, ход и завершение вражды между прибрежными эскимосами. Очевидно, подобные столкновения были типичными. Действие сказки происходит в крупном эскимосском поселении Наукан на мысе Дежнева в Беринговом проливе. Данное селение к середине XIX в. состояло из девяти кланов, наиболее могущественными из которых были Нуагмит и Мамрохпагмит (соответственно, поселки Нуак и Мамрохпак) (Крупник, Членов 1979: 21). Ранее, как и рисуется в сказании, это были отдельные поселения.

Буквальный перевод этого сказания см.: Меновщиков 1987. № 1: 18—21. Варианты данной сказки см.: Бабошина 1958. № 67: 164—167 (тут примиряющей силой между враждующими сторонами выступили науканцы); Меновщиков 1987. № 1: 25—27 (в данном варианте за женщиной подглядел юноша, а само повествование заканчивается на начале вражды соседних кланов). Данный сюжет служил вдохновляющим и для работы современных уэленских камнерезов (Митлянская, Карахан 1987: 56—65, 112—117).

¹⁶ Как отмечает Г. А. Меновщиков (1985: 534. № 133, примеч. 1), все жители Уназика имели на Сивукаке «напарников», или «товарищей» (*налъыкшип'*, ср.: Беликов 1927: 116). Согласно обычаям эскимосов Западной Аляски, те, кто имел родственников на неприятельской стороне, намазывали лицо углем и не участвовали в схватке, а сражающимися воспринимались как нейтральная сторона (Nelson 1899: 329).

Наименования населенных пунктов идентифицированы по: Меновщиков 1985: 500—505; 1988: 494—498; мифологические сюжеты, связанные у эскимосов китом, рассматриваются в статье М. А. Членова (1981), по мнению которого, кит, не относившийся к главным персонажам мифологии эскимосов, в данном сюжете все же занимает главное место.

У человека две жены ". Одна рождает детей, вторая бездетная. Вторая жена отдельно живет. Однажды притворилась она больной. И мужчина даже охотиться перестал — так беспокоился. Дальше порога никуда не отходит, думает, как бы не умерла его вторая жена. Сидит он у землянки, а мимо него девочка-сиротка все бегает да посмеивается. Мужчина даже сердиться стал. А девочка ходит туда-сюда, смеется, поддразнивает его. Не стерпел, бросился за нею, чтобы наказать за насмешки, а девочка-сиротка говорит:

— Что же, прибеи! Только я ведь хочу что-то тебе сказать. Поэтому все и хожу около.

Семья азиатских эскимосов в летней одежде.

Воспроизведено по: Народы России. 1874. № 2: 25, рис.

¹⁷ Для прибрежных жителей еще в последней четверти XIX в. две жены были обычны, тогда как у некоторых было по 5—6 жен, причем главной считалась первая (Dall 1870: 381; Онацевич 1877. № 7: 67; Рубцова 1954: 344, примеч. 1). Полигамия была экзогамна, за нарушение этого обычая расплачивались головой (Рубцова 1954. № 28: 334, § 65-83; Бахтин 2000: 383-396).

Услышал эти слова мужчина, пошел в землянку первой жены, где и сам жил. Жене сказал:

— Девочка-сиротка смеется надо мной. Хотел я ее наказать, а она обещает сказать что-то.

Жена его говорит:

— Если завтра она опять придет, позови ее. Я ее вкусной едой угощу.

Муж сказал:

— Я тоже с ней зайду и расспрошу ее.

Назавтра девочка-сиротка опять пришла. Мужчина велел жене угостить ее. Девочка сказала:

— Твоя вторая жена, которая отдельно живет, только притворяется больной.

Мужчина сказал:

— Расскажи все, что знаешь! Новую одежду тебе справим.

Девочка сказала:

— А ты сегодня ночью не спи, покарауль да сам посмотри, что она делает.

Наступила ночь, луна появилась. Вышел он на улицу и стал из-за укрытия больную жену караулить. Вот уж и полночь луна показывает. Вышла больная жена из землянки. Одета в дождевик и охотничьи торбаса. В руках держит блюдо, полное мяса, и ведро с водой. Влезла на крышу землянки и запела. Зовет песней своего мужа-кита. Кончила петь и слушает. Раздался далеко в море выдох кита. Женщина снова спела призывную песню. Ближе выдох кита послышался. В третий раз спела. Совсем уже близко дыхание кита. А как запела в четвертый раз, подошел кит к самому берегу, к крутому прибрежному камню голову прислонил. Спустилась женщина к самой воде, подошла к киту, накормила его мясом, напоила. Вышел из китового носа человек и пошел наверх. Вошел он в землянку к женщине и спал с нею. Вернулся мужчина к своей первой жене и говорит ей:

— А ведь та, вторая, и правда замуж вышла.

Лег спать. А наутро, как проснулся, стал китовое копые точить¹⁸. Весь день точил, на щеке острие пробовал.

Эх, хорошо наточил! Как кончил точить, ту девочку-сироту позвал, угостил в благодарность. Она ведь правду ему сказала.

¹⁸ Обычно на кита охотились с помощью мощного гарпуна без зазубрин с массивным наконечником и длинным линем (Богораз 1991: 62—63, рис. 41а). Добивали же его специальным копьем со сланцевым наконечником, пробивая кожу и слой жира и доходя до сердца или дыхательных органов (Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 125). О такой добыче кита тут и идет речь. Железный наконечник считался нечистым (ср.: Загоскин 1956: 93). Отметим, что у коряков для охоты на кита также использовалось массивное копые с каменным наконечником (Антропова 1957: 196. Рис. 13).

Пошел вечером опять жену свою караулить. Вот в полночь женщина вышла, снова на ней охотничья одежда. Вот запела она свою песню, зовет мужа-кита. Опять четыре раза пела. Пошел к берегу кит, прислонился головой к камню. Спустилась женщина на берег. Накормила кита, напоила. Опять из носа кита мужчина вышел, бегом наверх побежал вместе с женщиной. Вошли они в землянку и снова спали вместе.

Тем временем ее настоящий муж из укрытия вышел, с копьем в руках вниз пошел. Подкрался к киту и поразил его в самое сердце. Убил кита. Когда копье вонзал, в тот самый миг крикнул поднявшийся к женщине человек, женщину от себя толкнул. Схватила она его, но не удержала. Ринулся он вниз, прыгнул в нос кита, вздрогнул кит и умер.

А первый муж этой женщины домой пошел. На другой день освеживали кита. Вечером пошел он спать ко второй жене, которая больно притворялась. Женщина эта оказалась беременной. Живот ее очень быстро рос. Муж ее теперь снова стал охотиться. Наконец пришло время жене рожать. Родила она детеныша. Муж спросил:

— Кого ты родила?

- Китеныша родила!

Положила его в таз с водой. Так в воде сына-китеныша и растила. Молоком своим кормила его. Смирился муж с китом-детенышем. Кит этот, рожденный женщиной, быстро рос. Вырыли ему яму с водой около речки. Та сиротка-девочка стала с ним играть. Скоро яма мала ему стала. В другом месте, ближе к морю, вырыли яму. Вот уж вырос кит величиной с белугу. Скоро совсем большой стал. Тогда потащили его на моржовой шкуре в море. Подтащили к воде, пришили к носу красную метку из крашеной нерпичьей замши и в море отпустили¹⁹. Стал кит далеко в море уходить и всегда к родному берегу возвращался. Вместе с ним другие киты приходили²⁰. И стали нуагмитцы²¹ добывать много китов.

Нуагмитский кит каждый раз все дольше не возвращался. Вот однажды и совсем не пришел. Беспокоятся о нем жители

¹⁹ Видимо, речь идет об амулете из выкрашенного ольхой кусочка шкуры (Богораз 1991: 155; ср.: Стеллер 1927: 32). Так обычно метили жертвенное животное (Членов 1981: 241; ср.: Вдовин 1977: 167).

Действительно, касатка, считавшаяся помощником в морской охоте, особо почиталась (Теин 1975; Меновщиков 1980: 189; 1979). У охотников особенно Ценился гренландский кит из-за китового уса. Эти киты шли на юг из Ледовитого океана зимой, начиная с ноября, вследствие холодов и непогод. Порода кита узнавали по выпускаемому фонтану воды (Богораз 1991: 63; Караев 1926. № 15: 136).

" Нуагмитцы — жители эскимосского селения Нунак, расположенного на труднодоступной горе около Наукана.

Нуака. Что случилось с китом, рожденным женщиной? Оказывается, убили нуагмитского кита жители соседнего селения Мамрохпак. Сестра одного нуагмитца была замужем за мамрохпагмитцем. Жаль ей стало двоюродного брата, послала она в Нуак вестника. Рассказал он матери, как убили мамрохпагмитцы ее сына-кита.

Был в Нуаке силач Левша, меткий стрелок из лука. Приезжали охотники с морской добычи, рулевой бросал в воду весло, а Левша с высоты из селения стрелу пускал и попадал в брошенное весло. Нуагмитцы обычно на охоту с луками ходили в северную сторону, к мысу Оюк. Вот раз пошли они туда на охоту, и мамрохпагмитский силач в ту же сторону в каяке²² отправился. Когда он на северном берегу Оюка один остался, недалеко уж от Мамрохпака был, напали на него нуагмитцы. Выскочил он из каяка на прибрежный камень. Что было сил побежал в гору. Прыгнул туда, где много травы растет, остановился. Говорит тут нуагмитский старшина-рулевой своим гребцам:

— Ох и ловок же! Прямо из рук ушел!

— А ну, Левша, стреляй в него из лука!

Левша велел свой лук натянуть. Натянули.

Спросил Левша старшину-рулевого:

— В какое место попасть?

Старшина-рулевой ответил:

— В такое, чтобы он бежать не смог!

Мамрохпагмитский силач снова побежал, но Левша поразил его стрелой прямо в пятку, даже кость раздробил. Вышли из байдары, поднялись в гору и добились того силача. Нерпичий поплавок без шерсти около него оставили. После этого в Мамрохпак поехали. Причалили, на берег поднялись. Там их мясом с китового позвонка угостили. Вернулись нуагмитцы на берег. Сели в байдару и уехали. Как только к мысу Умкуглюк²³ приблизились, к острию гарпуна нерпичий поплавок привязали и вверх подняли. Сели те быстро в байдару и стали догонять нуагмитцев. Но не догнали. Вернулись нуагмитцы домой. За своего кита отомстили.

А мамрохпагмиты до самой осени не могли отомстить за своего силача. Собрали они совет. Решили хитростью одолеть нуагмитцев, заманить их в ловушку моржовыми криками. Спустились они к Нуаку по суше через гору Мамругагнак²⁴ и на-

²² Каяк — легкий охотничий челнок, обтянутый шкурой. В центральный люк каяка садится один человек и гребет двухлопастным веслом.

²³ Умкуглюк — мыс в Беринговом проливе рядом с Науканом. Как отмечает Г. А. Меновщиков (1987: 49, примеч. 1), каждая прибрежная скала или гора имела свое название, поскольку они служили ориентирами для морской охоты.

²⁴ Мамругагнак — гора вблизи поселка Мамрохпак.

чали с маленькой прибрежной скалы Тыпагрук²⁵ по-моржовому кричать. Вышли нунагмитцы рано утром на охоту. К Тыпагруку приблизились на байдаре, слышат — моржи кричат. Чем ближе байдары к Тыпагруку приближаются, тем громче моржовый крик становится. Приблизились нунагмитцы к берегу, а мамрохпагмитцы с криком выскочили из засады и начали стрелять по байдаре. Продырявили байдару стрелами, залило байдару водой, и утонула она со всеми людьми. Так отомстили мамрохпагмитцы за своего человека.

Вот однажды поехали в Мамрохпак оставшиеся в живых нунагмитцы. Отняли у мамрохпагмитцев земляночные нары²⁶. С тех пор стали жить дружно. Все.

ВИЮТКУ-ПРЕДВОДИТЕЛЬ

Сказание приведено по изданию: Меновщиков 1985. № 127: 307—310. Его записал в 1940 г. Г. А. Меновщиков (1985: 533) в селе Чаплине от учителя эскимоса Майны (1905—1948). Как отметил переводчик, рассказ представляет собой «образец героического сказания, отражающий реальные исторические события» (Меновщиков 1985: 508). Это сказание наиболее информативно по интересующему нас сюжету. Тут показаны эскимосские способы ведения оборонительной (видимо весной: упоминается увеличение продолжительности дня) и наступательной (летом) войны, боевые действия на суше и на море. Говоря о временной привязке сказания, можно отметить упоминание табака, который русские распространили в регионе в XVIII в., но это может быть простым анахронизмом. События явно обрисованы человеком XX в.: нет информации об эксцессах войны, о судьбе женщин и детей, все заканчивается традиционным для многих сказаний «вечным миром», но от этого не умаляется огромная ценность текста для военных штудий.

Жили в Нунлигране " три брата: старший — Виютку — си-
лач, средний — Анику — копыносец и младший — Суплякын —
бегун²⁸. Все трое хорошими воинами и удачливыми охотниками
были²⁹. Как-то односельчане сказали им, что в стойбище по-
явился человек, который бежит на север. Виютку велел позвать
его к себе и спросил:

— Откуда ты пришел к нам, человек? Какие вести принес
из дальних краев?

Человек сказал:

²⁵ Ты па г р у к — утес недалеко от Наукана.

²⁶ Поскольку на Азиатском побережье Берингова пролива дерева нет (использовали выносной лес), то изделия из этого материала особенно ценились, в частности нары, на которые шло значительное количество материала.

²⁷ Н у н л и г р а н — поселение при входе в залив Преображения.

²⁸ Обычная специализация воинов согласно их физическим данным.

²⁹ Как следует из дальнейшего рассказа, Виютку пользовался авторитетом в Нунлигране и был, по-видимому, старшиной.

— Оттуда бегу, с юга. Опять в наши береговые селения пришли танниты³⁰, грабят имущество, убивают мужчин, уводят с собой наших женщин и детей!

Виютку сказал:

— А-а, вот как! А до какого места дошли они? Далеко ли отсюда?

— Сейчас танниты еще далеко.

Виютку сказал:

— Если они далеко, оставайся с нами. Будем готовиться и ждать врага. Разве ты боишься умереть за своих?

Человек остался в Нунлигране. Не один он бежал от таннитов, многие... Всех, кто бежал от них, Виютку оставлял в Нунлигране. И когда много людей собралось, Виютку разделил всех мужчин на борцов, бегунов и копыеносцев.

Каждый день, как велел Виютку, бегуны состязались в беге, борцы — в борьбе, в поднятии тяжестей, а копыеносцы — в метании копий³¹. Тем временем Виютку приказал всех собак держать на привязи, чтобы злее стали...

Когда дни стали длиннее, Виютку начал посылать своего младшего брата Суплякына к заливу Каниник³² — посмотреть, не идут ли танниты.

Бегом отправлялся Суплякин в дальний путь и к заходу солнца возвращался в Нунлигран. Так было много раз, но враги все не показывались.

Однажды Суплякин снова побежал смотреть, не идут ли враги. На гору поднялся, кругом далеко видно. Вдруг видит Суплякин: поднимается в гору человек в легких летних одеждах³³. Подошел человек к Суплякину. Встретились, стали спрашивать друг друга о вестях-новостях.

Пришедший говорит:

— О, оказывается, здесь еще человек!

Суплякин отвечает:

³⁰ Г. А. Меновщиков (1950: 18, примеч. 2) полагал, что танитами тут являются коряки, позднее же он рассматривал их как коряков и их союзников юкагиров (Меновщиков 1974а: 42; ср.: 1985: 533). В. В. Антропова (1957: 200) также считает этими врагами оленеводов-коряков. Видимо, этими противниками-оленеводами могли быть как оленные коряки, так и, скорее всего, чукчи, если судить по дальности плавания войска Виютку в танитскую землю. Если врагами были чукчи, то это сказание могло относиться к несколько более раннему периоду, нежели войны с коряками (Беликов 1965: 154). Как отмечал И. С. Вловин (1944: 261), уже в XVII в. азиатские эскимосы не воевали с чукчами, а их приморские поселки располагались вперемешку.

" Виютку тут не ввел ничего нового, а, так сказать, поддержал традицию. Оседлые жители и так каждый день занимались тренингом, в частности бегом (Мерк 1978: 135).

³² З а л и в К а н и н и к — залив Преображения.

³³ Видимо, летняя одинарная кухлянка и штаны мехом внутри.

— Да, я человек, а ты кто?

Пришелец сказал:

— Я таннитский человек, а ты чей?

Суплякын сказал:

— Я нунлигранский житель, охотник на морских зверей.

Пришелец сказал:

— Меня наш хозяин послал — посмотреть, не живут ли поблизости люди. Ведет нас хозяин на северных людей. Только куда ни приходим мы — нигде людей нет, все куда-то ушли. Женщины, старики и дети остались, а мужчин нет. Наверное, на север ушли.

Суплякын говорит:

— Они все на дальний север ушли. Далеко, к Уназику ушли.

Суплякын сказал еще:

— Вот хорошо, что встретил здесь тебя. Я ведь ищу таннитов, хочу к ним в пастухи или погонщики пойти³⁴. Здесь, рядом, нунлигранцы живут, ничего не делают, ничего не подозревают о наступлении таннитов. Я хочу к вам пойти. Далеко ли вы отсюда?

Таннитский человек сказал:

— Через полмесяца наш караван будет здесь³⁵.

Суплякын сказал:

— А-а, ну, я пока вернусь, а через несколько дней пойду к вам навстречу, не откажите взять к себе.

Затем Суплякын повернулся и пошел домой, а таннитский человек обратно по своему следу пошел.

Пришел Суплякын в Нунлигран и сказал Виютку:

— Скоро к нам придут враги. Видел я их разведчика. Он говорит, что через полмесяца придут в Нунлигран. Я ему сказал, что нунлигранцы ничего не знают, к войне не готовятся. Разведчик обратно по своему следу ушел.

На другой день Виютку собрал весь народ. Когда люди собрались, Виютку сказал им:

— Мы должны пойти навстречу таннитам. Надо их застать в пути, когда их караван через горы переваливать будет. В походе оружие таннитов к нартам привязано³⁶. Нападем на них врасплох. Приготовьте своих собак.

³⁴ Обычно более бедные приморские жители работали у кочевников за одежду, табак или железное оружие (Кибер 1824: 108).

³⁵ В день обычная перекочевка составляет 10—15 миль, до 25 миль (Богораз 1991: 33; ср.: Олсуфьев 1896: 148 (25 верст); Кибер 1824: 120 (15-20 верст)). И. С. Вдовин (1987: 73) определяет это расстояние в 10—12 км. Следовательно, караван врагов находился примерно в 150 км.

³⁶ Очевидно, имеется в виду копье — основное оружие чукчей. — которое в походе было прикреплено к нартам.

Стали нунлифанцы готовить свое снаряжение: луки, стрелы, копыя и пращи. К нартам дорожную пищу и запасную обувь приторочили.

На следующий день вышли в поход. Много собачьих упряжек повели нунлигранцы. Много дней шли. Наконец подошли к Танниритским горам³⁷. Остановились, спрятались в ущелье за гребнем. Виютку сказал своим воинам:

— Когда поднимемся на Танниритский гребень, там станьте по двое, незаметно от врага. Собак своих не спускайте, будьте настороже! Когда я крикну вам, собак спустите, бросайтесь все на врага, кричите сильнее. А вы, бегуны и копийщики, не давайте врагам убежать, догоняйте и убивайте. Анику и Суплякын помогут вам!

Спрятались нунлигранцы, стали ждать таннитов.

Хорошо научились люди пользоваться копыями, луками, пращами; камни бросали с такой силой, что разбивали китовые позвоночники. А сам Виютку, бросив камень из пращи в китовую челюсть, разбил ее вдребезги³⁸.

Однажды Суплякын, поднявшись на гребень, увидел врагов. Быстро спустился, сказал об этом Виютку.

Поднялись воины на гребень и стали по двое. Каждый впереди себя держал по две собаки. Виютку с братьями взшел на вершину. Танниты поднимались на Таннирит.

Тут Виютку бросил боевой клич. Люди с криком ринулись вперед, отпустили собак. Собаки набросились на олени упряжки, стали рвать и давить оленей³⁹. Перепуганные олени кинулись в разные стороны. Танниты растерялись, не успели за оружие схватиться. Остались они без оленей и без оружия⁴⁰. Тех, кто хотел убежать, настигали бегуны и копийщики.

Всех врагов побили нунлифанцы. Оставили в живых, по старинному обычаю, только двоих вражеских воинов. Виютку сказал этим людям:

³⁷ Танниритские горы — расположены в районе залива Преображения.

³⁸ Видимо, Виютку использовал для тренинга воинов традиционные спортивные соревнования. Так, еще в первой половине XX в. одной из обычных игр береговых жителей было попадание в китовый череп камнем. Играли две команды. Когда кто-либо попадал в цель, то все бросались к камню, лежащему около черепа, и старались утащить его в свою сторону (Леонтьев 1960: 132—133).

³⁹ Г. Майдель (1894: 138) отмечает, что была «наклонность собак считать за свою неотъемлемую добычу каждого встреченного оленя» (об этом же см.: Лес-сепс 1801. Ч. II: 134).

⁴⁰ Действительно, в походе лук и стрелы лежали на нартах позади воина, тогда как копые было приторочено к краю сиденья с правого бока. Для того чтобы снять копые с нарты, нужно было отвязать веревки и вытянуть копые из кольца.

Чукча в доспехах, подъезжающий к месту боя на оленьей упряжке (XVIII в.).
Реконструкция. Рисунок А. В. Сильнова

— Идите и расскажите своим, как вы воевали с береговыми людьми. Пусть запомнят, что, идя войной против нас, должны сообщить нам об этом. Скажите, что мы готовы и будем ждать таннитов!

Виютку велел дать тем людям еды в дорогу и запасную обувь. После этого они ушли.

Много добра осталось от таннитов: копья, котлы, ножи, табак. Виютку поделил все между своими воинами. После этого береговые люди вернулись в Нунлигран.

Всю зиму учил Виютку нунлигранцев пользоваться пращей. Учил бегать и метать копья. Когда же наступила весна, стал Виютку скликать людей от Такывака⁴¹ на север до Аляюга⁴².

На больших байдарках прибыли люди из северных селений в Нунлигран.

Виютку сказал:

— Много лет не дадут нам спокойно жить разбойники-танниты. Вот собрались мы все вместе. Нас много. Мы должны наказать таннитов.

Все войско Виютку на больших байдарках⁴³ поплыло к таннитам. Через несколько дней причалили к таннитской земле⁴⁴.

¹ Такывак — эскимосское селение на месте современного чукотского поселка Энмылен (чукотское название — Энмыльын).

⁴² Аляюг — эскимосский поселок на берегу пролива Сенявина.

Здесь, не показываясь врагу, отдохнули три дня. После этого Виютку пошел показаться врагам с горы. Они увидели его, приготовились и пришли поближе к берегу. Два войска недалеко друг от друга расположились. Провели здесь ночь.

Наутро таннитский вождь с двумя луками в руках стал расхаживать взад и вперед между своим шатром и берегом.

Виютку между своим шатром и берегом стал расхаживать, тоже держа два лука в руках. Когда солнце поднялось повыше, вождь таннитов поднял вверх два лука. Виютку заметил это и сделал то же самое. Затем Виютку сказал своим товарищам:

— Война объявлена. Только вы не спешите. Когда подам вам знак, бросайте камни из пращей во вражеское войско.

Затем с холма стал спускаться с копьем таннитский вождь. Когда тот спустился, Виютку сказал своему брату Анику:

— Ну, иди ему навстречу!

Танниты стали расставлять кругом нарты. Вот Анику стал подниматься. Пришел к врагам. Таннит и Анику вошли в круг из нарт и начали драться копьями. Вдруг Виютку и его войско увидели, как взлетел в воздух человек. Когда он упал на землю, другой вонзил ему копьё в грудь. Оказывается, это Анику убил своего противника⁴⁵.

Тут нунлигранские пращники бросили камни из своих пращей в лагерь таннитов. Послышался треск и крики в стане врага. А уназикские, яндракинотские⁴⁶ и сиреникские⁴⁷ лучники пустили свои меткие стрелы. Затем все ринулись в лагерь врагов. Войско таннитов было разбито. Их вождь крикнул⁴⁸:

— Перестаньте убивать моих воинов!

Виютку сказал:

⁴³ Следовательно, речь идет о больших походных байдарах, вмещающих по 20—40 человек.

⁴⁴ Флотилия, очевидно, направилась по побережью к югу и могла проплыть за несколько дней до нескольких сотен км, учитывая, что большая байдара могла развивать скорость до 10 км/ч (Норденшельд 1936: 307). Виютку удачно выбрал время для нападения на врагов. С одной стороны, эскимосы летом ездили на байдарах, а не на собаках, что более рационально (Богораз 1939: 164), а с другой — кочевники пригоняли на лето свои стада к морю.

⁴⁵ Видимо, Анику применил традиционный борцовский прием эскимосов: перебросил противника через себя (ср.: Мерк 1978: 136).

⁴⁶ Я н д р а к и н о т (чук.) — населенный пункт в проливе Сенявина.

⁴⁷ Сиреники — крупный и очень древний (по крайней мере, с первых веков н. э.) эскимосский поселок южнее бухты Провидения, населенный отдельным племенем эскимосов (Крупник 1983: 71—74).

⁴⁸ Как мы помним, вождь погиб в поединке. В данном случае это или несогласованность рассказа, возникшая по вине рассказчика либо переводчика, или данная мольба принадлежала другому предводителю танитов.

— Уже поздно. Твои танниты почти все перебиты.

Всех, кто пытался убежать, настигал Суплякын с сиреникскими и уназикскими бегунами. Только троих таннитов оставили воины Виютку. Им сказали:

— Идите и передайте всем вашим людям, что береговые объединились и не позволят больше врагам совершать набеги на свои селения!

После этого Виютку велел погрузить в байдары военную добычу: котлы, ножи, шкуры, пушнину, медные бубенцы и табак⁴⁹. Байдары нагрозили, спустили на воду, и северяне отплыли домой.

В Нунлигране Виютку поделил добычу поровну между всеми воинами⁵⁰. Люди из северных селений вернулись домой. Это была последняя война с таннитами. С тех пор они перестали нападать на северных береговых людей.

Лучник азиатских эскимосов (XVIII в.). Реконструкция. Рисунок А. В. Козленка.

Воин вооружен сложносоставным луком и тесаком, висящим на плечевой портупее. Из защитного вооружения имеется костяной пластинчатый панцирь, к которому сзади прикреплен щит с левым крылом, а также костяные наруч и поножа, усиленные кожей

СРАЖЕНИЕ НАУКАНЦЕВ С ИНОПЛЕМЕННОКАМИ

Приведено по изданию: Меновщиков 1985. № 132: 321—324. Записал в 1948 г. Г. А. Меновщиков (1985: 534) в селе Наукан от неграмот-

⁴⁹ Обычно во время набега на байдарках забирали, наряду с добычей, также женщин и детей разбитого и, по возможности, уничтоженного противника. В данном сказании этого нет. Возможно, немужское население поселка успело спрятаться, но также вероятно, что рассказчик в этических целях об этом умолчал. Упоминание табака, распространившегося в Восточной Сибири в XVIII в., может быть простым анахронизмом, говорящим о ценностных представлениях жителей. Также не является показателем времени и упоминание котлов, которые могли быть просто глиняными, а не металлическими (Богораз 1991: 119).

⁵⁰ Трофеи, как и охотничью добычу, делили поровну (ср.: Богораз 1934: 156; Меновщиков 1959: 24).

ного охотника Уникая (около 1880—конец 1950-х гг.). Буквальный перевод сказания под названием «Нашествие» также см.: Меновщиков 1987. № 26: 168—170.

В сказании речь идет об историческом событии, о борьбе санлукских, науканских, нунакских и нунагмитских эскимосов с врагами, пришедшими в Санлук с севера и перед этим разгромившими Уэлен (Меновщиков 1988: 515, № 132, примеч. 1). Вероятно, это был организованный набег достаточно большого отряда, а не просто нападение шайки грабителей. Сказание достаточно древнее: в нем не сохранилось имен врагов, но народ запомнил своих героев, называя их поименно. Кто были враги (ануягиты-чужеземцы), неясно. Следует отметить, что они шли с севера. Если бы это были русские казаки или чукчи, то они должны были зимой прибыть на упряжках, хотя отряд Д. И. Павлуцкого в походе 1731 г., в мае, шел именно по льду у берега Чукотского моря (Ефимов 1948: 225). К тому же, если бы это были россияне, мы вправе были бы ожидать упоминания об огнестрельном оружии, но враги были вооружены лишь луками и копьями. Неприятелями, возможно, являются представители местных этносов. Об этом же говорят и некоторые другие детали повествования: вызов противника из крепости на бой, лобовой штурм укрепления в районе ворот, пытки мертвого в качестве мести за своих погибших, а также психологические особенности — желание избежать боя с готовым сражаться насмерть противником. Впрочем все эти черты могли быть и фольклорной интерпретацией событий. Ведь, судя по воспоминаниям эскимосов о. Св. Лаврентия, их азиатские сородичи воевали с некими Laluramket, пришедшими с севера, очевидно с русскими (Krupnik, Krutak 2002: 232; см.: Reuse 1994: 351). Если это были чукчи, то сказание относится к тому периоду, когда они еще не были оленеводами (то есть ранее середины XVI в.). Набег производился зимой, но позднее это объяснялось тем, что рейды производились на оленьих упряжках. Для сравнения укажем, что В. Г. Богораз (1934: XXIII) отмечал, что древнейший слой чукотского фольклора, рассказывающего о войнах с эскимосами, можно датировать примерно XII—XIII вв. и что чукчи представлены в нем как бродяги без конкретных имен. Более же поздние сказания о войнах между этими двумя народами уже упоминают имена героев, чему примером является и данное сказание, которое, к тому же, поражает обилием реалистичных деталей (ср.: Тан-Богораз 1930: 69—70).

Война приближалась. Стояла устойчивая зимняя погода. Лед в проливе установился прочно. И вот посреди зимы санлугмитцы узнали, что к ним в Санлук⁵¹ идут с войной иноплеменники с северной стороны. И начали санлугмитцы сооружать на своей горе крепость⁵².

Тем временем в Санлук из Уэлена⁵³ беженцы прибыли. Среди уэленцев был их старшина — сильный человек. Санлугмитцы оповестили о нашествии иноплеменников своих соседей — науканцев и нунагмитцев. Науканцы соорудили крепость у себя повыше поселка⁵⁴, а нунагмитцы около своего селения возвели крепость.

⁵¹ Санлук — эскимосский поселок у подножия горы Отык, севернее Наукана и южнее Уэлена, на побережье Берингова залива. Позднее этот поселок стал частью Наукана.

⁵² Умку — крепость из камней, в которой проход закрывался каменной плитой. Укрепление сооружалось на горе, тогда как сам поселок стоял под горой. Крепость, по всей видимости, была небольшой, поэтому враги ее сначала не заметили.

⁵³ Поскольку из Уэлена прибыл даже старшина, то селение, видимо, уже было разгромлено.

⁵⁴ В начале 1930-х гг. Наукан был единственным поселком азиатских эскимосов, находящимся на обрывистой скале около моря (Орлова 1941: 210).

Науканцы установили вторую крепость на вершине горы Оягвик⁵⁵ и вели оттуда наблюдение — не появятся ли со стороны Санлука враги. К дверям крепости на Оягвике науканцы ремнями привязали нагруженные большими камнями нарты. Много нарт. Камнями на нартах закрепили деревянные колья остриями вперед. Ремни от нарт протянули сквозь отверстия в дверях крепости. Так решили науканские воины: когда вражеская ватага придет и по ущелью будет подниматься вверх к крепости, тогда они перережут ремни и висящие над крутизной нарты с камнями и кольями устремятся прямо на иноплеменников и будут их колоть и сбрасывать вниз. Так и порешили.

Вот пошли они понаблюдать, что делается там, в Санлуке. Ого, там, оказывается, уже передвигаются вниз враги.

Санлукской крепости враги не знали, не видели ее и шли мимо по льду припая. Санлугмитцы дали о себе знать криками и быстро вернулись в свою крепость. Там, в пещере, переоделись в военные одежды⁵⁶, приготовили луки и копья. Враги тем временем начали подниматься к крепости. Когда санлугмитцы сверху из крепости стали наблюдать за ними, иноплеменники крикнули им:

— Выходите!

Нет, не вышли из крепости санлугмитцы. А их наблюдатели сверху из пращей убили одного пришельца. Воин Кылятак сильным броском камня из пращи поразил в голову переднего противника. Те подхватили убитого под мышки и устремились вверх к крепости. По другому ущелью в крепость поднялись двое жителей Аюклика⁵⁷ — один с женой и один без жены. Имя его Анарук⁵⁸. Сильный человек. Много врагов поразил он из лука с двойной натяжкой и вот уж совсем без стрел остался⁵⁹. И вот ворвались пришельцы в крепость Санлук. Оборонявшиеся стали спасаться бегством. Их силача Анарука враги копьем закололи.

Тем временем уэленский силач появился на вершине горы со стороны Санлука и прыгнул оттуда по откосу, сильно поранив ноги⁶⁰.

⁵⁵ О я г в и к — гора около поселка.

⁵⁶ Речь идет о подготовке к бою. Как указывает Г. А. Меновищikov (1987: 172, примеч. 10), имеется в виду надевание доспехов.

⁵⁷ А ю к л и к — название эскимосского поселения на острове Имаклик (о. Ратманова — Большого Диомида).

⁵⁸ А н а р у к — был старшиной и, как обычно, силачом, в поселке Санлук, а не жителем острова Аюклик.

⁵⁹ Лук с двойной натяжкой (*нуйок*), по-видимому, требовал специальных толстых стрел, которых не осталось в запасе и которые нельзя было подобрать с земли.

⁶⁰ Уэленский старшина также спасался бегством из крепости.

Двое мужчин бегом устремились с горы вниз. Один из них даже не заметил, что следом за ним, не отставая, бежала его жена. Этот человек заметил, что близко от него бежит враг и держит наготове копье. Тогда человек быстро повернулся к жене и, чтобы не задерживала, с силой пронзил ее копьем в ногу. Затем он спустился на лед и побежал в сторону Аюклика, на остров Имаклик. Когда бежал, услышал шорох, обернулся и увидел: позади бежит человек и на руках держит его раненую жену. Не оставил другой человек раненую женщину, пожалел ее, спас. [Оказывается, только кухлянка, торбаза (на ней), оказывается, без брюк она, только трусы надеты на ней]⁶¹. Тут муж снял с себя верхние меховые брюки и дал ей, чтобы надела. И пошли вместе. Пришли в Аюклик⁶².

Тем временем враги захватили Санлук. Там на земле лежали санлукский силач и старшина Анарук, убитый в сражении. Науканские разведчики видели, как много врагов уничтожил своими стрелами Анарук. Теперь же враги разожгли огромные костры и грелись около них. К самому большому костру они подтащили тело Анарука. [Враги раздели его. Они связали его ступни ремнями, за тестикулы (козлы) его привязали, подняли его на костер, держа его пятки над серединой костра. Спина его гореть стала. Выпрямился, вытянув свои ноги]⁶³. Так они мстили за убитых Анаруком воинов.

Науканские разведчики вернулись домой и рассказали односельчанам обо всем, что они видели и узнали. Санлук разгромлен, и теперь враги пойдут на Наукан. Науканцы приготовились к обороне. Но откуда же нападут враги — с припая или из ущелья Кегнектук?⁶⁴ Науканцы скрытно расставили своих наблюдателей. Вот на вершине горы появились четыре человека. Они пристально рассматривают Наукан. Но что это? Никого не

⁶¹ В квадратных скобках дан текст из буквального перевода, слегка измененного в соответствии с нормами русского языка (Меновщиков 1987. № 26: 169 § 59), тогда как в литературном переводе Г. А. Меновщикова читаем: «Оказалось, что из крепости выскочила она без кухлянки, без комбинезона и камыков, только водном набедренном поясе».

⁶² Очевидно, они шли по льду Берингова пролива.

⁶³ Опять же в квадратных скобках дан слегка скорректированный текст буквального перевода (Меновщиков 1987. № 26: 169. § 68—71). В литературном переводе подробности сожжения опущены. Тут читаем лишь: «...и, привязав его к козлам над костром, стали сжигать». Видимо, тело Анарука привязали лишь за щиколотки и над серединой костра подняли вниз головой, не случайно же затем говорится, что его ноги выпрямились. Отметим, что чукчи снимали с убитых врагов одежду. Привязывание же пленного военачальника на ремнях за пятки существовало и у ительменов (Крашенинников 1949: 705). Так же вниз головой находился связанный коряк-пастух в сказании «Ремнями связанный» (Стебницкий 1994: 47; ср.: 1938: 140).

⁶⁴ К е г н е к т у к — горное ущелье между Уэленом и Науканом

видно, куда-то скрылись жители, не смеют появляться. Вот один из пришельцев сказал:

— Наверное, не сможем одолеть этих. Смелых людей тут много. Лучше поверху пойдем поближе к селению и понаблюдаем, что делается внизу. Наверное, где-нибудь поменьше жилищ — там мы сможем победить.

И правда, пошли дальше и просматривали местность. Нет, людей не видно. Вот подошли к Нунаку⁶⁵ и увидели там крепость. Туда по ущелью Итыгук⁶⁶ направились. Подошли к нунакской крепости. Внутри крепости много людей собралось, и среди них силач Укухкусилык. Этот человек хорошо владеет луком. А крепость обтянута моржовыми шкурами, а в них множество дыр от ударов копий. Каждая дыра величиной с человеческий глаз.

Нападающие остановились на окраине Нунака. Двум воинам начальник их приказал:

— А ну, разведайте все о крепости. Узнайте, где проход. Идите, пока ночь не наступила.

Эти двое отправились. У той крепости большой камень был. К камню подошли.

Один сказал:

— Ты проворный, хорошенько посмотри, где можно пройти в крепость.

Другой человек голову из-за камня слегка высунул и стал крепость осматривать. А из крепости через дыры в моржовых шкурах тоже наблюдали.

Кто-то сказал:

— Укухкусилык-левша⁶⁷, вон того наверху попробуй сразить!

Укухкусилык взял свой лук, нацелил стрелу через отверстие в стене и выстрелил. Человек за камнем молчал. Второй разведчик подошел к нему и потряс за плечо. Тот не ответил.

Снова встряхнул его за плечо разведчик и спросил:

— Почему ты не отвечаешь?

Затем увидел, что его напарник убит стрелой. Это Укухкусилык напавал сразил разведчика. Второй разведчик тотчас побежал к своим.

Когда прибыл, начальник спросил его:

— Что там?

— Плохо наше дело. Уж очень смелые они, — отвечал разведчик.

⁶⁵ Н у н а к — поселок близ Наукана.

⁶⁶ И т ы г у к — ущелье с тропой из Наукана в Нунак.

⁶⁷ Имя Укухкусилык, собственно, и значит «Левша» (Меновщиков 1987: 173, примеч. 20).

— А где же твой напарник? — спросил начальник.
— Оставь его, — сказал разведчик.
— Но почему? — спросил начальник.
— Я его спрашивать стал, а он не отвечает, — сказал разведчик, — оказывается, они убили его. Ведь только вот до глаз из-за камня голову высунул и смотрел на крепость, а они увидели, попали. Взял я его за плечо, а у него стрела из глаза торчит. Не заметил, как это случилось.

Начальник сказал:

— Лучше обойдем стороной эту крепость и не будем воевать со здешними жителями. Пусть уж подальше уйдем мы отсюда навсегда.

Конеч.

ЭКЕТАМЫН

Воспроизведено по изданию: Меновщиков 1985. № 129: 315—316. Записано в 1948 г. Г. А. Меновщиковым в Наукане от Хульхены. По мнению Г. А. Меновщикова (1985: 533), сказание говорит о реальных событиях прошлого — набегах азиатских эскимосов на американских, которые происходили еще в первой половине XIX в. В сказании описываются соревнования и способ заключения мира. Согласно одному из преданий эскимосов Западной Аляски, последний набег азиатов происходил так: флотилия с мыса Дежнева в союзе с жителями островов Диомиды приплыла к Порт-Клеренс, но, встретив большие силы эскимосов, договорилась о мире, который с тех пор сохранялся (Nelson 1899: 330; ср.: Shepard 2002: 9).

В давние времена, говорят, жители науканской стороны часто воевали с жителями кыгмитской стороны⁶⁸. Но война не приносила им пользы, а людей становилось все меньше с той и другой стороны. Решили науканцы, живущие в селениях Нувук-как и Олык⁶⁹, прекратить войны со своими соседями и жить с ними в мире.

Науканский умилык⁷⁰ собрал однажды всех мужчин из Наукана и Уэлена и сказал им:

— Довольно воевать друг с другом. Лучше будем с нашими соседями мирно торговать.

Снарядили науканцы байдары и поехали за пролив. Во главе их был олыгмитский житель Экетамын. Взял Экетамын с собой только здоровых и смелых людей.

Когда прибыли науканцы и олыгмитцы в Кыхтых, жители той стороны в честь гостей устроили большой праздник с тан-

⁶⁸ Кыгмитцы — эскимосы-кинугмюты, жители Кыгмика (Кыхтыка) — поселка на современном мысе Принца Уэльского (Аляска).

⁶⁹ Нувук-как — община науканцев. Олык — эскимосское (науканское) название Уэлена.

⁷⁰ Умилык — старейшина поселка, обычно избирался из наиболее сильных воинов.

цами и состязаниями. Во время праздника со своим танцем вышел в круг кыгмитский старичок, у которого между пальцами были зажаты длинные стрелы. Выделывая искусные движения головой и руками⁷¹, сказал:

— Ведь этими стрелами я траву срезал⁷².

После этого с верхних нар землянки⁷³ спрыгнул олыгмитский старик Экетаттын. Вынув длинный нож, Экетамын сказал:

— Вот этим ножом множество кыгмитских людей срезал я, как траву. Когда стрелы надоедали мне, ножом их заменял.

Затем Экетамын стал танцевать, играя ножом. Кыгмитцы, услышав ответ, насторожились, но Экетамын, остановившись, сказал:

— Может быть, я не так сказал или лишнее что сказал, ответьте мне.

Однако помощник Экетамына, бывший начальник войска укугмитцев, выскочил и, танцуя, сказал:

— Вот этими стрелами срезал я во множестве кыгмитскую траву, а этим вот ножом заменял стрелы, когда они надоедали⁷⁴.

После этих слов Валгылгына жители Кыхтыка головы повесили и замолчали. Тогда кыгмитский умилык сказал:

— Здесь собрались самые сильные люди Урука и Кыхтыка. Давайте устроим состязание в силе.

И вот начались различные состязания в силе: прыжки вверх на натянутой шкуре, поднятие тяжестей, бег и борьба. Победителями вышли двое кыгмитских силачей. Науканцы забеспокоились, а их лучший борец и силач по имени Хугагыргын сидел в это время в палатке и не хотел выходить. Кыгмитцы вызывали силача, но он не шел. Наконец двое старых науканских жителей — муж и жена, которых все почитали, позвали капризного Хугагыргына. Старик сказал силачу:

— Плохо поступаешь ты. Разве можно капризничать, когда нас побеждают? Можно подумать, что ты первый трус, а ведь тебя считают силачом.

Затем старушка, которую звали Аяваки, сказала:

— Ты должен победить кыгмитцев. Если боишься, что не победить тебе здешних силачей, то дам я тебе свои старинные

⁷¹ А. Ф. Кашеваров (1846. № 228: 912) описывал танец эскимосов как переступание с ноги на ногу с прыжками, тогда как руки разводили в стороны (ср.: Жорницкая 1975: 150-155).

⁷² То есть убивал врагов, совершал подвиги.

⁷³ Очевидно, действие сказания происходит в кажиме — мужском доме, где мужчины проводили большую часть времени, где они встречали гостей (Nelson 1899: 327; Тан-Богораз 1936: 218, 230).

⁷⁴ Очевидно, описывается состязание-спор, в котором стороны обмениваются обвинительными и защитными песнями, а слушатели решают, кто прав (Bogoras 1912: 439; Тан-Богораз 1936: 231—235; Меновщиков 1950: 39; Кузьмина 1981:204-205).

летательные амулеты⁷⁵. Эти амулеты — чудесные. Наденешь их и станешь легким, как птица. Вот возьми эти амулеты и привяжи их к поясу.

Науканский силач надел летательные амулеты, прыгнул и тотчас на несколько шагов отлетел. Так быстро побежал на место игрищ, едва касаясь ногами земли.

Когда прибежал на игрище, кыгмитские юноши мачту байдарную установили, на самый верх чижи привязали, и один из них сказал:

— Ты только из зависти сюда прибежал, ведь все равно не сможешь прыгнуть до верхушки мачты, чтобы снять эти чижи.

Хугагыргын ничего не сказал, а разбежался и прыгнул через мачту, даже выше приза. Кыгмитские жители от удивления закричали:

— О чудо! Этот науканец не человек, наверное, а птица. Разве может человек так прыгать?

Оказавшись побежденными, кыгмитцы объявили науканцам о мире и торговле, а старики той и другой стороны договорились никогда не воевать между собой и навсегда забыть о вражде.

И правда, с тех пор и до нашего времени жители той стороны пролива и нашей стороны больше не воевали. А Хугагыргын и все, кто с ним был, получили от кыгмитцев множество подарков.

Говорят, так было. Конец.

⁷⁵ Летательные амулеты — деревянные или костяные фигурки птиц, помогающие преодолевать расстояния и летать по воздуху (Меновщиков 1985: 533, примеч. 1).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.
АИ И	Архив Института истории РАН. СПб.
ВИРГО	Вестник Императорского русского географического общества. СПб.
ДАЙ	Дополнения к Актам историческим. СПб.
ДИБ	Дальневосточная историческая библиотека. Магадан
ЖМВД	Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.; Пг.
ЗВСОИРГО	Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск
ЗГДММ	Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб.
ЗСОИРГО	Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. СПб.
ЗПОИРГО	Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Хабаровск
ЗИРГО	Записки Императорского русского географического общества. СПб.
ЗЧКМ	Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан
ИВГО	Известия Всесоюзного географического общества. М.; Л.
ИВСОИРГО	Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск
ИИРГО	Известия Императорского русского географического общества. СПб.
ИСОИРГО	Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск
ИЗАС	Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л., 1961
КЗОКМ	Краеведческие записки Областного краеведческого музея. Магадан
КПМГЯ	Колониальная политика московского государства в Якутии в VII в.: Сб. док. / Под общ. ред. Я. П. Алькора, Б. Д. Грекова. Л., 1936
КПЦ	Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб док. / Под ред. Я. П. Алькора, А. К. Дрезена. Л., 1935
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.

К.СИЭ	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.; Л.
МАЭ	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) СПб
ПСИ	Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1—2. СПб., 1882-1885
РЭМ	Российский этнографический музей. СПб.
СМАЭ	Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.
СЭ	Советская этнография. М.; Л.
СЭС	Сибирский этнографический сборник. М.; Л.
ТИЭ	Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М ; Л.
ТФЭ	Труды факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. СПб.
УЗЛГПИ	Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л.
ЭБ	Экспедиция Беринга: Сб. док / Подготовил к печати А. А. Покровский. М., 1941

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Августинович Ф. М.* 1878. О племенах, населяющих Колымский округ // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. XXXI. Труды антропологического отдела. Т. 4. Приложение. М. С. 43—56.
2. *Августинович Ф. М.* 1880. Три года в Северо-Восточной Сибири за полярным кругом // Древняя и новая Россия: Ежемесячный исторический журнал. Т. XVIII, № 12. СПб. С. 641—733.
3. *Адлер Б. Ф.* 1903. Луки и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал. М. № 3—4. С. 178—194.
4. *Азбелев П. П.* 1992. Культурные связи степных народов предтюрокского времени (по материалам тепсейских и орлатских миниатюр) // Северная Азия от древности до средневековья: Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петрович Грязнова. СПб. С. 211—214.
5. *Айвангу.* 1985. Наш родной Уназик: Рассказы. Магадан.
6. *Акифьев И.* 1904. На Далеком Севере: Из дневника кругосветного путешествия. СПб.
7. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. V. СПб., 1842.
8. *Александров В. А., Покровский Н. Н.* 1991. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск.
9. *Александров Н. А.* 1872. Народы России (этнографические рассказы): Земля чукчей и коряков // Детское чтение. Год 3. Т. VII. СПб. С. 72—88.
10. *Алексеев А. И.* 1958. Братья Шмалевы: Исторический очерк. Магадан.
11. *Алексеев А. И.* 1961. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан.
12. *Амундсен Р.* 1929. На корабле «Мод»: Экспедиция вдоль северного побережья Азии / Пер. с норв. Л. Г. Кондратьевой. М.; Л.
13. *Андреев А. И.* 1940. Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVIII вв. // ИВГО. Т. 72, вып. 2. С. 152—157.
14. *Андреев А. И.* 1965. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. II: XVIII век (первая половина). М.; Л.

В работе использована гарвардская система ссылок, согласно следующей схеме: фамилия автора — год издания — том (номер журнала / документа / сказки) — страница. Например: Бабошина 1958. № 93: 223 — это значит: *Бабошина О. Е.* Сказки Чукотки. М., 1958. Сказка № 93. С. 223. В тексте внутри ссылок фамилии авторов расставлены не по году выхода в свет издания, а по времени, к которому относится приводимая ими информация. В прямоугольные скобки заключены библиографические данные, отсутствующие в издании.

15. *Антропова В. В.* 1947. К вопросу о межплеменных отношениях и военных укреплениях у народов северо-востока Сибири // КСИЭ. Вып. III. С. 64–65
16. *Антропова В. В.* 1953. Современная чукотская и эскимосская резная кость // СМАЭ. Т. XV. М., Л. С. 5–122.
17. *Антропова В. В.* 1956. Коряки // Народы Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. (Народы мира: Этнографические очерки). М.; Л. С. 950–977.
18. *Антропова В. В.* 1957. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // СЭС. Вып. II. (ТИЭ Новая серия Т. 35). М.; Л. С. 99–245.
19. *Антропова В. В.* 1961. Лодки // ИЭАС. С. 107–116
20. *Антропова В. В.* 1961а. Лыжи // ИЭАС. С. 79–87.
21. *Антропова В. В.* 1971. Культура и быт коряков. Л
22. *Антропова В. В.* 1976. Представления коряков о рождении, болезни и смерти // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX—начало XX в.) / Отв. ред. И. С. Вдовин. Л. С. 254–267.
23. *Антропова В. В., Кузнецова В. Г.* 1956. Чукчи // Народы Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л. С. 896–934
24. *Анучин Д. Н.* 1887. О древнем луке и стрелах // Труды V Археологического съезда в Тифлисе, 1881 / Ред. П. С. Уварова. М. С. 337–411.
25. *Аргентов А.* 1857. Описание Николаевского Чаунского прихода // ЗСОИРГО Кн. 3. С. 79–106.
26. *Аргентов А.* 1857а. Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности // ЗСОИРГО. Кн. 4. С. 1–59.
27. *Аргентов А.* 1861. Северная земля // ЗИРГО Кн. 2. С. 1–35
28. *Аргентов А.* 1886. Путевые записки. 2-е изд. Нижний Новгород.
29. *Аргентова А.* 1887. Год на Крайнем Севере (дневник чукотского миссионера) // Русский паломник: Еженедельное иллюстрированное издание. СПб № 1. С. 9–10; № 2. С. 20–22; № 3. С. 44–45; № 4. С. 56–57; № 5. С. 70, № 7. С. 88–91.
30. *Арутюнов С. А., Глинский Е. А., Сергеев Д. А.* 1977. К проблеме проникновения железа в Арктику к эскимосам // СЭ № 1 С. 101–106
31. *Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.* 1982. «Китовая аллея» (Древности островов пролива Сенявина). М.
32. *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* 1969. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.
33. *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* 1975. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М.
34. Архив Государственного Совета. Т. I. Ч. 2: Совет в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1869.
35. *Архинчев И. С.* 1957. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // СЭС. Вып. II. (ТИЭ Новая серия. Т. 35). М.; Л. С. 43–98.
36. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / Под ред. А. В. Ефимова. М., 1964.
37. *Афанасьева Г. М.* 1999. Чукчи: популяционно-демографический статус (вторая половина XIX—первая половина XX в.). М
38. *Бабошина О. Е.* 1958. Сказки Чукотки / Записала О. Е. Бабошина. М.
39. [Бакаревич М. Ж]. 1810. Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб.
40. *Баранников И.* 1974. Амахотлымн'ыло: Сказки об Эмэмкуте / Пер. С. Стебницкого, Е. Григорьева // Нотаймэ. Повести. Рассказы. Сказки. Петропавловск-Камчатский. С. 76–87.
41. *Бахрушин С. В.* 1955. Ясак в Якутии в XVII в // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III, ч. 2. М. С. 49–85.
42. *Беликов Л. В.* 1956. Основные виды устного народного творчества чукчей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.

43. *Беликов Л. В.* 1965 Героические сказания чукчей // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. (УЗЛГПИ Т 269). Л. С. 154-169.
44. *Беликов Л. В.* 1967. В. Г. Богораз как собиратель и исследователь чукотского фольклора // Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. (УЗЛГПИ. Т. 353). Л. С. 80-89.
45. *Беликов Л. В.* 1987. Устное народное творчество // История и культура чукчей / Под ред А. И. Крушанова. Л. С. 251—260.
46. *Беликов С. М.* 1927. Заметки о Чукотке // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск. № 9. Сентябрь. С. 115—125.
47. *Белов М. И.* 1952. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке / Сост. М. И. Белов. М.; Л.
48. *Белов М. И.* 1954. Новые материалы о походах устюжского купца Никиты Шалаурова // Географический сборник. III: История географических знаний и географических открытий. М., Л. С. 160—184.
49. *Белов М. И.* 1956. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века (История открытия и освоения Северного морского пути. Т I). М.
50. *Берг Л. С.* 1946 Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, 1725—1742. 4-е изд. М.; Л.
51. *Беретти Н. Н.* 1929. На крайнем Северо-Востоке // Записки Владивостокского отдела Государственного русского географического общества. (Общество изучения Амурского края). Т. IV (XXI). С. 5—102.
52. *Верх В- Н.* 1819. Путешествие казачьего головы Афанасия Шестакова и поход майора Павлутского в 1729 и 1730 годах (Отрывок из I части «Истории российских географических открытий», сочиняемой В. Н. Верхом) // Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Н. Гречем. Ч. 54, № 20. СПб С 3-17.
53. *Берх В Н.* 1823 Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. СПб
54. *Берх В. Н.* 1823а Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны Ч. II. СПб
55. *Богданович К. И.* 1901 Очерки Чукотского полуострова. СПб.
56. *Богораз В. Г.* 1899б. Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края // ИВСОИРГО. Т. 30, № 1. (1900) С. 1-51.
57. *Богораз В. Г.* 1899. Сказание об Эленди и его сыновьях/ Пер. с чук. // Живая старина. Год IX. СПб. Вып. 3. С. 350—370.
58. *Богораз В. Г.* 1899а. Сказка о чесоточном шамане Wanbicbxalayl-lyMosbil// Живая старина. Год IX СПб. Вып. 2. С 263-270.
59. *Богораз В. Г.* 1900. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. (Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отдел III Т. XI, ч. 3). СПб
60. *Богораз В. Г.* 1901 Очерк материального быта оленных чукчей. (Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской академии наук. Т. II). СПб.
61. *Богораз В. Г.* 1902. О принятии чукоч в русское подданство // Живая старина. Год XII. СПб Вып. 2. С. 147-164.
62. *Богораз В. Г.* 1902а. Чукчи // Научное обозрение: Ежемесячный научно-философский и литературный журнал. Год IX. СПб. № 1. Январь. С. 70—88.
63. *Богораз В. Г.* 1909. Материалы по изучению языка азиатских эскимосов // Живая старина. Год XVIII. СПб. Вып. 2-3. С. 178-190.
64. *Богораз В. Г.* 1919. Народная литература палеоазиатов // Литература Востока: Сб. статей. Вып. 1. Пг. С 50—68.
65. *Богораз В. Г.* 1934—1939. Чукчи /Авторизованный пер с англ. Ч. I—П. Л.
66. *Богораз В. Г.* 1949. Материалы по языку азиатских эскимосов. Л.
67. *Богораз В. Г.* 1991 Материальная культура чукчей/ Авторизованный пер. с англ. (Этнографическая библиотека) М.

68. *Богораз-Тан В. Г.* 1934. Чукотское общество: Краткий путеводитель по выставке. Л.
69. *Богораз-Тан В. Г.* 1936. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Советский фольклор: Сб. статей и материалов № 4–5. М.; Л. С. 29–50.
70. *Богоявленский С. К.* 1938. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. // Исторические записки. М. № 4. С. 258—283.
71. *Бриль А. И.* 1792. Описание народов, находящихся около Якутска, Охотска и в Камчатке // Российский магазин. Труды Ф. Туманского. Ч. I. СПб С. 361–402.
72. *Булычев И.* 1856. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. I: Якутская область, Охотский край. СПб.
73. *Булычев И.* 1856а. Путешествие по Восточной Сибири. [Альбом рисунков] СПб
74. *Бушнев Н.* 1995. Конкистадор Чукотки // Русская Америка: историко-географический журнал. Вып. 6. Вологда. С. 16—19.
75. *Вольская Б. А.* 1961. Путешествие Андрея Аргентова на северо-восток Сибири в 1851 году // Страны и народы Востока. Вып. П. М. С. 172—187.
76. *Василевич Г. М.* 1966. Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания / Пер. Г. М. Василевич. М.; Л.
77. *Василевич Г. М.* 1972. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков // Вопросы языка и фольклора народностей Севера / Отв. ред. Б. Н. Путинцев. Якутск. С. 143—160
78. *Василевич Г. М., Левин М. Г.* 1951. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. № 1. С. 63–78.
79. *Васильев А. П.* 1916. Забайкальские казаки: Исторический очерк. Т. I. Приложение; Т. II. Чита.
80. *Васильев В. Г., Кирюшина М. Т., Меньшиков Н. А.* 1935. Два года в тундре. Л.
81. *Васильев В. Н.* 1936. Оленьи пастбища Анадырского края // Труды Арктического института. Т. LXII: Оленеводство. Л. С. 9—105.
82. *Васильевский Р. С.* 1981. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск.
83. *Бахтин Н. Б.* 2000. Язык сиренинских эскимосов: тексты, грамматические и словарные материалы. (Lincom Studies in Asian Linguistics. 33). München.
84. *Вдовин И. С.* 1944. Расселение народностей Северо-Востока Азии во второй половине XVII и XVIII вв. // ИВГО. Т. 76, № 5. С. 250–265.
85. *Вдовин И. С.* 1948. Из истории общественного строя чукчей // СЭ. № 3. С. 56–70.
86. *Вдовин И. С.* 1950. К истории общественного строя чукчей // Учен. зап. ЛГУ. № 115: Факультет народов Севера. Вып. I. Л. С. 73—100.
87. *Вдовин И. С.* 1959—1960. Анадырский острог: Исторический очерк // КЗОКМ. Вып. II. 1959. С. 20–27; Вып. III. 1960. С. 31–48.
88. *Вдовин И. С.* 1961. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // СЭС. Вып. III. (ТИЭ. Новая серия. Т. 64). М.; Л. С. 27–63.
89. *Вдовин И. С.* 1962. Ваеские чукчи // СЭС. Вып. IV. (ТИЭ. Новая серия. Т. 78). М. С. 153–164.
90. *Вдовин И. С.* 1964. Из истории отношений чукчей и эскимосов Аляски. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, август 1964 г.). М.
91. *Вдовин И. С.* 1965. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.
92. *Вдовин И. С.* 1970. О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными // Фольклор и этнография / Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л. С. 16—24.
93. *Вдовин И. С.* 1971. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX– начале XX века. (СМАЭ. Т. XXVII). Л. С. 275–299.
94. *Вдовин И. С.* 1972. Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей // Этническая история народов Азии / Отв. ред. С. М. Абрамзон, Р. Ф. Итс. М. С. 99–112.

95. Вдовин И. С. 1973. Очерки этнической истории коряков. Л.
96. Вдовин И. С. 1976. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX—начало XX в.) / Отв. ред. И. С. Вдовин. Л. С. 217–253.
97. Вдовин И. С. 1977. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX—начало XX в.) / Отв. ред. И. С. Вдовин. (СМАЭ. Вып. 33). Л. С. 117–171
98. Вдовин И. С. 1987. История и культура чукчей в дооктябрьский период — с XVII в. до 1917 г. // История и культура чукчей / Под ред. А. И. Крушанова Л. С. 30–146.
99. Вдовин И. С., Кочешков Н. В. 1985. Хозяйство и материальная культура народов Дальнего Востока // Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв. / Отв. ред. И. С. Гурвич. М. С. 92–123.
100. Вернадский Г. 1915. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века // ЖМНП. Новая серия. Ч. 56. Апрель. С. 332–354.
101. Винклер П., фон. 1992. Оружие: Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М.
102. Винокуров З. 1890. Краткие сведения о чукчах и чукотской миссии // Якутские епархиальные ведомости. Якутск. № 5. С. 74–78; № 6. С. 87–93.
103. Волков Ф. К., Руденко С. И. 1910. Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений // Материалы по этнографии России / Под ред. Ф. К. Волкова. Т. I. СПб. С. 155–200.
104. Воскобойников М. Г., Меновицков Г. А. 1951. Сказки народов Севера / Сост. М. Г. Воскобойников, Г. А. Меновицков. М.; Л.
105. Воскобойников Л/. Г., Меновицков Г. А. 1959. Сказки народов Севера/ Под ред. М. Г. Воскобойникова, Г. А. Меновицкова. М.; Л.
106. Врангель Ф. П., фон. 1835. О торговых сношениях народов Северо-Западной Америки между собою и с чукчами // Телескоп. М. С. 604–613.
107. Врангель Ф. П., фон. 1948. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. 2-е изд. М.
108. Гагемейстер [Ю. А.]. 1854. Статистическое обозрение Сибири... Ч. II. СПб
109. Галкин Н. 1929. В земле полуночного солнца. (Библиотека экспедиций и путешествий). М.; Л.
- ПО. Геден. 1994. Записки иеромонаха Гедсона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803–1808 гг. // Русская Америка (по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев) / Отв. ред. А. Д. Дридзе, Р. В. Кинжалов. М. С. 27–121.
111. Геденштром М. М. 1830. Орывки о Сибири. СПб.
112. Георги И. Г. 1777. Описание всех в Российском государстве обитающих народов: Пер. с нем. Т. III. СПб.
113. Гильсен К. К. 1849. Путешествие на шлюпе «Благонамеренный» для исследования берегов Азии и Америки за Беринговым проливом с 1819 по 1822 год // Отечественные записки. СПб. Т. 66, № 10. С. 212–238 (седьмая пагинация); Т. 67, № II. С. 1–24 (шестая пагинация); № 12. С. 215–236 (седьмая пагинация).
114. Гирифельд О. В. 1953. Копьеметалки по материалам этнографических музеев Ленинграда и Москвы // СМАЭ. Вып. XIV. С. 98–118.
115. Глинский Е. А. 1986. Лук и стрелы народов Северо-Востока Сибири как историко-культурное явление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
116. Глинский Е. А. 1987. Методика описания ручных луков в музейных собраниях (по материалам сибирских коллекций ГМЭ народов СССР и МАЭ АН СССР) // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников: Сб. науч. трудов/ Отв. ред. И. И. Шангина. Л. С. 123–128.
117. Глинский Е. А. 1989. Комплектование фондов ГМЭ метательным оружием народов крайнего северо-востока Сибири // Полевые исследования ГМЭ

- народов СССР, 1985—1987 гг.: Тез. докл. науч. сессии / Отв. ред. О. В. Лысенко. Л. С. 10.
118. *Голицын В. Н.* 1899. Портфели Г. Ф. Миллера. М.
119. *Гольденберг Л. А.* 1984. Между двумя экспедициями Беринга. (ДИБ). Магадан.
120. *Гольденберг Л. А.* 1985. Михаил Спиридонович Гвоздев (начало XVIII в.— после 1759 г.) М.
121. *Гондатти Н. Л.* 1897а. Оседлое население реки Анадырь // ЗПОИРГО. Том III, вып. 1. С. 111—165.
122. *Гондатти Н. Л.* 1897. Состав населения Анадырской округи // ЗПОИРГО. Том III, вып. 1. С. 166—177.
123. *Гондатти Н. Л.* 1898. Поездка из с. Маркова на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив) // ЗПОИРГО. Том IV, вып. 1. С. 1—42 (первая пагинация); Приложение. С. I—XXVII.
124. *Гордеев Н. В.* 1954. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сб. науч. трудов по материалам Гос. Оружейной палаты / Под ред. С. К. Богоявленского, Г. А. Новицкого. М. С. 61—114.
125. *Горелик М. В.* 1982. Кушанский доспех // Древняя Индия: Историко-культурные связи. М. С. 82—112.
126. *Горелик М. В.* 1984. Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев. С. 119—121.
127. *Горелик М. В.* 1987. Сакский доспех // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М. С. 110—133.
128. *Горелик М. В.* 1991. Куликовская битва 1380 // Цейхгауз. М. № 1. С. 2-7.
129. *Горелик М. В.* 1993. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие—IV в. до н. э.). М.
130. *Горовский Б.* (Подгурский Б. К.). 1914. Забытая русская земля: Чукотский полуостров и Камчатка: Путевые очерки. СПб.
131. *Гранстрем Э.* 1886. Вдоль полярных окраин России: Путешествие Норденшельда вокруг Европы и Азии в 1878—1880 г. СПб.
132. *Греков В. И.* 1960. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М.
133. *Григорьев В. В.* 1876. Чукчи и земля их, от открытия этого края до настоящего времени // Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб. С. 551—575.
134. *Гурвич И. С.* 1953. Метательное оружие на Колыме // КСИЭ Вып. XVIII. С. 47—49
135. *Гурвич И. С.* 1957. Юагиры чуванского рода в середине XVIII века // СЭС. Вып. II. (ТИЭ. Новая серия. Т. 35). М.; Л. С. 246—262.
136. *Гурвич И. С.* 1966. Этническая история северо-востока Сибири. М.
137. *Гурвич И. С.* 1970. Ясак в Якутии в XVII веке // Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). Ч. I. М. С. XXIV—LII.
138. *Гурвич И. С.* 1971. Первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири («Собрание известий о начале и происхождении различных племен инверцев, в Иркутской губернии проживающих, сочиненное надворным советником Францем Лангенсом») // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. (ТИЭ. Новая серия. Т. 95). М. С. 5—14.
139. *Гурвич И. С.* 1979. Новые материалы о традиционной культуре чукчей // СЭ. № 2. С. 95—105.
140. *Гурвич И. С.* 1981. К вопросу о параллелях в традиционной культуре аборигенных народов Северной Азии и Северной Америки // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред. И. С. Вдовин. М. С. 119—128.
141. *Гурвич И. С.* 1982. Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы // Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М. С. 197—222.
142. *Гурвич И. С.* 1983. Проблема этногенеза оленных групп чукчей и коряков в свете этнографических данных // На стыке Чукотки и Аляски / Отв. ред. В. П. Алексеев. М. С. 96—119.

- 143 Гурвич И. С., Кузаков К. Г. 1960. Корякский национальный округ (черчи географии, истории, этнографии, экономики). М.
- 144 Давыдов Г. И. 1810—1812. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. Ч. 1—11. СПб.
- 145 Даль В. И. 1994. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—IV. М.
- 146 Две записки о сношениях с чукчами в 1774—1776 годах // Памятники новой русской истории: Сб. исторических статей и материалов / Издание А. Ф. Базунова. Т. III. СПб., 1873. С. 360—381.
- 147 Деревянко Е. И. 1987. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск.
- 148 Дивин В. А. 1971. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М.
- 149 Диков Н. Н. 1958. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 г. // ЗЧКМ. Вып. I. С. 32—44.
- 150 Диков Н. Н. 1971. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пег-тымеля). М.
- 151 Диков Н. Н. 1977. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М.
- 152 Диков Н. Н. 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М.
- 153 Диков Н. Н. 1993. Азия на стыке с Америкой в древности (Каменный век Чукотского полуострова). СПб.
- 154 Дионео. 1895. На Крайнем Северо-Востоке Сибири. СПб.
- 155 Дионисий. 1884. Поездка Преосвященного Дионисия, епископа Якутского, в Чукотскую миссию в 1868—69 г. // Труды православных миссий Восточной Сибири: Издание Иркутского комитета Православного миссионерского общества. Т. II. Иркутск. С. 141—163.
- 156 Дитмар К. М., фон. 1856. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // ВИРГО. Кн. I. С. 19—39.
- 157 Дитмар К. М., фон. 1901. Поездки и пребывание на Камчатке в 1851—1855 гг. / Пер. с нем. С. М. Герценштейна, П. П. Шалфеева, А. М. Никольского, И. М. Кузнецова. СПб.
- 158 Дмитриев М. И. 1892. О чукотской земле // Владивосток: Общественно-литературная и морская газета. Владивосток. № 31. С. 7; № 33. С. 5—7; № 35. С. 5—6; № 36. С. 6—7; № 38. С. 6; № 39. С. 5—6; № 40. С. 6—7; № 42. С. 9—10; № 45. С. 8; № 47. С. 8—9; № 49. С. 10; № 50. С. 9—10; № 51. С. 8.
- 159 Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. (ТИЭ. Т. 55). М.
- 160 Долгих Б. О. 1967. Образование современных народностей Севера СССР // СЭ. 1967. № 3. С. 3—15.
- 161 Дополнения к Актам историческим Т. III—IV, VI—VIII, X. СПб., 1848—1851, 1857—1862, 1867.
- 162 Друри И. В. 1936. Пастбищное хозяйство и выпас оленей у чукоч Анадырского района // Труды Арктического института. Т. LXI: Оленеводство. Л. С. 105—124.
- 163 Дьяконова Н. В. 1955. Шикшин: Материалы Первой Русской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга 1909—1910 гг. М.
- 164 Дьячков Г. 1893. Анадырский край (Записки Общества изучения Амурского края. Т. II). Владивосток.
- 165 Ефимов А. В. 1948. Из истории русских экспедиций на Тихом океане (Первая половина XVIII в.) М.
- 166 Ефимов А. В. 1951. Документы об открытиях русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII веке на Северо-Востоке Азии // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии / Сост. Н. С. Орлова. М. С. 6—48.
- 167 Ефимов А. В. 1971. Из истории великих русских географических открытий. М.

168. *Жорницкая М. Я.* 1975. Традиционные танцы эскимосов // Полевые исследования Института этнографии. 1974 М. С. 149—157.
169. *Жуков Л.* 1974 Нотаймэ / Пер. С. Стебницкого // Нотаймэ: Повести. Рассказы Сказки. Петропавловск-Камчатский С 40—74.
170. *Жукова А. Н.* 1980. Язык паланских коряков. Л
171. *Жукова А. Н.* 1988. Материалы и исследования по корякскому языку. Л.
172. *Завадский-Краснопольский А. К.* 1873. Русское царство: Коряко-чукотский край и Камчатка СПб.
173. *Загоскин Л. А.* 1956. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. 2-е изд. М.
174. Заметки о чукчах // Сибирь: Ежедневная газета. Иркутск, 1877. № 12 С. 4-5.
175. Замечания о чукчах // ЖМВД. Ч. XVI. 1835. С. 356-368
176. Записка о чукотском народе, обитающем около берегов Ледовитого моря, из имеющихся в Сенатском секретном архиве сведений // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 4. С. 100—108 (пятая пагинация).
177. *Зеленин Д. К.* 1931. Магические функции примитивных орудий // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. Л. № 6. С. 713—754.
178. *Зеленин Д. К.* 1937. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов // Памяти В. Г. Богораза (1865-1936): Сб. статей. М.; Л. С. 47-78.
179. *Зиннер Э. П.* 1968. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века [Иркутск]
180. 3-я М. 1861 — 1862. Русские промысленники на побережьях и островах Тихого океана // Амур, газета Восточной Сибири. Иркутск. 1861 № 93. [С. 4], № 95. [С. 4]; № 98. [С. 4]; № 99. [С. 4], № 100. [С. 3-4]; 1862. № 1. [С. 3-4], № 2. [С. 3]. № 3. [С. 4]; № 5. [С. 4]; № 6. [С. 4]; № 7. [С. 3-4]; № 8. [С. 4].
181. *Золотарев А. М.* 1938. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии // Изв. Воронежского пед. ин-та Т. IV: научные работы молодых ученых Воронеж. С. 73—87
182. *Зуев А. С.* 1999. Анадырская партия: причины и обстоятельства ее организации // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII—XX века): Бахрушинские чтения 1997 г.: Межвузовский сб. науч. трудов. Новосибирск. С 18—39.
183. *Зуев А. С.* 1999а. Сибирь: веки истории (XVI—XIX вв.): Учебное пособие для старших классов общеобразовательных учреждений. 2-е изд. Новосибирск.
184. *Зуев А. С.* 2001а. «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на Северо-Востоке Сибири // Ab imperio. Казань. № 4. С. 81—108.
185. *Зуев А. С.* 2001. Поход Д. И. Павлунского на Чукотку в 1731 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII—XX века). Бахрушинские чтения 1998 г.: Межвузовский сб. науч. трудов / Под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск. С. 3—38.
186. *Зуев А. С.* 2002. Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах // Сибирь в XVII—XX веках. Проблемы политической и социальной истории. Бахрушинские чтения 1999—2000 гг.: Межвузовский сб. науч. трудов. Новосибирск. С. 53—82.
187. *Зуев М. С.* 2002а. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 1, вып. 3: История. С. 14—24.
188. *Зуев А. С.* 2002б. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII—первой половине XVIII в (Труды Гуманитарного факультета НГУ. Серия I). Новосибирск.
189. *Зыков А., Кокшаров С.* 2000. Феномен таежной цивилизации // Родина. М. № 5. С. 39-44.
190. *Иванов В. Н.* 1978. Русские ученые о народах Северо-Востока Азии (XVII—начало XX в.). Якутск

- 191 *Иванов В. Н.* 1989. Историческая мысль в России XVIII—середины XIX в о народах северо-востока Азии М
- 192 *Иванов В. Н.* 1999 Вхождение Северо-Востока Азии в состав русского государства Новосибирск.
- 193 *Иванов С. В.* 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в : Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. (ТИЭ. Новая серия. Т. 22) М.; Л.
- 194 *Ивановский А. А.* 1890. [Религиозные представления чукчей] // Русские ведомости. М. № 66. С. 2 (пятый столбец).
- 195 *Идее И., Бранд А.* 1967. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695) / Пер. с голл. и нем. М. И. Казина. М.
- 196 Из Иркутска, от 15 февраля // Северная почта: Новая Санкт-Петербургская газета. СПб., 1814. № 26. [С. 3-4].
197. Из Тигиля из частных писем // Сибирский вестник: Газета Иркутск, 1866. № 13. 30 июня. [С. 2—3]; № 14. 10 июля. [С. 4].
- 198 Известие из Гижиги // Восточное Поморье. Николаевск-на-Амуре, 1865. № 10. С. 58-59.
199. *Иохельсон В. И.* 1895. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина. Вып. 2. Год 5 СПб С. 127-161.
200. *Иохельсон В. И.* 1898. По рекам Ясачной и Коркодону: Древний и современный юкагирский быт и письма // ИИРГО. Т. 34, вып. 3. С 255—290.
201. *Иохельсон В. И.* 1900а. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречия, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая старина. Вып. 1—2. СПб. С. 151-193.
- 202 *Иохельсон В. И.* 1900. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. (Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отдел III. Т. IX, ч. 3). СПб.
203. *Иохельсон В. И.* 1997. Коряки: Материальная культура и социальная организация: Пер. с англ. СПб.
204. История казачества Азиатской России Т I: XVI—первая половина XIX века / Отв. ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург, 1995.
205. История Чукотки с древнейших времен до наших дней М , 1989.
- 206 *Кавелин Е.* 1931. В стране Анакалин и Чауча // Советский Север: Общественно-научный журнал. М. № 7—8. С. 75—121.
207. *Козин В. Х.* 1992 Казачьи войска: Хроника / Сост. В. Х. Казин. Б. м. [репринтное издание: СПб., 1913].
208. *Калачов И. В.* 1871. Образ жизни тунгусов и коряков, живших в Иркутской губернии в 1766 г. // ИСОИРГО. Т. II, № 3. С. 43-45.
209. *Каллиников Н. Ф.* 1912. Наш крайний Северо-Восток. (Приложение к вып. 34-му Записок гидрографии). СПб.
- 210 *[Кашеваров А. Ф.]*. 1840. Обзорение берегов Северной Америки, от мыса Баррова, совершенное русской экспедицией в 1838 году // Сын Отечества: Журнал словесности, истории и политики СПб. Т. I. С. 127—144.
211. *Кашеваров А. Ф.* 1845. Орывки из дневника Корпуса флотских штурманов поручика А. Ф. Кашеварова, веденного им при обозрении Полярного берега Российской Америки, по поручению Российско-Американской компании в 1838 году // Санкт-Петербургские ведомости. СПб. № 190. С. 858—860, № 191. С. 863-864; № 192. С. 867-868; № 193. С. 872-874.
212. *Кашеваров А. Ф.* 1846. Заметки об эскимосах в Русской Америке // Северная пчела: Газета политическая и литературная. СПб. № 227. С. 907—908; № 228. С. 911-912.
213. *Кеккетын К., Стебницкий С. Н.* 1938. Книга для чтения / Пер с корякского С. Н. Стебниченко. Ч. 2. Л.
214. *Кенан Дж.* 1871. Степная жизнь в Сибири. СПб
215. *Кибер [А. Ф.]*. 1823. Замечания о некоторых предметах естественной истории, учиненные в Нижне-Колымске и окрестностях оного в 1821 году // Сибирский вестник. Ч. 2. СПб. Кн. 10. С 122-136; Кн. II. С. 137-150.

216. *Кибер [А. Ф.]*. 1824а. Извлечение из дневных записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях северо-восточной Сибири: Пер. с фр. // Сибирский вестник. Ч. 1. СПб. С. 1—10, 11—37, 38—58.
217. *Кибер [А. Ф.]*. 1824. Чукчи / Пер. с фр. Е. Певцова // Сибирский вестник. Ч. 2. СПб. Кн. 9—10. С. 87—126.
218. *Кибер [А. Ф.]*. 1827. Извлечение из журнала путешествия доктора Кибера, с мнением об оном академика Захарова // Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности. Ч. 13. СПб. С. 179—216.
219. *Кирик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* 2000. Язык и фольклор алюторцев. М.
220. *Кирилов И. К.* 1831. Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий. Кн. 2. М.
221. *Кисель В. А.* 2000. «Он привязал к бедру кинжал» (об одном из способов ношения клинкового оружия) // Археологические вести. СПб. № 7. С. 82—95.
222. *Клаузевиц К., фон.* 1941. Учебное пособие для обучения тактике, или учения о бое // Клаузевиц К. О войне: Пер. с нем. Т. II. 3-е изд. М.: 406—458.
223. *Козлов Н. В.* 1956. Сказки народов Северо-Востока / Под ред. Н. В. Козлова Магадан.
224. *Колесническая И. М.* 1971. В. Г. Богораз-Тан — фольклорист // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. (ТИЭ. Новая серия. Т. 95). М. С. 139—159.
225. Колониальная политика московского государства в Якутии в XVII в.: Сб. док. / Под общ. ред. Я. П. Алькора, Б. Д. Грекова. Л., 1936.
226. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. док. / Под ред. Я. П. Алькора, А. К. Дрезена. Л., 1935.
227. *Колтун Л.* [1904]. Краткий очерк Анадырского уезда и быта населения: Маркове и его значение для каревых инородцев. Владивосток. (Отдельный оттиск из газеты «Восточный вестник».)
228. Колымский округ // Миссионер: Еженедельное издание Православного миссионерского общества. М., 1879. № 4. С. 30—32; № 5. С. 39—40; № 6. С. 46—47, № 7. С. 53—55.
229. *Королева В. А.* 1993. Материальная культура // История и культура коряков / Отв. ред. В. А. Тураев. СПб. С. 25—56
230. *Косвен М. О.* 1962. Из истории этнографии коряков в XVIII в. (публикация) // СЭС. Вып. IV. (ТИЭ. Новая серия. Т. 78). М. С. 276—291.
231. *Костоюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В.* 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара.
232. *Коцебу О. Е.* 1948. Путешествие вокруг света. 2-е изд. М.
233. *Крашенинников С. П.* 1949. Описание земли Камчатки. М.; Л.
234. *Крейнович Е. А.* 1979. Из истории заселения Охотского побережья (По данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола) // Страны и народы Востока. Вып. 20, кн. 4. М. С. 186—201.
235. *Крузенштерн И. Ф.* 1950. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». М.
236. *Крупник И. И.* 1983. Древние и традиционные поселения эскимосов на Юго-Востоке Чукотского полуострова // На стыке Чукотки и Аляски / Отв. ред. В. П. Алексеев. М. С. 65—95.
237. *Крупник И. И.* 1988. Инфантицид в традиционных обществах Арктики: адаптивная стратегия или культурный механизм? // Экология американских индейцев и эскимосов: Проблемы индеанистики / Отв. ред. В. А. Тишков. М. С. 76—84.
238. *Крупник И. И.* 1989. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Азии. М.
239. *Крупник И. И.* 2000. Пусть говорят наши старики: Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1977—1987 гг. М.

240. Крупник И. И., Членов М. А. 1979. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в.—1970-е гг.) // СЭ. № 2. С. 19—29.
241. Кузнецов И. 1890-1897. Исторические акты XVII столетия (1633-1699). Вып. I—II. Томск
242. Кузнецова В. Г. 1957. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // СЭС. Вып. II (ТИЭ. Новая серия. Т 35) М.; Л. С. 263-326.
243. Кузьмина Л. П. 1981. Фольклор эскимосов (по материалам В. Г. Богораза) // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения Северной Сибири и Северной Америки / Отв ред И. С. Вловин. М. С. 200—212.
244. Кузьминых В. И. 1994. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск. С. 32-39.
245. Кук Дж. 1971. Третье плавание капитана Джеймса Кука: Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг.: Пер. с англ. М.
246. Куликов М. И. 1957. Характер экономических (производственных) отношений в чукотских стойбищах типа «гаймысчылын» (богатых) (Конец XIX—начало XX в.) // КЗОКМ. Вып. I. 31-58.
247. Лазарев А. П. 1950. Плавание вокруг света военного шлюпа «Благонамеренный». М.
248. Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. 1983. Ачайваямская весна. М.
249. Левин М. Г. 1946 О происхождении и типах упряжного собаководства // СЭ. № 4. С. 75-108.
250. Леонтьев В. В. 1960. Национальные игры чукчей // На Севере дальнем. Магадан. № 1 (16). С. 127-137.
251. Леонтьев В. В. 1965. Антымавле — торговый человек. Магадан.
252. Леонтьев В. В. 1969 Чукотские спартанцы // На Севере дальнем. Магадан. № 1. С. 128-141.
253. Леонтьев В. В. Этническая история поселка Уэлен // КЗОКМ. Вып. IX. 1972. С. 83-94, Вып. X. 1975. С. 77-87.
254. Леонтьев В. В. 1973. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.). Новосибирск.
255. Леонтьев В. В. 1979. Самый сильный, самый ловкий: О чукотско-эскимосских спортивных играх. Магадан.
256. Леонтьев В. В. 1983. Этнография и фольклор кереков. М.
257. Леонтьев В. В., Новикова К. А. 1989. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан.
258. Леонтьев В. В., Тураев В. А. 1987. Жилищно-бытовые условия. Образ жизни // История и культура чукчей / Под ред. А. И. Крушанова. Л. С. 186—213.
259. Леонтьева Г. А. 1968 К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII—начале XVIII в. (Нерчинский уезд) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Вып. 2. Новосибирск. С. 37—60.
260. Леонтьева Г. А. 1972. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII—первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов): Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
261. Леонтьева Г. А. 1997. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М
262. Лессепс И. Б. Б., де. 1801—1802. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири: Пер. с фр. Ч. I—III. СПб.
263. Линденау Я. И. 1983 Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Пер. с нем З. Д. Титовой. (ДИБ). Магадан.
264. Литке Ф. П. 1948. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Синявин». 1826—1829. 2-е изд. М.
265. Любовь чукчей к справедливости// Русский вестник на 1811-й год, издаваемый С. Глинкой. Ч XV, № 8. М., 1811. С. 17-26.

266. *Майдель Г. Л.* 1871. Ответы Чукотской экспедиции на вопросы академик! Бэра // ИСОИРГО. Т. II. № 1-2. С 60-70
267. *Майдель Г. Л.* 1894. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах: Пер. с нем. (Приложение к LXXIV-му тому Записок Импер. Академии наук. № 3) СПб
268. *Майдель Г. Л.* 1925 Записка о народах, живущих в северо-восточной части Якутской и Приморской области // Сб. трудов исследовательского общества «Сага Keskuie» Якутск. Вып. 1 Август. С 20—34.
269. *Маковская Л. К.* 1992. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV—XVIII веков: Определитель. М
270. *Малиново Р., Малина Я.* 1988 Прыжок в прошлое: Эксперимент раскрывает тайны древних эпох / Пер с чеш И И Поп, Ю И. Ретчик. М.
271. *Мальцева Н. А.* 1968. Копьёметалка у народов Северо-Восточной Сибири // ЗЧКМ. Вып. V. С. 72-82.
272. *Мамышев Н.* 1809. Отчаяние (исторический отрывок) // Вестник Европы, издаваемый В. Жуковским. Ч. 44, № 5. М. С. 20—27.
273. *Манькин-Невструев А.* 1883. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки: Очерк. М.
274. *Маргаритов В.* 1899. Камчатка и ее обитатели. (ЗПОИРГО Т. V, вып 1). Хабаровск.
275. Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). Ч. I, III. М., 1970.
276. *Матюнин Н.* 1877. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871. СПб. С. 138-184.
277. *Матющенко В. И., Синицына Г. В.* 1988. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск.
278. *Мачинский А. В.* 1941 Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове // КСИИМК. Вып. 9. С 80-89.
279. *М-в.* 1877. Чукотская земля и ее обитатели // Миссионер: Еженедельное издание Православного миссионерского общества М. № 46. С. 377—379; № 47. С. 385-386.
280. *Медведев А. Ф.* 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII—XIV вв. (Свод археологических источников. Вып. Е 1—36). М.
281. *Медушевская О. М.* 1954 Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-й половине XVIII века // Труды Московского гос. историко-архивного ин-та. Т. 7. М. С. 95—127
282. *Меле-пинский Е. М.* 1979 Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). М
283. *Мелетинский Е. М.* 1981. Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения Северной Сибири и Северной Америки / Отв ред И С Вдовин. М С. 182-200.
284. *Меновицков Г. А.* 1947. Ун'ипаг'атыпут (эскимосы'мит ун'ипаг'алыл' утан'иит). Наши сказки (Сб. эскимосских сказок) / Сост. и пер. на рус. яз. Г. А. Меновицков. Л.
285. *Меновицков Г. А.* 1950. Чукотские, эскимосские, корякские сказки. Хабаровск.
286. *Меновицков Г. А.* 1959. Эскимосы: Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан.
287. *Меновицков Г. Л.* 1962. О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов (Из полевых наблюдений) // СЭ № 6. С. 29—34.
288. *Меновицков Г. А.* 1964. Устное народное творчество азиатских эскимосов как историко-этнографический источник. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август 1964). М.

289. Меновщиков Г. А. 1974а. Об устном повествовательном творчестве народов Чукотки и Камчатки // Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост. Г. А. Меновщиков. М. С. 5—48.
290. Меновщиков Г. А. 1974. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост. Г. А. Меновщиков (Сказки и мифы народов Востока). М.
291. Меновщиков Г. А. 1975. Язык науканских эскимосов. Л.
292. Меновщиков Г. А. 1977. На Чукотской земле. (Первопроходцы. Вып. 6). Магадан.
293. Меновщиков Г. А. 1979. Китовый праздник полъя у науканских эскимосов // Страны и народы Востока. Вып. XX, кн. 4. М. С. 202—229.
294. Меновщиков Г. А. 1980. Эскимосские сказки/ Записал Г. А. Меновщиков. 3-е изд. Магадан.
295. Меновщиков Г. А. 1980а. Язык эскимосов Берингова пролива. Л.
296. Меновщиков Г. А. 1985. Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски. Канады и Гренландии / Сост. Г. А. Меновщиков. (Сказки и мифы народов Востока). М.
297. Меновщиков Г. А. 1987. Материалы и исследования по языку и фольклору науканских эскимосов. Л.
298. Меновщиков Г. А. 1988б. Материалы и исследования по языку и фольклору чаплинских эскимосов. Л.
299. Меновщиков Г. А. 1988а. Устное повествовательное творчество эскимосов// Эскимосские сказки и мифы. (Сказки и мифы народов Востока). М. С. 5—22.
300. Меновщиков Г. А. 1988. Эскимосские сказки и мифы / Сост. Г. А. Меновщиков. (Сказки и мифы народов Востока). М.*
301. Мерк К. Г. 1978. Описание обычаев и образа жизни чукчей/ Пер. с нем. З. Д. Титовой // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795 гг. / Под ред. И. С. Вдовина. Магадан. С. 98—155.
302. Миддендорф А. 1869—1878. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. II. Отд 5—6. СПб.
303. [Миллер Г. Ф.]. 1728. О земле Камчатке // Календарь, или месяцеслов исторический, на лето от рождества Господа нашего Иисуса Христа 1729. СПб. [С. 1—10].
304. [Миллер Г. Ф.]. 1757. О китовой ловле около Камчатки // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. [Т. 5]. СПб. Май. С. 470—479.
305. Миллер Г. Ф. 1758. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с российской стороны учиненных// Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб. Март, май. С. 195—212, 387—409.
306. Миллер Г. Ф. 1774. Краткое описание о Камчатке, учиненное в июне месяце 1773 года камчатским командиром капитаном Тимофеем Шмелевым // Опыт трудов Вольного российского собрания при Императорском московском университете. Ч. I. М. С. 195—215.
307. Миллер Г. Ф. 1895. Тунгусы, якуты и чукчи // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, экономическом и бытовом описании / Под общ. ред. П. П. Семенова. Т. XII. ч. 1. СПб., М. С. 279—310.
308. Митлянская Т. Б., Карахан И. Л. 1987. Новая жизнь древних легенд Чукотки. Магадан.
309. [Митчелл Дж.]. 1859. Зима у чукчей // Иллюстрация: всемирное обозрение. СПб. № 84. С. 142, № 85. С. 158; № 86. С. 175; № 87. С. 183.
310. [Митчелл Дж.]. 1865. Зима у чукчей// Вокруг света. Год 5. СПб № 10. С. 313—330.
311. Михайлова Е. А. 1996. К вопросу об этно- и культурогенезе коренного населения крайнего Северо-Востока Азии // Сибирь: древние этносы и их культура / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб С. 164—195.

* Научный вариант издания: Меновщиков 1985.

312. *Муравьев В.* 1979. Владимир Германович Тан-Богораз (1865-1936) // В. Г. Тан-Богораз Восемь племен Магадан. С. 3—19.
313. *Мушкин П.* 1853. Русские миссионеры у чукчей // Московские ведомости М. № 82. С. 843-844; № 83. С. 853-854.
314. *Мушкин П.* 1853а. Торговля чукчей с русскими и жителями островов Восточного моря // Московские ведомости. М № 138. С 1421—1422.
315. *Навбог М. И.* 1971. Новый вариант итоговой карты Первой Камчатской экспедиции // Летопись Севера Т. V. М. С. 173—179.
316. Народы России. XVI: Чукчи // Нива. Год 5. СПб., 1874 №2. С. 26-27; № 3. С. 42-43.
317. Народы России: Чукчи // Природа и люди: Иллюстрированный журнал, литературный, научный и политический. СПб., 1880 Июнь. С 1—13.
318. [*Неверов И.*] 1874. Условия успеха миссионерской деятельности между чукчами в Якутской области // Миссионер: Еженедельное издание Православного миссионерского общества М № 5. С. 47—49.
319. *Нейман К. К.* 1871. Исторический обзор действий Чукотской экспедиции // ИСОИРГО. Т. I, № 4-5. С. 6-31; Т. II, № 3 С. 7-28.
320. *Нейман К. К.* 1872. Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области // ИСОИРГО. Т. III. № 1. С. 32-44; № 2. С. 57-69.
321. *Нейман К. К.* 1877. Плавание по восточному океану // ИСОИРГО Т VIII, № 1-2. С. 43-56; № 3-4. С. 83-94; № 5-6. С. 148-155.
322. *Несчастливец Н. С.* 1930 Оленеводство и пути его развития в Я. А. С. С. Р. // Советская Якутия: Политико-экономический журнал Якутск. № 3. С. 76-89.
323. *Нефёдкин А. К.* 2001 Война на Чукотке: характеристика вооруженных конфликтов // Политические конфликты в прошлом и настоящем. Материалы Всероссийской научной конференции. Иваново, 24—26 апреля 2001 г. / Отв ред. А. З. Чернышева. Иваново. С. 79—83
324. *Нефёдкин А. К.* 2002 Оборона и осада у оденных чукчей (вторая половина XVII—XVIII в.) // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. I (XXVI). СПб. С. 214-221.
325. *Нефедова С. П.* 1967. Ясачная политика русского царизма на Чукотке (XVII-XIX века) // ЗЧКМ. Вып. IV. С. 27-32.
326. *Никитин Н. И.* 1987 Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. (Страницы истории нашей Родины). М.
327. *Никитин Н. И.* 1988. Служилые люди Западной Сибири XVII века. Новосибирск
328. *Никитин Н. И.* 1996. Начало казачества Сибири. М.
329. *Никитин Н. И.* 1999. Землепроходец Семен Дежнев и его время М.
330. Новейшие известия о чукчах // ЖМВД. 1852. Кн. 8. С. 348.
331. *Новикова К. А.* 1987. Эвенские сказки, предания и легенды. Магадан.
332. *Нолан Л. Э.* 1871. История и тактика кавалерии: Пер. с фр. // Военная библиотека. Т. III. СПб. С. 1-293.
333. *Норденшельд А. Е.* 1936. Плавание на «Вега» / Пер. со швед А. Бонди Т. II. Л.
334. *Нордквист О А.* 1880. Заметки о численности и нынешнем положении чукчей, живущих по берегу Ледовитого океана // ИИРГО. Т. XVI, вып. 2 С. 95-105.
335. *Nil...* 1866. Анадырский острог // Сибирский вестник. СПб. 1866. № 16 [С. 3-4]; № 17. [С. 3-4].
336. О кровной мести: чукотское предание // ЗЧКМ. Вып. I 1958. С. 71—72.
337. *Обручев С. В.* 1933. Колымская земляца: Два года скитаний. М.
338. *Обручев С. В.* 1974. По горам и тундрам Чукотки: Экспедиция 1934—1935 гг. 2-е изд. Магадан.
339. *Овсянников В. Ф.* 1930. Поездка в долину реки Анадырь летом 1929 года // Записки Владивостокского отдела Государственного русского географического общества (Общества изучения Амурского края). Т. V (XXII). Владивосток. [Вып. I]. С. 41-119.

340. *Оглоблин Н.* 1903. Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII века // ЖМНП. Ч. 347. СПб. Май-июнь. С 38–62.
341. *Огородников В. И* 1922. Из истории покорения Сибири: Покорение Юкагирской земли Чита.
342. *Окладников А. П.* 1948. К истории этнографического изучения Якутии // Сб материалов по этнографии якутов Якутск С 17–48.
343. *Окунь С. Б.* 1935. Вступительная статья // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. док. Л. С 3–22.
344. *Окунь С. Б.* 1935а Очерки по истории колониальной политики в Камчатском крае. Л.
345. *Олсуфьев А. В.* 1896. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. (ЗПОИРГО. Т. II, вып. 1). СПб.
346. *Ольксандрович.* 1884. Уголок далекого севера // Сибирская газета Томск. № 7. 12 февраля. Кол. 185–188; № 9. 26 февраля. Кол. 234–237; № 11. 11 марта. Кол. 295–297.
347. *Онацевич М.* 1877. Заметки во время плавания около берегов Чукотской земли и в Ледовитом океане в 1876 году// Морской сборник. Т. CLXI. СПб. № 7. С. 43–68 (третья пагинация); № 8. С. 27–40 (вторая пагинация).
348. *Орехов А. А.* 1977. Предварительная типология костяных наконечников Северо-Западного Берингоморья // КЗОКМ. Вып. XI. С. 109–114.
349. *Орехов А. А.* 1987. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. М.
350. *Орлова Е. П.* 1929. Коряки полуострова Камчатки // Северная Азия: Общественно-научный журнал Кн. 3 (27). М. С. 83–113.
351. *Орлова Е. П.* 1941. Азиатские эскимосы // ИВГО. Т. 73, вып. 2. С. 202–222.
352. *Орлова Н. С.* 1951. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: Сб. док. / Сост. Н. С. Орлова. М.
353. *Орловский П. Н.* 1928. Год анадырско-чукотского оленевода // Северная Азия: Общественно-научный журнал. № 2 (20). М. С. 61–70.
354. *Паллас П. С.* 1781. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой // Месяцеслов исторический и географический на 1781 год. СПб. С. 1–150.
355. Пальма // Энциклопедический словарь / Изд Ф. А. Брокгауз, И. Е. Ефрон. Т. XXII" СПб., 1897. С. 649.
356. Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1–2. СПб., 1882–1885.
357. *Патенко Г. М.* 1997. Оленьи ноги, медвежьи руки // История боевых искусств: От Нового светало Черного континента М. С. 225–285.
358. *Пасацкий В. М.* 1995. Звездные мгновения Арктики. СПб.
359. *Пежемский П.* 1850. Панорама Иркутской губернии // Современник: Литературный журнал. Т. XXII. СПб. Июль–август. С. 1–158 (вторая пагинация).
360. Плавание лодки «Сивуч» к устью р. Анадри, к м. Восточному и обратно // Владивосток: Общественно-литературная морская газета. Владивосток, 1890. № 39. С. 2–3; № 40. С. 2–3; № 43. С. 3–4; № 45. С. 2–3.
361. *Поддубный И. П.* 1914. Население Азиатской России// Азиатская Россия. Т. I. СПб. С. 93–178.
362. *Полевой Б. Н.* 1976. Новое о Владимире Атласове // Дальний Восток. Хабаровск. № 4. С. 130–135.
363. *Шолонский А.* 1850. Поход геодезиста Михаила Гвоздева в Берингов пролив, 1732 года // Морской сборник, издаваемый от Морского ученого комитета. Т. IV. СПб. № 11. С. 389–402.
364. *Полунин Ф.* 1773. Географический лексикон Российского государства М.
365. *Поляков А.* 1933. Чукотские праздники// Советский Север. М. №3 С 102–106.
366. Протокол Верховного тайного совета. № 133. Приложения. 1-й // Сб. Императорского русского исторического общества. Т. 63. СПб., 1888. С. 283–293.
367. *Прыткова Н. Ф.* 1961. Верхняя одежда // ИЭАС. С. 227–238.

368. *Прыткова Н. Ф.* 1976. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера / Под. ред. И. С. Вдовина. Л. С 5—88.
369. *Путинцев Н. Г.* 1891 Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими теперь территории. Омск.
370. *Рабинович М. Г.* 1947. Военная сигнализация и связь по данным археологии и этнографии // КСИЭ. № 3. С. 74—78.
371. *Ратцель Ф.* 1904. Народоведение / Пер. с нем. Д. А. Коропчевского. Т. I. 4-е изд. СПб.
372. *Ресин А. А.* 1888. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана // ИИРГО. Т. XXIV, вып. 3. С. 121—199.
373. *Романов Н. С.* 1956. Ясак в Якутии в XVIII в. Якутск.
374. *Рубцова Е. С.* 1954. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). Ч. I. М.
375. *Руденко С. И.* 1947. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.
376. *Руденко С. И.* 1949 Татуировка азиатских эскимосов// СЭ. № 1. С. 149—154.
377. *Руденко С. И., Станкевич Я. В.* 1951. Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века М.; Л. С. 97—102.
378. *Рытхэу Ю. С.* 1980. Современные легенды. М.
379. *Рябов П.* 1887. Полярные страны Сибири (Заметки и наблюдения в Колымском округе) // Сибирский сборник: научно-литературное периодическое издание. Приложение к «Восточному обозрению» (1887). СПб. С. 1—42
380. *Самарин Я. Ф.* 1935. На Чукотке // На рубеже: Журнал художественной литературы и публицистики. Хабаровск. Кн. 8. С. 81—97.
381. *Самойлов В. А.* 1945. Семен Дежнев и его время. М.
382. *Санги В. М.* 1985. Легенды и мифы народов Севера / Сост. В. М. Санги. М.
383. *Сарычев Г. А.* 1952. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.
384. *Сафронов Ф. Г.* 1978 Русские на Северо-Востоке Азии в XVII—середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М
385. *Сафронов Ф. Г.* 1988. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережья Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск.
386. *Свербеев.* 1872. Путевой журнал купца Михаила Барамыгина, во время поездки из Нижнеколымска в Анюйскую крепость в 1855 году// ЗСОИРГО. Кн. IV. С. 13—17 (вторая пагинация)
387. *Свердруп Г. У.* 1930. Плавание на судне «Мод» в водах моря Лаптевых и Восточно-Сибирского. (Материалы Комиссии по изучению Якутской автономной советской социалистической республики. Вып. 30). Л.
388. *Сгибнев А. С.* 1869. Материалы для истории Камчатки: Экспедиция Шестакова // Морской сборник. Т. 100. СПб. № 2. С. 1—34.
389. *Сгибнев А. С.* 1869а. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. Т. 101. СПб. №4. С. 65—142 (вторая пагинация); Т. 102. № 5. С. 53—84 (вторая пагинация).
390. *Сементовский Н.* 1852. Разные известия: Новые сведения о чукчах// ВИРГО. Кн. 3-4. С. 143.
391. *Семивисши Н. Г.* 1817 Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое донные не было всем известно. СПб.
392. *Семушкин Т.* 1938. На Чукотке. Хабаровск.
393. Сенатский архив. Ч. П. СПб, 1889.
394. *Сергеев Д. А.* 1962. Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов// СЭ. №6. С. 35—42.
395. *Сергеев О. И.* 1983. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. М.

396. *Сергеева К. С.* 1962. Сказочник Кивагмэ. Магадан.
397. *Серебренников И. И.* 1914. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк) // ИВСОИРГО Т. 34. 1914. С. 121-168
398. *Сильицкий А. П.* 1897. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь // ЗПОИРГО Т II, вып 3 С. 1-79.
399. *Симченко Ю. Б.* 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.
400. *Ск-ий А.* 1888. Плавание клипера «Всадник» к берегам Камчатки, Чукотской земле и в Ледовитый океан (Из записной книжки) // Кронштадтский вестник: Морская и городская газета. Кронштадт. № 20. С. 1—2; № 23. С. 1-3, № 26. С. 1-3; № 32. С. 1-2; № 35. С. 1-2.
401. *Скобелев Д. А.* 2000. Техника стрельбы из пращи и способы ее держания // *Para bellum*: Военно-исторический журнал. СПб. № 9. С. 49—62.
402. *Словцов П. А.* 1856. Историческая записка о чукотском народе, обитавшем около берегов Ледовитого моря // ВИРГО. Кн. V. С. 19—25.
403. *Словцов П. А.* 1886. Историческое обозрение Сибири Кн. 1—2. СПб.
404. *Слюнин Н. В.* 1900. Охотско-Камчатский край Т I—II. СПб.
405. *Собищевский В. Т.* 1892. Ветка// Энциклопедический словарь/ Изд. Ф. А. Брокгауз, И. Е. Ефрон. Т VI. СПб С 134
406. *Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы.* Ч. V. СПб. 1790.
407. *[Соколов А. П.]*. 1851. Первый поход русских к Америке, 1732 года// ЗГДММ. Ч. IX. С. 78-107.
408. *[Соколов А. П.]*. 1852a Река Анадырь по описаниям Лаптева и Плениснера, 1742 и 1763 г. // ЗГДММ. Ч. X. С. 160-166.
409. *[Соколов А. П.]*. 1852. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева. 1764-69 г. // ЗГДММ. Ч X С. 70-103.
410. *Сопотко А. А.* 1983. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М.
411. *Спафарий Н.* 1882. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария. (ЗИРГО по отделению этнографии. Т. X, вып. 1) СПб.
412. *Стебаков Л. Н.* 1958. Творчество народов Дальнего Севера/ Редактор-составитель Л. Н. Стебаков. Магадан.
413. *Стебницкий С. Н.* 1938a. Лымн'ыло: Нымыланские (корякские) сказки / Собрал С. Н. Стебницкий. Л.
414. *Стебницкий С. Н.* 1938. Нымыланы-алюторцы: К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков // СЭ. Вып. 1. С. 129—144.
415. *Стебницкий С. Н.* 1994a. Апукинский диалект корякского языка// С. Н. Стебницкий Очерки по языку и фольклору коряков. СПб. С. 102—184.
416. *Стебницкий С. Н.* 1994. Коряцкий исторический фольклор и зарождающаяся коряцкая литература // С. Н. Стебницкий. Очерки по языку и фольклору коряков. СПб. С. 18-101.
417. *Стебницкий С. Н.* 2000. Очерки этнографии коряков. СПб.
418. *Стеллер Г. В.* 1927. Из Камчатки в Америку: Быт и нравы камчадалов в XVIII в.: Пер. с нем. (Природа и люди. Кн. 11). Л.
419. *Степанов Н. Н.* 1937. Освободительная борьба народностей северо-востока Сибири в XVII в. // Памяти В. Г. Богораза (1865—1936): Сб. ст. М.; Л. С. 213-226.
420. *Степанов Н. Н.* 1959. Русские экспедиции на Охотское побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах// УЗЛГПИ Т. 188: Историко-филологический факультет. Исторические науки. С. 179—254.
421. *Степанов Н. Н.* 1967. В. Г. Богораз как историк народов Дальнего Востока// Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера (УЗЛГПИ. Т. 353). Л. С. 71-79.
422. *Стрелов Е. Д.* 1916. Акты архивов Якутской области (с 1650 г. по 1800 г.). Т I. Якутск.

- 423 Суворов П. 1867б. Записка миссионера священника Петра Суворова о поездке на тундру в чукотские жилища, для проповеди слова Божия в 1860 году чукчам // Душеполезное чтение. Год 8. М. Ч. 2. С. 159—168.
- 424 Суворов П. 1867. Миссионерская записка священника Петра Суворова за 1863-й год // Душеполезное чтение. Год 8 М Ч 3. С. 17—26 (вторая пагинация).
- 425 Суворов П. 1867а. Отчет того же миссионера о поездке к Анюйской крепости в 1861 году // Душеполезное чтение. Год 8. М. Ч. 2 С. 168—175.
- 426 Такава М. К. 1974. Кто самый сильный на Земле? Чукотские сказки / Сост. М. К. Такава. Лит. обраб., коммент. и вступ. ст. В. В. Леонтьева. Магадан
- 427 Тан Н. А. 1898. Из записной книжки // Восточное обозрение Год XVII Иркутск. № 114. С. 2-3; № 116. С. 2; № 118. С. 2-3.
- 428 Тан-Богораз В. Г. 1930. Чукотский общественный строй по данным фольклора // Советский Север. М. № 6. С. 63—79
- 429 Тан-Богораз В. Г. 1933. Оленеводство: возникновение, развитие, перспективы // Проблема происхождения домашних животных. Вып. I. Л. С. 219—251.
- 430 Тан-Богораз В. Г. 1935. Древнейшие элементы в языке азиатских эскимосов // Академия наук СССР. XLV академику Н. Я. Марру. М.; Л. С. 353—366
- 431 Тан-Богораз В. Г. 1936. Социальный строй американских эскимосов // Вопросы истории доклассового общества: Сб. ст. к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» / Отв. ред. А. М. Деборин. М.; Л. С. 195—256.
- 432 Тан-Богораз В. Г. 1958. Казаки у Полярного круга // Северные рассказы. М С. 42-93.
- 433 Тан-Богораз В. Г. 1979. Восемь племен // В. Г. Тан-Богораз Восемь племен Магадан. С. 21—139
- 434 Тан-Богораз В. Г. 1979а. Чукотские рассказы // В. Г. Тан-Богораз. Восемь племен. Магадан. С. 141—269.
- 435 Теш Т. С. 1975. Эскимосский праздник кита «польа» (на примере п Наукан) // КЗОКМ. Вып. 10. С. 88-94
- 436 Тихомиров Б. А. 1960. Картины чукотской природы (Из записной книжки натуралиста) // КЗОКМ. Вып. III. С. 133-137.
- 437 Толмачев И. П. 1911. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб.
- 438 Толмачев И. П. 1912. Чукотская сказка // Живая старина. Год XXI. Пг., 1914. Вып. 2-4. С. 495—502.
- 439 Трифонов А. 1872. Заметки о Нижне-Колымске // ИСОИРГО. Т. III, № 3. С. 160-166.
- 440 Тынэтэгын Ф. (Тинетев). 1940. Сказки чаучи / Ред. и пер. на рус. яз. Г. Мельникова Л.
- 441 Тошов В. Н. 1906. По западному берегу Камчатки. СПб.
- 442 Ухтомский Д. Э. 1913. Чукотские стрелы // Ежегодник Русского антропологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Т. IV. СПб. С. 103-122.
- 443 Файнберг Л. А. 1964. Общественный строй эскимосов и алеутов: От материнского рода к соседской общине. М.
- 444 Федорова С. Г. 1971. Исследователь Чукотки и Аляски казачий сотник Иван Кобелев // Летопись Севера. Т. V. М. С. 156—172.
- 445 Федорова Т. С. 1984. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сб. док. / Отв. сост. Т. С. Федорова. М.
- 446 Хабарова М. В. 1978. Народное искусство Чукотки. Л.
- 447 Хан М. 1863. О племенах земного шара. Ч. I СПб
- 448 Хаугаард Л. 1880. Плавание парохода «Вега» // ИИРГО Т. XVI, вып. 2. С. 79-94.
- 449 Худяков Ю. С., Соловьев А. И. 1987. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В. Е. Медведев. Ю. С Худяков Новосибирск. С. 135—163.

450. *Черненко М. Б.* 1957. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. // *Летопись Севера* Вып. 2. М. С. 121-142.
451. *Членов М. А.* 1981. Кит в фольклоре и мифологии азиатских эскимосов // *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения Северной Сибири и Северной Америки* / Отв. ред. И. С. Вдовин. М. С. 228—243.
452. *Членов М. А.* 1988. Экологические факторы этнической истории района Берингова пролива // *Экология американских индейцев и эскимосов: Проблемы индеанистики* / Отв. ред. В. А. Тишков. М. С. 64—75.
453. *Ч-о.* 1889 Трагическая смерть чукчей-фанатиков // *Якутские епархиальные ведомости*. Якутск. № 6. С. 92-96; № 7. С. 105—112.
454. Чукотская земля и чукчи // *Живописное обозрение стран света*. СПб., 1873. № 4. С. 62-63.
455. *Чужое М. Д.* 1785. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего... Т. III, кн. 1—2 М.
456. *Шамиссо А.* 1986. Путешествие вокруг света / Пер. с нем. А. М. Моделя. (Рассказы о странах Востока). М.
457. *Шаховской А.* 1822. Известия о Гижигинской крепости // *Северный архив, журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правопведения и нравов*. СПб. Ч. IV, № 22. С. 283-312.
458. *Шашков С.* 1864. Материалы для истории Северо-Восточной Сибири в XVIII веке // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. М. Кн. 3. С. 62—93 (пятая пагинация).
459. *Швайцлер П., Головкин Е. В.* 2001. Память о войне: конституирование внешнего конфликта в культуре этнических общностей Берингова пролива // *ТФЭ. Вып. 1*. С. 26-37.
460. *Широков Ю. А.* 1968. Гравированные клыки в собрании Государственного музея революции // *ЗЧКМ. Вып. V*. С. 87-90.
461. *Шишмарев Г. С.* 1852. Сведения о чукчах капитана Шишмарева 1821 года // *ЗГДММ. Ч. X*. С. 178-200.
462. *Шкловский И.* 1892. Очерки крайнего Северо-Востока. (ЗВСОИРГО. Т. II, вып. 1). Иркутск.
463. *Шнирельман В. А.* 1994. У истоков войны и мира // А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман. Война и мир в ранней истории человечества. Т. I. М. С. 9-161.
464. *Шренк Л.* 1899-1903. Об инородцах Амурского края. Т. II—III. СПб.
465. *Шундик Н. Е.* 1950. На земле чукотской. М.; Л.
466. *Шукин Н. С.* 1844. Поездка в Якутск. 2-е изд. СПб.
467. *Шукин Н.* 1852. Поход капитана Павлуцкого в Чукотскую землю // *Современник*. Т. 34, № 7. С. 1—16 (шестая пагинация).
468. *Шукин Н.* 1854. Поход капитана Павлуцкого в Чукотскую землю // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*. Год XVII. Т. 107. СПб. № 427. С. 409-437.
469. Экспедиция Беринга. Сб. док. / Подготовил к печати А. А. Покровский М., 1941.
470. *Элерт А. Х.* 1990. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск.
471. Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795 гг. / Под ред. И. С. Вдовина. (ДИБ). Магадан, 1978.
472. Якутия в XVII веке (Очерки) / Под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. Якутск, 1953.
473. *Bogoras W.* 1910. *Chuckchee Mythology*. (Memoir of the American Museum of Natural History. Publications of the Jesup North Pacific Expedition / Ed. by F. Boas. Vol. VIII. Pt. 1). Leiden; New York.

474. *Bogoras W.* 1912. The Eskimo of Siberia. (Memoir of the American Museum of Natural History. Publications of the Jesup North Pacific Expedition / Ed. by F. Boas. Vol. VIII Pt. 2). Leiden; New York.
475. *Bogoras W.* 1917. Koryak Texts. (Publications of the American Ethnological Society / Ed. by F. Boas. Vol. V) Leiden; New York.
476. *Bogoras W.* 1918. Tales of Yukaghir, Lamut, and Russianized Natives of Eastern Siberia (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History Vol. XX. Pt. 1). New York.
477. *Burch E. S., Jr.* 1974. Eskimo Warfare in Northwest Alaska // Anthropological Papers of the University of Alaska. Vol. 16. Fairbanks. № 2. P. 1 — 14.
478. *Bursh E. S., Jr.* 1988. War and Trade // Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska / Ed. W. Fitzhugh, A. Crowell. Washington. P. 227—240
479. *Bursh E. S., Jr.* 1998. The Cultural and Natural Heritage of Northwest Alaska. Vol. VII: International Affairs. Kotzebue; Anchorage.
480. *Bush R. J.* 1872. Reindeer, Dogs, and Snow-Shoes: A Journal of Siberian Travel and Explorations Made in the Years 1865, 1866, and 1867. London
481. *Choris L.* 1822. Voyage pittoresque autour du monde. Paris.
482. *Dall W. H.* 1870. Alaska and Its Resources. Boston.
483. *Fienup-Riordan A.* 1990. Eskimo Essays: Yup'ik Live and How We See Them. New Brunswick (New Jersey).
484. *Fienup-Riordan A.* 1994. Eskimo War and Peace // Anthropology of the North Pacific Rim / Ed. by W. W. Fitzhugh, V. Chaussonnet. Washington. P. 321—335.
485. *Findeisen H.* 1929/30. Krieg und Kriegswesen in Nordostasien // Der Weltkreis: Mitteilungen der Vereinigung für Völkerkunde und Wissenschaften. Bd. I. Berlin № 9-10. S. 130-134.
486. *Gerland G.* 1883. Zur Ethnographie des äußersten Nordostens von Asien // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. Bd. XIII. Berlin. Hf. 1. S. 194-222.
487. *Grimwedel A.* 1920. Alt-Kutscha: Archäologische und religionsgeschichtliche Forschungen an Tempera-Gemälden aus Buddhistischen Höhlen der ersten acht Jahrhunderte nach Christi Geburt. Berlin.
488. *Jacobsen J. A.* 1884. Captain Jacobsen's Reise an der Nordwestküste Amerikas 1881 — 1883 / Für deutschen Leserkreis bearbeitet von A. Woldt. Leipzig.
489. *Jesse G. R.* 1866. Research into the History of the British Dog, from Ancient Lows, Charters, and Historical Records. Vol. I—II. London.
490. *Jochelson W.* 1905. The Koryak. Pt. 1: Religion and Myths. (Memoir of the American Museum of Natural History. Publications of the Jesup North Pacific Expedition / Ed. by F. Boas. Vol. VI. Pt. 1). Leiden; New York.
491. *Hooper W. H.* 1853. Ten Months among the Tents of the Tuski. London.
492. *Hughes Ch. C.* 1984. Asiatic Eskimo: Introduction // Handbook of the North American Indians / Ed. W. C. Sturtevant. Vol. 5: Arctic / Ed. D. Damas. Washington. P. 243-247.
493. *Hughes Ch. C.* 1984b. Saint Lawrence Island Eskimo // Handbook of the North American Indians / Ed. W. C. Sturtevant. Vol. 5: Arctic / Ed. D. Damas. Washington P. 262-284.
494. *Hughes Ch. C.* 1984a. Siberian Eskimo // Handbook of the North American Indians / Ed. W. C. Sturtevant. Vol. 5: Arctic / Ed. D. Damas. Washington P. 247-261.
495. *Kaplan L. D.* 1988. Ugiuvangmiut quliapiyit. King Island Tales: Eskimo History and Legends from Bering Strait. Fairbanks.
496. *Krupnik I., Krutak L.* 2002. Akuzilleput Igaqullghet. Our Words Put to Paper: Sourcebook in St. Lawrence Island Heritage and History/ Compiled by I. Krupnik, L. Krutak; ed. by I. Krupnik, W. Walunga (Kapelgu), V. Metcalf (Qaakaghllaq). (Contributions to Circumpolar Anthropology. 3). Washington.
497. *Langsdorff G. H., von.* 1812. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Bd. II. Frankfurt am Main.

498. *Laufer B* 1914. Chinese Clay Figures. Pt. I. Prolegomena on the History of Defensive Armor // Field Museum of Natural History Publication 177. Anthropological Series. Vol. 13. Chicago. № 2. P. 73-315.
499. *Le Brun C.* 1718. Voyages de Corneille le Brim par la Moscovie, en Perse et aux Indiens Orientales. Vol. I. Amsterdam.
500. *Lowe F.* 1843. Die Tschuktschen / Nach dem Russischen von F. Lutke mitgetheilt von F. Lowe // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland Berlin. Hf. 3. S. 446-464
501. *Malaune J* 1974. Raids et esclavage dans les sociétés autochtones de detroit de Behring // Inter-Nord: Revue internationale d'études arctiques et nordiques № 13-14. Décembre Mouton; Paris; La Haye. P. 129-155.
502. *Murdoch J.* 1884. A Study of the Eskimo Bows in the U. S. National Museum // Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution. 1884 Washington, 1885. Pt. 2. P. 307-316.
503. *Nelson E. W.* 1899. The Eskimo about Bering Strait // Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution 1896-1897. Pt. I. Washington. P. 19-518.
504. *Ollivier A.* 1877. Sur les Esquimaux d'Asie // Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris. T. XII. 2= Serie. Paris. P. 587-598.
505. *[Pallas P.]* 1781. Geographische Beschreibung des Anadyrflusses und in selbigen einfallenden Bache // Neue nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. I. St. 2. St. Petersburg; Leipzig. S. 245-248.
506. *Palsi S.* 1983. Arktisia kuvia. 2. painos. Helsinki.
507. *Parry W. E.* 1824. Journal of a Second Voyage for the Discovery of a North-West Passage from Atlantic to the Pacific; Performed in the Years 1821-22-23 in His Majesty's Ships Fury and Hecla. London.
508. *Paulsen P.* 1967. Alamannische Adelsgraber von Niederstotzingen (Kreis Heidenheim). Stuttgart.
509. *Rasmussen K.* 1952. The Alaskan Eskimos as Described in the Posthumous Notes of Dr Knud Rasmussen by H. Ostermann / Translated from the Danish by W. E. Calvert. (Report of the Fifth Thule Expedition, 1921-1924. Vol. X, № 3). Copenhagen.
510. *Ratzel F.* 1887. Ueber die Stabchenpanzer und ihre Verbreitung im nord-pazifischen Gebiet // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der k. b. Akademie der Wissenschaften zu München. Jg. 1886. München. S. 181-216.
511. *Ray D. J.* 1975. The Eskimos of Bering Strait, 1650-1898. Seattle, London.
512. *Reuse W. J. de.* 1994. Siberian Yupik Eskimo; The Language and Its Contacts with Chukchi. (Studies in Indigenous Languages of the Americas). Salt Lake City.
513. *Robinson H. R.* 1967. Oriental Armour. (Arms and Armour Series). New York
514. *Sauer M.* 1802. Voyage fait par ordre de l'impératrice de Russie Catherine II, dans le nord de la Russie Asiatique, dans la Mer glaciale, dans la Mer d'Anadyr, et sur les côtes de l'Amérique depuis 1785 jusqu'en 1794 par le commandeur Billings / Traduit de l'Anglais par J. Castera. T. 11. Paris.
515. *Sheppard W.* 2002. Assault on *Qawiaraq*: Siberian-Alaskan Warfare in Historical and Cultural Context // Manuscript on File at the Bureau of Indian Affairs, ANCSA Office. Anchorage. P. 1-17.
516. *Stone G. C.* 1961. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times. New York.
517. *Strahlenberg Ph. I* 1730. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tataren in sich begreiffet, in einer historisch-geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten Stockholm
518. *Swenson O.* 1951. Northwest of the World; Forty Years' Trading and Hunting in Northern Siberia. London.
519. *Thordeman B.* 1939. (in collaboration with *P. Norling and B. E. Ingelmark*). Armour from the Battle of Wisby, 1361. Vol. I: Text. Stockholm.

- 520. *Thornton H. R.* 1931. Among the Eskimos of Wales, Alaska, 1890-93. Baltimore; London; Oxford.
- 521. *VanStone J. M.* 1983. Protective Hide Body Armor of the Historic Chukchi and Siberian Eskimos // Etudes / limit / Studies. Vol. 7. Quebec. № 2. P. 3—24.
- 522. *Wagner J. L.* 1789. Schicksale während seiner unter den Russen erlittenen Staatsgefangenschaft in den Jahren 1759 bis 1763... Berlin.
- 523. *WardwellA.* 1986. Ancient Eskimo Ivories of the Bering Strait. New York.

SUMMARY

Sources of the researched topic could be divided into two main groups: material and written. First group involve few archaeological data, rare artifacts in world museum collections and some iconographic materials. Another group refer to oral folk records (the largest body of data), official documents and notes of travelers, among whom we could mark out Dr. K. Merk's and his description of Chukchi.

Chronological frames of this research could be determined by the second half of the 17th century with the appearance of first authentic written evidences, which were mainly Cossack reports. On the other hand must be mentioned ethnographical and oral folklore materials related to events of the 18th century. Although armed conflicts between Chukchi and their neighbours, mostly Russians and Koiyaks, stopped in the end of the 18th century, Chukchi raid Alaska Eskimos up to 40's of the 19th century and from time to time struggled with each other in individual collisions or family encounters during first quarter of the 20th century. Most part of evidence about Chukchi belongs to the 19th—20th centuries.

As long as the Coastal Chukchi and Asiatic Eskimos resemble both in material culture and warfare, information about them should be considered together. The majority of Chukchi were nomads and reindeer-breeders and most part of materials concerns them.

Military organisation. In case of any menace all adult men were warriors. Council, where rich herd-owners and patriarchs played a leading role, decided major political matters within kin group. In intertribal contacts elders made decisive final opinion and their representatives were able to make peace on behalf of the group. At the same time existed council of several «friendly» kin groups, which functioned from time to time as required. Council of patriarchs that also played important part in everyday life was in charge of preparing warfare plans.

For the military campaign Chukchi were choosing the war leader whose position usually coincide with status of the family master. In the 18th century large coalitions consist of separate tribal groups, headed by *toions* (chiefs) who were in charge both in war and politics, begin to form. Besides, this position could be hereditary. However because of armistice this position disappeared from majority of Chukchi groups. According to Chukchi traditions relatives owe to help each other in all matters, that is a typical psychology of kindred group, fighting for its survival. Genetic relatives formed a main body of the military force. Although women by tradition accompanied men in campaigns, usually they were not participating in military operations. During campaign women fulfill their ordinary domestic duties, while the Eskimo women were rowing baydars as needed. However if enemy unexpectedly attacked kin group, women could defend and even participated in single combats. From dozen to hundreds men took part in ordinary raids; while in conflicts with Russians, who encroach upon freedom and even upon existence of Chukchi, the latter were able to gather an army up to two or three thousand people.

In course of permanent wars in the 18th century social structure of Chukchi society began to change. Chiefdom structure, which started to turn out, did not get any subsequent development because of cessation of large military activity in the end of the century. Due to permanent external menace of war Chukchi might insensibly form tribal alliance and there were already some territorial unions, headed by *toions*, but because of the war absence they did not unite into tribes. As far as plundering raids to the neighbouring nomad Koryaks continued, an economic inequalities among Chukchi developed and caused appearance of rich nomads who possessed vast reindeer herds. On the other hand that fact entailed search of new pastures and scattering of the Chukchi population. In the same time an excess of reindeers allowed to trade with the neighbours but not necessarily to loot them.

Training. Chukchi as well as other «primitive» societies esteem cult of force. The strongest one was most respected. Small boy was trained to endure starvation, have less sleep and to develop his muscular system. Boy starting from the age of 5—6 years was forced to train: to get up early, to run in snow-shoes weighted with stones and sometime with spear. Then becoming youth to run alongside the prancing reindeer team and to jumping. Besides this nomads were taught to throw a lasso, and the Maritime Chukchi trained to sling stones. Among military training were a spear fencing, archery and wearing armour. As far as training of children was carried out personally each boy become superior warrior-individual, as a group warriors were fighting less successfully as they were not trained in that

tactics. In compliance with the individual characteristics and training warriors were able to have specialization in a battle. Wrestlers were fighting enemy hand-to-hand, runners were pursuing recessives.

Armament. Chukchi were using two types of armour: hide laminar armour and lamellar made of ivory, bone, and baleen and afterwards produced from iron. Hide and iron armours defended warrior from head to his knees or to mid-thigh. Ivory or bone lamellar armours were either breast-plate or cuirass, protecting warrior's body, sometimes in combination with wings. Hunters on large sea animals invented body armour made of walrus' tusks, i. e. by the Eskimos or their ancestors. It represented a lamellar cuirass with one wing or sometimes with two. On the Bering Strait islands Eskimos had behind their body armour stand-up collar, which was not used on Alaska, it was introduced by Asiatic neighbours. Producing technologies of the body armour from ivory, bone or horn was used in production of the iron lamellar armour. This conclusion also could be made from the same fastener system of the armour plates by use of similar perforations. Design of the iron body armour was obviously identical to the laminar one made of hide. Metal body armour was widely used in the second half of the 17th—18th century when Russians invaded the region and exerted influence on population introduced iron. Laminar armour made of hide, protecting body to the mid-thigh of knees and having the two wings was typical for Asiatic Eskimos. This armour gave an opportunity to shoot both in left or right stance, as it was required. Above all the armour was intended for missile weapons and as a protection from arrows but not meant for the hand-to-hand fight. Together with the armour one could have a couple of laminar shin guards. As wings protected back of the head and face when they were lifted up, helmet was not necessary. Common type of helmet was lamellar helmet convergent to the top. As a helmet liner was used a topless cup. An arm-guard was used along with full body armour to provide maximum protection to unprotected hands. A shield was not in use.

Main Chukchi weapon was a spear, while the Eskimos had instead bow and arrows. No doubt that Chukchi also used bow and arrows though they were not so skilled in shooting. Therefore, while distant fight was preferable to Eskimos, Chukchi preferred close combat where they may show their skills in spear fencing. Quite long, about 60 cm, knives were used as subsidiary thrust weapon. Sling was a weapon of settled seaside inhabitants. It was a hunting weapon; at the time of battle it was used as protection during the defence of fortification, rarely as an offensive weapon (very often replaced by bow). Only in the second part of the 19th century firearms spread among the Chukchi.

Clothes and tattoo. Chukchi had not clear distinction between everyday and military clothing. In the fight Chukchi, independently of season, get dressed in light summer clothes composed of fur shirt and pants. Usually Chukchi had not used headgear, however as a military cap sometimes mentioned wolfish scalp with stand-up ears.

Chukchi men had their own symbols of military valour. Men of coastal villages wore a head band embroidered with beads indicated number of killed enemies. At the end of the 18th century the Coastal Chukchi and Eskimos tattooed on their arms images depicting enemies they killed. Probably this was an attempt to turn a dead enemy's soul into helper or even to join his soul to their own. Chukchi who lived near the Kolyma River after every assassination tattooed dot on the interior of their right wrist towards the elbow, from top to bottom. Face tattoo was typical for the Eskimos as to the Maritime Chukchi, whose tattoos appeared under the influence of the former. Tattoo had a guard function. Perhaps, face painting with the reindeer blood originally had a protective nature.

War transport. Even if Chukchi were using any special sledge it didn't differ from the ordinary ones used in a campaign. Male sledge was intended for one person and had couple of gelding male reindeer in harness. For the foray Chukchi used light racing sledge. For pacing used the snow-shoes and skis, which as well was used to walk but not to slide on the snow surface.

The Coastal Chukchi and Eskimos made raids or travels around sea on leather baydars with crew of eight persons each. It is also known a particular type of a large baydar, with rectangular sail made of *rovduga*, which could cany up to 20—30 persons and was meant to accomplish distant voyages and campaigns. To travel the rivers, the Reindeer Chukchi together with baydars used single-seated boats made of the whole trunk or rafts made of sledges covered with skin.

Warfare. «Primitive» people had two major stereotypes of warfare: either to fight against well-known neighborhood or against permanent hateful enemies. First above mentioned enemy group deign «civilized way» war: declared war in advance, gave time to prepare the fight, sometimes even released captive men and women. Against second group was waged «all-out warfare»: preferred to attack unexpectedly, killed or sometimes tortured to death captives, took away women and children as slaves. During three quarters of the 18th century Chukchi waged extirpation war against Russians, Koryaks, and Eskimos who inhabited Bering Strait islands and western coast of Alaska. Even waging these wars Chukchi kept elements of the «civilized way» war: threat-warning that notified enemies about next attack or signing an armistice.

Vengeance — major cause of the war, was unwritten law to Chukchi. In the 18th century war was motivated by economic reasons

and bean counter. Chukchi wage permanent wars against Koryaks over reindeer herds. Russians defended Koryaks, who were under Russian jurisdiction, and carried out several campaigns in order to get submission and impose duty. As Yukaghirs allied Cossacks in the second half of the 17th — 18th centuries, Chukchi began to attack and annihilate them. The Maritime Chukchi foray Bering Strait Islands and Alaska Eskimos for pillage or because of vengeance evolved from quarrels about hunting grounds.

As long as Chukchi had not specialized fighting squads, they did not wage war continuously; their war was seasonal. Material resource absence as well as food supplies lack hampered the development of large-scale operations. The conflict could be resolved by single combat with fixed rules: one side was assaulting another, which protected itself, then vice versa.

Could be clearly recognized exact seasons for the certain operations. In winter Chukchi foray Koryaks to seize their reindeers. The reason was in use of sledges, harnessed with reindeer, which allowed moving headily and was not effective in summer. During winter the Reindeer Chukchi crossed the ice of the Bering Strait to Alaska. In summer they made overseas raids.

The Reindeer Chukchi usually did not stand guards and never erect any permanent fortifications. They spent the night in *pologs* (tents) during the campaign. Camp planning was quite simple and, perhaps, orient was the area in marching caravan. Usual way of raid was a slow migrating with all kin group towards enemy territory. In long-distance raids only men could participate. In general, during summer time small foot groups by origin from poor families resorted to tundra in search of plunder. In order to avoid unnecessary losses Chukchi attacked their enemies unexpectedly at daybreak in order not to give enemy to organize defence and simply to slaughter sleepers, to seize loot and leave away at once. They usually encircled enemy *jarang* and one of the warriors fling lasso over the poles of *jarang* skeleton and overthrow it, while other warriors were killing the villagers and drive herds out.

Leaders clarified beforehand campaign its action plan and objectives. There were strategic and tactic reconnaissance. Important information could be received from a scout who stayed in hostile camp or village as a guest or from runaway slave, as well as from refugees from ruined settlements. Waiting for the enemy scout was observing scene of action from height or spies was send out to the enemy camp, and the arriving enemy send spies to scout around the area and look out for details about the camp of their adversary.

The warriors reached battlefield by sledges in full armour or they put their armour on the spot. They aligned and leader took his stand in the center, which was assaulter. At the battlefield before close

fight Chukchi outflank enemy in order to force them to retreat. In general was the following battle tactics: first, both opposite sides shot one at another, and then began to fight with spears in hand-to-hand combat. Characteristic of Eskimos fight was to battle using bow and arrows, while Chukchi were both shooting and fighting hand-to-hand with spears. The latter used new tactics against Russians: they allow enemy to fire a volley and after that rushed to the attack and started in-fighting. Battle turned into series of single combats while warriors showed their skills in fencing.

Battle might begin with single combat that ended with death of one of fighters, his exhaustion or simply with loss of spear — main weapon of duel. After loss of the weapon combat did not continue with knives or with fisticuff. Ending of combat was quite standard: loser has to acknowledge his defeat and was asking to kill him being afraid to deprive his authority in society. After the combat battle continued and usually supporters of the defeated did not flee. This single combat was not only tribute to the heroic ethos but also had underlying theme: a try to avoid unnecessary battle casualties, because even a few men loss had vital importance to the relatively small patriarchal family where every man was a bread-winner. If defeated enemies were not annihilated during the battle, they escaped, and then best runners were picked out for the chase. Male prisoners were usually killed. Victors quite often released only two men in order to break news about defeat to their forces. As long as Chukchi highly rate public opinion the defeated enemy had to spread news about valour and bravery of victors. Dead enemies were left where they fell but their weapon, armour and dress were captured as spoils. Women and children, escorting defeated side with caravan were taken prisoners, and then the latter became slaves. Servitude had a patriarchal nature and was mainly women's because male prisoners were dangerous to families.

Chukchi arranged different sorts of ambushes. In the first place, not numerous troop could was able to make sudden attack numerous enemy and obtain a successful result. Secondly, using feigned retreat was possible to ensnare enemy to entrapment and after all defeat it. Thirdly, started fight from battle-front and thereby not letting enemy to transfer any forces to another positions to gain the rear of the enemy and to encircle it.

Asiatic Eskimos and Coastal Chukchi did not raise special war dogs. However they were using same huskies during military operations of necessity. These animals had several functions. They were guarding dwelling doing ordinary dog's task. Dogs were intended to fight against men in case of attack or pursuit. Finally, considering the brute of predator, dogs were set on reindeer of enemy caravan, thereby taking away hostile transport and causing disorder among

people, warriors attacked caravan and followed inevitable defeat of the riders.

Siege and defence. The Reindeer Chukchi, like any nomads at all, had no developed skills of erecting fortifications. They conducted military operations reckoning on surprise, even in spite of the tradition to declare war. The nomadic Chukchi made use of temporary dwelling only, both natural and artificial, as their campaigns were not counted on any long-term siege or defence because the natural conditions and lack of provision laid obstacles to them. They built fortified refuges only in case of serious menaces from the enemy. For erecting such just material at hand was utilized, viz. sledges, skins, stones, and turf. Inhabitants together with herds tried to leave and to find some safe place. If enemy superior in numbers Chukchi preferred to defend from fortifications. Otherwise, war ethos demanded to meet enemy face to face at the battlefield. The main method of defence was shooting arrows from fortifications with the object of inflicting great losses on foe and forcing them to retreat. The storm, a main method of the siege, could be directed both along the entire perimeter of hostile fortification and against their weakest points. No special siege equipment was at Chukchi's disposal. Its lack was replaced by a number of various tricks. Sometimes, when conducting siege operations the Chukchi could make use of big wooden shields to protect themselves from the Russian bullets. After enemy departure temporary fortifications were dismantled. The Maritime Chukchi and Eskimos erected stone fortifications on the heights dominating in area and waited there till the raid was over. Typical way to defend fortification was to slide down sledges laden with stones towards attacking enemy.

Naval warfare. Chukchi learned basic elements of seafaring from the Eskimos who were skilled in navigation. They used baydars as transport for the landing operations and not for the naval battle. There was no any difference between boat crew and passengers, both were soldiers. As well as in land warfare in naval expeditions Chukchi used natural conditions and time to make sudden attacks with small crew that helped to avoid undesirable losses. After the landing they began to operate as in usual land fight. In raid usually participated few baydars, however, exist record of large fleet of 100 baydars (the 18th century).

Religious realm of warfare. Making war man suffers from great psychological burden, Chukchi tried to reduce pressure with the help of narcotics. Probably, before fight they were eating flyagarics to reach light intoxication. Chukchi were not afraid of death, contrary they crave for it. This could be explained by their belief in afterlife and transmigration. This belief, however, did not exclude bearing of numerous amulets, which protected person from evil spirits. In the

war was used special military magic: different kinds of spells, bedevil the enemy, sorcery in finding the right road or bringing fog or storm. Before fight Chukchi sacrificed some reindeer to the spirit of the area. In the 18th — beginning of the 19th century occurred human sacrifices, but in extraordinary situations.

Prisoners. Women and children were taken prisoners, as males including elders were annihilated. At the end of the 18th century coastal inhabitants had women slaves from Eskimos of Alaska who were captured in sea raids. These women married poor men or they were sold to the Reindeer Chukchi. For example, one slave for either twelve young female reindeer or ten female reindeer and two riding reindeer; children were even cheaper. Usually, there were just few slaves in kin group because of the ransom. Few days after the raid relatives were visiting victors and ransom prisoners. Sometimes there were cases when killer rendered his relative to the family of dead man, and who fulfil family needs instead of the killed. Chukchi did not yield themselves, they preferred to perish or commit suicide together with their families. Captured enemy was tortured. Probably, originally these tortures had a ritual nature but already in folklore they were explained by vengeance. Usually captured enemy leader was tortured because he was the one who was responsible for the damage and prejudice to Chukchi.

Translated by Anthon Xenophontov

серия

Нефёдкин Александр Константинович
ВОЕННОЕ ДЕЛО ЧУКЧЕЙ
(середина XVII—начало XX в.)

научное издание
ISBN 5-85803-244-3

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

Набор — А. К. Нефёдкин
Редактор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Т. В. Чудинова

Издательство «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
Для корреспонденции и заказов:
198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
<http://www.pvcentre.agava.ru>
e-mail: pvcentre@mail.ru

ЛР № 065555 от 05.12.97

Подписано в печать 12.09.2003. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура основного текста «Таймс»
Объем 22 печ. л. Тираж 800 экз. Заказ № 4522

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12